
Истребитель Владений

ЛЕГЕНДА ОБ ИСКАТЕЛЕ РОКА

Автор ДЭВИД ГАЙМЕР

Перевел ОЛЕГ СТАРОДУБЦЕВ

Владения Смертных опустошены. Разоренные последователями богов Хаоса, они стоят на грани полного уничтожения.

Города-крепости Сигмара - островки света в море тьмы. Постоянно в осаде маниакальных полчищ последователей Хаоса и чудовищных зверей. Кости хороших людей толстым слоем лежат за воротами. Оплоты Порядка сражаются не только снаружи, но и внутри, ибо Хаос склоняет жителей на свою сторону обещаниями могущества.

И все же поборники Порядка продолжают борьбу. С рассветом звонит Походный Колокол, и новая экспедиция отправляется в путь. Грозорожденные Вечные идут плечом к плечу с храбрыми ополченцами, стойкими дуардинами и грациозными эльфами. Облаченные военной мощью, Рассветоносные походы отправляются для основания новых очагов цивилизации. Эти мрачные первопроходцы несут с собой огонь надежды. И всё же они идут в адскую пустошь.

В диких землях колонисты восстанавливают порядок в разрушающемся мире. Пристальные взгляды направлены на горизонт в ожидании нашествий орд варваров, влачащих своё существование на костях древних империй, среди проклятых земель и ледяных морей. От доблести поселенцев будет зависеть судьба Владений Смертных.

Настигающие поселенцев ужасы принимают самые разнообразные формы. Варвары-кannибалы и безумные убийцы выползают из потайных логовищ. Изразумленных замков выходят одетые в черную сталь воины Хаоса. Дикие орды Разрушения громят приграничные города до тех пор, пока не останется камня на камне. В темноте ночи приходят воюющие толпы нежити, жаждущие полакомиться живыми.

Против таких врагов храбрость - самая верная защита и самое эффективное оружие. Избранные Сигмара не испытывают в ней недостатка. Но не всегда их сил хватает на то, чтобы одержать победу, и даже в случае победы каждая новая битва все больше опустошает их души.

Это - время смуты. Это - эра войны.

Это - Эпоха Сигмара.

***

Ваше Небесное Высочество,

Я прибыла в Анвилор через Врата Штормового огня, как мы и договаривались, и на несколько дней раньше, чем предполагалось, выдав себя за гиранскую торговку водой из Курнофеала. Очевидно, на доставке воды в этот засушилый ад можно сколотить целое состояние, хотя лично я не понимаю, чем он так привлекателен. Как всегда, отправляюсь туда, куда направляет меня ваше Небесное Высочество, но имейте в виду, что я чувствую особую заинтересованность в том, чтобы мое пребывание в Великом Пекле было кратковременным.

Под видом купца я пристроилась к торговому каравану, направлявшемуся через Пирровы равнины к Пику Востарги. Я намеревалась следовать с ними до самого Хребта Саламандры, но после третьего нападения кровавых налетчиков за несколько дней, каждое из которых было сильнее предыдущего, стало ясно, что нежелательное внимание, которое привлекает караван, перевешивает любую защиту, которую он может предложить. Покинув их, через день я увидела дым, поднимавшийся от дороги, когда совершила подъем на Хребет Саламандры. Я не могу с уверенностью сказать, что это был караван. Дым - не такое уж редкое явление на равнинах Аридиана.

Все, что я смогла наблюдать с момента моего появления в землях Огнеубийц, похоже, оправдывает мою миссию здесь. Ваше предвидение говорило о великой силе, которая появится из твердыни Унбак, и, несмотря на войну на юге, дуардины почти полностью покинули свои внешние владения и наглухо закрыли свои магматические крепости. Намечается большая работа. Более того, я чувствую, что не одинока в своем интересе. Не раз я чувствовала на себе пристальный взгляд и едва не потревожила других наблюдателей, пока исследовала потайные ходы горы. Я пришла к выводу, что если хочу попасть в Карак Унбак, то должна сделать это сегодня.

Оставляю здесь это послание в надежде, что любой агент Быстрых Соколов, проходящий поблизости, заметит печать и передаст его.

Я скоро снова свяжусь с вами, как только эта новая сила будет в безопасности под моим присмотром.

Ваша самая преданная и верная последовательница,
Маленет Ведьмин Клинок

ЧАСТЬ 1

Лик Искателя Рока

ГЛАВА 1

— Казук! — прорычал Броддур, поднимая над головой икону Гrimнира Исследователя Рока. В мерцающем золотистом свете лавового моря она казалась хмурой, словно приговаривая к огненному концу любого, кто окажется настолько глуп, чтобы прорваться сквозь внутренние стены Ложи Унбак. Броддур втянул живот и зашагал. Сегодня у его господина будет повод для гордости.

Две сотни Огнеубийц Фирда Форна, шестая часть моши Великого Фирда, шли в пять рядов. Хребет Саламандры был самой древней и самой горячей вулканической цепью в известных землях Акши. Именно здесь в титанической битве пал их бог, и именно здесь была основана первая и самая большая из Лож Огнеубийц.

Карак Унбак не был величайшей из ранних лож, но там, где другие пришли в запустение и упадок, Унбак — выстоял в течение долгих веков. Магмахолд был вырублен из базальтового островка в вулканическом море, известном как Калдур, в глубине под древней горой. Мост Калдур тянулся через кипящий океан, перекинувшись с одного скалистого атолла на другой, и соединяя разрозненные внешние владения Ложи Унбак с главной крепостью, а затем исчезая в дымке жара и гари. Большинство из построек были давно заброшены: когда-то они были самостоятельными поселениями, а теперь представляли собой не более чем охотничьи стоянки и посты разведчиков. Лава вяло текла по укреплениям. Небо, видневшееся за массивом вулкана, было выжженным и сердитым.

В последнее время по Хребту Саламандры бродило множество банд, и мало кто из них мог устоять перед возможностью проверить свои силы против Ложи Унбак, прежде чем отправиться на войну к Хаммерхолу-Акши.

Проезжая по мосту во главе походной колонны и восседая на боевом троне из колотого базальта на спине магмадрота, Форн ударил себя кулаками в грудь и проревел: — Унбак! Сломанный, но непокоренный! — Непокоренный! — вторил ему Броддур, вскинув выше оскалившуюся икону.

— Казук! — проревели воины фирда, словно пытаясь расколоть ревом плиты под ногами.

Рунсон Форн был героем по образцу Гrimнира. Не воином, а бойцом. Грудь его представляла собой мускулистую бочку. Шея была такой толстой, что потребовалось бы два дуардина, чтобы обхватить её руками. Руки были похожи на молоты Кователей Рун, так тяжелы они были от Пра-Золота. От вбитых рун исходила едва контролируемая сила, когда Форн покачивался взад и вперед на спине своего приземистого магмадрота. Огромную рептилию называли Желточешуйка. Форн нашел её яйцо и убил мать. Её темпераментная ярость идеально совпадала с его собственной.

Дымящаяся скала, которая была ее челюстью, раскрылась с ревом, сотрясшим весь мост и оставившего в ушах Броддуря громоподобный звон. Когда к нему вернулся слух, он услышал, как Форн смеется.

— Я знаю, что старейшины ложи считают меня глупцом, а Арук-Гrimнир — безобидным. Форн повернулся на своем высоком сиденье к рядам голов воинов своего фирда в золотых шлемах с высокими гребнями, и возвысил голос, обращаясь ко всем. — Что же тогда можно сказать о родах, которые он поручил мне возглавить?

Фирд ответил приветственными криками. Форн был самым младшим из шести сыновей Арук-Гrimнира и, по общему мнению, скорее всего, сгорит слишком рано, чем сможет стать преемником своего отца. Старейшины ложи осуждали его безрассудство и качали головами, но близкие любили его за это.

— Мой отец и братья сейчас вместе с Очаговой стражей Жаргрим. Рунный мастер Краг Черный Молот близок к завершению великого дела всей своей жизни, и, какой бы враг ни поджидал нас, магмахолд должен быть защищен любой ценой. Желточешуйка издала еще один громоподобный рев, осыпав пеплом лиющую переднюю шеренгу. — Это знак из уст самого Гrimнира! Пока все они играют в Грунгни, фирд Форна примет бой!

— Казук!

Броддур почувствовал, как по позвоночнику пробежала дрожь, когда он посмотрел на своего друга. — Твой отец гордился бы тобой, рунсон!

— Послушай, — тихо сказал Форн, откинувшись на подлокотники своего трона так, чтобы только Броддур мог слышать. — Рунсон. Неужели фирмд из десяти десятков и двенадцати — это все, что мне нужно, чтобы ты начал проявлять ко мне подобающее положению уважение? Зови меня Форн, Броддур, чтобы я не стал называть тебя кузнецом битвы.

— У них будет повод гордиться.

Свирепое выражение лица Форна на мгновение дрогнуло. Но только на мгновение. — В конце концов, у меня всего пять братьев, которых нужно превзойти. Мы можем хотя бы попытаться сделать это.

Он достал длинное копье из каменного колчана, вырезанного в боковой части его трона, и с ревом поднял его в воздух. Его воины одобрительно закивали.

— Помнишь, как мы были *пламенышами*, Броддур? Когда мы крали формы для молотов из кузницы Скоруна и играли в берсерков в Аз Скорне?

Броддур улыбнулся, ощущив редкую невинность воспоминаний. Владения были суровее и жарче, чем казались тогда. — Огнегрив заставил меня работать в его кузнице шесть месяцев без передышки, чтобы отплатить за те формы. А теперь ты сам кузнец битвы. Равный ему.

Броддур насмешливо хмыкнул. — Я бы не стал заходить так далеко.

Он поднял голову и посмотрел на Лик на вершине иконы. Она была сделана из пра-золота и огнестали и украшена бородой из набора ремешков из магмадротовой шкуры, усыпанных рубинами и желтыми цитринами. Глаза были серьезными и глубокими, лишь немногим более, чем впадины в металле. Выражение Лика Гrimнира было мрачным, каким и должно было быть. У Гrimнира была сотня аспектов. Мало кто из не-дуардинов мог отличить их друг от друга, но для Огнеубийц они были так же различны, как одна форма золота от другой. Среди Огнеубийц, только боевые кузнецы Ложи имели право ковать иконы и рассказывать их истории.

— Гrimнир Искатель Рока, — сказал Форн, проследив за его взглядом. Голос его был серьезен, как и подобало. Когда речь шла о Сокрушенном Боге, пьяное уныние или сокрушительная ярость были

единственными приемлемыми состояниями. — Он всегда был твоим любимчиком, сколько себя помню со времени наших игр. Рунесон проворчал что-то себе под нос, но не смог сдержать улыбку, которая, очевидно, предназначалась Броддуре. — Ты всегда заставлял меня играть Вулкатрикс.

— Кто-то должен был брать на себя роль Вулкатрикс.

— И мою, рунсона, тоже.

Броддур вздохнул, стряхнув с себя задумчивость, и вернулся к настоящему моменту. — Что-то в этом Лике всегда говорило со мной.

— Ну, теперь икона твоя. Так что покажи Огнегриву, что ты умеешь обращаться не только с молотком и щипцами.

Кивнув, Броддур высоко поднял икону. Украшенные драгоценными камнями ремни разевались над жаром, поднимавшимся от Калдура под ними. Его свободная рука опустилась на пояс, нащупывая следы на бусах, которые он сам вырезал из кубиков чистого золота.

— Земля дрожала! — взревел он, обращаясь ко всему марширующему фирду так, как это сделал бы его наставник. — Небо плакало огнем.

Семь раз топоры Гrimнира разрубали расплавленную чешую Вулкатрикс, и семь раз он, в свою очередь, подвергался атакам Пра-Саламандры. Пока Гrimнир сражался, его борода и гребень вспыхнули пламенем, но это только сильнее разожгло убийственную ярость в его сердце. И когда Гrimнир наконец встал верхом на изломанном теле своего врага, земля ответила яростью, превратившей горы в равнины, а равнины - в океаны. Но Вулкатрикс, в своей великой злобе, не смирилась с собственным поражением.

— Дренг Тромм.

— Пра-Саламандра обратила своё пламя на себя. Даже в предсмертных муках ее дыхание было жарче, чем у Великого Дракона Дракотиона, предка всех драконов, и последним дыханием она уничтожила и себя, и Гrimнира вместе с собой.

— Дренг Тромм!

— Вершина наших предков рухнула, и Высокая Звезда Азира явила свой белый лик в их залах. Много пра-золота просыпалось на них, и много магмадротов вылупились в жаре снизу. Они назвали гору Карак

Унбак. Разбитый вулкан. Мы - дети Гrimнира. Мы сражаемся, как сражался Гrimнир. Его сила - наша сила. Он заговорил ещё громче, его голос обрел силу, к которой его не подготовили бесчисленные часы практики перед отражающими пластинами в его личной кузнице. — Мы - ложа Унбак. Сломанный, но непокоренный.

— Непокоренный! - проревел Форн.

— Казук!

— Казук!

— Казуан казакит-ха!

— Может быть, мы все-таки заставим обоих наших наставников гордиться нами, - сказал Форн, когда ликование стихло.

Огнеубийцы остановились перед светящимися желтым, раскаленными полурасплавленными воротами Аз-Скорна, в конце начального пролета моста Калдур. Если смотреть на остров с высоты замшелой кальдеры, то его очертания напоминали топор, потому его и назвали так. В юности Броддур спросил Огнегрива, не был ли это топор Гrimнира. Его наставник рассмеялся и сказал, что нет: топор Гrimнира был бы больше. В обычное время в этом скоплении строений проживал отряд разведчиков, стоял небольшой торговый пост и, зависимости от времени суток, могли искать приключений несколько загулявших пламенышей. Золотые стены покачивались от жары. Сейчас они были безмолвны.

— Оружие наизготовку! - рявкнул Форн, ударив Желточешуйку концом копья, чтобы остановить её вместе с остальным фирмом. — Очаговая стража – ко мне.

Элитные воины ложи носили сложные золотые шлемы и прочные килты из магмадротовых шкур. Они выстроились вокруг Желточешуйки и ощетинились лесом тлеющих магмапик.

— Видите это? - Форн указал своим копьем в магматическую дымку.

Броддур прищурился. — Я ничего не вижу.

— Это потому, что я провожу свои дни в охоте на магмадротов, а ты - щурясь в клинкерхун и позволяя пирогам Пивной Матроны без меры заходить в тебя.

Броддур по-отечески похлопал свой круглый живот. — Она говорит, что я - *гордый* дуардин.

— Твоя гордая фигура стоит по меньшей мере трех дуардинов, и когда-нибудь ей придется это сказать, поскольку в основном — это её заслуга.

— Погоди-ка, — сказал Броддур, заглушая смешки Очаговых стражей и пристально всматриваясь вперед.

В блуждающей дымке появились очертания чего-то. Похоже, оно приближалось со стороны ворот.

— Кровь и золото! — взревел Форн. — Огнесталь на волю! Раздалось шипение, словно раскаленную сталь вытащили из наковальни, и фирд ощетинился оружием.

Приземистая, мощная фигура показалась из жара.

Броддур опустил свою икону. Он чувствовал себя более чем глупо. — Это... это дуардин.

Форн заворчал, практически бросив копье обратно в колчан. — Один шанс завоевать честь и золото, пока мои братья заняты в другом месте. Всего один! Не слишком ли много я прошу?

— Должно быть, это торговец из наших внешних владений, — пробормотал Броддур.

— Меня не волнует, даже если он — любимый пивовар Гrimнира. Что он делает на Калдуре?

Броддур пожал плечами.

— Один жалкий дуардин? — ворчал Форн. — Весь фирм собрался ради *одного дуардина*. Мои братья будут рады услышать об этом. Чертов Черный Молот. Будь он проклят, и его Мастер Руна. Я возьму ее, пока она еще белая, прямо с наковальни, и засуну ему в глотку. Он спустился со своего боевого трона, хмурясь и продолжая ворчать, дал Желточешуйке пинка по лодыжке, чтобы та осталась на месте, и зашагал в сторону приближающегося дуардина.

Броддур обменялся взглядом с карлом Очаговой стражи рунсона. С таким настроением Форн скорее бросит несчастного дуардинского торговца головой вперед в Калдур и помчит дальше по Великому Пепельному тракту прежде, чем остановится и станет задавать вопросы. Вместе они подняли свои тяжелые шесты и поспешили за ним.

Вынырнувшая из зноя фигура действительно была дуардином, но он не был похож ни на одного Огнеубийцу, которого Броддур когда-либо видел. Его борода была огненно-оранжевой, но не живой дух Гrimнира заставлял ее дымиться, как бороды Броддура и Форна. Она была окрашеной. У корней пробивались каштановые волосы. Его волосы были убранны в приплюснутый, слегка подпалённый гребень, напоминающий стиль Унбака, но без боевого шлема, который обычно держит гребень в форме. И дуардин был большим. Даже больше, чем Форн, и мускулистым.

— Мрачногнев, — испуганно пробормотал Броддур.

— Чушь, — сказал Форн. — На нем нет ни одной руны.

Это, решил Броддур, было самым тревожным.

Кожа пришельца была покрыта татуировками примитивного вида. Его предплечья были закованы в браслеты из потертого и потемневшего золота, а стальные цепи, которые, возможно, когда-то были прикреплены к оружию, волочились по земле с обломанными звеньями. Однако на его теле не было ни капли пра-золота, придававшего Огнеубийцам энергию и силу их павшего бога.

— Он выглядит даже злее, чем твой отец, Форн.

Броддур слышал, как сжимаются кулаки рунсона под грохот Калдура. Руна, вбитая в его раздувшийся бицепс, начала тлеть.

— Какой-то бездомный оборванец из одного из кланов Обездоленных, нарядившийся в Огнеубийцу. А мне везет. Он гневно жестикулировал в сторону казавшегося бесчувственным дуардина. — Ну? Что ты можешь сказать в свое оправдание, ты, неразумный ваназ?

Дуардин покачнулся на месте и, нахмурившись, посмотрел на рунсона и его стражу. Его глаза медленно прояснялись. Сгустки лавы шипели там, где они прилипли к его телу.

— Кровь Гrimнира, — пробормотал Броддур себе под нос. — Как будто он только что выбрался из вулкана.

— Скорее всего, напился и упал.

Странный дуардин сердито посмотрел на Огнеубийц, как будто что-то в их существовании приводило его в ярость. — Демонические огненные гномы и бескрылые недомерки-драконы, — прорычал он

голосом, надтреснутым и болезненным, как обожженная кожа. — В каких дальних уголках Царства Хаоса я оказался на этот раз?

— В центре болезненного позора, — заревел Форн, сократил оставшееся между ними расстояние и врезался головой в лицо дуардина. Запах сгоревших волос достиг ноздрей Броддур, когда их гребни спутались. — Ты настолько тупоголовый, что не понимаешь, что Карак Унбак...

Какой бы вопрос ни намеревался задать рунный сын, он закончился воем боли, когда сбитый с толку незваный гость укусил Форна за нос. Хрящи хрустнули под его потемневшими зубами, кровь и слизь брызнули на неряшливую бороду, пока Форн издавал сдавленный рев. Дуардин оттолкнул его, выплюнув кровь и кожу в лицо руническому сыну. Он облизнул губы, и они раскрылись в жесткой, лишенной веселья ухмылке.

— На вкус как гном. Достойная попытка, демон.

— Я шестой сын Арук-Гримнира, — прорычал Форн, хватаясь одной рукой за изуродованный нос, и от его нарастающей ярости вбитые в тело руны загорались одна за другой. — Я убью тебя, ты...

Дуардин ударил кулаком в лицо Форна.

Рунсон зашатался, моргнул, словно пытаясь очнуться от какого-то страшного сна, а затем рухнул на землю в грохоте огнестали и магмадротовой чешуи. Броддур в шоке смотрел на своего бессознательного друга. Что уж ни говорили о Форне Арукссоне, но никто и никогда не отрицал его способности стойко переносить удары в голову.

Он почувствовал, что его взгляд притягивается к Лику на вершине иконы.

Дуардин выковырял между зубами клочок кожи и смахнул его на тело Форна. — Темные боги — это позор и гибель. Сражайтесь, если собираетесь драться, или хнычьте о своем проклятом роде, если так желаете. Но имейте в виду, что Готрек Гурниссон будет делать первое. Дуардин, который, судя по всему, называл себя Готреком, двинулся к Очаговой страже, словно пьяный поединщик.

— Не заставляйте меня выбирать между вами, - прорычал он. — Что за бесхребетные демоны?

— Защищайте рунсона! - крикнул карл Форна, когда воины с запозданием навели свои магмапики. — Очаговая стража! Свалите его! Всполохи расплавленного камня вонзились в Готрека. Он зашатался от ударов, как оглушенный зверь, и выругался, обнаружив, что остывающая магма затвердела и намертво приkleила его ступню к скале.

— И это все, что у вас есть? - прорычал Готрек. — Камни?

Очаговые стражи дали еще один залп магмы из своих пик и бросились в атаку. Двое воинов-ветеранов навалились на дуардина, по одному на каждое плечо, намереваясь свалить Готрека на землю, но сумели лишь оторвать его ногу от земли. Готрек пошатнулся, выкрутился в сторону и приложил стражей головами друг о друга. Те рухнули, словно тюки шкур. Подтянулись остальные, Готрек и четверо оставшихся Стражей Очага яростно кричали без слов, пока боролись друг с другом.

— Как он... настолько... силен... без рун? - Броддур услышал слова одного из Очаговых стражей, вылетевшие из того с тяжелым дыханием. С разъяренным ревом Готрек прорвался сквозь толпу, зажав одного из борющихся Очаговых стражей под мышкой. — Вы выглядите как гномы, а деретесь как эльфийские девчонки!

И снова внимание Броддура привлекло лицо Искателя Рока на иконном шесте.

Готрек Гурниссон хохотнул, когда от удара одного из Очаговых стражей у него вылетел кусочек зуба. Второй бил его по голове, третий держал за бороду. Воин, голова которого попала в захват, яростно бил локтем в живот Готрека. Он все еще бушевал и ругался, когда остальные члены фирда Форна, все двести дуардинов, с ревом пронеслись мимо Броддура и присоединились к потасовке.

ГЛАВА 2

Вода забурлила, когда Маленет погрузила руки в ведро. От жидкости исходил сернистый запах. Оставили ли ей это ведро из искреннего сострадания или ради забавы тюремщиков - Маленет не знала. Она намеревалась обязательно спросить об этом, как только окажется на свободе. Она вытащила руки, разбрзгивая воду по сторонам. Та испарились, не успев долететь до пола. Промокнув руки полоской шелка, оторванной от пурпурного плаща, она с шипением приложила ее к ожогам. *Ради Кроваворукого, как же больно.* Это научит не забывать, в чьей тюрьме она находится, и не прикасаться к решеткам.

— Я знаю, госпожа, - тихо прошептала она. — Я знаю. Ее обожженные пальцы потянулись к медальону, который она носила на шее. Он был сделан из серебра, а не из золота, которое, как все знали, жаждали Огнеубийцы, и только поэтому они позволили ей оставить медальон у себя. В хрустальном флаконе хранилась одна капелька крови. — Ты была лучшим учителем. Вот почему твоя кровь сейчас на моей шее, а моя - не наполняет котел, чтобы подарить тебе еще один год красоты.

От звука поворачивающегося в замке крепкого дуардинского ключа у нее заложило уши. Она подняла глаза от рассматривания своих ожогов: в Зал порицания ворвалась группа Огнеубийц в характерном буйном настроении и почти наверняка пьяные. Они топали в её направлении по длинному коридору.

Других камер здесь и не было. По ее наблюдениям, Огнеубийцы обычно не брали пленных. Только, если были уверены, что пленника можно обменять на золото. Она гадала, не это ли задумал насчет неё Арук-Гримнир. Если да, то рунного отца Ложи Унбак ждало горькое разочарование.

Новый пленник Огнеубийц зарычал, когда его подвели к камере в сопровождении небольшого леса магмапик.

— Попробуйте еще раз, когда мои руки будут свободны. А еще лучше - попробуйте прямо сейчас и посмотрим, что случится.

Дуардин был впечатляюще мускулист и татуирован, как дикари из варварских племен, которые, по слухам, колотят друг друга камнями по голове в Вечнозимних землях Азира, хотя угрозы и показались Маленет нелепыми, поскольку обе его руки и одна нога были заключены в твердую породу. Тем не менее, Огнеубийцы, похоже, воспринимали эти угрозы всерьез. Один из дуардинов бескомпромиссно толкал его к камере Маленет.

— Ты можешь поверить, что он все еще борется, Броддур?

— Просто затолкайте его внутрь, — сказал крупный, сильно измотанный Огнеубийца с золотым шестом, на котором красовался Лик его бога. Маленет узнала в нем одного из маленьких друзей Форна Аруксона. Броддур, точно. С тех пор как ее схватили, он изредка бросал на нее извиняющиеся взгляды через решетку. По крайней мере, она считала их извиняющимися. С Огнеубийцами трудно было что-то понять. — Форн решит, что с ним делать, когда придет в себя.

— Ох, какое горе из горестей, — напевно сказала Маленет из глубины камеры, обхватив обеими руками талисман на шее, словно вознося молитву за бедного, печального Форна, но всю показную грусть портила усмешка на губах. — Пожалуйста, скажи мне, что с дорогим Форном не случилось ничего ужасного!

Броддур нахмурился. — Хватит с нас твоих слов, Темнородная.

— Мне бы не хотелось услышать, что он свалился с трона своего магмадрота или, может быть, потерял руну в каком-нибудь болезненном и неудобном месте.

— Хватит.

— Ты же знаешь, что ваше волшебное золото способно придать столько выносливости и силы, сколько нужно. Маленет мерзко захихикала, когда лицо Броддура покраснело. Все дуардины были ранимыми ханжами, и Огнеубийцы не были исключением.

Смотритель Зала Порицания, хмурый пьяница в годах по имени Локар, распахнул дверь камеры. Пленника впихнули внутрь. Локар так же быстро захлопнул дверь и запер ее за собой.

Дуардин пошатывался, наблюдая, как тяжеловооруженные Огнеубийцы снаружи с забавной поспешностью отходят от решетки.

— Я требую камеру без эльфа.

— Вот как, - удивленно сказала Маленет.

— Вечность битв в Царстве Хаоса - это одно дело, но соседство с эльфом - уже черезчур.

Только Броддур остался стоять у решетки, ухватившись за прутья своими мощными кулаками. Он уставился на своего воинственного пленника, словно ища знакомое лицо в том, кто слишком много веков пробыл в роли берсерка.

— Готрек? Это твое имя?

Дуардин нахмурился. — Если уж на то пошло.

— Кто ты?

— Ледяная королева Кислева, а ты кто?

Броддур выглядел озадаченным.

Маленет не смогла удержаться и расхохоталась, глядя на выражение его лица. О красноречии боевых кузнецов Огнеубийц ходят легенды.

— Истории, рассказанные в Азире, - лишь бледное отражение подлинных, - насмешливо сказала она.

— Что может знать об этом темная аэльфийка? - огрызнулся Броддур.

— Вы даже не чтите собственных предков.

— Да, - добавил Готрек, бросив на нее косой взгляд. — Отстань от него.

— Мне напомнить тебе, по какую сторону решетки ты находишься? Я не просила впихивать в мои покои какого-то Обездоленного борова.

Готрек отмахнулся от нее, фыркнув.

— Священная роль кузнеца битвы не в том, чтобы развлекать, аэльфийка, - сказал Броддур, втягивая свой внушительный живот и принимая смехотворно гордый вид. — Мы - хранители живой истории Ложи. Мы записываем и помним ее битвы, ее долги, ее обиды, и мы внимаем урокам Гrimнира.

До упоминания о Гrimнире Готрек казался почти заинтересованным.

— Гrimнир? - он нахмурился, сжимая кулаки так сильно, что Маленет подумала, что камень, покрывающий их, расколется. - Я встречал его однажды.

К удивлению Маленет, боевой кузнец не отреагировал ни презрением, ни насмешкой – не посчитав ни то, ни другое правильным. Он прижался

ближе, глаза жаждали чего-то еще, кроме золота. Ей стало интересно, что еще может заинтересовать Огнеубийцу. Обида? История? Что еще было упомянуто в его небольшой речи? Конечно, он не мог рассчитывать выторговать что-то ценное у какого-то безумного Обездоленного, считающего, что встречался с Гrimниром.

- И?

- Он убил меня. А потом солгал мне. Если я когда-нибудь увижу его снова, я плюну ему в глаза.

Маленет впала в истерику. Это действительно слишком. Двое якобы взрослых дуардинов праздно обсуждали мертвого Бога-Истребителя, словно он был каким-то дядюшкой, который заглядывал к ним время от времени и все еще был должен одному из них полкометы за столетний неоплаченный счет в таверне.

— ХВАТИТ! Броддур ударил кулаком по решетке. Его кoda зашипела, но, похоже, это не сильно беспокоило его.

— Да. Ты говоришь так, словно тебя душит кошка.

— По-моему, правильнее было бы сказать...

— Может ли быть?.. Броддур прервал ее, не обращая внимания на обоих пленников и отступая от решетки. - Легенда гласит, что он вернется, когда будет собрано достаточно его останков. Я никогда не слышал, чтобы в одном месте было собрано столько пра-золота, сколько собрал рунный мастер Черный Молот для своей Мастер-Руны. Мог ли он случайно?..

Отступив назад, молодой боевой кузнец почти пылал от воодушевления.

— Я должен поговорить об этом с Огнегривом. И с Арук-Гrimниром. Он поклонился Готреку, что показалось бы Маленет еще более забавным, если бы она не была заключена в ту же камеру. — Прости меня, но я должен идти.

С этими словами кузнец повернулся на пятках и поспешно удалился. Очаговые стражи, казалось, почувствовали облегчение от того, что уходят вместе с ним. Локар одарил Маленет ухмылкой, в которой изредка проскальзывали золотые искорки, похожие на искры глупой

надежды, а затем вернулся к своему жалкому подобию жизни в конце зала.

— Итак, — сказала она, повернувшись к Готреку с ядовитой грацией. — Что ты натворил?

Каменный взгляд Готрека застыл на ней.

— Легче ходить по воде, чем перекидываться честными словами с эльфом, и я, рискну предположить, — более приятно.

— Прости меня за любопытство. Но мне не с кем больше поговорить, а ты не похож на друга Огнеубийц.

— Чего?

Маленет не могла быть уверена, что Готрек говорит без умысла. Каждый нищий ребенок в Ведьмином квартале Азирихайма знал о наемниках-дуардинах и их жажде золота, граничащей с одержимостью. Но своими грубыми татуировками, матовым гребнем, звенящей цепью в носу и звериным запахом Готрек больше походил на какого-нибудь отсталого вождя Темноклятвенников, чем на одного из Обездоленных, которые время от времени забредали в Палатный ряд и "пропадали".

— Как ты можешь не знать, кто такие Огнеубийцы?

— Потому что мне нет дела до иллюзий и лжи.

— И откуда же ты взялся?

— Из Царства Хаоса, разумеется.

— Небольшой совет от опытной лгуньи. Если не хочешь рассказывать мне, то хотя бы придумай что-нибудь менее нелепое, чем это.

— Гномы не лгут. Даже эльфам, которые не узнают правды, хоть подай им ее на блюде.

— Никто, попавший в ловушку Царства Хаоса, просто так из него не выходит.

— В ловушку? — Готрек выглядел искренне оскорбленным. Маленет понятия не имела, почему. — Кто сказал, что я был в ловушке? Я отправился туда по своей воле.

Маленет прижалась к стене и вздохнула. — Ладно, я подыграю. Зачем хоть кому-то так поступать?

— Может быть, я думал, что там не будет эльфов, донимающих меня вопросами.

Готрек тяжело сел, словно внезапно утомился.

Он поднес к глазам массивную каменную глыбу, обхватившую его правую руку, и с ворчанием обрушил ее на столь же массивную глыбу на левой руке. Маленет наблюдала, как он вошел в ритм, огромные мышцы вздулись на его груди и плечах: он поднимал одну огромную глыбу и обрушивал ее на другую. Это было все равно что наблюдать за харадронским паровозом, который включили и оставили работать. У нее возникло ощущение, что она, возможно, сильно недооценила силу дуардина.

— Допустим, что ты попал в Царство Хаоса по собственному желанию. Зачем тогда ушел?

— Позволь мне сказать тебе кое-что, эльф. Долгие годы я сражался с демонами Хаоса. Скорее всего, очень много лет, ведь именно такая участь была мне обещана. Но боги непостоянны. Вечность для них — значит меньше, чем для гнома. Думаю, им стало скучно, они отвернулись, и я отправился на их поиски. Они любят иногда играть в игры, эти чертовы Темные боги. Он сделал паузу, чтобы взглянуть на нее. — У меня все меньше охоты попусту болтать, чем убивать их отбросов-последователей, так что не сиди и не притворяйся, будто меня тут нет.

— Ты считаешь меня демоном, посланным околодовать тебя?

— Ты льстишь себе, девочка.

Камень вокруг левой руки дуардина наконец раскололся. Он удовлетворенно хмыкнул, когда обломки осыпались с его запястья. Он пошевелил пальцами, а затем скжали их в кулак. На татуированной коже выступили вены, бицепс вздулся.

Маленет настороженно переместилась на другую сторону камеры. Даже безоружная, она была более чем способна постоять за себя. Женщина, оставшаяся одна в Акши, далеко не уйдет без такой способности. Но есть ситуации, в которых лучше не искушать судьбу. Готрек вытер пот с немытого лба и принял разбивать оставшийся камень-наручник о прутья камеры. Маленет посмотрела сквозь слабую дымку жара в конец зала. Она знала, что Локар не слишком серьезно относится к своим обязанностям смотрителя, но это было просто

абсурдно. Готрек, судя по шуму, пытался пробить решетку. Она сомневалась, что Локар вообще еще находится в зале. Она проклинала Готрека и его безумный грохот. Если бы мастер Зала порицания покинул свой пост и вышел наружу, не обратив на них внимания, она бы лично проследила за тем, чтобы этот глупец больше не издал ни звука.

— Здесь жарче, чем в Инде, когда нас с человечим отпрыском бросили в яму - посетовал Готрек. — Интересно, принесет ли мне тот творец историй пива?

— Кузнец Битвы, - поправила его Маленет, отвлекшись.

— Чего?

— Это боевой кузнец, а не творец историй.

— Если я спрошу мнение эльфа, значит, действительно наступили последние времена.

— Я-то думала, что все мы - порождения Царства Хаоса.

— Пиво, созданное Темными богами, чтобы подразнить меня, все равно остается пивом.

Не обращая внимания на дуардина и его ворчание, она подобралась к решетке так близко, как только могла, чтобы не обжечься, и выглянула наружу. Там определенно никого не было.

— Локар? - позвала она Огнеубийцу, как ей показалось, очень миролюбиво. Ответа не последовало.

— Что такое? - спросил Готрек. — Что это значит?

— Сигнал к тому, чтобы мы убирались отсюда.

Готрек демонстративно скрестил обе руки на своей бочкообразной груди. Одна из них все еще была крепко закована в камень. — Нет. Скажи своему богу, что я устал играть в его игры. Или в ее игры. В зависимости от того, что окажется более оскорбительным.

Маленет закатила глаза, переходя к осмотру замка камеры. Это было типичное изделие дуардинов, слишком прочное, чтобы его можно было попросту сломать, но гораздо более тонкое и сложное, чем могло показаться на первый взгляд. Тем не менее в нем не было ничего, с чем бы она не сталкивалась тысячу раз, ещё будучи ребенком, склонным к влезанию в чужие жизни и карманы, дочерью Храма Хайлеброн в

Азиরхайме или при тренировках как Сумеречный клинок Кхайна. Она подняла плоский осколок, оставшийся от разбитого камня с запястья Готрека, и повертела его в руках.

— Ну и ладно, — сказала она. — Можешь насладиться моим побегом.

ГЛАВА 3

Броддур смотрел на Унбак Кхаз, большой зал ложи Унбак, с открытым ртом. Скавены в рваных одеждах и ржавых кольчугах огромными стаями бегали по проходам, их пронзительные голоса заглушались периодическими взрывами храмов-кузниц и бурлением магмы, текущей по каналам. Скавены-лазутчики в развевающихся черных плащах возбужденно стрекотали, поднимаясь по канатам из каналов магмы, держа ножи в пожелтевших зубах.

Откуда они взялись? И как, во имя Гrimнира, им удалось проникнуть так глубоко в Ложу, не активировав ни одну из внешних защит?

Осмотрев зал, он вскоре нашел ответ. Гусеничная буровая машина лежала среди развалин кузницы. Гигантское сверло светилось болезненно-зеленым светом, а его вращение замедлялось, попутно искря пурпурными молниями. Казалось, бур вот-вот взорвется, но вместо этого в его боку открылся люк, из которого хлынули скавены Шторм-крысы в чем-то вроде тяжелых полулат и с алебардами. Гораздо больше, чем могло бы вместить транспортное средство такого размера.

Броддур вытащил топор из огнестали и направился к адской машине. С ним все еще было четверо Очаговых стражей Форна, и он был уверен, что сможет уйти в сиянии славы.

Его удержал Локар, старый надзиратель. — Им нужна Мастер-руна Черного Молота. Отправляйтесь в Жаргрим и защитите пламя кузни.

— А ты?

— Я буду защищать свой зал!

Из пространства перед ними раздался свистящий визг инструментов. Броддур не увидел ничего, кроме нестабильности в воздухе, которую можно было легко объяснить жарой, но инстинкт заставил его броситься в сторону, как раз в тот момент, когда скавентуннельщик вывалился через разрыв в воздухе там, где он только что был. Его длинную крысиную голову закрывала маска с очками, уши торчали по бокам, хвост был спрятан под длинной шерстью. Еще один крысолюд спрятался за первым. Между собой они несли нечто, похожее на портативную версию двигателя более крупной буровой машины.

— Умри-умри! — заверещал крысоляд сквозь толстую кожаную маску и вонзил свой буровой инструмент в стражу Очага, который был не так быстр, как Броддур.

Страж взывал, когда его плоть и кости распались так же легко, как и воздух, из которого только что появился скавен. Туннельщик радостно взвизгнул, когда его усилия привели к образованию кровавой дыры, достаточно большой, чтобы через нее мог просочиться отряд вооруженных скавенов. Они выглядели ужасно от того, через что им пришлось пройти, чтобы попасть сюда. С выпученными глазами и пеной у рта они были счастливы наброситься на отряд ветеранов Очаговой Стражи, если это означало вырваться из той кошмарной преисподни, откуда они только что явились. Недостаток храбрости скавены с лихвой компенсировали бешеной энергией и огромной численностью. Первый был на Броддуре еще до того, как он успел приготовить топор. Второй, третий, четвертый, пятый, шестой и седьмой не отставали от него и на хвост.

У первого крысоляда в одной перевязанной лапе было ржавое копье, но он был доведен до такого отчаянного страха, что оно врезалось прямо в топор Броддура, когда он пытался им взмахнуть. Вес его товарищей по стае прижал его извивающееся тело к нему. Крысиная вонь заставила Броддура поперхнуться. Скавен остервенело царапал его, притупляя когти о закаленную рунами кожу. Броддуре наконец удалось развернуться и проломить одному голову лезвием топора, а другому — обухом. Рискуя быть окруженным, он не мог выхватить более подходящее оружие. Скавенов было слишком много и они были слишком быстры. Ему достаточно было потратить секунду, чтобы вытащить топор из облезлого трупа какого-нибудь крысоляда, чтобы стать едой его товарищей.

— Я думаю, ты устал, — пискнул скавен. — Борода слишком толстая для войны. Да.

Клановая крыса ударила его зазубренным ятаганом. Броддур парировал удар тупым концом топора, но скавен уже нырнул обратно за спины своих товарищей, и ответный удар просто отрубил руку визжащей крысе с копьём. Броддур с ревом последовал за хихикающей клановой крысой, расколов грудную клетку следующему скавену и почувствовав рану на боку, когда отбросил исходившего пеной крысоляда в сторону. Скавен с ятаганами появился снова и бросился на него с другой стороны. На этот раз Броддур успел его углядеть и был готов. На скавене была потертая

кольчуга и шлем-горшок, а в руках он держал деревянный щит с выцарапанным на досках трехсторонним символом своего ядовитого божества. Лидер.

— Большой-жирный. Да-да. Медленный. Скавен облизнул острые зубы и сделал выпад. — Умри-умри сейчас.

Он был проворным, но Броддур был в пять раз тяжелее его. Скавена отбросило от удара и, размахивая лапами, тот завизжал, когда Броддур поймал крысолюда за похожий на бородку клок шерсти, торчащий из-под морды, и швырнул в ближайший канал магмы.

Дымка жара над каналом магмы на мгновение стала розовой.

Оставшимся скавенам, казалось, хватило огненной смерти их лидера. Они неслись по трупам и обломкам, которые оставили после своей первой безумной атаки, кусая и царапая друг друга в решимости уйти.

Броддур с сожалением держался за бока и смотрел, как они убегают.

— Клянусь Гrimниром, они быстры, когда убегают.

Локар наклонился, чтобы поднять прашу, и выдернул топор из тощей груди клановой крысы. Бур продолжал прерывисто вращаться, может быть, из-за того, что босая нога стражи Очага раздавила спусковой механизм. За исключением одного воина, который вернулся в пламя во время первой атаки, трое оставшихся стражей Очага отделались лишь царапинами.

— В магматическое хранилище! — крикнул им Локар. — Давай, иди!

Броддур уже мог видеть нескольких Огнеубийц, бегущих в этом направлении, и повернулся, чтобы присоединиться к ним, когда что-то даже более важное, чем святость Жаррgrима, остановило его.

Готрек.

Было что-то в пленнике Форна, чего он пока не мог объяснить. Он утверждал, что встретил Гrimнира — Гrimнира! — и хотя Броддур знал, что ему следует отвергнуть свои догадки как чепуху, он не мог. Возможно, именно повседневная манера его рассказов о встречах с богами и битвах с демонами делала его диковинные рассказы правдоподобными. И разве он не видел, как Готрек одним ударом справился с Форном, а затем двинулся дальше и пробился сквозь половину Очаговой стражи рунсона? Кем бы он ни был, Броддур не мог оставить его в Зале порицания скавенам.

— Делайте, как он говорит, — приказал он оставшимся стражам Очага, а сам побежал в противоположном направлении. Шум битвы стих, когда тяжелые позолоченные двери закрылись за Броддуром.

— Отойди, Готрек. Я собираюсь разбить о...

Он остановился на полпути, заметив — что-то не так. Чувствуя себя дураком, он толкнул уже наполовину открытую дверь камеры Готрека. Она повернулась на хорошо смазанных петлях.

— Это — не моя работа, если ты об этом думаешь, — хмуро сказал Готрек. Он угрюмо сидел на полу камеры, окруженный обломками своих каменных наручников. В тот момент Броддур даже не удивился такому проявлению силы. Он быстро оглядел остальную часть камеры.

— Где Темнородная, Маленет?

— Без сомнения, занимается своими эльфийскими делами.

Броддур отступил от широко открытой двери. — Что же ты все еще здесь делаешь?

Готрек глубоко и шумно вздохнул. — Как я уже объяснил эльфу, я не хочу участвовать в ваших играх. Один из вас снова воюет с другим, не так ли? И какому бы богу вы ни служили, тот надеется, что я получил достаточно ударов по голове, чтобы подыграть и присоединиться к ним. Он постучал костяшками пальцев по голове, чтобы продемонстрировать это. — Ну, черепа гномов толстые. Так что начинай, прежде чем я продемонстрирую, насколько толст череп у тебя.

— Нет времени спорить. Нам нужно присоединиться к Великому Фирду в магматическом хранилище, прежде чем этот зал заполонят скавены.

— Ты сказал скавены? — Готрек злобно фыркнул. — Я знал, что этот запах мне знаком. Он кажется даже более отвратительным, чем на моей памяти. Броддур бросил свой топор в камеру. Готрек поймал его за рукоять в свой гигантский мускулистый кулак.

— Как удобно. Демон отдает свое оружие Истребителю демонов.

— У меня есть икона, и, видя, что ты сделал с Форном голыми руками, я полагаю, что с топором ты управишься лучше, чем я.

Готрек проворчал что-то себе под нос, но встал. — Хорошо, я пойду с тобой, если ты перестанешь болтать. Но только потому, что прошло много веков с тех пор, как я в последний раз убивал скавенов. А перемены не хуже отдыха.

— Мы найдем Скоруна Огнегрива и Крага Черного Молота в магмохранилище. Они узнают, кто ты.

Готрек пробормотал что-то пренебрежительное, но отправился за Броддуром, когда тот поспешил вернуться в бой.

Броддур и Готрек вышли из Зала порицания и оказались посреди снующих повсюду скавенов. Те шныряли из нор, проносились под монолитными каменными опорами магматических каналов, заглядывали за золоченые парапеты, прицеливались из причудливого длинноствольного оружия. В обычных условиях Унбак Кхаз был оживленным центром ремесла и торговли, но вокруг буровой машины скавенов все было разрушено. Те из Огнеубийц, кто еще не сражался, отчаянно кричали на снайперов скавенов. За несколько секунд до того, как стена рядом с головой Броддура взорвалась каменной крошкой от попадания пули, раздался треск, заставивший его пригнуть голову и выругаться.

Разрозненное наступление скавенов начало складываться в два основных направления. Первое, сосредоточенное вокруг буровой машины, которая все еще выпускала бронированных крысолюдов, фактически завладело половиной Унбак Кхаза, но только потому, что те Огнеубийцы, которые еще не были связаны боем или мертвы, игнорировали его в пользу второго. Это был более многочисленный и, похоже, лучше организованный отряд, состоящий из плотных рядов скавенов, боевых зверомутантов и нескольких грохочущих боевых машин с непонятным предназначением. Они настойчиво приближались к огромным, испещренным рунами дверям магматического хранилища. Именно там должен был находиться Готрек, и именно туда Броддур намеревался его довести.

— Скавены, — сплюнул Готрек. — Хотел бы я сказать, что скучал по их истреблению, но это не так.

— Казук! — прокричал Броддур, подняв свою икону так, чтобы лицо Искателя Рока могло сплотить его сородичей даже издалека, и бросился бежать. — Унбаки мне! Казук!

Отставший скавен в неподходящих ему по размеру полулатах встревоженно зашипел на него. Находясь так далеко в тылу основной атаки скавенов, он был либо важным лидером, необычайно хитрым, либо просто трусом. Броддур пробил его голову своей иконой. Другой,

закутанный в черные тряпки, выскочил из-за рухнувшего навеса кузницы, которую он явно грабил, только для того, чтобы откинуться назад и упасть с вулкитским метательным щитом, воткнувшимся ему в грудь. Еще больше Огнеубийц показалось из своих укрытий, когда Броддур, пыхтя, проходил мимо. Сначала двое, потом пять. Потом пятнадцать. Двадцать. Капля огня в океане меха, но самый маленький и самый молодой среди них стоил десяти крадущихся клановых крыс и двадцати, когда он защищал прозолото в своем магматическом хранилище.

— Как отцы Унбак одолели Игнимбриса, первого и величайшего из детей Вулкатрикс, и изгнали его обратно под Калдур, так и мы сегодня изгоним эту угрозу из наших залов! — крикнул Броддур воинам, сплотившимся вокруг него.

— Казук!

— Ты хорошо владеешь речью, не спорю, — хмыкнул Готрек, всем своим видом показывая, что старается не отставать.

С диким ревом с четырехъярусной крыши литейного цеха бросился берсерк Огнеубийц. Воин ярко пылал — золотые руны вливали огонь в его жилы, — и, словно взрыв, упал среди снувших внизу клановых крыс.

— Колдовство дави Жарр, — мрачно проворчал Готрек, когда на них посыпались куски крыс, а обезумевший берсерк принялся убивать верещащих выживших, держа по топору в каждой руке.

Броддур узнавал слоги, которые произносил Готрек, но не знал, что они означают. Он хотел спросить, но времени не было. Он поднял свою икону, чтобы сплотить разрозненных воинов, пока у них не возникло искушения разделиться и напасть на скавенов по одному. — К магматическим хранилищу и Арук-Гримниру. Прорвемся через них!

— Не то чтобы это было моим делом, но что задумал вон те?

Готрек указал на один из ближайших магмадуков. Команда рабов-скавенов рубила одну из базальтовых опорных колонн, их скелетообразные, покрытые шерстью тела почти облысели от многократных ударов плетью надсмотрщика. За их попытками вандализма наблюдал болтливый инженер-колдун в бронеплаще и тяжелых медных перчатках. Свободно сидящий шлем укрывал его глаза множеством цветных линз, а в руках он держал копьё с проволочным наконечником, от которого исходил размытый ореол электричества.

— Они хотят обрушить магматический канал, — выдохнул Броддур. — Чтобы затопить Зал и захватить Жаргрим до того, как сородичи по ту сторону Унбак-Кхаза придут на помощь

— Я думал, вы все сделаны из огня, или лавы, или чего-то столь же неестественного.

— Я могу опустить руку в кузнечный огонь, верно. Или держать в руке раскаленную руну и не обжечься. А ты не можешь?

Готрек угрожающе взмахнул своим одолженным топором. — Я с радостью покажу тебе, на что способен этот Истребитель

Броддур уставился на него. На мгновение он забыл о скавенах и битве за домик. Этот Истребитель, так называл себя Готрек. *Истребитель*.

— Что ты таращаешься?

Броддур вернулся из задумчивости. — Что ж, поток лавы остановит Огнеубийц так же, как и любого другого. Перебейте их всех! — крикнул он, обращаясь к тем, кто находился поблизости. — Казук! Кровь и золото!

Он остался позади, подбадривая Огнеубийц, когда те проносились мимо него, размахивая своими топорами и молотами. Отчасти это было вызвано желанием убедиться, что никакая хитрость скавенов не приведет к тому, что канал будет разрушен, пока его внимание сосредоточится в другом месте, но в основном было связано с тем, что Броддур основательно запыхался. Работа с топором? Да. Пение историй? Да. И то и другое одновременно? У Огнегрива это всегда получалось так легко...

Тем не менее он с гордостью наблюдал, как Огнеубийцы бросаются на визжащих паразитов, а их топоры превращают незадачливых рабов в фарш.

Это было идеальное место, чтобы наблюдать за их смертью.

— Там-там! — завизжал инженер-колдун, его голос усиливался и странно искасался шлемом. — Бросайте их туда. Нет. Туда. Большая борода и борода с палкой. Он ткнул погрызанным когтем туда, где стояли Готрек и Броддур, и залп грязных стеклянных шаров разлетелся вдребезги о землю. Поднялся грязно-зеленый дым, окутавший и скавенов, и Огнеубийц. Колдун-инженер в досаде сдернул шерсть с головы. — Нет-нет! — закричал он, яростно жестикулируя в сторону Готрека и Броддура.

— Вон туда!

Огнеубийцы в дыму дико размахивали топорами, они были ослеплены слезами, превратившимися в кислоту, а их рты наполнились пеной.

Броддур увидел, как один из воинов, пытаясь вырваться из ядовитого облака, покачивался, как пьяный, и споткнулся о труп канального раба. Его рот был открыт в последнем усилии сделать вдох: вся его сила, данная рунами, оказалась бесполезной из-за коварного газа скавенов.

— За кузницы первых отцов! — прохрипел Броддур. Даже то ничтожное количество ядовитого газа, которое он вдохнул, сделало его голос неузнаваемым. — Мы — Огнеубийцы, и наши топоры жаждут крови и золота! Мы — дети Гrimнира. Мы сражаемся, как сражался он, до кровавого триумфа или кровавого забвения, и одинаково приветствуем оба конца. Казук!

Он повернулся, чтобы проверить Готрека, но Истребителя рядом с ним уже не было.

В суматохе газовой атаки и рукопашной схватки он исчез.

— Готрек! Готрек, где ты?

Инженер-колдун все еще сидел на каменном выступе магмадука, откуда открывался вид на бой, и, как увидел Броддур, был окружён толпой глобадиров в резиновых масках. Он нацелил на Броддуря своё копьё с проволочными наконечниками, визжа от удовольствия, когда электричество завибрировало в воздухе вокруг колдовского устройства.

Затем инженер взорвался. Первым предположением Броддуря было то, что оружие колдуна дало осечку, как это часто случалось с техникой скавенов, но затем он заметил свежую лаву, фонтанирующую через край магмадука, и понял, что здесь замешана третья сторона.

Земля затряслась, и оставшиеся рабы-скавены и их хозяева в ужасе начали разбегаться.

Броддур обернулся: огромный магмадрот с огненно-желтой чешуей топал по обломкам Унбак-Кхаза. Гигантская рептилия издала оглушительный рев, а затем принялась извергать магму на убегающих скавенов. Именно она, понял Броддур, и убила колдуна. Газовые гранаты безрезультатно бились о желтую шкуру магмадрота, их едкое содержимое безвредно рассеивалось в яростном жаре, исходящем от него. Высоко поднявшись на боевом троне, закрепленном на спине зверя, Форн провел рукой по редеющему облаку, как будто кто-то только что пронесся по ветру. Не то чтобы рунсон мог что-то учゅять через свой израненный нос.

— Ты скучал по мне, Броддур? — крикнул Форн. — Признайся, ты скучал по мне!

Желточешуйка повернула голову в сторону скавенов-глобадиров, которые донимали ее с крыши, и медленно моргнула. В глубине ее глотки вспыхнул желто-белый огонек, и крысолюди с воплями бросились врассыпную, когда последовавшая за этим струя пылающей магмы испепелила их вместе с большей частью строения, в котором они укрывались.

Броддуру оставалось только скорбеть об утраченной работе своих родичей.

Форн яростно расхохотался, сдерживая магмадрота. — Я был дураком, Броддур! После того случая на мосту Калдур я думал, что день будет неудачным. Пусть Хроники Унбака запомнят тот день, когда Форн Арукссон повел свой фирд на защиту магмахолда. Запомни это, Броддур. А еще лучше — запиши!

Не обращая на него внимания, Броддур махнул рукой сквозь редеющее облако зеленого газа, отчаянно осматривая таращившиеся на него трупы с открытыми ртами как скавенов, так и Огнеубийц.

— Где Истребитель?

— Кто?

— Готрек Гурниссон! Дуардин из Аз Скорна.

— Почему ты ищешь его здесь?

— Потому что я освободил его из Зала порицания.

— Ха! — рявкнул Форн. — Хорошо придумано!

Ярость Огнеубийцы пылала жаром, но, как учили их примеры Гrimнира и Вулкатрикс, самое жаркое пламя сгорало быстрее всего. Не для них медленное, вечное горение Дракотиона. Они не хранили свои обиды, как другие дуардины. Если бы Готрек был сейчас с ними, Форн, наверное, посмеялся бы над битвой в Аз-Скорне и угостил бы Истребителя элем, чтобы отпраздновать победу вместе.

— Ни один дуардин не должен умереть в клетке.

— Он был здесь, со мной. Куда он мог деться?

— Он будет сражаться где-нибудь, и все будет хорошо. У нас есть своя кровь, которую мы должны чтить, и золото, на которое мы должны претендовать.

— Нет! Нет, мы должны...

— Теперь мы не пламеныши, Броддур. Я — рунсон, а ты — мой кузнец битвы. Мы идем в магмохранилище! За кровью и золото! Форн встал во весь рост

на сиденье своего боевого трона и крикнул. "Казук-хааааааа!", а Желточешуйка грозилась оглушить всех своим ревом.

Оставшиеся в живых Огнеубийцы сплотились вокруг огромного магмадрота, и Броддур неохотно признал, что Форн был прав. Если Готрек был тем, кем начал считать его Броддур, то ему не нужны были ни Броддур, ни Унбаки для сопровождения.

Его больше волновало, что будут делать Унбаки *сегодня* без Готрека.

ГЛАВА 4

В магмохранилище было тихо. Рев и гром битвы между идиотами из ложи Унбак и скавенами был приглушен толстыми базальтовыми стенами и гулом рунических заслонов, угрожающе сверкавших на каждой поверхности. Маленет двигалась осторожно, больше опасаясь тех защитных сооружений, которые она не могла увидеть, чем дюжины или около того, которые могла. Дуардины были умелыми мастерами, а Огнеубийцы придерживались тех же традиций, но в своей грубовато-жестокой манере. По ее опыту, ревнивые народы обычно придумывали самые чудовищно смертоносные ловушки. По крайней мере, для нее самой не было ничего постыдного в том, чтобы признать, что есть ремесленники вроде Крага Черного Молота, чье мастерство превосходит даже азиатских ведьм.

Даже Сигмар был вынужден уступить богам Хаоса, не так ли?

Молча она направилась к наковальне с рунами в центре хранилища. Ее ноги были обуты в черный шелк Паучьего Клыка, а с рубашки было сорвано еще больше ткани. Теперь она была без рукавов, а ее руки, обтянутые плетеным шнуром, побледнели и вспотели. Магматическая пещера была душной. Ни малейшего дуновения ветерка не шевелило воздух так глубоко под вулканом. Инструменты лежали в ящиках у основания наковальни. В них чувствовалась настороженная враждебность, словно близость к силе наковальни наделила их ограниченными чувствами, достаточными для того, чтобы они были не рады ее вторжению. Высеченные статуи Бога-Истребителя Гrimнира - двадцатифутовые подобия, высеченные на колоннах у стен, - прожигали ее взглядом.

Ложа Унбак была одной из старейших на Хребте Саламандры - вулканическом скоплении, которое, по слухам, было местом основания всех Лож Огнеубийц. Магматическое хранилище представляло собой сеть потайных пещер. Каждая из них являла собой кладезь сокровищ, защищенный хитроумными заслонами и защитами, секреты которых были утеряны даже для недалеких потомков тех рунных мастеров, которые впервые их создали. Но Маленет Ведьмин Клинок не была мелкой воровкой, хватающей первую попавшуюся на глаза безделушку. Она была дочерью Хайлеброна, последовательницей Кроваворукого

бога, ученицей Сумеречных клинков. При всем их древнем богатстве у Унбак было только одно сокровище, которое ее интересовало, и оно находилось здесь.

Иначе зачем бы она так старалась, чтобы этот прохвост Форн смог схватить ее и привести в гору? Ведь магмахолд был настоящей крепостью, и проникнуть в магмахранилище изнутри было гораздо проще.

Она подошла к наковальне и взглянула на золотое сияние, отразившееся на ее лице. Это было тем, что ее послали украсть. Мастер-Руна Черного Молота отличалась пленительной простотой и глубокой силой; она была прекрасна даже для ее искушенного сердца. Ее золотая симметрия горела в ее глазах, как огненный контур солнца при затмении. Она потянулась к Руне, но тут же отдернула руку, почувствовав ее жар на обожженных пальцах. Мастер Руна кипела и бурлила, как ядро Мира-Что-Был.

— Я не собираюсь выносить это отсюда в руках, — пробормотала она, постучав по медальону над сердцем, словно ища удачи или совета.

Дух ее бывшей госпожи отвечал ей нечасто, но когда он отвечал, к нему стоило прислушаться. Совсем не так, как в первые десять лет после заточения, когда ее угрозы и проклятия звучали в мыслях Маленет почти постоянно, днем и ночью.

Маленет улыбнулась про себя. Она скучала по этим маленьким беседам. Отойдя от наковальни и моргая, чтобы восстановить зрение после сияния руны, она присела у ящика для инструментов. Осторожно, как можно тише, полагая, что ее и не услышат из-за бушующей снаружи битвы, она один за другим убрала инструменты и подняла пустой ящик. Ей понадобились обе руки, чтобы поднять его, но он должен был выдержать жар Мастер-Руны. Это было бы некрасиво, но вполне подходило, чтобы вынести руну из горы.

Позади нее по полу зашаркала пара окованных железом сапог.

Она вихрем обернулась навстречу неожиданному вторжению, и с ее пояса выскользнула пара длинных огнесталевых ножей. Очаговый страж Жаргрим, у которого она их "одолжила", считал их не более чем приборами для еды. Но, как он уже успел узнать, один вид мяса можно резать так же легко, как и другой.

Она раздраженно зашипела, увидев, кто именно последовал за ней. Ей не следовало удивляться. Ни скавены, ни Огнеубийцы не носили обуви.

— Я думала, тебе это неинтересно, Готrek.

Дуардин, стоявший на пороге, пожал массивными плечами. Похоже, где-то в лабиринте хранилища он нашел собственное оружие: топор, и далеко не для обеда. Между двумя сверкающими клиньями выгравированной рунами огнестали горел огонь в жаровне - настоящий уголек священного пламени кузни Унбак.

— Я совершенно не знаю, что там происходит, это правда. Но если и есть в жизни что-то более надежное, чем хитрость Темных богов, так это предательство эльфов. Готrek крутил массивный топор одной рукой, пламя вырывалось из раскаленной жаровни на его навершии.

— Это не обычный топор. Где ты его взял?

— Я нашел его. Тот творец историй дал мне один, но этот лучше. Во-первых, он больше, а во-вторых, напоминает мне тот, что был у меня прежде.

— И они называют вором меня.

— Я называю тебя грязным эльфом. То, как они называют каждого из нас, не имело значения ни раньше, ни сейчас.

— Знаешь, ты напоминаешь мне мою бывшую госпожу. Каждый год, когда темная луна, Дхаррот, становилась полной и показывала Маллусу свой мрачный лик, карга собиралась на пиршество Смертной ночи, убежденная, что она молодая женщина и что это было тысячу лет назад, искала давно умерших врагов и играла в давно забытые игры.

— Полагаю, ее конец не был счастливым.

Маленет улыбнулась, рассеянно поигрывая своим кулоном с капельками крови. О, она была счастлива. Для Маленет.

— Может быть, ты действительно сошел со скрижали Эпохи Мифов и был извергнут из кратера Унбак. А может, тебя действительно отправили в Царство Хаоса и лишили разума. Мне все равно. Все, что требуют от меня мои хозяева, - это Мастер-Руна. Им будет все равно, если один безумный дуардин уйдет невредимым, но встань между мной и дверью, как сейчас, и следующим тебя примет Кроваворукий Бог.

— Если бы у меня был пенни каждый раз, когда кто-то обещал мне смерть, то я бы уже был Верховным королем Вечного Пика. Готrek провел большим пальцем по лезвию топора, капля крови выступила между его мозолистой кожей и металлом. Он засунул большой палец в рот и облизнул его. — Вместо этого я в этой адской дыре. Мой топор

жаждет, эльф, чтобы я напоил его.

Видя, что ее доводы не подействовали на этого дурака, Маленет с шипением набросилась на Готрека, намереваясь сокрушить коротконогого борова своей скоростью.

Два ее длинных ножа пронеслись по его мускулистому телу, но Готрек был сверхъестественно хорош в обращении с топором, как и должен быть с его презрением ко всем Владениям Смертных, позволяя ловким ударам и финтам колоть свою кожу, в то время как все смертельные удары парировались. Несмотря на это, в нескольких местах у него текла кровь. Когда Маленет отпрянула назад, ножи порхали вокруг, отвлекая внимание дуардина, пока она вновь увеличивала расстояние между ними.

Он пристально посмотрел на нее, полностью игнорируя острия ножей.

Она слизнула кровь дуардина с тыльной стороны ладони.

— На вкус выдержаный. Как прекрасное горькое ягодное вино.

— Ты и половины не знаешь!

Дуардин с ревом взмахнул своим пылающим топором. Она отклонилась в сторону, позволяя чудовищному руническому оружию пролететь над ней. Готрек раздраженно хмыкнул, когда она уклонилась от его замаха, и с помощью своей феноменальной силы перенаправил топор в середине полета, полоснув ее по талии. Маленет согнулась в коленях параллельно земле, когда топор и следовавший за ним огненный шлейф прокатились над ней.

— Не играй со мной, эльф. Мне этого достаточно от богов.

Ухватив рукоять своего топора на полную длину, Готрек нанес мощный удар по голеням Маленет. Она оттолкнулась ногами и встала в стойку на руках, сделав сальто назад, в результате чего оказалась на наковальне Крага Черного Молота.

— Передай своему нечестивому господину, что Готрек Гурниссон не забыл своих клятв. Я приду за ними всеми и хочу вернуть свой топор.

Перебросив пылающий топор в левую руку, которая казалась не менее мускулистой и мощной, чем правая, Готрек направил его в сторону девушки. С его силой и очевидными руническими чарами топора удар распорол бы ее от бедра до плеча, останься она на месте. Она ловко спрыгнула с наковальни, поставив ее твердую, покрытую рунами массу

между собой и безумным дуардином.

— Идиот! С таким оружием ты можешь повредить Мастер-Руну.

— Вот это будет позор!

Готрек обошел вокруг наковальни, угрожающе держа топор в обеих руках. Маленет повторяла его шаги, стараясь держать наковальню между ними.

— Ты хоть знаешь, как трудно было попасть в плен к этому мясистому недоумку Форну, чтобы так близко подобраться к Мастер-Руне? Если бы я знала, что скавены скоро нападут, я бы и не стала так напрягаться. Я бы просто прокралась и убила всех, кто встанет на моем пути, как учила меня моя любимая госпожа...

С неожиданной силой Готрек ударил плечом в бок наковальни и зарычал. Маленет начала смеяться, глядя, как от усилий у дуардина вздулись плечи и запульсировали вены на теле. Чтобы сдвинуть эту наковальню, понадобился бы Небесный дракон. Нет, два Небесных дракона!

Не успел смех вылететь из ее рта, как наковальня, как не странно, зашаталась на двух из своих четырех ножек и угрожающе наклонилась в её сторону.

— Бог убийств!

Она отпрыгнула в сторону как раз тогда, когда наковальня рухнула, разнеся в пыль плиту, на которой она только что стояла. Инструменты из ящика разлетелись по полу со страшным грохотом, а сама Мастер-Руна ударила о пол с такой твердостью и массой, которые намного превосходили ее размеры. Под плитой, на которую аэльфийка упала, что-то щелкнуло, и Маленет произнесла второе проклятие.

— Смилийся, карга Азира!

Многочисленные лики Гrimнира, выгравированные на стенах, потолке и полу, открыли рты и испустили лучи магического огня, заставив Маленет в диком танце уклоняться от них. Стеновые панели уступили место шарнирным маятниковым механизмам с прикрепленными к ним копьями. Они наносили удары с механической яростью; Маленет сплела свой безумный танец с внезапными уклонениями и кувырками, пока совсем не дезориентировалась где вверх, а где вниз. Она дергалась, петляла, кружилась, прыгая к маленькому квадрату нетронутой земли, где стояла наковальня Черного Молота до того, как Готрек сбросил ее.

Сделав кувырок над колющим ударом копья и перекатившись сквозь пламя, она приземлилась на корточки рядом с десятикратно проклятой Мастер Руной.

— Поня...

Лезвие топора дуардина плашмя ударило ее по челюсти. Искры от плененного пламени кузни взметнулись над ней, когда пол закружился и помчался навстречу, чтобы обнять ее.

— Ненавижу, когда они прыгают, — произнес этот ненавистный, далекий голос над ней, когда она теряла сознание. — Как козлы чертовой весной.

ГЛАВА 5

Броддур застыл в изумлении, когда Готрек Гурниссон вышел из магматического хранилища и бросил Темную, Маленет, на землю. Он опустил топор. Тридцать усиленных рунами закаленных ветеранов Очаговой Стражи Жаргрим Крага Черного Молота и горстка берсерков-вулкитов фирда Форна, не принимавших непосредственного участия в обращении оставшихся скавенов в бегство, наблюдали за Истребителем с выражением воинственного трепета.

— Разрази меня, — пробормотал Броддур.

— Она была не такой уж неодолимой.

— Не аэльфийка, Готрек. Топор.

Истребитель поднял глаза на пылающий большой топор, который нес на плече. — Неплохой топор.

— Неплохой топор? — пробормотал Форн.

— Да, неплохой топор. Мой старый был лучше.

— Это Зангром-Тхаз!

Столкнувшись с непонимающим и немного угрожающим выражением лица Готрека, Броддур поспешил объяснить. — Это великий огнештормовой топор Унбаки. Только самые могущественные из берсеркеров Мрачного Гнева могут владеть им — те Огненные Истребители, которые доказали, что они достаточно сильны, чтобы противостоять огню Гrimнира, не сойдя с ума или не погибнув.

— Смотри, — Форн вскинул руки, показывая золотые руны, вбитые в его тело. — У меня в теле семь рун. У Броддура три, но он младше меня и не сын Арука-Гrimнира. Легендарный Мрачногнев, вроде Брэгрома Благословенного... — Он обратился за помощью к Броддуре. Форн никогда не читал столько, сколько следовало бы.

— Двадцать или больше, — услужливо сообщил Броддур.

— А у тебя их нет! Мог ли топор утратить часть своей силы, Броддур?

— На Хребте Саламандры достаточно великих огнештормовых топоров, но Зангром-Тхаз — один из немногих, в которых хранится осколок топора Гrimнира.

Готрек внезапно рассмеялся, а Броддур моргнул, не привыкший к тому, чтобы Огнеубийцы воспринимал Хроники Унбак как предмет насмешек.

— Я так не думаю, творец историй. Того, кто продал вам эту сказку на

ночь, следует выгнать из крепости с бритой бородой.

— Прошу прощения?

— Гrimнир дал мне свой топор. Это мой топор.

Сородичи Форна и Очаговые стражи Жарргrim недоверчиво зашептались друг с другом. Рот Броддуря беззвучно шевелился, пока он обдумывал последствия того, что, как он уже знал, было правдой.

— Искатель Рока, достаточно сильный, чтобы владеть Зангром-Тхазом, но без заимствованной силы Гrimнира?

— Вы странный и жалкий народ, — продолжал Готрек, хмурясь на всех сразу. — Чего я и ожидал от попытки Богов Хаоса околдовать гнома, — он ткнул находящуюся без сознания Темную окованым железом носком ботинка. Она тихо застонала, приходя в себя. — Просыпайся, просыпайся, эльфийка.

— Боги прокляли вас всех, — пробормотала Маленет, все ещё в позе эмбриона, свернувшись на полу. — Я видела Дворы Пожирателей Плоти с более обоснованными заблуждениями, чем эти. — она сплюнула на землю, почти зацепив босые пальцы ног Броддуря. — Насколько я вижу, вы заслуживаете друг друга.

Прежде чем ответить, в ухе Броддуря раздался громкий хлопок, и поток дыма и пепла хлестнул ему по лицу. Слишком поздно он вскинул руки, чтобы защититься, и его глаза защипало, а затем сквозь дымное облако пробежала волна последующих хлопков и взрывов.

Еще один огромный, приглушенный дымом взрыв пробил плиту в стене магмахолда. Она вылетела наружу, словно вырвавшись изнутри, и каменная кладка и скульптуры рассыпались, а образовавшаяся взрывная волна прокатилась над кашляющими Огнеубийцами. Броддур напряг слух, уверенный, что слышит за этим звоном стрекотание крыс.

— К оружию! — проревел Форн откуда-то из темноты. — К оружию!

— Скавены! Броддур попытался крикнуть, но в итоге его содержимое его легких оказались во рту. — Они внутри хранилища. Фирд Форна, — прохрипел он. — Казук!

Он услышал, как в дыму засуетились Огнеубийцы. Со стен магматического хранилища донеслись вопли горя и ярости.

— Мои поздравления, Готрек Гурниссон, — сказала Маленет. — Ты позволил скавенам уйти с Мастер-Руной Черного Молота.

Готрек пнул эльфийку в живот. — Поздравляю тебя с тем, что мой сапог встретился с твоим животом.

Желточешуйка была маяком пылающего жара посреди дымового облака, грохочущего, как извергающийся вулкан в короне пепла. Оставив на время Истребителя и плененную аэльфийку, Броддур, спотыкаясь, направился к магмадроту. Он был не одинок. Вокруг рунсона и его магмадрота в волнении суетились дюжина и более Огнеубийц.

— В какую сторону бежали крысолюды?

— Рассредоточьтесь, — прорычал Форн. — Кто-нибудь найдет их. Он ударил копьем по крестцу Желтокожей, и та высекла когтями огромные искры о пол, и прорычал. — Нельзя допустить, чтобы они сбежали.

— Разве мы не должны найти Арук-Гримнира и твоих братьев?

— Времени нет, — ответил Форн более решительно, чем ожидал Броддур. Конечно, за кражу Мастер Руны, пока его старшие братья были укрыты в сердце Жаргрима, он должен был отомстить. — Они должно быть глубоко в магмаколде, если еще не скрылись. За скавенами, кузнец битвы. Если они заберут Руну, я никогда не стану рунным отцом.

По приказу рунсона во все стороны разбежались Огнеубийцы. Броддур снова бросился бежать, причем в направлении, которое, похоже, было выбрано наугад. Он греб руками воздух, и когда дым начал редеть, понял, что он бежит в ту сторону, откуда пришел. Слева от него зажурчали магматические каналы. Прямо перед ним находился Зал порицания. Он остановился, хрипло дыша, при виде трупа Огнеубийцы. Трупов между этим местом и Залом Порицания было достаточно много, но этот отличался от других. Это был один из Стражей Очага Жаргрим, в переносицу которого была воткнута метательная звезда, излучавшая жуткое зеленое сияние.

Они бежали именно этим путем.

— Тысяча проклятий мести расе скавенов, — сказал он, наклоняясь, чтобы приоткрыть веки мертвого воина и дать ему возможность увидеть своих врагов на пути к Каменному Сну. — Идите к кострам, мои родичи. Теперь вы идете по стопам Гримнира.

Он вздрогнул и резко поднял голову: грязный, изумрудного цвета взрыв поглотил одну из позолоченных опорных колонн канала магмы. Это было либо ужасно неудачное время со стороны инженера-колдуна, которого ранее убила Желточешуйка, либо, наоборот, удивительно удачное.

Каменная арка начала крениться на взорванную колонну, пепел взвился, и вся конструкция начала скрипеть.

Оставив павших Стражей Очага в огне, Броддур побежал вперед по магматическому каналу. Его ноги подкашивались. Живот трялся. Щеки раздувались, пока не стали красными, как щипцы из кузницы. Он почти видел скавенов впереди. Одетые в черное убийцы. Только хвост вильнул, когда они исчезли во внешних рунных воротах Калдура. Они были чертовски быстры.

Магматический канал издал протяжный стон. Броддур не удержался и оглянулся через плечо: огромная конструкция наконец-то поддалась гравитации, оторвалась от опор и рухнула на землю, заливая каменный пол Унбак-Кхаза горячей лавой.

— *Багрит!* — прохрипел Броддур, пытаясь заставить свои ноги двигаться быстрее. — Багрит, Багрит, Багрит.

Из рухнувшего канала, как кровь из перерезанной артерии, хлынули новые потоки расплавленного камня. Быстрее, чем мог бы бежать любой дуардин.

— Держись, Броддур!

Повернувшись, Броддур увидел Желточешуйку, которая с грохотом проносилась над растекающимся озером магмы. Форн стоял на боевом троне, рассыпая искры, словно носовая фигура парусного корабля над лавой. Он опустил копье, и Броддур ухватил его обеими руками, когда магмадрот промчался мимо и подхнял его в воздух как раз в тот момент, когда поток лавы пронесся по камню, на котором тот стоял. Форн взревел от натуги и от того, что ему пришлось поднимать Броддура. Броддур внес свою лепту, упервшись пальцами ног в скалистые бока Желточешуйки и подталкивая себя наверх. Они вместе рухнули на каменную платформу боевого трона.

— Ты... тяжелый... дураз, — прохрипел Форн, когда смог снова дышать.

— Где Истребитель?

— Всегда этот чертов Истребитель. Когда я видел его в последний раз, он был с темной на ступенях Жаргрима.

Броддур ухватился за раскаивающуюся спинку боевого трона и посмотрел вслед убегающим скавенам. — Они берут за Калдур.

— Убегают старым способом, да? Отлично! — Форн подстегнул магмадрота копьем. — Они быстры, эти паразиты, но Желточешуйка и

сама отнюдь не медлительна, когда злится.

Разъяренный магмадрот с двумя Огнеубийцами на спине пронесся сквозь причудливые рунные ворота Унбак-Кхаза и выскочил на мост Калдур. Ассасины скавенов бежали от Жарргрим по мосту, едва видимые сквозь клубящиеся облака пепла и огня. Один из них обернулся, чтобы посмотреть через плечо, пригнулся и покатил что-то по мосту. Это была латунная сфера.

— Осторож...

Устройство сработало с невыразительным хлопком и шипением ядовитых газов, но основная сила заряда, похоже, была направлена вниз. Обсидиановую мостовую раскололи трещины. Цепные детонации ударили по Калдурскому морю, вызвав гейзеры, которые выплеснули расплавленный огонь на сотни футов в воздух. Пирокластический дождь хлестал по мостовой, безвредно отбиваясь от толстой шкуры Желточешуйки. Броддур прикрыл голову руками, пока магмадрот пробивался сквозь кипящий град. Форн рассмеялся.

— И это все? Это все, что у вас есть?

— Дети Гриннира! - в ужасе закричал Броддур, когда мост начал содрогаться.

— Вернемся в огно!

Глубокая дрожь потревожила поверхность лавового моря, словно шаги мегагарганта отдавались в водоеме. Плитки мостовой задрожала в своих пазах.

— Форн? Что это...

Из магмы поднялась огромная рептилия, раза в три больше Желточешуйки, всё её чешуйчатое тело светилось адским жаром. Голова напоминала бронированный походную кузню, из которой с каждым вдохом вырывались огонь и злость, пока рептилия втаскивала себя на мост впереди Огнеубийц.

— *Уркар*, - прошептал Броддур. — Игнимбрис, богозверь, первый из детей Вулкаторикс. Этого не может быть.

Скавены, стоявшие на мосту перед чудовищем, закричали от ужаса.

— Не думаю, что это входило в их планы, - крикнул Форн.

Божественный зверь, Игнимбрис, глубоко вдохнул. Его голова затряслась, как крыша вулкана. Сквозь трещины в шее и челюстях полыхнуло белое тепло.

— Ложись!

Форн бросился на Броддур, и оба они перелетели через борт боевого трона, а Игнимбрис оросил мост расплавленной магмой и кипящими газами. Желточешуйка взвыла от боли, когда ее чешуя приняла на себя основную силу удара. Она тяжело рухнула на мостик с жалобным ревом.

— Желточешуйка! - закричал Форн, падая на бок зверя и обнимая её огромную голову.

Сквозь дым и гарь Броддур увидел, как в потоке магмы загорелся скавенский ассасин. Он в панике метался по земле, пока не подоспели его товарищи, чтобы потушить пламя. После этого они вонзили нож в грудь воюющего крысолюда, подобрали тяжелый предмет, который тот выронил, и бросились прочь так быстро, как только могла ускорить их конечности мерзкая трусость. Броддур чувствовал тошноту от их братоубийственного предательства.

— Нет, нет, нет. *Нет!* - Форн застонал, отчаянно пытаясь вернуть жизнь в истерзанный лоб Желточешуйки. — Ты не умрешь, девочка. Я вырастил тебя из яйца, и ты не умрешь, я не позволю.

— Мастер-Руна все еще у них.

— Форн поднял голову, в его глазах появился огненный блеск. — В пламя эту Руну.

— Мы должны пойти за ними.

— Зачем? Это Игнимбрис, первый из магмадротов. Он уничтожит весь Жарргрим.

— Тогда мы остановим его, а потом пойдем за скавенами.

Тот Форн, которого знал Броддур, не преминул бы воспользоваться возможностью прославиться в таком бою, да еще на глазах у дружественного ему кузнеца битвы. Он свалил мать Желточешуйки с этим самым копьем в руке, но, к ужасу Броддура, эта рука теперь дрожала.

— Это не отряд Хаоса, - прорычал Форн. Это не дикий магмадрот, на которого охотятся ради развлечения. Это Богозверь.

— *Уже лучше. Спускайся сюда, дракон, чтобы я мог достать тебя своим топором.*

Броддур и Форн в ужасе переглянулись.

Один только кузнец битвы нашел в себе силы встать на цыпочки и выглянуть за остывающий бок Желточешуйки. Истребитель стоял один посреди моста Калдур. Вокруг него вихрились искры, угли в жаровне его

топора испускали сильное пламя. Пот заливал его, мышцы блестели от жара. Игнимбрис наклонил голову, алмазно-твёрдые чешуйки шипели и осыпались осколками, остывая и уменьшаясь. Взрыв раскаленного добела дыхания взъерошил гребень и бороду Истребителя и всё ещё звенел золотой цепочкой в его носу. Готрек перехватил топор и поднял голову.

— Скьяландер был больше!

Игнимбрис издал титанический рев, от которого с далёких крыш посыпались камни, а на поверхности моря забурлила лава, словно услышав вызов в словах Истребителя и желая ответить на него.

— Я сражался с драконами Хаоса и повелителями мертвых. Я бился с великими демонами и самими богами. Я пустил кровь Бе'лакору, принцу, который должен был стать королем, и скрестил топоры с самим Гrimниром и ушёл оттуда.

Игнимбрис прижался грудью к мостовой и зарычал Готреку в лицо. Истребитель смотрел на божественного зверя.

— Я дал клятву умереть в бою, но пережил целый мир. Испытай меня, чудовище. Может быть, тебе повезет больше, чем всем монстрам, которых я убивал до тебя. А может — и нам обоим.

Броддур с трудом заставил себя дышать. Богозверь и Истребитель смотрели друг на друга, казалось, целую вечность, прежде чем Игнимбрис, первенец Вулкатрикс, с грохотом покорности не покинул мост Калдур и не скрылся под лавовым морем.

— Я не верю.

— Что происходит, Броддур? Я не смею смотреть.

— Оно отступает.

— Невозможно!

На мосту, в одиночестве, Истребитель опустил топор и ссутулил плечи. Он только что победил божественного зверя, даже не взмахнув топором. И выглядел он при этом странно разочарованным.

ГЛАВА 6

К тому времени, когда Огнеубийцы достаточно расхрабрились после гнева Игнимбриса и подошли к Истребителю, уже начало смеркаться. Небо из цвета жженого янтаря перешло в темно-красный оттенок. Немногочисленные звезды, способные светить ярче лавового моря, мерцали над пламенем, словно рубины. Среди них сияла Сигендил, Верховная звезда Азира, - отметил Броддур, понимая, что означает это знамение. Они нашли Истребителя все еще стоящим там, он задумчиво на море Калдур в сторону огромной трещины, которую, как говорили, оставила в стене вулкана смертельная агония Вулкаторика. Там виднелись звезды.

— Это ведь не уловка, правда? Не сон. Не шутка Темных Богов.

— Это... Карак Унбак, - сказал Броддур. — Хребет Саламандры. Акши. Одно из восьми Владений Смертных. Если это иллюзия, то она велика и, несомненно, влияет на нас всех.

— Этот зверь знал меня. Или думал, что знает.

Истребитель оглянулся через плечо. Помимо Броддура и Форна, за ним наблюдали несколько Очаговых Стражей Жаргрим под командованием самого Крага Черного Молота. Отмеченная кузнечными работами плоть рунного мастера была темнее шифера и вся покрыта знаками и рунами. Он стоял, опираясь на посох, обнаженный, если не считать пояса с тяжелыми золотыми ключами. Его вспыльчивость, когда он обнаружил, что скавены ушли еще до того, как он и Арук-Гримнир вышли на бой, была вулканической. Более достойного и более вспыльчивого дуардина не существовало во всех Владениях Смертных.

Истребитель вел себя так, словно ему было все равно.

Он швырнул камень в лаву, где исчезло чудовище. Камень зашипел, окрасился в красный цвет и растаял в море.

— Моего мира больше нет. Человеч...

Он остановился, как старый воин, инстинктивно потянувший мышцу, о боли которой он забыл. Некоторые истории, знал Броддур, с каждым разом причиняют все больше боли. В этом и заключалась их сила.

— Те, ради спасения которых я пошел на верную гибель, тоже исчезли. Их нет уже тысячи лет. Я говорил тебе, что Гримнир лжец.

— Ты действительно видел Гримнира?

Готрек постучал двумя пальцами по щекам. Вот этими самыми глазами. Он даже отдал один из этих глаз мне, как будто восстановление половины моего зрения принесет ему прощение.

— Каким он был?

Истребитель фыркнул, но ничего не ответил. Броддур не мог не разочароваться.

— Откуда ты родом, Искатель Рока?

— Теперь это уже не имеет значения, не так ли?

Посох Крага Черного Молота стукнул по камням моста. Броддур почтительно склонил голову и замолчал при приближении почтенного рунного владыки.

— Действительно, — сказал Краг. Его голос был огненным, отмеченным возрастом и жаром, а слова произносились, словно наковальня опускалась на землю. Твердо. Безапелляционно. Вполне возможно, с вызовом. — Не имеет. Сейчас важно лишь забрать у скавенов мою Мастер-Руну.

— К черту твою Руну, — сказал Готрек.

Броддур замер.

— Что? — сказал Краг, слишком изумленный такой дерзостью, чтобы обидеться.

— Кто-то вбил тебе золото между ушей? Мне плевать на твою чертову Руну.

— Ты принял Зангром-Тхаз, и он тебя не убил. Ясно, что тебя послали сюда не просто так.

Готрек горестно вздохнул. Трудно было вспомнить, что это тот самый дуардин, который с радостью бросился в пасть богозверю. — Да. Возможно. Спросите эльфийку, которую я оставил у вашего хранилища. Она, похоже, что-то знала и интересовалась этим больше, чем я.

— За пределами магмахранилища аэльфов не было.

Броддур и Форн одновременно кашлянули и молча переступили с ноги на ногу.

— Мы могли... э-э... оставить ее без охраны. Немного, — сказал Форн.

— Я не беру свои слова обратно, даже если вы и вправду реальны, — сказал Готрек, — вы — странная и жалкая подделка настоящих гномов.

Краг оскалился. — Тебя принял Зангром-Тхаз, ты овладел великим топором мрачногневов Унбаки, ты победил богозверя Игнимбриса — но

кем ты себя возомнил в огне Акши, чтобы так неуважительно разговаривать с рунным владыкой и его ложей?

— Может, если бы ты носил не только украшения и бороду, я бы...

Броддур ударил рукоятью своей иконы по земле и лишь слегка поморщился, когда Краг, Готрек, Форн и все Стражи Очага сомкнули на нем свои взоры. — Он — Гrimнир, — выдохнул он. — Он стал целым и вернулся к нам.

Большинство собравшихся Стражей Очага усмехнулись, переговариваясь между собой о глупости кузнеца битвы и бросая в его сторону обвинения в заки. Однако те, кто видел, как дуардин вышел из огня Карака, как тот же дуардин с Зангром-Тхазом одолел Игнимбриса, были не так скептично настроены.

— Я знаю, что лицо Искателя Рока всегда влекло тебя, Броддур, — неожиданно рассудительно сказал Форн. — Но это похоже на безумие.

— Ты отрицаешь, что однажды он вернется, как и обещал? Когда будет собрано достаточно пра-золота и Великая Четверка вновь восстанет, чтобы принять его вызов?

Форн выглядел достаточно смущенным. Несколько бормочущих Стражей Очага вновь посмотрели на Готрека. Истребитель же просто стоял нахмурившись, как будто Огнеубийцы разговаривали между собой и это его не касалось.

— Возраст, мастерство, богатство — я привык уважать эти вещи, называть короля королем. Я даже не знаю, что делает короля...

Истребитель пошевелился, когда в разломе на склоне горы вдалеке разразился гром. Он поднял голову, и Броддур проследил за его взглядом: молния сверкнула в проломе стены Карака. Он понял, почему это привлекло внимание дуардина.

— Должно быть, я не пил дольше, чем предполагал, — сказал Готрек, протирая глаза и снова поднимая взгляд. Мне показалось, что в этой молнии я увидел человека.

— Многое изменилось в мире, Истребитель. Мощь, которую брат Гrimнира, Грунгни, выковал из Небесных Ветров в уплату долга Сигмару, вызывает у меня трепет в бороде даже на расстоянии тысячи лиг.

— Грунгни, говоришь? Сигмар?

— Ты знаешь их тоже?

— Тише, бороденыш, и расскажи мне, что это я видел.

— Прошло два столетия с тех пор, как Сигмар отвоевал Врата Азира, но Хаос не так легко победить. По всем землям под Хребтом Саламандры, где стоят первые магмахолды, маршировали их полчища. Сигмар послал легионы своих Грозорожденных Вечных, чтобы противостоять им, но эта буря... - Броддур сделал паузу, словно у земель, имеющих значение, были имена, которые требуют почтительного времени для произнесения. Огнеубийцы услужливо замолчали. — Это вольный город Хаммерхол Акши.

— Именно там в конце концов будет сокрушен Хаос в Великом Пекле, - сказал Форн.

Броддур уловил в усталом взгляде Готрека что-то похожее на интерес, а может, простое узнавание.

— Расскажи мне об этих *Грозорожденных Вечных*.

Броддур обратился за поддержкой к Крагу. Рунный владыка наверняка мог бы ответить на этот вопрос лучше него, но, судя по хмурому лицу Черного Молота, сейчас он не был настроен на это.

— Я мало что знаю. Говорят, что это величайшие герои человечества, души, собранные со всех Владений Смертных и всей истории, чтобы стать воинами Сигмара.

Истребитель задумчиво почесал бороду, и отметины той депрессии, что нахлынула на него, заметно спали с его лица. Он встал и наклонился, чтобы поднять свой большой топор.

— Человеческие герои, говоришь? Я знал одного из них. Когда-то. Возможно, мне все-таки есть чем заняться здесь. Может, меня вернули не просто так, как ты говоришь. Я хотел бы увидеть одного из этих Грозорожденных Вечных воочию, если уж на то пошло.

Он повернулся к Броддуру, и сердце бойца заколотилось от радости. У него сложилось впечатление, что до этого момента Истребитель не смотрел на него по-настоящему.

— Кто здесь знает дорогу в Хаммерхол?

ЧАСТЬ 2

Незабытое

ГЛАВА 7

— Налево, налево! Построиться в шеренгу!

Длинная колонна эдассийских мечников с грохотом остановилась. Джордайн с тревогой взглядался в угольно-черные деревья, окаймлявшие Великий Пепельный тракт, но все было бесполезно. Факелы полка не могли пробиться сквозь лесной сумрак. Безжизненные деревья скреблись под дымным, едким ветром. В этом лесу не было ничего, что не было бы давно мертвым, но Джордайн все равно содрогался от этого ощущения.

По приказу манезомо Осаяндэ Вольная Гильдия выступила в ночной поход, надеясь добраться до крепости Сдвоенных Огней до рассвета: лучше идти при свете факелов, рассудил манезомо, чем становиться лагерем в Обугленном лесу.

Когда Иясэ Лоба прокричала приказ, Джордайн извлек из ножен свой меч с длинной рукоятью и повернулся лицом налево. Остальные люди из его отряда, мечники в красно-черных ливреях и золотых кольчугах, последовали его примеру. Джордайн ожидал увидеть, что такой же маневр одновременно выполняют пять тысяч эдассийских пехотинцев, но ничего подобного не увидел.

Несмотря на внезапную остановку, темноту и отчаянные крики, он еще не до конца осознал, что ему можетгрозить опасность. Он был наследным принцем Эдассы. Этих вещей не могло произойти. Он ощущал, как будто он все еще находился в университете, полусонный и снова опоздавший на занятия, слушая из окна общежития инструкторов по строевой подготовке на Красном Песке. Засада глухой ночью и рукопашная схватка в лесу просто не соответствовали рассказам о героизме, которые он впитал в детстве при дворе.

— Готовься!

Джордайну показалось, что он что-то слышит. Птичий крик, издаваемые теми, кто уж точно не был птицей. Шелест деревьев, в которых не было жизни при отсутствии ветра. Он чувствовал гул рыхлой поверхности Великого Пепельного тракта. Напоминало наступающую кавалерию, но ничего не было видно. Во рту у него пересохло. Он переступал ногами в пыли, словно готовясь к бегству, но знал, что бежать некуда - вокруг него выстроились мечники Эдассы. Он сказал себе, что это будут всадники

эзомо, но что-то в их ритме и походке навело его на мысль о стае нелетающих птиц. Конница с двумя длиннопальными ногами вместо четырех.

Сигмар, подумал он, я действительно собираюсь сражаться. Ему вспомнились бесчисленные часы, проведенные в мечтах над "Историей войн за Врата Владений" Мемихира Акпани, когда он жалел, что родился слишком поздно для тех славных битв.

Джордайн взял меч в двуручный хват. Его руки так вспотели, что он искренне боялся выронить его. Он не хотел думать о том, как это может выглядеть для мужчин и женщин под его предполагаемым командованием. Его назначили эзомо Первых Эдассийских Львов по трем причинам. Во-первых, он был единственным сыном королевы Каринэ. Во-вторых, манезомо приходился ему двоюродным братом. И в-третьих, он был трижды правнуком легендарного Кюкайна Друже-Молота. Ни одна из этих причин не казалась ему сейчас особенно веской.

Он посмотрел на Иясэ Лобу, чтобы получить поддержку.

Женщина появилась из темноты, осматривая свою шеренгу критическим взглядом и время от времени одобрительно кивая. Лоба была ниже ростом, чем большинство мужчин в ее роте, и такая же морщинистая, как песок пустыни. В темноте она тускло поблескивала сталью меча и золотом кольчуги. Ходили слухи, что она сражалась в последних битвах Войн за Врата Владений войн, хотя Джордайн был почти уверен, что она не может быть такой старой.

— Арканиты Видящего Легиона - не более чем варвары, - хрипло кричала Лоба, прихрамывая. — Старики, одаренные силой и долгой жизнью своим извращенным хозяином. Не то что мы. Наше мастерство зарабатывается потом, трудом и верой в Сигмара. Наша сила достается нам не ценой души, а безвозмездно отдается Красным песком. Посмотрите на женщину слева от вас. На мужчину справа. Вместе устоим. Львы Эдассы!

Первые Эдассийские Львы взревели, как звери-покровители их города, когда Иясэ встала в первую шеренгу рядом с Джордайном. Никто из ветеранов-мечников не выглядел особенно удивленным его почтением к Иясэ и уж тем более не был обеспокоен этим. Джордайн даже не обиделся. Он чувствовал откровенность во взгляде Лобы, когда она оглядывала его с ног до головы: пластинчатые пластины богатой эдасской

кожи, красный шерстяной плащ с символом Льва Огенного Рубца, стальная корона полкового эзомо.

— Мои глаза, должно быть, подводят меня, и мои годы наконец-то настигли меня. Похоже, у тебя руки трясутся.

Джордайн нервно улыбнулся. Он надеялся, что в темноте она этого не заметит. — Просто нетерпелив, Иясэ, — солгал он.

— Никаких последних пожеланий?

— Я не настолько Великий принц, чтобы не понимать, когда следует держать рот на замке.

— Итак, мы наконец-то научили тебя чему-то.

— Когда ты говоришь «последних...»

С шквалом пронзительных, нечеловеческих воплей враг, который, как Джордайн надеялся, всё же не окажется там, вырвался из-за леса. Их белые лица сияли, когда они выскочили в круг света, отбрасываемый факелами эдассийцев. В своих клювовидных шлемах и длинных плащах с синими перьями они напоминали стаю буйных, мельтешащих птиц, спускающихся с мертвых ветвей леса. Вот и появился Великий Враг, с которым Джордайн жаждал сразиться с тех пор, как стал достаточно взрослым, чтобы читать Алио, Кунджа и Кюкаина-Друже-Молота. Он гордился тем, что его храбрость выдержала первое испытание и что его первая встреча с силами Хаоса не закончилась бегством в ужасе.

— В атаку! — крикнула Лоба.

— Эдасса!

Джордайн столкнулся со грудой мышц. Воин был практически без доспехов, если не считать птичьего шлема и единственного золотого наплечника с голубоглазой эмблемой Видящего Легиона без век. Несмотря на это, Джордайн практически отскочил от могучего арканита. Варвар нанес резкий удар, от которого Джордайн едва успел уклониться лишь благодаря инстинкту.

Культист оттолкнул Джордайна, освобождая место для своего большого меча, и нанес удар над головой. Тяжелый ятаган врезался в поспешно поднятый меч Джордайна, с лязгом опустившись вниз и попав в ловушку львиных когтей на гарде. Джордайн плавно ушел в сторону, как его обучали на уроках фехтования на Красном Песке, и пнул варвара в спину, когда тот наткнулся на него. Арканит упал прямо на меч Лобы.

Джордайн яростно ухмыльнулся. — Плато Огненного Рубца — это земля Сигмара. Смерть культу Двуликих и смерть Глазу-что-Видит! Минуту назад он был в ужасе. Сейчас же он чувствовал живее, чем когда-либо. Сигмар, был ли он жив! Теперь он ясно понимал, как пережившие великие войны прошлого, смогли так ярко описать свой опыт.

— Молодец, эзомо, — выдохнула Лоба, вытаскивая свой меч из убитого культуиста. — У павлина, который расхаживает в плаще и короне перед дамами при дворе своей матери, в конце концов, есть немного стали в клинке.

Джордайн рассмеялся. Посреди всего этого хаоса это казалось единственным правильным поступком. — Мы как герои из Войн за Врата Владений, Иясэ.

— Соберись, принц.

— За Бога-Короля! — взревел Джордайн, оглядываясь по сторонам в поисках новых врагов. — За Сигмара!

— Сзади!

Он развернулся, когда лысый воин с длинным изогнутым мечом в одной руке и круглым щитом с нарисованным Оком набросился на него. Щеки воина были вытянуты и зашиты в улыбку вечного просветленного восторга. У него не было век.

— Твое просветление будет кратким и окончательным, эдассиец, — сказал он на удивление образованно, растягивая слова, как будто был еще одним университетским преподавателем, недовольным азирицкой грамматикой Джордайна, а не варваром, целящим ему в грудь мечом.

Джордайн уклонился в сторону. Меч арканита запутался в его плаще. Ткань с вышитым черным Львом Огненного Рубца обернулся вокруг оружия культуиста и безумно хлопал, словно терзая руку хаосита.

— Твоя душа принадлежит проигравшей стороне. Тебе никогда не достичь великих врат Хаммерхола Акши!

Джордайн ударил локтем в лицо арканита. Между ними не осталось места, чтобы кто-либо из них мог использовать меч. Культист хрюкнул и ответил ударом по запястью Джордайна краем щита. Джордайн вскрикнул, когда потерял опору и выронил меч, разжав хватку на рукояти. Он приземлился в взбитую, кровавую пыль дороги.

— Эзомо! — крикнула Лоба, повалив арканита на землю. Варвар исчез в мельтешении топочущих ног.

Острие меча вырвалось из шеи Иясэ Лобы.

— Л... Лоба!

Джордайн пораженно смотрел, как ветеран Иясэ издает свой последний вздох на зазубренном мече. Не о таком конце героев гласили легенды.

— Нет нет нет. Это не так, как должно быть. В старых историях герои умирают не так.

— Что тебе рассказывали о способе твоего просветления, юный принц? Варвар вырвал меч из горла Лобы и в движении замахнулся щитом на Джордайна.

Пытаясь уклониться от удара, Джордайн споткнулся и тяжело упал на Пепельную дорогу. По удаче ему удалось приземлиться недалеко от того места, где лежал его меч. Он схватил его с земли и нанес удар, яростно рубя неприкрытые голени арканита.

— За Бога-Короля! — выдохнул Джордайн, его сердце трепетало от ужаса и восторга, когда убийца Лобы с криком рухнул на колени. Какой-то воин, которого он никогда не видел, воспользовался возможностью и отрубил варвару голову.

Когда обезглавленный труп рухнул, он вспыхнул головокружительным розовым и синим пламенем. К тому времени, как он коснулся земли, пламя уже потухло. На глазах Джордайна мускулистый культист, с которым он сражался, превратился в старика в домотканых одеждах. *Безумие*, — подумал Джордайн. *Безумие*. Он хотел, чтобы это было просто страшным сном.. Он читал о так называемом «Кайрическом Испытании Девяти», в ходе которого мужчины и женщины, посвятившие себя книгам и обучению, могли, продав свои души Изменяющему Пути, превратиться в закаленных воинов, но он не верил, что это возможно.

Во всяком случае, как и рассказы о войне, они не смогли полностью передать весь ужас.

Тело Лобы лежало в пепле дороги, где и упало. Ее спина была выгнута, как будто ее последние минуты прошли в агонии боли. Рот у нее был широкой кровавой дырой, и она походила на выброшенную рыбу, из которой неаккуратно вышел крючок.

Он почувствовал себя плохо.

Он выползл от рукопашной так быстро, как только мог. Джордайн вообще всё ещё думал, что если удастся просто сойти с дороги и попасть

в Обугленный лес, то арканиты могут не заметить этого в развернувшейся бойне.

И бойня была подходящим словом для этого. Видящий Легион застал эдассийцев врасплох. Это уже не было сражением. Это была именно бойня. Дорога между ним и лесом была завалена телами. Лица некоторых он узнал. Исокэ. Нурбезэ. Гейвэ. Солдаты, с которыми он тренировался и которыми предположительно командовал. Теперь он лежал с ними. Он полагал, что это справедливо. Вкус тошноты наполнил его рот.

Его трясущиеся руки нашли железное колесо боевой повозки эдассийцев. Она стояла на противоположной от засады арканитов стороне дороги и, похоже, была пуста. Он использовал большое колесо, чтобы выпрямиться, и его тут же вырвало. Почувствовав себя немного лучше, он снова выпрямился, вытер рот краем плаща и поднял меч для защиты.

— Сигмар, сохрани нас.

Куда бы он ни повернулся, Свободная гильдия Эдассы была в меньшинстве.

Небесные угли и огненное сияние земли, своего рода постоянные спутники акшийских сумерек, освещали дюжину или около того рот Эдассы, бегущих на восток по Великому Пепельному тракту. Мародеры верхом на чудовищных синих пернатых боевых птицах выли ругательное имя «Тзинтч», настигали и беспощадно истребляли их.

— Как? — пробормотал он, ошеломленный. — Как это произошло? Где всадники манезомо?

Он посмотрел на запад. Там продолжали сражаться несколько сотен мечников и стрелков. Было очевидно, что они долго не продержатся.

Внезапное сокрушительное чувство разочарования прогнало его панику. Неужели именно так он умрет? У него были мечты. Амбиции. Он хотел увидеть, как Лев Эдассы перелетит стены Хаммерхола Акши, чтобы сражаться в войне, которая имела бы такое же значение, как Кюкаин-Друже-Молот. Его предок возглавлял Свободные гильдии Азириотов вместе с Первыми Выкованными Грозорожденными Вечными, Молотами Сигмара, и освободил половину Пепельноземелья, основав свободный город Эдассу как венец своих достижений. Статуя из песчаника высотой двадцать футов стояла над Вратами Героев. Неделя святых дней ознаменовала его победы. Возможно, это была детская фантазия, но Джордайн хотел подобной судьбы.

Тroe арканитов неторопливо двинулись к нему, наслаждаясь его неминуемым осознанием собственной смертности. Они больше не чувствовали необходимости торопить события. Почти никто из полка Джордайна уже не сражался. Джордайн принял защитную стойку, с огромным колесом повозки за спиной. Какая-то решимость охватила его. Больше, чем страх, он был удивлен самим собой.

— Увидь меня, Сигмар, — взмолился он, — таким, каким ты когда-то увидел моего пра-пра-прадеда...

— Умри! — завопил первый из арканитов, преодолев последние несколько ярдов в прыжке и вынудив Джордайна побыстрее завершить свою молитву.

— ...и увел его с поля боя на пороге смерти!

Джордайн сделал быстрый шаг в сторону и мощным ударом навстречу отбил серповидный клинок арканита в сторону. — Танцующий скорпион, — пробормотал он себе под нос, делая шаг назад, с легкостью перенося вес на пятки. Каждый финт и движение были вбиты в него Лобой на Красном песке и вдруг стали частью него, памятью мускул и крови. — Уворот Акуксена. Он поймал на лезвие зазубренный меч и вывернул его, заставив культиста отступить. — Львиная лапа. При этом он сам на секунду потерял равновесие, и щит третьего арканита повалил его на землю. Ему следовало понимать, что лучше не пытаться сражаться сразу с тремя культуистами сразу.

Он закрыл глаза. Он был готов.

Он услышал *грохот* и вздрогнул когда что-то очень тяжелое и острое ударило по чему-то очень живому до того момента. Джордайн моргнул, когда кровь стала заливать ему глаза. Арканит, сбивший его с ног своим щитом, внезапно вспыхнул, а двое его товарищей развернулись, чтобы встретить новую угрозу.

— Казук! Казук!

— Видишь, творец историй? Мне нравится, как они сгорают для меня при смерти.

Джордайн посмотрел на небо, размышляя, было ли это тем чудом от Сигмара, о котором он молился. Он нащупал свой меч в пыли и вонзил его в культуиста, пробив тому живот и хребет. Последний из стоящих хаоситов повернулся и, широко раскрыв глаза, направил свой меч к горлу Джордайна. Он перехватил культуиста за запястье и напряг все свои силы,

пытаясь удержать острие перед своей шеей. Однако клинок опускался всё ниже и ниже: нечестивая сила арканита давала о себе знать.

— Я заберу твою душу с собой в Лабиринт, эдассиец!

Внезапно давление ослабло. Громоподобный удар топора развалил голову культуиста пополам, и жар огня прожег его насквозь прежде, чем собственные дикие огни успели охватить хаосита, обдав Джордайна зловонием. Джордайн испытал облегчение, что его уже стошнило, и прикрыл рот рукой, наблюдая, как чудовищно мускулистый дуардин с окровавленным гребнем огненно-рыжих волос стряхивает труп со своего топора.

— Сплощные хрящи и кости, — посетовал дуардин, освободив своё огромное оружие. Джордайн уставился на него, всё ещё в шоке от того, что не погиб.

— Давай вставай... — дуардин на мгновение посмотрел на него.

— Человечий отпрыск. Здесь ещё полно работы.

ГЛАВА 8

Небо стало оранжевым, а над восточным горизонтом поднялся чудовищный огненный шар, осветивший земли под собой. Джордайн не мог поверить, что уже рассвело. Он подумал, что уснул, сам того не заметив. Он смотрел на жуткие черные деревья по обочинам Великого Пепельного тракта, окрасившиеся в кроваво-красные оттенки рассветным солнцем, и что теперь стало видно вдали.

Десять металлических виселиц стояли вдоль дороги. С каждой на цепи свисал скелет. В той или иной мере каждый из них был отмечен касанием Хаоса. У некоторых были рога, хвост, руки, растущие прямо из груди, третья глазница в ухмыляющемся черепе. Под воздействием какого-то колдовства сухие кости продолжали гореть, пускай и слабо, отбрасываемые ими тени мельтешили и бились, словно в предсмертной агонии на темно-пепельной дороге. Ещё десять скелетов висели напротив, на другой обочине.

Джордайн натянул поводья и остановил грохочущую военную повозку. Лошади фыркали и недовольно переступали по дорожной пыли и пеплу. Защищенные металлическими шлемами и укрытые накидками из львиных шкур они чувствовали жар. Как и подобает существам Акши, они не могли стойко переносить неудобства. Он пожалел, что у него нет воды, чтобы угостить их. Впрочем, он бы и сам был не против напиться.

— Что за новая чертовщина? — хмыкнул Готрек. Он сидел рядом с Джордайном на облучке и смотрел на двадцать горящих виселиц.

— Это мильные столбы. Мы в двадцати милях от крепости.

— Я спрашиваю про тех, кто висит на столбах. Они — люди?

— Нет, если только ты не встречал людей с рогами, крыльями и хвостами.

— Я не буду тревожить твои грезы рассказами о том, что повидал, человечий отпрыск. Они явно давно мертвы. Как они до сих пор горят?

— Это ведь Акши, Владение Огня. Кроме того...

Он замялся, но похоже, Готрек был удовлетворен ответом.

— Обожди в повозке, человечий отпрыск.

— У...угу, сонно пробормотал Джордайн, пока дуардин спускался с платформы, предназначеннной для людей вдвое выше него ростом и вдвое меньше — весом.

— Я собираюсь осмотреться и немного размять ноги.

Джордайн устало кивнул, с трудом разлепляя глаза. Дуардин зашагал по дороге в мрачных тенях Обугленного леса, а его большой топор мерцал, как факел, когда он проходил мимо освещенных мильными столбами участков. Чем дальше он уходил от повозки, тем заметнее становились толчки и пихания позади.

— Ты встал на мою ступню.

— Ты коснулся моей ноги.

— Сядь на скамейку, иначе через минуту вылетишь за борт.

Джордайн вздохнул. В повозке ехали девять яростных Огнеубийц и их снаряжение. Они были ниже людей ростом, но потрясающе мускулисты. Каждый занимал вдвое больше места, чем человек, а кабина повозки была рассчитана на шестерых. Дуардина не носили ничего, кроме набедренных повязок, браслетов, поясов и причудливых головных уборов, но всё это было громоздким, и, похоже было сделано из чистого золота. В одном месте было столько богатства, что его хватило бы на целое королевство. Если бы Джордайн не был наследным принцем, то мог бы и поддаться искушению. Захватить Эдассу было, пожалуй проще, чем золото Огнеубийц, если судить об их воинских навыках по недавнему бою с арканитами.

— На что ты смотришь? — спросил тот, которого звали Броддур.

Он был лидером и своего рода переводчиком ворчливых речей Готрека на свой собственный острый язык для пользы окружающих. Он делал это с неправдоподобно долго, оставляя своих родичей оглаживать свои бороды и задумчиво глядеть в лес в попытках осмысления глубины услышанного. Всякий раз, когда его терпение иссякало, что случалось не так уж и редко, кончики его волос и бороды вспыхивали. Джордайну хотелось узнать, чем он мог так обидеть Огнеубийц.

— Я просто хотел узнать, всё ли у вас там в порядке?

— Золото.

— Если я вас чем-то обидел, то, надеюсь, вы расскажете мне об этом.

Броддур хмыкнул, но потупил взгляд, словно что-то смущало его.

— Здесь пахнет кошками.

— Я полагаю, что это...э-э...запах шкур Львов Огненного Рубца, которые накинуты на лошадей. Это священные животные Эдассы.

— Дай дам немного горячих камней и серы, нам полегчает.

— Или место, где можно помахать топорами, — проворчал один из его

сородичей.

— Или бой, как в последний раз, — сказал ещё один, ерзая, похлопывая ладонями, ругаясь, и склоняясь то в сторону веселья, то к жажде насилия. Джордайн не стал притворяться, будто ничего не понимает. Он чувствовал себя, словно ехал на пороховой бочке.

Он вернулся мыслями к сражению. Одни воспоминания были путанными и страшными. Другие были размыты кровью и огнем.

— Ты имеешь ввиду засаду. Сигмар, это была настоящая резня. Все мертвые, кроме меня. Какой-о принц, которым я оказался. Словно какой-то герой легенды.

Броддур наклонился вперед к облучку, вызвав скрип повозки. — Знаешь ли ты историю этих лесов? Когда Вулкатрикс вдохнула в Акши первый огонь, то эти края погрузились в такое инферно, что деревья мгновенно обратились в пепел. Десять тысяч лет стоят они так. Ни один герой не продержался столь долго, даже легенды о них.

Перебранка в кабине стихла. Поначалу Джордайн решил, что дело в рассказе, поскольку Огнеубийцы, похоже, уважали хорошие истории почти также, как золото и насилие, но только если истории была о золоте или битвах, но потом заметил Готрека, топающего обратно к повозке. Тот бормотал себе под нос, неловко забираясь обратно на облучок. Внезапная тишина в кабине удивляла.

— Всегда считал, что единственное хорошее дерево — это мертвое дерево. Я передумал.

— Если плато Огненного Рубца не по вкусу, то Акши — огромное Владение, — сказал Броддур. Есть континенты Аридия, Витролия, Капилария, которые можно исследовать. У каждого — свой характер. Я слышал, что огонь этого мира даже уменьшается по мере приближения к центру. Там даже растет зелень из земли, а небеса — голубые. Он слегка насмешливо произнес: — Если такое можно вообразить.

— Звучит превосходно.

Джордайн не смог уловить, язвит Готрек или нет.

— И не стоит забывать, что за пределами Акши есть ещё семь Владений Смертных, которые доступные для исследований, владыка Гrimnir.

— Я предпочитаю Царство Хаоса. Оно остается таким же, каким всегда было. Со своими причудами и своей извращенной логикой.

Джордайн поднял поводья и наклонился к Готреку. — Почему кузнец всё

время называет тебя Гримниром? – шепотом спросил он.

Гораздо менее тактично прорычал в ответ. — Потому что его род — короткобородое племя, у которых вместо мозгов хворост. Огнеубийцы в кабине зашумели, но что удивительно — не стали спорить. — Передай мне поводья, человечий отпрыск. Двадцать миль — путь не близкий, а ты уже выглядишь едва живым.

Джордайн собирался возразить, но у него не хватило сил даже на это.

— Делай, как говорит Искатель Рока, — сказал Броддур. — Дуардинам нужен совсем небольшой отдых.

— Ага, — сказал Готрек, так крепко ухватив поводья, что Джордайн услышал, как скрипит кожа от натуги. Дуардин воинственно посмотрел на укрытые спины лошадей. — Насколько сложно управлять этой штукой?

Крепость была абсолютно черной и величественно возвышалась надо дорогой. Её стены были сложены из черного угля, который добывался из мертвых деревьев Обугленного леса. Высокие стены раскинулись между двумя реками, сходившимися в этом месте, и зажимавшими Великий Пепельный тракт в удобную для обороны позицию. Река справа представляла собой медленно движущийся поток лавы. Слева же тек широкий поток воды, непрестанно бурлившей на грани испарения. Обугленный лес был вырублен далеко вокруг крепости, и это очень успокаивало Джордайна. Готрек позволил ему проспать до самого последнего мильного столба, но он всё ещё чувствовал себя неважно.

— Значит, это и есть Хаммерхол?

— О, боги, нет. Хаммерхол — самый великий город во всех Владениях Смертных. Дом для миллиона людей, дуардинов и аэльфов, и его защищают целые Штормовые палаты. Стены высотой тысячу футов окружены огненным рвом. Перед нами же Крепость Сдвоенных Огней. Она охраняет Великий Пепельный тракт через Плато Огненного Рубца и примерно на полпути от Эдассы к Хаммерхолу-Акши.

Готрек окинул крепость оценивающим взглядом. — Негодная работа. Кто же строит крепости из угля?

Почувствовав себя уязвленным за свой народ, Джордайн указал на огромную статую, возвышавшуюся над крепостью. — Это он.

Черные доспехи статуи были настолько отполированы, что в окружении лавовых полей казались почти золотыми. Ореол огня окольцовывал

Закрытый шлем воина. Огромный боевой молот был устремлен к Владению Небес.

— Твой друг?

Броддур пододвинулся поближе и прочистил горло. — Полагаю, это Вандус Молоторукий. Он возглавил первые сражения, которые азириты упорно называют Войнами за Врата Владений. Как будто Ложа Унбак ни разу не поднимала топор за те века, что они прятались в своем драгоценном Владении.

— Если бы они не поступили так, то все Владения Смертных были бы сейчас захвачены Хаосом, — терпеливо объяснил Джордайн.

Огнеубийца фыркнул. — Так они любят нам рассказывать.

Готрек нахмурился, глядя на статую. Джордайну хотелось бы знать, о чем тот думает, но в дуардине было что-то совершенно нечеловеческое. Между ними была неодолимая пропасть. Джордайн не мог объяснить почему, но он чувствовал более близкое родство с Броддуром и его Огнеубийцами, чем с Готреком.

Со стен крепости донесся одинокный звук рога. Джордайн натянул поводья, и усталые лошади сбавили ход. Тяжелая военная повозка остановилась. Джордайн прищурился и приметил на крепостных стенах над воротами пятерых мужчин.

— Кто идет? — крикнул один из них.

Джордайн сложил ладони около рта и прокричал: — Я — эхомо Джордайн из Эдассийской Вольной Роты. Эти дуардины — друзья, которые без призыва пришли на помочь людям Сигмара на Великом Пепельном тракте.

— Действительно, люди Сигмара, — услышал он ворчание Готрека. — Которым нужна помощь на их собственной дороге.

— Вольная Рота Эдассы? — удивился дозорный. — Эдассийская Вольная Рота уже прошла через эти ворота. Не позднее, как три часа назад.

Джордайн почувствовал, что рот его открылся, пока он размышлял над ситуацией. Возможно ли, что истребление армии его кузена было не столь тотальным, как ему показалось в пылу сражения? Ведь и правда, было темно, а свалка в центре была особенно беспорядочной. Вероятно, передним отделениям колонны удалось пробиться и они оказались достаточно далеко впереди от Готрека и Огнеубийц, чтобы остаться незамеченными. Правда была и в том, что Джордайн видел, как многие

его соотечественники бежали в Обугленный лес. Он и сам пытался сделать тоже самое. Поскольку до Крепости Сдвоенных огней было всего полдня пути, а дорога была свободной, то логичнее было пытаться добраться сюда, а не домой в Эдассу.

— Мы попали в засаду Видящего Легиона Культа Двуликих. Около полудня пути позади на Великом тракте. Но я видел, как несколько сотен спаслись.

— Возможно, даже меньше, — пробормотал Готрек.

— Они ничего не говорили про засаду, — отозвался дозорный. — И через эти ворота прошли не несколько сотен, а пять тысяч человек.

— Но это невозможно! Из Эдассы в поход отправились пять тысяч человек.

— Более того, меня тогда приветствовал эзомо Джордайн из Эдассийской Вольной Роты.

Джордайн был ошеломлен. В голове было пусто. У него возникло ужасное ощущение, что на самом деле он умер там, на Великом Пепельном тракте и теперь бродит неупокоенным духом по Пепельным землям и наблюдает, как другие проживают его жизнь вместо него. Это была бессмыслица. Как мог существовать другой Джордайн? И где он, кем был он ни был, мог собрать ещё пять тысяч эдассийских солдат?

— Крепость Сдвоенных огней в тысяче лиг от Хаммерхола, но враг всегда рядом. Кожа Джордайна покрылась мурашками, несмотря на жар вокруг, когда он внезапно осознал, что в его сторону направлены арбалеты и луки. — Видящий Легион, Трижды Оспа, скавены клана Бойл — всех их заметили в Обугленном лесу. Знайте, что даже мерзкие козни повелителей культа Двуликих не застанут нас врасплох!

— Погодите. Вы совершаете о...

— Осаяндэ даже предупредил, что по их следам могут идти агенты Видящего Легиона, желающие проскользнуть через наши ворота и добраться до Хаммерхола как один из полков Вольной роты.

— Они — лазутчики. Я — наследный принц Эдассы, и меня не погонят, как какого-то бродягу или разбойника!

Даже сверху крепостной стены было видно, что дозорный забавляется. — Пять тысяч лазутчиков? Или дюжина? Или более вероятно, что это вы здесь, наверху, а я — внизу?

С рыком Готрек поднес топор к своей усеянной шрамами груди. Он

подышал на пламя между двух огромных лезвий, и оно вспыхнуло ярче.

— Только скажи, человечий отпрыск. Один удар этого топора, и ворота вспыхнут, как костер на празднике Грунгни.

— Погоди, сказал Джордайн, умиротворяюще протягивая руку к Готреку, а затем повернулся к стрелкам на над воротами. — Погоди! Ты сказал, что их вел манезомо Осаяндэ. Опиши мне его. Он был с темной кожей, как я? А он носил такой же плащ, как этот, красный с черным львом, и такую же серебряную корону с золотой каймой?

— Так и есть, — ответил дозорный, не понимая, к чему всё идет.

Джордайн сел обратно на скамью возницы. В ногах не осталось сил. Вот почему колонна не получила предупреждения о засаде. Осаяндэ допустил это. Хуже того, кажется, он пополнил свои потери культистами Видящего Легиона и ведет их на Хаммерхолл под предводительством Льва Эдассы. Сочетание стыда и усталости почти лишило его сознания. Ему стало всё равно, отдаст ли капитан дозорных приказ перестрелять их всех или нет. Слова для Готрека о пробивании ворот вертелись у него на языке.

— Я не понимаю. Как такой человек, как Осаяндэ, мог пойти против Бога-Короля? Как он мог?

— А ты хорошо его знаешь, этого... — Готрек скривил лицо, — Оса-яр-ди?

— Он командует войсками моей матери. Говорят, что он самый свирепый лев в Эдассе. Самый популярный полководец среди эдассийских солдат. И мой старший двоюродный брат.

— Семья, да. Некоторые вещи никогда не меняются.

— Я отдаю его голову на съедение львам. Тоже самое будет с каждым солдатом Эдассы, который последует за ним.

Готрек хлопнул Джордайна по спине, отчего тот едва не перелетел через борт повозки. — Молодчина, человечий отпрыск. Нет ничего достойнее, чем отомстить убийце родичей и нарушителю клятвы. Настроение Истребителя резко изменилось, его взгляд, казалось устремился в далекие воспоминания. — Мы все равно собирались в Хаммерхолл. Надо бы разобраться с твоим братом, пока там не начались убийства.

— Ты сделаешь это ради меня?

— Ты сделаешь это ради него? — спросил Броддур.

Тронутый до глубины души, Джордайн повернулся к стене. — Умоляю, дайте нам пройти. Неужели вы не видите, что от этого может зависеть выживание самого Хаммерхола? Взгляни на меня, разве не ясно, что я

человек из Эдассы?

— Не знаю, — ответил дозорный. — Я никогда не был в Эдассе.

— Но кто-то же должен был! Кто-то из местных. Золото моей матери содержит половину этой крепости!

— Полегче, человечий отпрыск, — сказал Готrek, — Никому не нравятся титулованные принцессы.

— *Дорки ванназ.*

Ворча на своём огненном языке, Броддур встал на одну и скамей в кабине повозки. Втянув огромный живот, он водрузил на борт свою странную икону. На высоком шесте располагалось изображение лица, которое, по предположению Джордайна, было лицом бога Огнеубийц Гrimниром. Сделанная из кованной стали, богато украшенная драгоценными камнями и золотом, икона взирала на крепость сердитыми глазами и открытым ртом, словно проклиная само её существование.

— Знаешь, Готrek, она немного похожа на тебя...

— Я — Броддур, кузнец битвы из Ложи Огнеубийц Карака Унбак, и мы докажем вам свою добрую волю своими делами. Броддур порылся в прикрепленном мешочке и извлек золотую бусину размером с большой палец.

— Так терять хорошее золото... — проворчал один из дуардинов, когда кузнец битвы поднял бусину вверх.

— Мы — солдаты Сигмара, — сказал дозорный. Неужели ты думаешь, что можешь купить нас своим золотом?

Огнеубийцы резко перевели дух.

— Купить вас? — щеки Броддура покраснели от гнева. — Что за порок человечества? Это часть моего бога, которую я держу в своей руке. Думаешь, я легкомысленно тебе его предлагаю?

На стене на мгновение воцарилась тишина — очевидно, капитан стражи и его подчиненные спорили о дальнейших действиях. Джордайн увидел, как они склонили головы и совещаются друг с другом.

— С тем же успехом можно было скатить его с горы, посетовал один из Огнеубийц.

— Они захлопнут ворота перед нашим носом, как только золото покинет твою руку, — сказал другой.

— Ну что ж, резко и громко сказал Готrek. — Мы будем знать, что делать, если выломаем эту дверь. Он взглянул на Джордайна. К удивлению,

Готрек ему подмигнул. — Не так ли?

Дозорный вежливым покашливанием вернул внимание Джордайна к стене.

— Убери свое золото, Огнеубийца. Этого слишком щедро для нас. Само твоё предложение — достаточное доказательство, что вы те, за кого себя выдаёте. Вы можете пройти и остаться на ночь в крепости.

Из-за стен донесся звук рога. Джордайн услышал лязг шестеренок и цепей, и ворота перед ним медленно отворились.

— Благодарим вас, но у нас нет времени. Нам следует отправиться дальше, чтобы не отстать от моего брата.

— Таковы условия, — твёрдо сказал капитан. — Смотритель Карамэ — эдассийка по происхождению. Она едет к Хаммерхольским Вратам, охотится на тзаангров Вечного Горения, но должна вернуться завтра. Я бы всё же попросил её поручиться за тебя, прежде, чем ты ступишь на Великий Пепельный тракт.

Готрек провел большим пальцем по лезвию своего топора. Языки пламени обжигали его кожу, но похоже он получал от этого удовольствие.

— Только скажи, человечий отприск.

Джордайн вздохнул и покачал головой. — Нет, я буду сражаться с настоящими людьми Сигмара. Глядя на верх стены, он добавил: — С нетерпением жду встречи с ней утром!

Он щелкнул поводьями, и военная повозка въехала в открытые ворота. Через плечо он увидел, как Броддур устраивается обратно, пряча свой сверкающий слиток.

— Благодарю тебя за предложение твоего золота, кузнец битвы.

— Я сделал это не для тебя, — сказал Броддур, нахмурившись, и Джордайну вновь показалось, что он чем-то обидел Огнеубийцу, — и нам лучше найти ещё один выход из этой крепости. На случай, если утром эта Смотрильница Карамэ не захочет иметь с нами дел.

ГЛАВА 9

Пиво Броддур стояло нетронутым. Оно едва успело закипеть, и в нём не было того аппетитного сернистого аромата, к которому он привык в Унбаке. Краем глаза наблюдая за солдатами Сдвоенных огней, он перекатывал золотую бусину большим и указательными пальцами. Готрек сидел по другую сторону липкого черного стола и шумно поглощал яичницу с ветчиной. Джордайн сидел рядом с ним и тихонько похрапывал, положив голову на стол. Броддур жалел, что не знает, чем этот совершенно непримечательный человек мог заслужить такую приязнь Искателя Рока.

Остальные Огнеубийцы разбрелись по переполненному общему залу, громко напевая известную застольную песню Унбаки о матроне-пивоварщице и её пропавшей золотой монете.

- Валдаринн ванраг эк брынит? (Вальдаринн, что ты делаешь?)
- Гуз! Нараз! Валдарин ванраг эк брынит? (Пиво! Радость! Вальдаринн, что ты делаешь?)
- Гуз онг! (Пиво раз!)
- Гуз тво! (Пиво два!)
- Гуз две! (Пиво три!)
- Най брынит бин ор кап. Ангуз валдаринн! Ут анскрат экбрунти. (Налей-ка пива мне чарку иль чашу. Милая Вальдаринн! Вот тебе монета!)
- Гуз фут! (Пиво пять!)
- Гуз сак! (Пиво шесть!)
- Гуз сиз! (Пиво семь!)
- Гуз сэм! (Пиво восемь!)
- Гуз одро! (Пиво девять!)
- Най брынит бин ор кап. Ангуз валдаринн! Ут анскрат экбрунти. (Налей-ка пива мне чарку иль чашу. Милая Вальдаринн! Вот тебе монета!)

И так далее...

Различные слуги, извозчики, солдаты и местные жители, заполонившие пивную изо всех сил старались не обращать на них внимания, но восемь Вулкитовых берсерков, настроенных на выпивку и пиршество, было бы трудно игнорировать и в более спокойные времена. Заведение было

переполнено ещё до того, как прибыл Готрек и «нашёл» свободный стол. Он полагал, что именно так и поступали люди, когда Хаос шествовал по Владениям Смертных. Они бежали к ближайшему укрытию вместо того, чтобы сражаться и забрать свою славу и золото. Броддур с сожалением наблюдал за своими крепко выпивающими сородичами. Из тысяч тех, кто носил в себе пламя Карака, только эти восемь узрели истинную божественность Истребителя.

Готрек громко рыгнул, вытирая желток с подбородка о предплечье. — Что ты там бормочешь, творец историй?

— Ничего.

— Яйца тухлые, — внезапно сказал Готрек без всякого повода. — И ветчина на вкус как... Что это был за низкий дракон, на котором вы скакали, как горные эльфы?

— Полагаю, ты имеешь ввиду магмадрота?

— Ага. Магмадрот. На вкус как ветчина, в которую помочился магмадрот. И с какого конца ящерицы его отрезали?

— Вообще-то это хаггидд, разновидность норовистых ка...

Готрек осушил свой кубок и издал ещё одну громоподобную отрыжку. — А пиво слишком горячее. Вкус такой, словно в нем и отварили эти яйца. Он вздохнул. Мир без «Багманского» — не такой, в котором я бы хотел прожить долго.

Броддур заскрежетал зубами, выслушивая тирады Готрека. Каждый день был одинаковым. Солнце — было слишком большим. Он — двигался неправильно. Броддур мог бы уже заткнуться: его собственный голос стал напоминать шута Крака Драка. Несмотря на свои рассказы Джордайну о выносливости дуардинов, он был далеко, очень далеко за своими пределами, когда его изводил Искатель Рока.

Бог или не бог?

Прикусив губу, Броддур вернул своё внимание к золотой усине между пальцами. Осмотрев насечки на одной грани, он задумчиво нахмурился, достал из висевшего на поясе набора письменных принадлежностей небольшой резак и принялся наносить знаки на соседнюю грань.

— Что ты там делаешь, творец историй?

Истребитель, похоже, был раздражен тем, что его последняя тирада осталась без должного внимания. Броддур был неожиданно доволен собой.

— Так кузнецы битвы записывают наши истории. В золоте. На таких вот бусинах, как эта, которые можно прочитать даже на ощупь. Посмотри, — Броддур передал Готреку свою бусину, и тот провел жирным мозолистым пальцем по рождающейся руне. — Скорун Огнегрив дал мне двадцать таких в качестве прощального подарка.

— Что написано на первой?

— Это первая глава о моих приключениях с Гри..., — Броддур нервно кашлянул. Он и его родичи уяснили, что с Истребителем можно хоть как-то договориться, только если не называть его этим именем. — С Готреком, — закончил он.

— Так значит, ты — кто-то вроде запоминателя?

Броддур почувствовал, как в его животе вспыхнул огонь и улыбнулся Истребителю через стол. Наконец-то он смог показать Готреку что-то, что тот понял и оценил. — Полагаю, можно назвать и так.

Готрек хмуро уставился на свое блюдо. Словно тьма внезапно подкралась и обхватила его, захватив внимание, которое тот уделял Броддуре. Он взялся за нож и вилку и принялся за еду, которая по его же заверениям, была никудышной. — Мне больше не нужен запоминатель.

Броддур поднял взгляд, когда веселый гомон внезапно утих, и заметил, что только что вошел человек. По крайней мере, Броддур полагал, что это еще человек. Он видывал проклятых призраков и с большим количеством плоти на костях. Аметистовая мантия была изодрана и покрыта сажей. Черные волосы незнакомца были жидкими и поседевшими. Даже Огнеубийцы отступили на *Гуз-две*, когда человек осмотрел комнату, словно змей, стерегущийся магмадротов. Затем он зашагал к барной стойке.

— Стакан вашего арака с Острова Черепа.

— Конечно, мастер.

— Оставьте бутылку.

— Как пожелаете.

Броддур наблюдал, как мужчина проследовал к угловому столику, который оставался подозрительно свободным, словно специально придерживали для него, на случай, если он появится. Шум и гам постепенно возобновились, когда он сел. Огнеубийцы решили, что всем восьмерым надо выпить и начать снова, начиная с *Гуз онг*.

— Никогда бы не подумал, что люди могут быть настолько тощими.

— Его зовут Утан Курганоходец, - сказал Готрек, уплетая яичницу с ветчиной.

— Как ты узнал?

Истребитель указал большим пальцем на тонкую дощечку из обугленного дерева, отделявшую общий зал от кухонь. — Мне сказал бармен. Уверял, что это как раз тот человек, который нам нужен, если мы хотим уйти отсюда до рассвета, и что мы узнаем его, как только он появится. Думаешь, я просто так сидел здесь и наслаждался яичницей?

— Зачем мне так думать?

— Некоторые из нас способны есть и быть полезными одновременно.

— Почему все так нервничают? Полагаю, они боятся его даже больше, чем нас.

— Мне сказали, что он колдун. Неужели совсем не похож?

— Он весь в саже.

— Ага. По словам бармена, он кто-то вроде отшельника и знает всевозможные потайные ходы к крепость и из неё. О, и он безумен, как-то так.

— Знаешь, сколько раз за всю историю моего народа нам помогал встречененный в таверне колдун? Никогда. Ни разу.

— Ты будешь допивать пиво, творец историй?

— Броддур опустил взгляд. — Оно даже почти не пузыр...

Готрек протянул руку и ухватил пиво прежде, чем Броддур успел договорить. Зачем осушил его одним глотком. — Никогда не доверял гному, который не может допить своё пиво, - сказал он, хлопнув пустой чаркой о стол. — Пойдём-ка туда.

— С чего бы ему вообще нам помогать? Он не знает нас, а войны Сигмара нас не касаются. По крайней мере до тер пор, пока нам не заплатят достаточно.

— Он поможет.

— Может разбудить принца?

— Я знаю, как разговаривать с волшебниками, творец историй.

Вздохнув, Броддур подхватил шест с иконой и последовал за Готреком к столу колдуна.

— Хей, колдун!

Утан Курганоходец вскрикнул дикой птицей, когда Готрек притопал к нему. Он вцепился в край стола скелетно-тонкими пальцами, а в глубоко

посаженных глазах сверкнули всполохи аметистовой магии.

— Кто? — спросил он сиплым голосом. — Что? Как? Где?

— Спокойно, колдун, сказал Готрек. — Я всего лишь прошу тебя об услуге, вот и всё.

Утан еле заметно расслабился. Броддуру всё ещё казалось, что в любой момент колдун может улизнуть. Пальцы волшебника нервно барабанили по столу, и Броддур заметил, как крошечные духи выползают из углей и обвивают его костяшки, словно призрачные кольца. — Услуга, говоришь? Дуардины не просят об услугах. Особенно — у людей. *Наш* век слишком короток. Он хихикнул, словно сказал что-то забавное, понятное только ему. В итоге-то. Что делать, если человек умрет, не получив причитающееся? Что тогда, дуардин? *Что же тогда?* Пальцы волшебника продолжали неистово барабанить по столу.

Готрек с неприкрытым отвращением смотрел на духов, просачивающихся сквозь столешницу. Он крепче ухватил свой топор. — Лич. Бармен ничего не сказал мне о некромантии, Избавься от своих мелких духов, и я обеспечу тебе настолько безболезненный конец, насколько это возможно с моим вулканическим топором.

Броддур положил руку на Истребителя, в попытке его сдержать. — Погоди!

— Убери руку или станешь следующим, кто отведает моего топора.

— Ты больше не в Царстве Хаоса, или где ты там был по рассказам. Ты не можешь просто так убивать всех, то вызывает в тебе гнев, или поступает так, как ты считаешь неправильным.

— И это касается некромантов так же, как темных эльфов и огненных гномов, не так ли?

— Когда-то Сигмар возглавлял многочисленный божественный пантеон, куда входили и Гримнир, и Владыка немертвых. Мы были союзниками в течение всей Эпохи Мифов.

Готрек неохотно опустил топор, но продолжал с подозрением смотреть на Утана. — Были?

— Долгая история, — сказал Утан.

— Дело в том, что Нагаш предал Сигмара в...

— Мне всё равно! — зарычал Готрек, заставил колдуна вздрогнуть на своём месте. — Мне всё равно, что происходит сейчас. С чего ты взял, что мне есть дело до того, что случилось тогда? Помолчи, творец историй, и,

заклинаю волосатой задницей Грунгни, не открывай рот, пока с тобой не заговорят.

Броддур угрюмо поджал губы и сложил руки на груди.

— Кажется, мы говорили о какой-то...услуге? – сказал Утан.

— Не испытывай моё терпение.

— Кажется, он предлагает помочь.

— Я знаю. Мне это не нравится, это противоестественно. И что я только что сказал, творец историй? Что из фразы «помолчи» тебе не понятно? Прикрой рот, пока я не сделал это своим кулаком.

Глубоко вдохнув, чтобы успокоиться, Искатель Рока положил свой топор на стол. Огонь кузниц Унбак, заключенный в жаровне между двумя рунными лезвиями, жадно лизал угли. Колдун уставился на пламя в жаровне, а Готрек пододвинул стул и уселся за стол.

Броддур остался стоять. Он был слишком потрясен, увидев божественную ярость Истребителя.

— По этой вашей пепельной дороге движется армия. Мой друг хочет догнать и покарать возглавляющего её клятвопреступника и убийцу родичей.

Броддур напрягся, услышав, как Истребитель назвал Джордайна *другом*. Он нахмурился и оглянулся на дремлющего принца.

— И ты хочешь, чтобы я вытащил душу этого несчастного в преисподнюю? – спросил Утан. — С удовольствием...

— Нет, лич, нет. Где же тут честь? Как мы сможем говорить, что это была честная месть, если она совершена с помощью нечестивого колдовства? Нет.

— Тогда у ваша нужда в некроманте подошла к концу. Я надеюсь, вы остались довольны моей работой. Хорошего вечера!

— Мне сказали, что ты любишь бродить по Обугленному лесу по ночам, что умеешь входить и выходить из крепости, минуя внимание стражи.

Не сводя глаз с топора Готрека, некромант покачал головой. — Вывести тебя наружу? – некромант издал приглушенный смешок. — Нет, нет, нет.

Нет. Я не могу так поступить. Не могу. В последний раз, когда я решил выйти в Обугленный лес, меня чуть не убили. Кхайнитская убийца. Я едва уцелел.

Готрек и Броддур обменялись понимающими взглядами. Некромант, казалось, был слишком увлечен, барабаня пальцами по столешнице и

обращаясь с духами, витающими вокруг него, чтобы обратить на это внимание.

— Это была темная эльфийка? — спросил Готрек.

— Темнородная, да, Сумеречный клинок. Самые страшные убийцы Бога-Короля. Поговаривают, что получив цель, Сумеречный клинок может выследить душу обреченного в любой точке Космоса, где бы тот не пытался укрыться.

— Скользкая девчонка?

— Ты знаешь её?

Готрек прорычал. — Наши пути пересекались.

Щелкнув пальцами, Утан изгнал случайно вызванных духов в эфир, откуда они возникли. Он откинулся на спинку кресла, подложив пальцы под подбородок, и посмотрел на Истребителя. Последний дух, более непокорный, чем остальные, злобно зашипел, но затем тоже ускользнул обратно в цели стола.

— Похоже, мы все плывем в одной лодке по Стиксу. Мои соболезнования вам обоим.

— Она пыталась украсть вещь великой силы из Ложи Унбак, — сказал Броддур. — Если она поблизости, то либо идёт по следу скавенов, укравших её, либо как-то связана с войной в Хаммерхоле. Или и то, и другое вместе. Не сочти за неуважение, но какой интерес у убийцы вроде неё к... ну, к тебе?

— Интерес, интерес, — колдун взглянул на свои бледные пальцы и усмехнулся. — Я — человек интересный. А что касается внимания кхайнитки, то я не стал приставать к ней с расспросами. Лучше укрыться среди живых, какими бы жалкими и убогими они ни были, чем отправиться в последний путь в Шаиш.

— Это Владение Смерти, — пробормотал Броддур уголком рта.

— Я знаю, что это!

— Но может быть... — Утан нервно огляделся, затем наклонился вперед, приглашая Готрека и Броддуря сделать тоже самое. — Пылающие Врата, — сказал он.

— Пылающие Врата?

— Ты что, эхо? Дай человеку закончить.

— Это Врата Владений.

— Ух-угу.

— Это...

— Не сейчас, творец историй!

— Они практически неизвестны и редко используются. Если мы отправимся вместе, то ты можешь помочь мне. Я знаю древние обряды, открывающие портал, которые вывел у мертвых. После чего я смогу провести вас через земли Шаиша.

— Что ты хочешь взамен? — спросил Готрек. — Золото?

— *Моё* золото, ты имел ввиду, — сказал Броддур.

— Могу я его съесть? Или подчинить духа с его помощью? Нет, — сказал Утан. — Оставь своё золото себе. Всё, что мне нужно взамен — чтобы вы гарантировали мою безопасность по дороге в Хаммерхол.

— С чего ты взял, что мы собирались в Хаммерхол? — сказал Готрек.

Утан пожал плечами. — Все отправляются в Хаммерхол. И живые, и мертвые. Но даже кхайнитской убийце будет сложно проникнуть внутрь города, пока на его пороге стоят армии Хаоса. Оттуда я смогу пройти через Врата Штормового Разлома и затеряться в лесах Гирана прежде, чем она узнает, что я покинул эту крепость.

Готрек взглянул на Броддура, ища поддержки, но не желая этого показывать. Быть таким сердитым и гордиться тем, что потерял, но так мало понимая мир, который он обрёл... Этого было достаточно, чтобы Броддур проникнулся к нему симпатией.

— Нас 9 вулкитовых берсерков и Искатель Рока, — сказал Броддур и кивнул в сторону Готрека. — Он уже однажды одолел аэльфийку. Думаю, мы сможем обеспечить тебе безопасный переход в Хаммерхол.

Утан беззлобно усмехнулся. — Тогда я готов отправиться в путь, как только вы будете готовы.

Готрек повернулся к Броддуре и хмыкнул. — Вот *теперь* можно разбудить принца.

ГЛАВА 10

В Обугленном лесу не двигалось ничего живого. Сгоревшие деревья скрипели, словно гигантские скелеты в почерневших доспехах. В воздухе было полно пепла, а ветра не было. Даже свет казался удушающим. Сквозь чахлый полог просачивались тени, укрывая землю по колено. Не было слышно ни звука, даже жужжания насекомых. Пройти здесь было подобно попасть в Шаиш, даже не приближаясь к Пытающим Вратам.

— Обугленный лес, — раздался благоговейный бубнёж Броддура откуда-то спереди. Он и его сородичи периодически поблескивали золотом в сплетении обгоревших ветвей. — Никогда не думал, что проживу достаточно долго, чтобы пройти под пологом, который сожгла Вулкатрикс.

— Не уверен, что нам ещё нужно идти дальше, — пробормотал Джордайн.

— Мы и так практически во Владении Смерти.

— Тебя что-то беспокоит, человечий отпрыск? — спросил Готрек.

Джордайн не нашелся, что ответить. Из всех в их пестрой компании, включая безумного некроманта, только Готрек казался невосприимчивым к гнетущему воздействию леса.

— Разве ты не чувствуешь?

— Чувствую что?

— Мы идем сквозь лес, который был выжжен дыханием богозверя еще до Эпохи Мифов. Между нами и Вратами Владений, находится, как минимум, один отряд воинов Хаоса, а кхайнитская убийца, судя по всему, охотится за нашим проводником.

Истребитель мрачно усмехнулся и погладил свой топор. — Наконец-то.

Хоть кто-то может взглянуть с другой стороны.

У Джордайна возникло ужасное ощущение, что дуардин вовсе не шутит. В самом деле, Готрек не был встревожен гнетущей атмосферой и пребывал в прекрасном настроении с тех пор, как они покинули крепость Сдвоенных Огней. К ужасу Джордайна, Истребитель даже начал насищивать какую-то мелодию.

— Ш-ш-ш! — зашипел на него Утан Курганоходец. — Мы далеко не одни в этом лесу. И не все, что хранит молчание, истинно мертвое.

Джордайн с новым страхом посмотрел на кривые ветви. — Я так и знал, — пробормотал он.

— Сюда, мутанты, прорычал Готрек, обращаясь к лесу. — Сюда, демоны.

Сюда, зверолюди! Он мрачно усмехнулся. — У этого Истребителя есть для вас всех кое-что. Мой топор! Джордайн вздрогнул, увидев, как один клубок теней сцепился с другим. — Я прошел через Драквальд и Мертвый лес Мордхейма и вышел оттуда живым. Я сражался с пьющими кровь вампирами и гигантскими ящерами в джунглях Люстрии, с великанами — в лесах Альбиона, и с тем, чему нет названия даже здесь, во Внутренних землях Хуреша. Я ничего не боюсь в этом лесу.

— Пожалуйста, Готrek. Если мы не доберемся до Пылающих Врат целыми и невредимыми, то Осаяндэ не понесет наказания за своё предательство. Эдасса будет покрыта позором на многие поколения.

Готrek зарычал, но, к удивлению Джордайна, согласился с ним: — Ты прав, человечий отпрыск. Нам придется истребить всё, что скрывается в этом лесу на обратном пути, не сейчас.

— Ш-ш-ш! — снова зашипел на них Утан.

— Меня не заставит молчать ни один лич! — взорвался Готrek, явно позабыв о согласии соблюдать тишину.

— Я не поблагодарил тебя, Готrek, — тихо сказал Джордайн. — За то, что ты завел меня так далеко. Если бы не ты, то Видящий Легион не оставил бы выживших. Они маршировали бы в Хаммерхол в наших цветах, и некому было бы передать предупреждение.

Готrek пожал плечами и буркнул себе под нос: — Творец историй и его парни справились бы с этим ничуть не хуже, я уверен. Он чувствовал себя прекрасно в этом проклятом богами лесу, где обитает Сигмар знает что, но не привык к словам благодарности.

— Разве они оказались бы рядом, если бы не следовали за тобой?

— Девять паршивых овец, вот кто они.

Джордайн ненадолго отвлекся от угнетающего леса вокруг, чтобы пристально рассмотреть Истребителя. Он знал дуардинов в Эдассе. Их можно было встретить и на купеческих базарах, и в университете городке, и даже при дворце. Однажды Лоба даже подговорил его вызвать на дуэль харадронского капитана на Красный песок, о чем он до сих пор сожалел. По крайней мере, харадрон отнесся к нему милосердно. Готrek был другим. Он двигался через Владения будто богач по многолюдному базару — выдерживая дистанцию, даже когда от него чего-то ждали. Джордайн видел в его глазах глубокую тоску, словно Истребитель прожил уже слишком долго и видел столь многое, что уже не мог жить, как прежде.

— Почему Хаммерхол? — спросил он спустя какое-то время.

— Что?

— Вы уже следовали в Хаммерхол до того, как повстречались со мной. Мне просто любопытно, почему.

Истребитель так долго размышлял над этим вопросом, что Джордайн уже не ждал ответа и всматривался в Обугленный лес, когда тот снова заговорил.

— Я хотел найти там кое-кого.

— Но не уверен, что найдешь?

Готрек рыкнул, не желая раскрывать подробности. — Я вернулся сюда не без причины. В этом творец историй и его не обделенные мозгами родичи правы.

— Вернулся?

Джордайн заметил, что один из Огнеубийц Броддура отделился от остальных и бредет неподалеку, пытаясь услышать слова Истребителя. Готрек, казалось, ничего не заметил. Или ему было всё равно.

— Было время, когда для меня не было ничего важнее того, чтобы мою историю помнили. Расскажу коротко, потому что не хочу рассказывать. Мне предложили самую впечатляющую гибель среди всех Истребителей. Естественно, я согласился. Вечно противостоять демонам Хаоса, чтобы Гrimнир мог вернуться в мир. Как выяснилось — *этот* мир. Это взвывало к моей гордости и чести, человечий отпрыск. Но никто не запомнил. Никто. Со временем, даже Хаос забыл про это. Гrimнир обманул меня. И из-за этого все мои клятвы обратились в пепел и нет никого, кто бы помнил о них.

— Сигмар помнит.

— Даже сейчас? Не думаю.

Джордайн услышал треск ветки и резко оглянулся на подслушивающего Огнеубийцу. Там никого не было.

— Что такое, человечий отпрыск? — спросил Готрек, поднимая топор и освещая пространство между деревьями. — Увидал что-то?

Джордайн ещё секунду всматривался, а потом покачал головой.

Возможно, Огнеубийца уже слышал эту историю и отправился к Броддуру и остальным. Но на его месте Джордайн был уверен, что захотел бы услышать эту историю вновь. Это было словно встретиться с Кюкаином Друже-Молотом во плоти и расспрашивать его, каково это — сражаться

рядом с Вандусом.

Он снова повернулся к Готреку.

— Каким был мир до того, как я...

Ветка прямо над его головой заскрипела и затрещала, а на землю перед ним со шлейфом пепла упало окровавленное тело, взметнув облако золы. Джордайн попятился назад. Перед ним лежал пропавший Огнеубийца, лицом вниз, а его руны светились мягким светом. Что-то разорвало его практически пополам.

На мгновение воцарилось молчание, и Джордайн гадал, что можно нанести Огнеубийце столь чудовищный урон, а затем вокруг них ожил Обугленный лес.

Из просветов между деревьями выскочили древообразные кривые фигуры, завывающие словно бандуши. У них были женские черты, однако далекие от человеческих. Тела были колючими и с торчащими во все стороны сучьями, покрыты обугленной корой и окаменевшим лишайником, словно броней. Тут и там торчали кусочки янтаря, а конечности трещали при движении.

— Даже выгоревшие деревья не могут стоять на месте! — зарычал Готрек.

— Это — не деревья, Готрек. Это сильванеты!

— Назад! — послышался крик Броддуря. — Назад к Искателю Рока!

— КАЗУК!

Восемь оставшихся Огнеубийц вывалились из темноты во вспышках золотого сияния. В обычных обстоятельствах Джордайн восхитился бы этим, но сейчас ему пришлось сосредоточиться на мчащемся к нему мстительном древне. Его походка была неровной, он то и дело натыкался на растрескавшиеся стволы древних деревьев и на других древней, но преодолевал расстояние с ужасающей скоростью.

— Где Утан?

— Скорее всего, прячется в лесу, зарывшись в свои юбки, — сказал Готрек, размахивая топором и двигаясь навстречу приближающимся бешеным сильванетам. — Ну же, древолюды, у меня есть для вас растопка!

— Они идут!

Готрек расхохотался

С леденящим криком древолюд набросился на Джордайна, нанеся удар длинными, острыми когтями. Он отбил удар мечом, но кончики веток хлестнули по лезвию и рассекли кожу на руке. Джордайн вскрикнул от

внезапной боли и отступил в сторону так быстро, как только позволял глубокий пепел под ногами. Он направил свой клинок на сильванета как раз тогда, когда тот нанес удар другой когтистой лапой. На этот раз Джордайн почувствовал, как шипы полоснули его по лицу, оставив царапину от челюсти до глаз.

— Несгораемые! — прохрипел сильванет, и голос его был подобен холодному ветру, сквозящему сквозь мертвое дерево.

Джордайн вонзил меч в сердце твари. Та не пыталась вырваться. Он даже не был уверен, есть ли у сильванетов есть сердце. Клинок с львиной рукоятью разрубил обугленную кору на груди древолюда и глубоко засел там.

Шея сильванета хрустнула, когда тот поднял тускло светящиеся глаза на Джордайна и обнажил почерневшие кончики зубов.

— Несгораемый этот.

— Что за?.. — Джордайн пытался освободить свой засевший клинок из обожжённой коры сильванета. — И как их убивать?

— *Несгораемый.*

Не обращая внимания на торчащий в груди меч, сильванет метнулся к голове Джордайна. Человек с друном отбился от него руками, и они оба упали на землю. Джордайн успел глубоко вдохнуть прежде, чем его лицо скрылось в пепле, устилающем землю в Обугленном лесу. Древесные когти сомкнулись вокруг его шеи и начали сжиматься. Джордайн нащупал рукоять своего меча, но не мог вытащить его из груди сильванета. Он оставил эти попытки и начал наносить многочисленные удары в деревянную грудь, используя меч как опору и обдирая костяшки кулака до крови. Его грудь горела, отчаяно требуя глоток воздуха. Как он уже понял, сильванет не нуждался в дыхании.

— О нет, ты этого не сделаешь! — проорал кто-то.

Следом его обдало жаром и раздался приглушенный хруст. Когти, обхватившие шею Джордайна, обмякли и соскользнули, оставив несколько прощальных царапин шипами, а затем Джордайн почувствовал, как мускулистая рука подняла его из пепла за ворот плаща. Джордайн хватал ртом воздух, выплевывая пепел, которого успел наглотаться, и затем без сил оперся о дерево, зайдясь приступом кашля.

— Ещё раз спасибо тебе, Готрек, — прокряхтел он.

Бой, похоже, уже был окончен. Десятки древолюдов лежали кучками

щепок, разорванные топорами Огнеубийц, и медленно тлели. В нескольких футах от Джордайна кучей углей пылал тот, который едва его не прикончил, и он отлично занялся от огня с топора Готрека. Отлески пламени освещали внезапно затихший лес неровным, тревожным светом. До этого момента Джордайн и не понимал, насколько Готрек и Огнеубийцы превосходят его по силе. Он отдернул руку от дерева, словно оно вот-вот протянет ветви и схватит его. Он всю свою жизнь был глупцом и мечтал о славе. Но он был всего лишь обычным смертным человеком. Что мог предложить Сигмару простой человек вроде него для борьбы с такими чудовищами, как эти?

— Ты всё сделал правильно, человечий отпрыск, — утешительно похлопал его по спине Готрек.

— Да, — добавил Броддур. — Ты едва не прикончил одного.

— Неплохо для первого раза, я считаю.

— Разве я не говорил, что следует вести себя тихо? — зашипел Утан, внезапно показавшись у них за спиной. Джордайн вздрогнул от неожиданности, крутанулся на месте и схватился за меч, но некромант уже успел вновь скрыться из виду за стволом. Он прижался к дереву и взглянул на него дикими глазами. — Разве я не говорил, что в Обугленном лесу неспокойно? Разве нет? *Не так ли?*

— Я не видел тебя во время боя, — сказал Джордайн, ещё не готовый простить колдуна внезапный испуг.

— Мы договорились. Я отвожу вас в Пылающим Вратам. Я произношу тайные слова. Я проведу вас через Шаиш. А вы — будете сражаться.

Джордайн убрал меч в ножны. Утан неохотно вышел из-за дерева.

— Они похожи на сильванет, — сказал Джордайн.

— Глупый человечек, — слегка насмешливо сказал Броддур. — Этот лес был очищен от духов —хранителей огнем Вулкатрикс. Громадная фигура кузнеца битвы дрожала от напряжения, но это скорее было вызвано избытком нерастраченной энергии, чем физической усталостью. Руны на его теле пылали так ярко, что икона в его руках казалась невероятно рассерженной в своих задумчивых отблесках. Дуардин даже не запыхался.

— И ты, как всегда, всё знаешь, — ехидно сказал Утан. — Вы храните свои богатства и истории высоко на вершине, пока те, кто внизу, скребутся среди пепла и костей. Вы не лучше Сигмара, сидя в безопасности на своей горе.

Джордайн на дюйм вытащил свой меч из ножен. — Человек должен быть весьма беспечен, чтобы оскорблять своих богов. Никогда не знаешь, кто может услышать и затаить обиду.

Глаза Утана, неестественно большие на его чумазом лице и в пурпурных отблесках впились в Джордайна, когда тот сделал шаг назад.

Несмотря на то, что в Эдассе они составляли меньшинство, жрецы и некроманты Культа Смерти всегда свободно проповедовали свою веру. Но это не означало, что они нравились Джордайну больше, чем впадающие в боевое безумие варварские жрецы Горкаморки или загадочные чернокнижники Малериона. Только Сигмар боролся с Хаосом и давал силы тем, у кого хватало мужества встать подле него. — Если Сигмару всё равно, а ему, поверь, не всё равно, то не стоит так поступать. Утан огляделся. — Ты видишь тут Сигмара? Сигмар в Сдвоенных огнях или, быть может, в Хаммерхоле? Был ли он с тобой на Великом Пепельном тракте, когда прислужники Изменяющего предали тебя и резали твоих соотечественников? Здесь стоит запах молний в воздухе или пепла и костей? Нет, мальчик, Сигмар значит здесь слишком мало.

— Сигмара хорошо помнили гномы, но он был всего лишь человеком, — сказал Готрек. — По какому праву он претендует на титул Владыки Пантеона вместо Грунгни? А Горка... — Готрек заворчал. — В этом-то я и вижу проблему этого мира. Всё забыли старые обиды и пытаются прыгнуть выше головы ради сомнительных идей.

— Думаю, что всё несколько сложнее, — сказал Броддур.

— Действительно, кузнец битвы, — ответил Утан. — И нам всем следует помнить об этом. Здесь или где бы то ни было. Пылающие Врата в Шаиш совсем рядом, и мощь Хаоса волнами пробивается в это Владение. Как бы не хотел иного Сигмар.

Броддур поджал губы. — Я не выслушивать предания этих земель от какого-то заки.

Уголь осыпал Броддура с ног до головы, когда изящное и невероятно высокое дерево позади него разогнуло свой ствол и раскинуло ветви. Оно было ужасающее похоже на человека, потягивающегося после долгого сна.

Всё устремили взгляд наверх. Броддур и остальные Огнеубийцы скхватались за свои топоры. У Джордайна отвисла челюсть. У него возникла жуткая догадка о том, что именно разорвало первого

Огнеубийцу и бросило его им под ноги.

— Хаоситский неживой древолюд, — разъярился Готрек, топая к пробуждающемуся Владыке деревьев, словно его смерть могла исправить какую-то давнишнюю ошибку. Его топор отбрасывал тьму назад, вызывая шипение притаившихся в корнях пробуждающегося титана меньших сильванет. — А почему бы и нет. Этот мир может быть и ещё более странным.

— Готрек, — окликнул его Джордайн, выхватив меч из ножен и направив его на меньшего лесного духа. — другие сильванеты снова возвращаются.

— Вот и отлично. Это большое дерево и мне не придется стирать ноги в погоне за ним.

— И они называют безумцем *меня?* — задал риторический вопрос Утан.

— Мы должны добираться до Пылающих Врат сейчас.

— Разве кто-то спрашивал твой мнение, лич?

— Он прав, Готрек, — сказал Джордайн. — Наша цель — Врата Владений. Когда мы доберемся до Хаммерхола, у тебя будет полно чудовищ, с которыми можно сразиться.

На мгновение показалось, что Истребитель проигнорирует как Джордайна, так и Утана, но затем он опустил топор и оскалил зубы, фыркнув, словно от хорошей шутки. — Знаешь, ты напоминаешь мне его, человечий отпрыск, но это не *всегда* хорошо.

— Напоминаю кого?

— Не бери в голову. Это неважно. Я надеюсь, ты сможешь бежать.

Джордайна не надо было просить дважды.

ГЛАВА 11

Джордайн вырвался из зарослей последним. Дуардины не отличались быстротой, но их выносливость могла сравниться только с преследовавшими их неживыми существами. В прошлом Джордайн не раз представлял себе свой славный конец. В окружении груды тел его врагов. Окровавленная рука зажата между дрожащими ладонями скорбящей девы. Он и представить себе не мог, что во рту будет вкус рвоты, в бедрах будет нестерпимо жечь, а меч будет волочиться по земле, будто якорь.

— Пылающие Врата, — позвал Утан Курганоходец, указывая своим желтым пальцем. — Сюда! Некромант развеял стаю духов, которые несли его через лес, и его тело вновь обрело твердость, когда он ступил на землю. Пока Джордайн прорыпался сквозь спутанные ветви Обугленного леса Утан даже не запыхался. *Для кого-то это в порядке вещей*, подумал он, гася зародившееся раздражение, и направляя взгляд туда, куда указывал колдун.

Врата Владений представляли собой арку из черного обожжённого камня на невысоком холме, окруженную ореолом слабых всполохов пламени. Казалось, будто когда-то Врата были частью чего-то более величественного. Руины древней крепости усеивали пространство перед Вратами, но сами они были невредимы. По Вратам текли ручейки лавы. Джордайн не смог разглядеть ни прохода, ни тропинки к ним.

— Как нам добраться до них?

— Оставайтесь здесь, сказал Утан. — Я расчищу путь.

— В одиночку? Это выглядит... нехарактерно смело с твоей стороны.

— Если учесть, что идет за нами, то нет, — сказал Готрек.

— Должен пойти кто-то из нас, — сказал Броддур. — Если кто и сможет найти безопасную дорогу через огненный лабиринт, то только дети Гrimнира.

— Нет! — Утан махнул рукой в направлении более крепких на вид руин, расположенных ближе к вершине холма у Пылающих Врат. Присмотревшись, Джордайн увидел, что они и в самом деле были недавно укреплены и перестроены. От этой части холма исходил сильный жар. Джордайн не мог надолго задержать на них взгляд, чтобы рассмотреть подробнее.

— Чем бы ни было это место до гибели Вулкаторикс или после, сейчас оно наполовину во владении Тзинтча. Пути через лаву постоянно меняются. Даже для культа Двуликих. Дом для Глаза-что-Видит. Я смогу найти дорогу в одиночку, но если за мной будут волочиться девять нерадивых дуардинов и эдассийский принц, то Легион настигнет нас даже раньше, чем мы пройдем половину пути до Врат.

— Уловки уже не к месту, лич.

Словно в подтверждение слов Готрека, из Обугленного леса выскочил искореженный сильванет. Броддур невозмутимо разрубил его на две части ударом своего топора.

— Следуйте за некромантом, владыка Гrimнир. Унбаки удержат сильванет здесь и, возможно, отвлечем внимание Видящего Легиона.

Утан выглядел необычайно раздраженным, но смирился ср сложившейся ситуацией. — Хорошо. Но держись на расстоянии и иди только туда, куда иду я.

Готрек поднял топор и кивнул. Не было ни прощаний, ни вопросов, отчего кузнец битвы пошел на такую жертву ради дуардина, который относился к нему с пренебрежением столько, сколько Джордайн знал их обоих. Он вновь подумал о том, насколько люди отличались от Огнеубийц.

— Лучше бы там было, с кем сразиться, иначе я вернусь обратно, - сказал Готрек.

И хотя это было не вполне в духе тяжелого характера Готрека, Джордайну показалось, что Истребитель одобрил такое решение.

Броддур скрестил свой топор с иконой, и берсерки Огнеубийц разразились ликующими криками. — Дети Гrimнира, Пусть древолюды ощутят мощь наших топоров и касание нашего огня. Казук!

— **КАЗУК!**

— Казук-ха!

— Они все немного того, человечий отпрыск, или только те, кого я привлек?

— Я не знаю, - ответил Джордайн. — Это первые Огнеубийцы, с которыми мне довелось познакомиться.

Готрек ненадолго задумался. — Значит, в Эдассе их нет?

— Нет.

— Может быть, после Хаммерхола я отправлюсь туда.

Первая волна сильванет уже вырвалась из полога Обугленного леса и

неслась к Огнеубийцам. Берсерки весело пели, рубя неживое дерево.

— *Зон ун горл!* — зарычал Броддур.

— *Жаррдренги ангит!* — завыли Огнеубийцы в ответ.

— *Ворн ун Карак!*

— *Жаррдренги ангит!*

Джордайн не мог отвести взгляд. Он часто представлял себе последнюю битву. Сейчас ему уже не казалось таким романтичным ни участвовать в сражении, ни оставлять восьмерых отважных дуардинов на верную гибель.

— Они счастливчики, человечий отпрыск, — сказал Готрек, совершенно не понимая грусти Джордайна. — Вот почему ты так себя чувствуешь.

— Оставайся с ними или следуй за мной. Смерть или жизнь, — Утан захихикал и хлопнул в ладоши, вызвав из-под земли визрь беспокойных духов, которые подняли его в воздух. Он сам стал почти неосязаем, как призрак, и через него можно было разглядеть всполохи огня. Джордайн осенил себя знаком молота. Привычное действие в случае тревоги. — Выбор за тобой, но сделай его прямо сейчас.

— Сигмар, сохрани меня, — произнес Джордайн и выбрал меньший из двух ужасов.

Лавовые поля, окружавшие Пылающие Врата, представляли собой сущий лабиринт. Джордайн подозревал, что за всем этим стоит некая злая воля. Не раз Утан приводил их обратно, когда ранее сухие каналы вдруг начинали исходить лавой, или потоки, выглядевшие проходимыми вброд, необъяснимым образом широко разливались. Время от времени Джордайн замечал обнаженных воинов со щитами, на которых был нанесен знак глаза без век, и в птицеподобных шлемах, но они никогда не задерживались надолго. Звуки боя, доносиившиеся из Обугленного леса, где Броддур и Огнеубийцы сдерживали сильванет, в конце концов привлекли внимание всех. Готрек остановился и потряс топором вслед одной из таких удаляющихся групп.

— Идите сюда, птицелюди! Мой топор жаждет напиться в такую жару!

Джордайн мог бы рассмеяться, если бы не эта жара, усталость и липкий страх. Он пойман в лавовом лабиринте Видящего Легиона, наедине с некромантом и кровожадным мясником. Ему следовало поблагодарить Истребителя за спасение, пожелать удачи на пути в

Хаммерхол, и повернуть назад в Эдассу. Но тогда он никогда бы не узнал о предательстве своего брата, и теперь, когда это случилось, обратной дороги уже не было. С пятью тысячами переодетых в цвета Эдассы солдат, Осаяндэ беспрепятственно зайдет в Хаммерхол-Акши и устроит там невообразимый хаос. Джордайн гадал, как давно его брат начал подготовку предательства. И как он мог этого не заметить?

— Мне не следовало сюда идти.

— Ха-ха. Именно так он бы и сказал.

— И *он* прожил долгую и счастливую жизнь до старости?

Готрек заворчал, но от дальнейших расспросов его избавило появление группы арканитов на другом берегу лавового потока. Они громко стучали по своим щитам и гудели, словно гуси.

— Присоединяйся к нам на Пути девяти дорог, дуардин! Или боишься сбиться с шага?

— Это вы устроили своё логовище в лавовом поле, а не я. Идите-ка сюда, пока человечий отпрыск не устал от скуки и не отправился домой.

Джордайн вздохнул. Неужели именно в этом и заключается бесстрашие, в скуке от ужасов? — Тогда посчитаю это отказом, да?

Один из духов Утана поднял некроманта в воздух и перенес через лавовый поток, оставив Готрека с Джордайном позади.

— Хей! — крикнул ему вслед Готрек. — Мы-то не можем всё переплыть.

Джордайн потрепал его по плечу и тут же пожалел, когда воинственный Истребитель обернулся к нему и указал вперед. Вереница ступенек пересекала извергающийся поток магмы. Готрек хмыкнул. По понятным причинам, он не выглядел заинтересованным. Джордайн глубоко вздохнул и решил пойти первым. Его немного удивила быстрота, с которой он перестал думать об опасности.

Он скакал по раскаленных камням, ни разу не взглянув вниз. От земли на другой стороне поднималась гарь, но Джордайн с облегчением ступил на ней. Воздух пах расплавленным свинцом. Он прикрыл глаза рукой, но не осознал, от чего хочет защититься. Было так жарко, что дальше двадцати футов всё было как в дымке.

— Курганоходец? Утан, где ты?

Он огляделся, но не смог обнаружить никаких следов присутствия некроманта. Пытавшие Врата были столь близко, что он чувствовал их огненные эманации своей кожей. Обугленные черные камни, торчащие

из-под земли под разными углами, создавали извилистый путь к порталу. Внезапный свистящий звук отвлек его. Уголком глаза он заметил что-то голубое. Он не успел обернуться, как в ребра ему врезался искаженный комок корчащихся мышц, впился в него и сбил с ног. Джордайн растянулся на раскаленных камнях, закричал и, тут же перевернувшись на спину, прижал к груди ошпаренные руки.

Перед ним на парящем над землей диске стоял массивный воин. Тысячи глаз украшали его нагрудную пластину. Когда они моргали, по нечестивому воителю пробегала волна, изменяющая его каждый миг. Радужные перья пробивались из-под его нагрудника и шлема и разевались вместо плаща. Диск, на котором он стоял, тоже не был безвольным орудием – это было злобное существо, демоническая тварь, усеянная колючими щупальцами, присосками и розовыми глазами, покрытыми сетью голубых вен.

— Я – Глаз-что-Видит, тысячи раз предсказавший твой рок. Эти Врата – мои.

Джордайн вскочил на ноги, когда диск понесся на него.

Казалось, что он и Готрек за несколько дней добились того, к чему десятилетиями прикладывали усилия все Штурмовые палаты и полки Вольных Рот на плато Огненного Рубца: выманили Мастера Судьбы Видящего Легиона на бой. Это достижение слабо успокаивало Джордайна.

В руках у воина вертелся тяжелый жезл, словно следовал собственной воле. Хотя он был богато украшен и странно светился, он совершенно не походил на оружие.

Джордайн почувствовал, как поднимается его гнев и вытесняет ужас и страх. Хаммерхол и Осаяндр казались ему сейчас очень далекими, а перед ним был главный источник всех потрясений его жизни в последнее время. Месть была удивительно мотивирующим стимулом.

Усталость и боль отступили, когда он ухватился за гарду своего меча.

— Ты убил моих однополчан.

— Я – Глаз-что-Видит. Твой рок предсказан тысячи раз.

— Надеюсь, у тебя есть запасная голова!

Готрек приземлился в снопе горящих искр и потоков пара. Из его топора вырвалось пламя, словно вторя ему. — Для того, кто машет палкой и стоит

на раздавленном демоне, ты слишком много болтаешь. Поглядим, как ты управишься с гномом.

Со взмахом когтистых плавников и веслообразного хвоста диск Мастера Судьбы развернул его к Готреку.

— Я - Глаз-что-Видит.

— Лодыжки Валайи, человечий отпрыск. Здесь все безумны, кроме нас с тобой.

С диким ревом, словно отбросив всё, что было в его жизни, Готрек бросился вперед.

Всё ещё вертя жезлом, Глаз издал серию свистов и щелчков, от которых у Джордайна заслезились глаза, а демонический диск – поднять своего наездника высоко за пределы досягаемости топора Истребителя. Тот развернулся, когда Мастер Судьбы взмахнул своим жезлом. Из разделяли десятки ярдов, но с конца жезла сорвалась призрачная булава, в мгновение сократившая расстояние между ними и мощно врезавшаяся в руку Готрека.

Готрек пошатнулся, левая сторона его плеча отвисла.

— И это твой лучший выстрел?

Булава Мастера Судьбы растворилась в эфире. Жезл продолжал вращаться. — Левая сторона с брешью в защите. Ты что-то утратил. Как и было предсказано.

— Ты бьешь как полурослик.

Глаз уже переместился на новую позицию и замахнулся для удара.

— Готрек, Осторо...

На этот раз булава материализовалась снизу и нанесла столь мощный удар, что голова Готрека откинулась назад и он зашатался. Истребитель потряс головой и зарычал.

— Сражайся со мной, как гном!

Истребитель держал свой топор параллельно земле, будто щит и поворачивался следом за демоническим диском, пока тот кружился вокруг него. Мастер Судьбы раскрутил жезл до такой скорости, что тот расплылся в воздухе. Левая рука молниеносно сменялась правой, а затем он нанес удар. Готрек взмахнул топором навстречу, но это было все равно, что пытаться прихлопнуть невидимую муху молотом гаргант. Проявившаяся булава пролетела мимо топора на ширину ладони и врезалась Готреку в голову, вырвав клок волос и повалив его на землю.

Готрек сплюнул кровь. Она с шипением испарилась на камнях.

Джордайну ещё не приходилось встречать двух воинов, столь превосходящих его по силам. Он словно случайно попал в одну из историй, на которых его воспитывали. Вандус Молоторукий против Коргуса Кхула. Хостос Буря Клинков против Всеизбранного.

Готрек Гурниссон против Глаза-что-Видит.

— Я знаю, кто ты, Искатель Рока, — насмехался над Готреком Мастер Судьбы, приближаясь к дуардину на своем диске. Джордайн выхватил меч, страстно желая, чтобы Готрек поднялся на ноги. — Я знаю, откуда ты пришел. Я — Глаз-что-Видит, а ты — всего лишь поблекший реликт мертвого мира.

Готрек сжал кулаки, сграбастав в них по горсти земли, но прежде, чем он поднялся на ноги, земля содрогнулась. Джордайн отпрянул назад и прикрыл глаза, когда скала между ним и Истребителем раскололась и извергла лаву. Жуткая, рваная песнь донеслась до них со знойным порывом. Он услышал звук, похожий на треск поленьев в костре, только титанических размеров. Джордайн помолился. В безумии подъема к Пылающим Вратам он совсем позабыл о противнике, которого они оставили позади.

— Готрек, сильванеты! Огнеубийцы не смогли удержать их.

Глаз-что-Видит повернулся к потоку лавы. Его многочисленные глаза расширились.

Сквозь пепельную завесу, сквозь реку расплавленного камня к ним прорвался горящий Владыка деревьев. Как только его обугленная кора коснулась лавы, он тут же загорелся, и пламя взметнулось вверх по его шишковатому стволу, но он продолжал упорно идти, словно какой-то импульс направлял его, куда более сильный, чем страх смерти. Со стоном древний Владыка деревьев выбрался на более твердую поверхность, но пламя сделало своё дело. Почти сразу же он начал падать. Готрек оскалился, глядя как пылающий древолюд медленно надвигается на него, однако будучи достаточно быстрым, чтобы зацепить низко парящего Мастера Судьбы за лодыжку. Завизжав в панике, демонический диск резко взметнулся в воздух, как выстрел из катапульты, и сбросил Мастера Судьбы прямо на Готрека.

— Сейчас уже не такой шустрый, да

— Нет, — закричал Джордайн, когда пылающий Владыка деревьев рухнул

на землю, погребая под собой и Готрека, и Глаза-что-Видит.

Какое бы колдовство не поддерживало подобие жизни в давно уже мертвом Владыке деревьев, оно развеялось, когда тот коснулся земли. Джордайн накинул плащ на голову, спасаясь от волны жара с облаком пыли и снопами искр. Когда волна жара спала, он сбросил плащ, стряхнув запутавшиеся в оторочке угли, и закашлялся от удушливого густого дыма, исходящего от тлеющей древесной коры. От Владыки деревьев осталось лишь россыпь горящих поленьев, разбросанных по оплавленным камням на сотни футов вокруг. Джордайн не мог поверить, но Мастер Судьбы выбирался, издавая тираду из щелчков и визгов. Откуда-то сверху ему ответил демонический диск, пронесшийся по выжженному воздуху и зависший рядом со своим хозяином. Он повернул розовый глаз в обрамлении синих вен в сторону Джордайна и издал еще один протяжный визг. Чемпион Тзинтча повернулся, словно впервые заметив Джордайна.

Джордайн поднял меч, прекрасно осознавая, каким слабым был на фоне Мастера Судьбы. Но не отступил.

— Скоро, смертный. Но сначала мне нужно разобраться с более серьезной путаницей в нитях судьбы, чем ты.

— Хотел бы я взглянуть на твою чертову попытку! Иди сюда!

Каким-то чудом Истребитель также остался жив, но его придавило огромной тяжестью горящих останков Владыки деревьев. Закавыка была лишь в том, кто убьет его первым – пламя или Мастер Судьбы.

Джордайн закрыл глаза и взмолился Сигмару, прося наставлений.

Чтобы сделал Вандус? Как бы поступил Кюкаин Друже-Молот?

Сколько раз он грезил об этом дне?

— Львы Эдассы! – прорычал он, бросаясь с мечом на Глаза-что-Видит.

Где-то в глубине болезненно-красного неба прогремел гром.

ГЛАВА 12

— Я иду, Искатель Рока!

Броддур пронесся через реку лавы и шипящие гейзеры магмы, оставив своих сородичей сдерживать сильванет. Руна могущества в его бедре, могла придать ему огромную скорость даже при отсутствии рунного мастера, способного полностью пробудить пра-золото, особенно — когда рядом пылал жар самой Вулканиксы, а его собственный огонь был особенно горяч.

Он резко остановился, словно налетев на стену. Мир вокруг него расплылся, лава позади обиженно шлепнулась обратно в канал, который он оставил своим проходом. Он бросился искать Готрека — в ушах все еще звенел истошный крик Истребителя — и с облегчением обнаружил, что тот жив и не пострадал.

Истребитель стоял на коленях рядом с каким-то бугром, укрытым красным плащом. Его спина была повернута к Броддурю. Огромные плечи сотрясались от горя.

— Он?.. — спросил Броддур.

— Знаешь, я никогда не видел, как он пал. Какая-то часть меня отказывалась верить, что он может быть мертв, но он ведь мертв, не так ли? Давно мертв. Человечий отпрыск покинул меня. Готрек сжал нос в кулак и, казалось, вытирая глаз. — Да. Умер и пропал. Он никак не мог пережить то, что я ему оставил. А даже если бы и смог, сколько лет уже прошло? Я был дураком.

Броддур опустил взгляд на павшего принца. Трудно было продолжать испытывать неприязнь к этому человеку, но он не мог избавиться от ощущения, что они с Искателем Рока каким-то образом перестали говорить об одном и том же.

— Мы — не компания для смертных, — сказал он.

Искатель Рока зашипел от боли, прикоснувшись к разорванному левому плечу: — В этом ты прав.

Пока Броддур держался на почтительном расстоянии, Готрек заворачивал в плащ разбитое тело их бывшего товарища. После битвы Огнеубийцам тоже требовалось время, чтобы осмотреть убитых, особенно если они не были близкими родственниками. Нужно было выяснить, сколько рун на них нанесено и насколько трудно будет их

извлечь, прежде чем отправить плоть на кремацию. С кряхтением Готрек начал отрывать нагрудник от креплений Джордайна, и с его недюжинной силой железная пластина с груди мужчины была сорвана, словно это была фольга. Освободив нагрудную пластину, Готрек перекинул ее через раненое плечо. Он заметил интерес Броддуря и нахмурился.

— Если ты собираешься просто стоять здесь, то будь полезен. Сделай эту вещь для меня.

— Тебе нужен наплечник?

— Воин Хаоса был прав. Пока я не найду кого-нибудь, кто прикроет меня слева, мне придется делать это самому.

Броддур пожал плечами и принялся выбивать нагрудник Джордайна, пока Готрек держал его на плече. Истребитель всхрипывал при каждом ударе, но если ему и было больно, он не просил Броддура остановиться.

— Я думал... ты... хочешь... умереть.

— По-твоему, я похож на мертвеца? — с горечью сказал Готрек. — Если что-то захочет меня убить, обещаю, ему не составит труда попасть в меня.

Броддур отступил назад, чтобы полюбоваться своей работой.

С плеча Готрека на него воинственно взирал черный лев с гордой гривой. Вряд ли это была худшая работа, когда-либо выполненная унбакским кузнецом на поле боя, но, по мнению Броддура, она могла претендовать на звание лучшей. У железа было много достойных качеств, но в нем не было ни грамма огнестали или золота. Он был рад, что Скорун Огнегрив не увидит это. Он подумал о своих сородичах в Обугленном лесу и, одолеваемый печалью, посмотрел вдаль, уловив взглядом что-то голубое и невероятно быстрое. Оно пронеслось по дымящимся обломкам акшийского неба и исчезло. Броддур не обратил на него внимания. Оно удалялось от них, мчалось в сторону Хаммерхола-Акши.

— У Глаза-что-Видит та же конечная цель, что и у нас, если я правильно понимаю.

— Тогда мы решим этот вопрос, когда прибудем на место. Готрек повернулся, проверяя амплитуду движений и прочность креплений. Несмотря на опасения Броддура, он выглядел довольным.

— Мы все еще двагаемся в Хаммерхол? — спросил Броддур.

— Он мертв, кузнец, но что это вообще значит в этом мире? Его вернули, как и меня, я знаю это. Я уверен. Он ждет меня в Хаммерхоле.

— Джордайн?

— О чём это ты болтаешь? Принц лежит прямо у твоих ног, неразумный. Конечно, не Джордайн.

Бормоча проклятия и больше не оглядываясь на тело своего друга, Готрек поднял топор и направился к инфернальному кольцу, которое Пылающие Врата представляли собой в такой близи.

Броддур чувствовал энергию, которую они излучали. Его пра-золото задрожало в ответ. Он почувствовал вкус смерти.

— Давай, творец историй, — рявкнул Готрек. — Пока этот проклятый некромант не решил уйти без нас.

Маленет подкралась к спящим Вратам Владений. Она двигалась легко, но только по привычке. Битва давно закончилась, участники давно мертвые. Она перешагнула через тело Огнеубийцы. Его гротескная мускулатура была спутана с колючими останками того, кто, судя по всему, был охотницей сильванет. Она остановилась, чтобы осмотреть тело. Он слабо светился, руны на его теле были еще теплыми. Он сражался в своей последней битве всего несколько часов назад. Уже не в первый раз она задалась вопросом, как действует магия Огнеубийц. Как им удавалось наделять простое золото такой ужасающей мощью? Это был не просто праздный интерес. Ведь она была направлена из Азира, чтобы добыть именно такую руну. И не просто руну, а самый могущественный артефакт такого рода, когда-либо созданный ложами Огнеубийц.

— Я насчитала семь дуардинов и человека, — пробормотала она себе под нос, постукивая длинным кинжално-острым ногтем по медальону, покоящемуся у нее на груди. Добавь к ним того, кого мы нашли в Обугленном лесу, и это все, кроме тучного борова Броддура. Если они оставили и тела, и золото, то я бы предположила, что они весьма спешили. Она сняла шелковую перчатку и провела тонкими пальцами по каменному дольмену ворот. Он был еще теплым. Ее добыча оказалась неожиданно находчивой, не говоря уже об удаче, но это неважно. Они всего лишь на время ускользнули от нее.

Бог Убийств знал все потайные ходы во Владение Смерти.

ЧАСТЬ 3

Здесь поконится

Истребитель

ГЛАВА 13

Рассветало. Бледное солнце поднималось над Аметистовыми фьордами, словно вздувшийся труп, восстающий из водных глубин, холодное и тусклое из-за могильного тумана, липнувшего к мерзлой земле. Броддур обхватил себя руками и задрожал, его борода зашипела, как костер, доедающий последний уголек.

— Подбрось еще одну кость в огонь, некромант.

Некромант, Утан Курганоходец, поступил так, как его просили: порылся в своих одеждах и подбросил в костер небольшую бедренную кость. Связанные внутри кости духи высвобождались и погибали, поддерживаю пламя, пожиравшее их.

— *Пощади, о, нечестивец!*

— *Пожалуйста, господин, я невиновен!*

Большинство просто сгорали с бессвязными криками агонии. Броддур отпрянул от жуткого пламени. Это не был огонь, каким он его знал, и костер почти не давал тепла, от него ползли мурашки по коже, а эта земля, на которую их привел некромант, была чертовски холодной.

— Клянусь, за последние несколько дней мой живот уменьшился на двенадцатую часть длины бороды, просто от холода у твоих так называемых костров.

— Если ты пройдешь Аметистовые фьорды, лишь в золотых рунах и поясе...

— Огонь Гrimнира исцеляет меня в самую лютую жару и согревает в самый лютый холод.

— И все же... — усмехнулся Утан. — Холод Шаиша пронзает до глубины души, не так ли?

— Ты странно гордишься своим Владением, некромант.

— Как и ты своим.

Броддур хмыкнул, но признал, что в этом что-то есть. — По крайней мере, ветер немного стих.

— Уже почти рассвело. Проклятые усмиряют свои голоса еще на день.

Утан ткнул в огонь ножом с костяной рукоятью.

— *Нееееееет! Пожалуйстааааааааааа!*

Броддур отвернулся.

— Мертвые пугают тебя, Огнеубийца? Или это муки загробной жизни

заставляют тебя отворачиваться?

Броддур заворчал себе под нос. Пар заклубился у его рта, с шипением срываюсь с золотых рун и сливаюсь с злобным рассветным туманом Аметистовых фьордов. Он не ответил. Унбаки верили, что смерть в огне или в бою сулит долгий сон, за которым последует место рядом с Гrimниром в последней битве, когда наступит Гронрок. Было неприятно убедиться, что так происходит не со всеми. А возможно, и вовсе неправда. Утан пожал плечами, не заинтересованный в его молчании. Костяные амулеты и ловцы душ, украшавшие его понощенное одеяние, звенели, пока он продолжал разжигать пламя.

— Истребитель обычно возвращается к рассвету, — сказал Броддур, меняя тему.

— Здесь не Акши. В твоем Владении жарко, лихорадочно. Шаиш же — место погружения в себя и беспокойства. Призраки прошлого тревожат души настоящего. Готрек — дуардин, в прошлом которого, как мне кажется, более чем достаточно призраков.

— Интересно, что он делает там каждую ночь?

Броддур смотрел через скрипучий костяной лед в направлении тумана, куда ушел Истребитель. Недели тяжелого пути, ворчание, даже смерть его сородичей у Пылающих Врат не поколебали убежденности Броддура в том, что странный дуардин — это Пра-Истребитель, возродившийся Гrimнир. Однако Готрек уже не был прежним после той последней битвы. Больше не было ворчания, стало меньше сарказма. Когда он вообще заговаривал, то лишь хмыкал в ответ на слова Броддура или Утана.

— После сражения у Пылающих Врат Искатель Рока сам не свой. Ты ведь заметил?

— Я заметил его топор и его нрав и решил избегать и того, и другого. Мертвые называют меня безумцем, но никто из живых не назовет меня глупцом.

— Поначалу я списал это на смерть человеческого принца Джордайна. Но теперь... Теперь я уже не так уверен. Что-то во Владении Смерти воздействует на него.

— Чего бы ни искал смертный — мести врагам, воссоединения с ушедшими, мудрости давно сгинувших мудрецов, — он может найти искомое здесь, в Шаише.

— Думаю, он ищет старого друга. Какого-нибудь героя из Мира-что-Был.

— Возможно, Джордайн напомнил ему о таком герое?

Броддур и сам задавался этим вопросом. — Он, конечно, умер достаточно героически, — с грустью сказал он. Если, конечно, так можно назвать попытку в одиночку одолеть Тзинтчитского Мастера Судьбы.

— Большинство назвало бы его смерть именно так.

— Но не вы оба. У вас одинаково странный взгляд на вещи.

— Но Готрек тоже так считает, не так ли? Некромант склонился над огнем. Пламя не обжигало его, но жутко освещало лицо, заставляя тени вытягиваться и изгибаться вслед за его изможденными чертами. — Так вот что гложет тебя, кузнец битвы? Что Истребитель видит мир не так, как ты? Что он увидел в юном человеческом принце нечто такое, чего не желает видеть в своей родной крови? В тебе?

Броддур зарычал. Ему не хотелось признавать, что некромант попал почти в точку. Утан Курганоходец никогда не был приятным собеседником. Внимание кхайнитской убийцы, разграбившей хранилище Унбак, заставило его искать защиты Огнеубийц, но по натуре он явно был отшельником. Он был резким, довольно сумасбродным, и по мере того, как тянулись шаишские дни, становился все более раздражительным.

— Если бы Искатель Рока не заставил меня поклясться, что я доведу тебя до Хаммерхола в целости и сохранности...

— Возможно, он решил, что ему не нужно добираться до Хаммерхола.

Возможно, он ищет своего старого товарища здесь, в Землях Мертвых.

Броддур вздрогнул, холод зашевелился в его животе. Он покачал головой.

— Нет. Искатель Рока считает, что этот воин был пригоден для перековки Сигмара. В Шаише он его не найдет.

Нахмурившись, некромант запахнул пурпурную мантию и еще пристальнее посмотрел в огонь. — Что ж, если Готрек так считает, то, конечно, должно быть правдой. Если бы я знал, что мне придется терпеть это непрекращающееся болтовню, то, возможно, позволил бы кхайнитке убить меня.

— Это можно устроить и при отсутствии здесь Темной!

Некромант с силой ударил по огню своим ножом. В воздух взметнулся шлейф гари. Вопли измученных душ, питающих пламя, достиг крещендо. Броддур решил сменить тему. Ничего хорошего не выйдет, если он убьет Утана Курганоходца и они останутся в Шаише без проводника.

— Сколько еще дней осталось до Врат Владений?

Утан фыркнул и продолжил угрюмо смотреть в огонь. — Во что верит Готрек? Он вздохнул и поднял голову, убирая нож от костра, который тут же уменьшился до слабого огонька, словно испытал облегчение от ухода мучителя. — Пока я не знаю, но скоро выясню. Не все Врата можно найти в каменном кольце, высеченном на вершине горы или в мощной крепости. Большинство из них — не более чем дверные проемы, проходы, ведущие из одного места в другое. Врата, которые мы ищем, — один из таких проходов, ведущих из ниоткуда в никуда. Он движется вместе со льдом в Аметистовых фьордах. Я собираюсь посоветоваться с путником в ближайшей деревне, который лучше меня знает его нынешние расположение.

— В деревне? Здесь?

Во Владениях Смертных есть те, кто не может представить себе жизнь внутри вулкана, и все же вы живете именно так. Для летописца ты удивительно узко мыслишь.

— Что ж, лучше бы они оказались не очень далеко. Мы уже и так слишком долго находимся в этом Владении.

Утан посмотрел на него с укором. — Думаешь, что осада Хаммерхола закончится до нашего возвращения?

— Вряд ли.

Броддур не интересовала эта война. Это была война Сигмара, но Готрек хотел получить аудиенцию у Грозорожденных Вечных, и Броддур собирался проследить, чтобы тот ее получил. Если после этого Готрек захочет сражаться, Броддур будет сражаться вместе с ним. Если же он пожелает оставить город гореть, то Броддур оставит его гореть. Городу, считавшемуся вторым по величине во Владениях Смертных, едва исполнилось два столетия. Унбаки, жившие под городом, едва заметили его появление и уж точно не стали бы оплакивать его падение.

— В любом случае не беспокойся, — продолжил Утан. — Не бойся. Война переживает твоё пребывание во Владении Смерти. Его голос понизился. Он уставился в огонь и на его лице появился намек на улыбку. — Если ты вообще уйдешь.

— Если тебе есть, что сказать, некромант, то говори сейчас.

— Здесь правит Нагаш, Огнеубийца. Абсолютно. Он не допускает, чтобы души покидали его царство. Особенно такие, как Искатель Рока.

— А что с ним?

— Ты тоже это чувствуешь, не так ли? Его душа - древняя, не похожая ни на одну другую во Владениях Смертных. Нагаш - ревнивый бог. Он не позволит Готреку свободно уйти из его Владения в руки другого.

Броддур встревожился. Он поклялся Готреку и готов был сразиться с любым врагом, но Бог Смерти? Не в силах больше усидеть на месте, он крепче ухватил топор и икону и встал, вглядываясь в упыриную зиму. Ветер трепал его высокий гребень.

— Подожди. Ты слышишь это?

Что-то за пределами круга света от горящих душ хрустнуло на льду.

Броддур повернулся на звук, и его воображение превратило вопли неупокоенных духов и ледяной снег в светящиеся глаза и черепоподобное лицо Нагаша. Он выставил икону в защиту, а топор держал наготове, чтобы обрушиться на врага.

Навстречу ему из метели вышел Готрек. Броддур был так напряжен, что от облегчения едва не выронил оба оружия. Истребитель просто смотрел на поднятую икону, пока Броддур не опустил ее.

— А я-то думал, что оставил гномьего воина и дитя Гrimнира присматривать за моим огнем, а не какую-нибудь эльфийскую торговку рыбой, которую в ночи пугают железные сапоги. Опусти свой топор, творец историй, пока я не уронил его тебе на голову.

— Прости. Я думал, ты...

Он запнулся. Утан захихикал.

— Кое-кто другой.

Готрек смотрел будто сквозь него. Взгляд Истребителя был опустошенным, под глазами застыли глубокие следы усталости и тоски. Даже Готрек не может продолжать в том же духе. Какой бы темный кошмар или горькая надежда ни одолевали его каждую ночь, Броддур должен был увести его отсюда. Они должны выбраться из Шаиша, и как можно скорее, пока Искатель Рока не остался во Владении Смерти навсегда.

— Хотя если подумать, оставь свой топор на месте. Хороший удар по голове может принести тебе пользу. И мне. И ему.

Утан снова рассмеялся.

— Уже почти рассвело, - сказал Броддур, решив не обращать внимания на его насмешки. — Я уже начал... Где ты был?

— Не твое дело.

— Если искал какой-нибудь знак о пребывании Джордайна, то Курганоходец думает...

— Не впутывай меня в это, кузнец битвы, — сказал Утан.

— Я же сказал — тебя это не касается! Если ты хочешь сорвать с этих уст сагу о моей жизни, тогда пойдем, посмотрим, годится ли твой топор для чего-нибудь, кроме разделки мяса и готовки.

Броддур отшатнулся. В затуманенных глазах Истребителя была такая ярость, какой даже он, дитя Унбака, не видел на поле боя ни у одного из берсерков Мрачногневов. Он не сомневался, что Готрек скорее убьет его, чем услышит от него хоть слово на эту тему. К его удивлению, именно Утан высказался в его пользу.

— Я уверен, что Огнеубийца ничего такого не имел в виду.

— Если он ничего не имеет в виду, то лучше бы ему ничего и не говорить, и он окажет нам всем услугу.

— Утан... — Броддур замешкался, сглотнув, и попытался снова. — Утан считает, что мы, возможно, не слишком далеко от Врат.

— Я сказал *может быть*.

— Давно пора, черт возьми, — угрюмо сказал Готрек.

Броддур не мог припомнить, чтобы он чувствовал такое облегчение. — Когда мы вернемся в Акши, все будет гораздо лучше.

— Владение Огня, да, — сказал Готрек с сарказмом. — Как раз то, о чем я всегда мечтал.

ГЛАВА 14

Деревня была мертвой и располагалась на дне крутого ущелья. Множество плоскодонных рыбакских лодок торчало в темных водах фьорда, словно раздутые пальцы трупа. У тихой воды полумесяцем теснились разноцветные здания. Броддур не заметил никаких признаков людей - ни на берегу, ни на лодках. Не было видно дыма от костров. Не кружили голодные птицы. Без Утана, который вел бы их, Броддур сомневался, что они нашли бы это место и за год поисков.

— Живенько, - пробурчал Готрек.

Броддур кивнул.

— Что? Никаких веселых историй о Землях Мертвых, чтобы поднять нам настроение?

— Мои предки никогда не заходили так далеко от Хребта Саламандры.

— Понятно, почему.

— Не позволяй внешности обмануть тебя, Истребитель, - сказал Утан. Шаиш далеко не безлюден. Некрохейм и Нулямия - мегаполисы, способные соперничать с Хаммерхолом или даже с великими городами самого Азира. Живые и мертвые работают бок о бок, служа Нагашу. Эта деревня не такая пустая, какой кажется. Некромант бросил на Готрека тяжелый взгляд. — Постарайся не убить первое, что увидишь.

— Если они уже мертвы, это вообще считается?

Утан мрачно усмехнулся. — Есть судьбы хуже смерти, Истребитель, и преисподние, куда живые не могут ступить.

— Мы ищем место не для того, чтобы разжигать нашу ярость, Готрек, - сказал Броддур. — Гrimнир был Странником в той же степени, что и Истребителем или Искателем Рока. Как только Курганоходец посоветуется с оракулом, которого он ищет, мы вернемся в Акши. Со стен Хаммерхола мир покажется ярче.

Однако Готрек вовсе не выглядел радостным от этой перспективы.

С Утаном шел впереди, когда они вошли в деревню. Здания были покрыты ледяной коркой и блестели на солнце. Броддуре они казались странно яркими, как будто приглушенная палитра этого Владения настраивала его глаза на цвет. Перевернутые лодки и сети лежали у домов, неиспользуемые. На круто скошенных крышах лежал лед, блеск которого варьировался от амарантового до аквамаринового, под

ногами хрустели и тускло поблескивали колеи и выбоины на грунтовой дороге. В воздухе пахло рыбой, но этот запах был слабым, как далекое воспоминание, запертое во льду. Время от времени Броддур пытался расслышать зоть что-то: скрип двери, скулеж собаки, плач ребенка, но ничего не находил. Он услышал крик чаек и поднял голову, прищурив глаза и ожидая увидеть кружащих над головой голодных птиц, но небо было пустым. В нем носились только бирюзовые вихри ледяного ветра.

— *Чужаки...* — казалось, завыл вал ветер.

— Вы слышали это?

— Я по-твоему глухой? — сказал Готрек.

— *Оставьте нас.*

— Этот Истребитель идет туда, куда ему вздумается, — прорычал Готрек. И чтобы заставить его поступить иначе, потребуется не один дух.

— У этой деревни есть название, некромант? — спросил Броддур.

Утан пожал плечами. — Уллэрслев. Вагенскрипт. Блот. Мертвые живут здесь и помнят ее по своим именам. Лишь немногие из них понимают, что их дом делит землю с сотней других. Только когда Нагаш или один из его Мортархов созывает духов на войну, им дано увидеть свою истинную природу.

— Жестокая судьба, — сказал Готрек. Он заглянул в открытые окна и двери домов с привидениями, словно надеясь увидеть что-то знакомое.

— Но они, по крайней мере, встретили ее.

— Судьба, которая ждет большинство во Владениях Смертных. Тот, кого ты ищешь, скорее всего, живет в деревне или городке, подобном этому. Готрек сжал рукоять своей секиры. Он долго смотрел на некроманта, прежде чем вновь взял себя в руки. — И кто сказал, что я кого-то ищу? Утан понимающе усмехнулся. — Для дуардина твоей комплекции ты ужасно прозрачен, Истребитель.

— *Истребитель*, — завыл ветер более настойчиво. *Истребитель здесь.*

Броддур испуганно повернулся к нему. Ему неприятно вспомнился разговор с Утаном накануне вечером, о ревности Нагаша и его абсолютном господстве над своим Владением.

— Мы должны идти дальше.

— Мертвые знают тебя, — сказал Утан, все еще потешаясь.

— Ага, так и должно быть. Я не раз отправлял их на покой в такие места, как это. Как друзей, так и врагов. Но ни разу не отправился сам. Не

Готrek Гурниссон, нет. Не этот Истребитель. Он переживает этот мир, как и предыдущий.

Из дверного проема выкатился предмет, похожий на серебряную монету, и свалился в колею на дороге впереди, поблескивая на льду.

Готrek принюхался к воздуху.

— Гуль.

Перспектива сражения не воодушевила Истребителя. Он даже не поднял топор. Броддур проследил взглядом от блестящей монеты к дому, из которого она выкатилась. Нечто звероподобное, мимолетно напоминающее человека, издало робкое рычание и скрылось из виду. Броддур прикинул, что мог бы месяц кормить собой стаю упырей, но они с Истребителем были явно более крупной дичью, чем та, которую твари привыкли ловить в свои ловушки.

— Не очень-то тонко, не так ли?

— Шаиш - это не Владение, где создаются герои, - сказал Утан. — Сюда приходят умирать.

— Нет, - прорычал Готrek. — Сюда приходят, чтобы угаснуть.

Утан задрал подол халата и перешагнул через монету. На их потенциального преследователя он не обратил ни малейшего внимания. Пожиратели плоти. Сосущие костный мозг. Пьющие кровь. Там, где есть тепло и кровь, найдутся и пожиратели плоти, но это королевство призраков. Для них здесь мало пропитания. Они не будут слишком многочисленными.

— Для нас тоже мало что найдется, - сказал Готrek. — Давайте-ка пошевеливаться, пока мы все не стали такими же, как они.

Из какого-то извращенного чувства понимания Броддур внезапно ощутил, как его собственный изрядно уменьшившийся живот заурчал. Дорожка привела их к большому строению на берегу. Оно было обшито деревом и покрыто голубой плетенкой, круглые окна затянуты грубым стеклом. Вокруг него простиралась лужайка из тонкой травы и гальки, усеянная неприметными деревянными табличками в память о погибших. Между ним и деревней тянулся выбеленный солью речной забор. С маленькой башни доносился тихий звон колокола, не обращенный ни к какому богу. Здесь не было ничего живого. Вообще ничего.

— Чей это храм?

Утан улыбнулся, словно этот вопрос выдавал причудливость мышления Броддур. — Он может принадлежать многим.

— А может, и вообще никому, — сказал Готрек.

— Возможно, — согласился Утан.

Готрек сплюнул на ледяную землю. — Ненавижу это место. Даже больше, чем твое Владение Огня, творец историй, а я никогда не думал, что проживу достаточно долго, чтобы сказать это. Камень должен быть камнем. Стол — столом. Заставь вещь быть двумя вещами сразу, и ты практически эльф.

Двери храма ничем не выделялись. Как и все остальное, что Броддур видел в Аметистовых фьордах, они были покрыты переливающимся льдом. Когда Утан взялся за ручку, лед потрескался и отслоился. На темном дереве под ним были вырезаны символы, которые казались нечеткими, словно несколько вариантов одного и того же основного послания были наложены друг на друга, пока не осталось вообще никакого смысла.

— Если не считать того упыря в деревне, мы не видели ни одной живой души с тех пор, как покинули Обугленный лес, — сказал Броддур. — Кого ты надеешься здесь найти?

— А кто сказал, что я ищу среди живых? Утан усмехнулся. — Шаиш — царство тайн. И даже ответов, если ты достаточно мел. Оракулы есть в каждой могиле, если знаешь, как их найти и заставить говорить. Его взгляд ненадолго остановился на Готреке, и улыбка неуверенно потянулась по его тонким синим губам. — Где-то в этом Владении может даже найтись тот, кто укажет тебе путь к тому, что ты ищешь, Истребитель.

— Что случилось с необходимостью в нашей защите по дороге в Хаммерхол? — спросил Броддур.

Утан извиняюще поднял руки. — Разве я не питаю слабость к потерянным и измученным душам?

— Я подарю тебе потери и мучения, если ты не справишься с этим, — сказал Готрек.

— Нет нужды в угрозах, Истребитель, — сказал Утан, качнув головой. — Мы оба хотим одного и того же. Мы оба, мы оба. Он выпрямился, как тревожная птица, пьющая из лужи, и выражение его лица внезапно стало серьезным. — Важно, чтобы вы оба ждали меня здесь. Что бы вы

не увидели или услышали изнутри, не следите за мной. Лишь немногие среди призраков понимают, что они мертвы. Если их расстроить, это может привести к... неприятным последствиям.

Некромант повернул ручку.

После всех его предупреждений Броддур ожидал чего-то драматического. Он был разочарован, когда единственным заметным результатом стало то, что дверь открылась. Утан был уже на полпути, когда Готрек окликнул его.

— Мидденхейм, — прорычал он, словно выплевывая камень. — Человечий отпрыск должен был отправиться в город под названием Мидденхейм. Знаешь ли ты о таком городе в Шаиш?

Утан улыбнулся и кивнул головой. — Я могу спросить.

С этими словами колдун вошел внутрь и закрыл за собой дверь.

Он был странным, и не ошибся.

Готрек присел на пень, видимо, надеясь провести время наедине с Броддуром, молча глядя в землю. Броддур хмуро смотрел на него. Сейчас он был готов на все, чтобы избавиться от ехидных замечаний и непрекращающегося ворчания, которые так раздражали его во время путешествия по Плато Огненного Рубца. Все было бы лучше, чем апатия, которая, казалось, овладела Истребителем с момента их прибытия в Шаиш.

— Мидденхейм?

— Я не с тобой разговаривал, творец историй. Занимайся своими делами и перестань вмешиваться в мои.

— Быть может тебе будет интересно послушать о Землях Мертвых, и я мог бы рассказать тебе бородатую байку о том, как Нагаш предал Сигмара во время Войны Нексуса и вызвал Эпоху Хаоса?

Готрек поднял глаза от созерцания земли. Он опасно посмотрел на Броддура. — Думаешь?

Броддур открыл рот и тут же закрыл его.

Искатель Рока хрюкнул, явно довольный.

Глядя на неподвижную сиреневую воду фьорда, Броддур сделал полусерьезную попытку насвистеть хазухайн — традиционную походную песню Унбакского фирда, но вскоре и она сошла на нет. Что-то в этом месте возмущало вторжение столь оживленной мелодии. Не помогало и ощущение хмурого взгляда Готрека на его затылке. Сжав губы, он

засунул большие пальцы за пояс и немного покачался на пятках, прежде чем двинуться по тропинке к храму. Несмотря на серьезные и очень конкретные предупреждения Утана, он приподнялся на цыпочки, чтобы заглянуть в окно. Стекло было слишком толстым и покрытым коркой соли, чтобы можно разглядеть что-либо. Он приложил к нему ухо и прислушался. Сначала он не услышал ничего, кроме мягкого плеска моря о каменистый берег, но потом уловил слабый скребущий звук, а иногда и визг, похожий на скрип несмазанного колеса. Было несколько бормочущих фраз, которые, похоже, принадлежали Утану, но было непонятно, что и кому он говорит.

Броддур почувствовал щекотное ощущение на затылке и повернулся. Он посмотрел в сторону других зданий. Из одной из соседних рыбакских хижин доносились *суетливое поскрипывание* соломы. Он покачал головой. При таком количестве полуслышимых звуков, доносящихся с ветром, трудно было быть до конца уверенным, что он вообще что-либо слышал. Но ему показалось, что за углом крыши, как раз когда он повернулся к ней, мелькнула неясная черная фигура, мгновенно скрывшаяся из виду. Броддур уже готов был принять ее за очередного бродячего призрака или любопытного упыря, но тут он снова услышал шум - *скрежет*, не похожий на тот, что доносился из храма.

— Ты слышишь это?

Готрек хмыкнул, но не поднял глаз. — Вероятно, какому-то дураку посчастливилось умереть за десять тысяч лет до твоего рождения. Не обращай на это внимания, творец историй, и перестань напрыгивать на каждую тень.

Покрепче сжав топор, Броддур пошел назад по извилистой тропинке к белым воротам деревни. Он указал на лачугу с золотым значком. — Похоже, звук доносился оттуда.

— Призрак или упырь. Какая разница? Сиди спокойно и не трогай меня. Готрек задумчиво посмотрел на могильные столбы, торчащие из земли вокруг него. Он покачал головой и заворчал, гневно жестикулируя.

— Посмотри на это, творец историй. Ни имен. Ни записей об их деяниях. Ни почестей в смерти, ни места в памяти потомков. Ничего. Так нельзя обращаться с мертвymi.

— Это все из-за человеческого принца, по которому ты скорбишь?

Готрек опасно зарычал, поднимаясь. — Хватит с меня твоих догадок и

разговоров. Разве недостаточно для гнома оплакивать дурное обращение с чужими предками? Какой гном нуждается в большем поводе для отчаяния, чем этот?

Броддур обнаружил, что отступает. В выражении лица Истребителя было что-то такое, чего он не хотел видеть вблизи себя. — Мы, Огнеубийцы, знаем, как чтить своих предков. Мы — дети Гриннира. Но Джордайн был всего лишь принцем, сыном не-.

Готрек схватил его за горло и поднял над землей.

— И ты считаешь его менее достойным, чем ты, не так ли? Ты удивляешься, почему я чту его, а не тебя? Думаешь, я слеп? Ты не лучше лича, но там, где он позорит мертвых грязной магией, ты делаешь это своими ничтожными словами и рассказами. Я знал больше людей, чем большинство гномов, и некоторые из них показали себя куда достойнее, чем большинство гномов.

— Остановись... Искатель Рока...

— И почему я должен это делать? Чего бы мне не хватало, если бы тебя не было рядом со мной? Возможно, я бы даже смотрел на тебя с большей любовью, если бы ты умер. Разве не этого ты хотел от меня?

— Гриннир...

Готрек яростно тряс его. Броддур услышал, как захрустели его хрящи. Темнота начала смыкаться вокруг него.

— В последний раз, творец историй. Я. Не. Он.

Броддур отчаянно бил по руке Готрека, но она была подобна железному пруту, согнутому вокруг его шеи. Руны в его бицепсах зашипели, но почему-то не смогли преодолеть силу, которую Искатель Рока нес в своих мышцах и костях. Его взгляд блуждал по кладбищу и деревне, ища выход из ситуации, и медленно, очень медленно до него дошло, что на него смотрят десятки пар сверкающих красных глаз. Он с еще большей настойчивостью постучал по руке Готрека, пытаясь указать ему своими глазами на скавенского ассасина, кравшегося краля позади Готрека.

— Позади... Тебя...

— Не оскорбляй меня, творец историй. На это еще никто никогда не велся, кроме тех ужасных пьес, которые меня когда-то уговорил прочитать человечий отприск.

Броддур издал бессвязный захлебывающийся звук и взмахнул своей

иконой из последних сил. Она пробила морду скавена, как раз когда тот готовился наброситься, и свалила его, как мешок. Готрек ослабил хватку на его горле, поглядев вниз.

— Скавены! — прорычал он, в последний раз яростно тряхнув шею Броддур, прежде чем отпустить его. Броддур жадно втянул в себя воздух. Никогда еще он не чувствовал такого блаженства от морозного шаишского воздуха. — Почему ты ничего не сказал? Большую часть времени я только и делаю, что заставляю тебя помолчать.

Поняв, что их присутствие замечено, со всех сторон на кладбище хлынули скавенские убийцы в черных одеждах. Они вылезали из окон, спрыгивали с крыш и выбирались из-под перевернутых лодок, а некоторые даже вырывались из скрытых отверстий в мерзлой земле. Готрек удивленно зарычал, когда под пнем, на котором он сидел раньше, раскрылась дыра, в которой оказался ночной бегун скавенов, чьи победные визги вскоре сменились ужасом, когда на него сверху обрушился разъяренный Искатель Рока.

Не успел Броддур отдохнуть, как нападение захлестнуло и его. Когти, лезвия на хвостах, ножи — все они были вымазаны сажей, чтобы не отражали свет, — обрушились в него со всех сторон, куда только можно было направить оружие. Он парировал первый шквал ударов, но скавены были слишком быстры и продолжали нападать. Броддур застонал от боли, когда один крысолюд впился зубами в его локоть. Другой вонзил стальной коготь ему в плечо. Вырвав руку из пасти скавена, он принял яростно рубить в круговорти меха и лезвий. Ночной бегун вскрикнул, когда лезвие Броддуря задело его хвост. Остальные члены стаи проворно метнулись, оказавшись вне пределов досягаемости. Но ему было достаточно и передышки длиной в бороду.

— Семь раз топоры Гrimнира рассекали расплавленную чешую Вулкатрикс. Семь раз Пра-Саламандра разила бога в ответ! — с ревом Броддур бросился в атаку.

Ночные бегуны уворачивались с пути, когда он устремлялся к ним, смыкаясь вокруг снова: очевидно, они хорошо умели расправляться с врагами крупнее себя. Один ночной бегун пронесся впереди него, заманивая его все дальше и дальше в окружение товарищкой по стае хлесткими ударами хвоста. Но Броддур и не собирался сбавлять темп.

— За Гrimнира! Энергия, выплеснувшаяся из руны на его бедре,

привела к резкому ускорению и тревожному визгу ночного бегуна перед ним, прежде чем он исчез под его стремительной массой.

Он почувствовал, как что-то щелкнуло у него над головой. Параочных бегунов, закутанных в черные одежды от мягкого носа до розового кончика хвоста, сидели на крыше с рогатками. От их вида его отвлек скрип когтистых лап по рыхлой земле позади.

Он взмахнул своей иконой, как булавой, и свернул шею скавену, который хотел напасть на него сзади, отправив того штопором в могильный курган. Броддур чувствовал, как его руны начинают просыпаться. Эта земля застоя и холода сделала их вялыми. Это было не то Владение, к которому они взывали. Магия была другой. Но они медленно возвращали свою силу.

— *Ранк-ха!*

Освободившись на время от врагов, он поднял руку, чтобы отбить камень из пращи, и направился к Готреку.

Искатель Рока выбрался из норы и был весь окружен огнем своего великого топора, словно все его тело дышало им. Вокруг него на земле лежала куча тлеющих скавенов. В воздухе еще висели ошметки, словно духи мертвецов, притаившиеся возле своего убийцы. Искатель Рока разрубил пополам метнувшегося ночного бегуна. Дыхание кузнечного огня испепелило визжащего паразита, превратив его в обугленную плоть и горящий мех. Броддура охватила боевая радость при виде того, что Искатель Рока так сильно разъярен. Он скрестил свой топор с иконой над головой и возликовал.

— Мы - рассеянные угли огня Гrimнира. Никогда не гаснущие. Никогда не познавшие воды. Мы сражаемся. Мы горим. Кровь и золото! Казук!

— Борода Грунгни, ты никогда не останавливаешься?

— Это тот же клан, что напал на нас в Карак Унбаке, Готрек. Клан Бойл. Я узнаю знаки на их тряпках. Что они делают здесь, в Шаише?

— Какая разница?

— Убейте Истребителя. Быстро-быстро! Фигура скавена в длинных черных одеждах перемахнула через забор. Он направил на Готрека и Броддура клинок, с которого капал яд. — Их всего двое, а вас - много-много. Счастливчик, который убьет Истребителя, будет вознагражден Невидящим Оком и окажется в большой милости у Серого Владыки. Он хочет его смерти. Да. Очень-очень мертвый-мертвый!

— Он сказал *Невидящее Око*? - пробормотал Броддур. Он повернулся к Готреку и с удивлением увидел, что Искатель Рока застыл на месте.

— Он сказал *Серый Владыка*?

Лидер скавенов прокричал что-то похожее на команду, и на кладбище хлынула вторая волна паразитов.

— Гримнир, они повсюду!

— Заткнись и иди за колдуном, - рявкнул Готрек.

Броддур проклинал себя за то, что совсем забыл об их проводнике. Скребущие и скрипящие звуки, которые он услышал у окна сложились в картину: скавены явно были как внутри храма, так и снаружи!

Оставив Готрека сдерживать скавенов, что тот делал хоть с огромным, но неохотным рвением, Броддур побежал обратно к храму. Он попытался открыть двери, но они не открывались. *Крутаз*, подумал он. Заперты изнутри. Скавены, должно быть, задвинули засов, прежде чем устроить засаду, чтобы никто не пришел на помощь колдуну, пока не стало слишком поздно. Ну, на кузнеца битвы Ложи Унбак они вряд ли рассчитывали. И Броддур скорее погладит пылающие ноздри Вулкатрикс, чем позволит себе и Искателю Рока застрять в Шаише без проводника.

— Я иду, Курганоходец! - прорычал он, тараня плечом дверь.

ГЛАВА 15

Двери словно взорвались, и Броддур ввалился внутрь, прикрывая глаза, отмахиваясь от осколков и размахивая иконой перед собой, как слепой посохом. Бегло смотрев внутреннее убранство храма, он снова почувствовал щекотку в затылке, похожую на никак не проходящее желание чихнуть.

В том месте под нефом, где несколько мутных потоков света сходились в один, находилась группа фигур. Среди них был и Утан Курганоходец. Он стоял в кольце рычащих скавенов. Все они были покрыты черным мехом, что, по мнению Броддура, означало свирепость и статус в обществе скавенов. Вожак стаи стоял с менее выраженной сутулостью, чем его прихвостни. Он был достаточно хорошо бронирован: руки и грудь опоясывали полоски кожи, прошитые стальными кольцами. С одного бедра свисала увесистая сеть. Шелковая веревка обвивалась вокруг груди и вилась вверх по противоположной руке, словно защитная змея. Бледная плоть лап, морды и хвоста была обтянута черным шелком, а небольшой арсенал клиновых орудий был тонирован и прикрыт рукавами. Только красные глаза и обнаженные клыки злобно поблескивали на свету.

— Курганоходец!

Крик Броддура эхом разнесся по деревянным стенам нефа. И скавены, и некромант повернулись на крик. Несмотря на разительные различия в анатомии, удивление на их лицах было причудливо похожим. Утан отдернул руку, которую протягивал лидеру скавенов, несомненно, намереваясь уничтожить убийцу каким-нибудь некромантским заклинанием, и с облегчением вскрикнул. —Кузнец битвы! Хвала Бессмертному Королю. Помоги мне!

— Но... - пискнул скавенский убийца, прежде чем Утан ударил его кулаком в грудь.

Костяшки пальцев волшебника так и не соприкоснулись с телом скавена, но связанные духи пронеслись по его запястью и вырвались из вытянутой руки, подняли скавена в воздух и с визгом понесли через зал.

— Клянусь Гrimниром, Курганоходец. Все это время мы бегали за тобой, а ты оказался способен на такое?

Но Утан уже начал читать новое заклинание. Вокруг него возник барьер

из переплетенных духов: человеческие и нечеловеческие лица, застывшие в безмолвном крике, мерцали и кружились, как разноцветные языки пламени. Некромант извлек из барьера отдельных духов, словно вытащил птиц из стаи, чтобы они сели ему на руку, и, словно мозаику, сложил из них колдовство, способное содрать плоть и мех с костей скавенов или вырвать живую душу из их кричащей оболочки. Ночные бегуны и их оставшиеся лидеры царапали друг друга, пытаясь убраться подальше, и в зале стоял резкий запах мускуса.

Броддур мог только смотреть. Он никогда не видел, чтобы Утан использовал свою магию для чего-то другого, кроме того, чтобы прятаться или спасаться бегством. Видеть его в таком состоянии было просто удивительно.

— Проклятые крысы прут отовсюду, — сказал Готрек, протискиваясь в открытую дверь. Он был весь исцарапан и искусан, покрыт ожогами и темной кровью скавенов. Его гребень был перекошен, и что-то умудрилось выдернуть цепочку из носа, прихватив с собой кусок уха. Он также злобно ухмылялся, глядя на происходящее внутри. — Что я пропустил?

Броддур не смог ответить. Он и сам не был уверен, что знает.

— Придержи-ка для меня дверь, творец историй. Дальше я справлюсь сам.

— Не позволяй им причинить Курганоходцу вред.

Готрек фыркнул. — Как будто я собираюсь.

— Если он умрет мы не отыщем Врата в Хаммерхол.

— Не дави на меня, творец историй.

Броддур снова потер нос, и вдруг его осенило, в чем причина зуда. Пра-золото. Только рунные жрецы Жарргрима обладали даром отделять пра-золото от обычного, никчемного металла, но все Огнеубийцы были в той или иной степени чувствительны к нему. Один из скавенов в этом храме нес пра-золото. Учитывая, что они принадлежали к тому же клану, который напал на Карак Унбак, этому можно было найти только одно объяснение.

— Мастер-Руна, Готрек. Она у одного из скавенов.

— У которого?

Броддур указал на первую жертву Утана — убийцу скавенов, все еще дымящегося на полу в другом конце зала. — Я бы поставил на их

вожака.

Пока Готрек пробивался через паникующих крысоловов, Броддур заметил, как что-то черное и грациозное отделилось от потолочных балок и бесшумно опустилось за Истребителем. Это был не скавен. Он понял сразу, несмотря на то, что не мог ничего толком разобрать, кроме общей формы и того факта, что оно не кричало в ужасе, пробиваясь в сторону окон и дверей. Ночные бегуны были существами тени. Возможно, это и была тень. Если бы не духи, скрежещущие и воющие, которых тащили со стен, чтобы дать Утану еще больше топлива для его заклинаний, и не метавшиеся по его черному одеянию в нечестивом порыве, Броддур мог бы вообще не увидеть её, пока не стало бы слишком поздно. И что еще хуже, Броддуру казалось, что он точно знает, кто это.

— Искатель Рока! — проворчал он, и Готрек повернулся как раз вовремя, чтобы отразить ножи убийцы плоской стороной лезвия своего топора.

— Не в этот раз, Готрек, — сказала Маленет. — На этот раз Мастер-Руна моя.

— Неужели никто в этих Владениях не предупреждал тебя о том, что нельзя вставать между гномом и его золотом?

— Она не твоя.

Сумеречный клинок и Истребитель обменялись ударами быстрее, чем Броддур успел за ними уследить, пробив себе путь через несколько пыльных скамей и кариатиду безымянного божка в черном капюшоне. Они ненадолго разделились: Маленет тяжело дышала и шипела от досады, видя, как ее клинки безвредно скреблись по черному льву Эдассы, которого Броддур помог Истребителю закрепить на плече.

— Ты теперь носишь доспехи?

— Немного.

— Какое раздражающее новшество.

— Хватит с ней возиться, прикончи ее, — крикнул Броддур. — Мы не можем выпустить ее отсюда с главной руной Унбаки.

— Он думает, что *ты* играешь со *мной*? — спросила Маленет. — Помилуйте.

И они снова скрылись в вихре дыма, парящего шелка и ножей.

Броддур чувствовал неуверенность. С одной стороны, он считал себя обязанным позволить Искателю Рока сражаться так, как тот считает

нужным, и умереть, если это будет его уделом. Но, с другой стороны, он все еще оставался верным сыном Ложи Унбак, поклявшимся вернуть Мастер-Руну и преподать кровавый урок её похитителям. Это второе условие было выполнено так, что удовлетворило бы жажду мести даже Рунного Владыки Крага, но возвращение руны в целости и сохранности в Карак Унбак можно было выполнить лишь обеспечив гибель Маленет Ведьмин Клинок и выживание Готрека Гурниссона.

— Курганоходец! — крикнул он. — Кхайнитка здесь!

Утан мгновенно развернулся, руки его были наполовину подняты, словно в защитном жесте, и пара скавенов, которые не преминули воспользоваться возможностью улизнуть в окно и скрыться. Его дрожащие губы сложились в рычание. — Ведьма. Он начертил на груди сложнейший сигил. Внезапно подул штурм. Капюшон слетел с его головы, жидкие пучки волос вырвались на свободу, и призраки Уллера, Вагенскрипта и Блота ответили на его призыв. Барьер вокруг его колен вздыбился до высоты груди, когда мертвецы Аметистовых фьордов напитали его силой своих душ.

— Неееет...

— Пожаааалуйста...

— Позвольте мне вернуууться...

Некромант разнял сцепленные руки и медленно развел их в стороны. Между ладонями возник потрескивающий шар аметистовой энергии — пурпурное солнце. Стены заскрипели, словно духи, которые в них обитали, придавали им прочность. Даже свет в храме словно потускнел под воздействием заклинания. Края зала потемнели. Колдун не был потомком Гrimнира, но Броддур безошибочно понял, что тот в боевом безумии, когда смотрел на него. Сила была сосредоточена в нем, и он либо должен был уничтожить, либо или быть уничтоженным.

— Эй! — рявкнул Готрек, когда Маленет увернулась из-под удара его топора.

— Бог Убийств! Он убьет нас всех!

Из руки аэльфийской ведьмы вылетел метательный нож. Он метко летел в сторону Курганоходца, но был в последний момент отклонен одним из духов в барьере некроманта, и вонзился не в сердце, а в плечо Утана.

— Кровь Кхайна! — выругалась она.

— Поверхностная рана, — сказал Готрек. — Типично небрежная работа

эльфа.

Утан, пошатываясь, отошел на несколько шагов назад по центральному проходу. Кровь пропитала его рукав, и он явно боролся за то, чтобы держать свое заклинание под контролем. Броддур видел, что оно уже начало разваливаться. Духи упирались в окружность сферы, кричащие лица с аметистовыми светящимися глазами появлялись из толчей быстрее, чем могло выдержать смертное сердце. Завывания духов в барьере все нарастили и нарастили, переходя в безжалостный вопль, и когда пламя вырвалось на свободу, то пурпурное солнце взорвалось прямо перед лицом Утана.

— Даааааа!

Более ничем не связанные духи вырвались из рук Утана, как воды из прорванной плотины. Они вырывали камни, разрывали в клочья мебель, выбивали стекла из окон. Ночные бегуны скавенов, оказавшиеся на их пути, были заживо разодраны в клочья шелка, меха, кожи, мышц и костей, и разбросаны перед гогочущей толпой призраков. Готрек был следующим. Поток обрушился на него сбоку, и одна сторона его лица в мгновение ока постарела на тысячу лет. Казалось, оно плавится, глазное яблоко лопается, стекая по лицу, а борода горит, как соломенный хворост. Искатель Рока успел увернуться от остального, прикрыв целую половину лица рукой, и закричал в от боли и гнева.

Это было последнее, что видел Броддур, прежде чем поток подхватил и его: словно тысячи и тысячи восторженных, ненавидящих, недоумевающих рук подняли его с земли и неудержимо понесли к открытой двери.

ГЛАВА 16

Утан Курганоходец стряхнул пыль со своей мантии и вышел из храма. Он осторожно прикрыл за собой дверь. Лежа на мерзлой траве снаружи, Броддур в некотором замешательстве наблюдал за некромантом, а затем со стоном сел. Он ожидал обнаружить себя распостертым рядом с горящим кратером, окруженным обломками разрушенного храма и мертвыми скавенами. Хотя мертвых скавенов было очень много, храм, как ни странно, остался невредим. Различные колокола храма тихо позвякивали на холодном ветру с фьорда. Как будто ничего и не произошло.

— Так я не умер?

— Может, и так, — ответил Утан голосом, напряженным от боли. — В конце концов, это же Шаиш. Он повернулся и зашагал по грунтовой дороге, и Броддур заметил, что, хотя нож убийцы тоже исчез из плеча некроманта, рана, оставленная им, была вполне реальной. Его левая рука безвольно повисла на боку, рукав потемнел от крови.

— Руна, — сказал Броддур, когда воспоминания о предшествовавших событиях в храме, начали возвращаться в его голову. — Мы должны достать руну. Он снова застонал, пошатнулся, пытаясь встать на ноги, так как голова у него кружилась, и тут ему пришло в голову пришла ещё одна мысль. Он оглядел жутко спокойное кладбище. — Где же Искатель Рока? И что случилось с Маленет?

— Молись во имя всех известных тебе богов, чтобы этой ночью кхайнитская гарпия вопила на ветру вместе с мертвцами. Если хоть клочок ее души еще остался, я найду его. Я разберу ее на части этими самыми пальцами и прослежу, чтобы осколки горели до тех пор, пока огни Дракотиона не потухнут и не станут темными.

Броддур уставился на него, ошеломленный страстью некроманта. У старого пугливого отшельника, с которым он путешествовал, оказалось пламенное сердце, чего он никак не ожидал от него.

— Ты думаешь, она умерла?

Утан, шаркая, остановился в нескольких ярдах от того места, где теперь прочно сидел Броддур, и положил руку на раненое плечо. Он надолго закрыл глаза, и его бледность стала еще более заметной. — Я не знаю. Как ты думаешь, кто я? Духи этой деревни теперь не будут со мной

разговаривать, благодаря тебе.

— Благодаря мне?

— Ты был слишком медлительным. Он сердито поморщился. — Ты заставил меня защищаться.

— Что скавены, разорившие мой дом, вообще делали здесь с Мастер-Руной?

— Ты спрашиваешь меня? Я не знаю. Они застали меня врасплох, Огнеубийца, и, несомненно, сбежали с безделушкой, как только появилась кхайнитка. Колдун зашипел от боли и оперся здоровой рукой о могильный столб. — Клянусь всеми богами Порядка и Хаоса, Разрушения и Смерти, эта темная ведьма заплатит за причиненную мне боль!

Оглядевшись по сторонам, Броддур убедился, что по крайней мере в одном Курганоходец был прав. Было могильно тихо. Из пустых домов не доносился шепот призраков. Ни один зловредный дух не парил в своей нежизни. Все их загробное посмертие, было вытряхнуто из них магией Утана. Но он все еще чувствовал их рядом. Над деревней висело тревозное ожидание, подобный тому, что витает в воздухе перед бурей. Даже упыри, казалось, затаились, прежде чем выдвинуться пировать большим количеством мертвых скавенов. Броддур тряхнул головой, пытаясь прогнать мысли, и посмотрел на нетронутый храм. Он что-то забыл. Что-то...

Он провел тыльной стороной кулака по носу. Ему все еще казалось, что он хочет чихнуть.

— Между прочим, я в порядке, — раздался сзади него сердитый рык. — Не трудись спрашивать.

Броддур вздохнул, когда Истребитель направился к нему.

С тех пор как он впервые встретился с Готреком Гурниссоном на мосту Калдур у Аз-Скорна, Броддур питал иллюзию, что Готрек несокрушим. Его крик, когда бесконтрольное заклинание Утана задело его, разрушил эту иллюзию. Судя по тому, что предстало перед ним, восстановить его удастся не скоро, если вообще удастся. Кожа на его лице с одной стороны стянулась и состарилась. Она была морщинистой и обветренной, половина бороды, выкрашенной в оранжевый цвет, теперь пробивалась белым. Глаз представлял собой пустую впадину. Между его огромными, покрытыми потертостями руками был натянут

кусок черного шелка, снятый с тела ночного бегуна. Он пытался перевязать глаз. Истребитель вздрогнул от боли, когда он прижал повязку к пустой глазнице и завязал ее за головой, но не издал ни звука.

— Клянусь Гrimниром, ты выглядишь... лучше, чем я опасался.

Готrek издал короткий смешок, который резко оборвался, спазмом от боли.

— Клянусь, Истребитель! Мы отомстим клану Бойл. Да, и еще Храму Кроваворукого бога!

— Успокойся, творец историй, пока у тебя не пошла кровь из носа. От гоблинских стрел я страдал и похуже. Если бы ты сказал мне перед тем, как мы покинули этот твой вулкан, что на плече у меня будет доспех человечьего отпрыска, а на выбитом глазе — скавенская ткань, я бы, возможно, попытался найти дорогу обратно в Царство Хаоса. Он ворчал себе под нос, заканчивая завязывать шелковую повязку на голове. — Гrimнир подарил мне этот глаз.

— Стойкость перед лицом невзгод - черта кланов Обездоленных, тех дуардинов, которые потеряли все в Эпоху Хаоса и Крови. Это не путь Огнеубийц!

— Лучше бы это стало образом жизни одного конкретного Огненного Истребителя. Помимо всего остального, от тебя уже болит голова.

Броддур поднял свой топор со льда. Он прижал его к ладони, пока на лезвии не выступила кровь. — Словом и кровью, рунами и золотом клянусь отомстить!

— Что для этого нужно? Скажи мне, что нужно сделать, чтобы ЗАТ...КНУТЬ...ТЕБЯ? Поправив повязку, вновь ставший одноглазым Готrek повернулся у Утану. — Ну? Что скажешь в свое оправдание?

— Я отвлекся, - ответил Утан.

— Ага. Я заметил.

— У меня осталось достаточно сил, чтобы уничтожить твою вторую половину, если будешь давить на меня.

— Приготовься, лич, потому что тебя сейчас я буду чертовски сильно давить. Готrek приблизился к Утану, который с трудом оторвался от могильного столба, на который опирался.

— Не испытывай моё терпение! - прошипел он, оскалив на Истребителя свои желтые зубы.

— Вряд ли это был тот самый человек, которого Броддур видел

убегающим из засады сильванет и с радостью обходящим битву с Видящим Легионом. Утан Курганоходец, которого, как думал Броддур, он знал, никогда бы не осмелился противостоять Готреку Гурниссону в таком настроении.

— Думаешь, несколько лишних лет на моей плоти меня беспокоят? Я старше камня, на котором стою, и все еще выгляжу здоровее, чем мой отец, когда он рубил ваших при Хель-Фенне.

Броддур прицепил топор к поясу и поднялся на ноги, чтобы встать между ними. Подвески и золотые кольца зазвенели, раскальвавая застывший на его бедрах лед.

— Остыньте, вы оба. Мы вместе пришли в это Владение и вместе его покинем. Мы поклялись защитить тебя от аэльфийской ведьмы, Курганоходец, и мы это сделали.

— Едва ли.

— И, Готрек, Утан поклялся в замен провести нас в Хаммерхол, и до сих пор он это делал.

— Я не уверен, творец историй. Разве? Я не вижу этих тысячекутных стен и огненных рвов, о которых говорил принц. А ты?

Утан на мгновение заколебался. Он снова потянулся к могильному столбу и с третьей попытки ухватился за него. — Я говорил с моим...

— Посмотри на него. *Волшебники*. Немного настоящей работы, и можно подумать, что он только что поднялся на Караз-а-Карак.

— Она... сказала мне...

— Готрек, он очень бледный.

— Он похож на призрака, творец историй. Это нормально для него.

— Кузнец битвы прав, я не... чувствую...

Некроманта охватил внезапный паралич. Броддур подхватил его прежде, чем тот успел упасть. Он быстро опустил чародея на землю, так как неудержимое желание чихнуть грозило, что он уронит его. Зажав ноздри и моргая, он отступил назад. Готрек наклонился к некроманту. Его единственный глаз сурово блестел среди сияния душ на льду.

— Значит, темные эльфы в этом мире все также любят смазывать свои клинки ядом, не так ли? Приятно слышать.

— Й-а-яд? — заплетающимся голосом пролепетал Утан.

Присев, Готрек оторвал потрепанный рукава мантии Утана от раны на его плече. Утан застонал от боли. Готрек и Броддур закашлялись от

запаха. Готрек каким-то чудом остался рядом с колдуном и не отшатнулся. Запах был мучительно сладким, как козье молоко, оставленное киснуть на три дня в кузнице. Готрек пощупал рану, вызвав у Утана более громкий вскрик боли.

— Если только в этих нескладных пальцах нет исцеляющей магии, перестань к ней прикасаться.

— Она уже начинает чернеть, — тихо пробормотал Броддур через плечо Готрека.

— Я предлагаю оставить его здесь, — нетактично сказал Готрек.

Глаза Утана забегали в панике, пока не остановились на Готреке. Он протянул руку и схватил один из болтающихся обрывков цепи, свисавших с браслета Истребителя. — Ты должен доставить меня в Хаммерхол, Истребитель. Там у меня есть союзники, способные исцелить такую рану. Ты дал мне клятву.

— Он клялся, — сказал Готрек, указывая пальцем на Броддура. — Не я.

— Ты заставил меня! — возразил Броддур

— Я знаю дорогу, и она недалеко. Всего лишь краткое путешествие через Аметистовые фьорды.

— Ты хочешь, чтобы я сел в лодку?

— Твой друг...

— У меня здесь нет друзей. Ни таких червивых лихоимцев, как ты, ни таких полуумных, треклятых, короткобородых сородичей, как он.

— Не здесь, — быстро добавил Утан. — Нет. *Нет*. Человек. Тот, кого ты ищешь. Он в Хаммерхоле. Духи сказали мне об этом, прежде чем скавены прервали меня. Прости меня. Прости, что заставил тебя сомневаться в этом. *Прошу*. Пожалуйста, отведи меня в Хаммерхол.

Лицо Готрека выглядело так, словно вот-вот рассыплется, а затем затвердело, превратившись в нечто совершенно иное. Что-то, чего Броддур никогда раньше не видел в нем и не узнавал. Оно было болезненным, как будто только что ударили по сломанной кости, и в то же время радостным, словно напоминание о том, что он все еще жив и может чувствовать боль, такое неожиданное и удивительно желанное.

Он наклонился поближе к некроманту.

— Он в Хаммерхале? Мертвые сказали тебе об этом?

Утан крепче ухватился рукой цепочку на запястье Истребителя, пока не накрутил несколько петель на своё запястье, словно браслет, будто

это может помешать Истребителю покинуть его.

— Да. Да. *Феликс в Хаммерхоле*. Отведи меня в Хаммерхол.

Готрек выпрямился. Он выглядел потрясенным тем, что только что сказал Утан. — Я никогда не говорил тебе его имени. Никому не говорил. Истребитель встал и зашагал к воде, прежде чем Броддур успел спросить, что все это значит. — Поторопись, искатель золота. Или я обречен доживать свой век здесь, во Владении Смерти?

Броддур потер зудящий нос, затем взвалил Курганоходца на плечо.

Наконец-то, подумал он. *Немного ускорения*.

ГЛАВА 17

Броддур знал, что этой ночью ему не удастся заснуть. Море и в лучшие времена было не лучшим местом для Огнеубийцы. Оно выбивало его из колеи и вызывало тошноту. К тому же, как только бледное солнце скрылось за горизонтом, снова поднялся шторм. Это была самая страшная буря. Ветер превратился в баньши, он кричал и плакал, не переставая, и с яростью бил по борту баркаса. Сверкающие демоны из пыли душ, вырванные из морских льдин и айсбергов и танцующие по злой воле ветра, кружились над беспомощным судном.

— Не место для Огнеубийцы, — пробормотал он.

— Ты скулишь, как эльфийский торговец рыбой, — ответил Готрек. Истребитель пристроился со своим огромным топором на носу, укрывшись от ветра и брызг, но вид у него был несчастный и промокший. — Закрой рот, закрой глаза, и спи.

Броддур послушно захлопнул рот и прижался к борту, пытаясь укрыться сразу целиком. Это было безнадежно.

— Не место для Огнеубийцы...

Словно откликаясь на призыв ветра, море тоже, казалось, пробудилось с окончанием дня. Группы льдин заметно уплотнились с тех пор, как они легли на курс в ночь. Теперь они окружали лодку, обнимали ее, шептали с ней на общем языке скрипов и щепок. Над скамьями гребцов, словно бегущие огоньки, мелькали блуждающие огоньки, тихонько шепчущиеся друг с другом, ничуть не беспокоясь о шторме.

Если бы не мощь Гrimнира, подумал Броддур.

Утан Курганоходец лежал между рядами призрачных гребцов, привязанный к грат-мачте, с головой, подпертой связкой сетей. К великой зависти Броддура, он спал, и дыхание его было неглубоким. Бесплотные медсестры изредка сновали туда-сюда. Их голоса были настолько жуткими, что Броддур не хотел, чтобы они возвращались.

— Он неплохо выглядит.

— То есть он не умер до заката, как я и говорил. Едва ли это похвала, творец историй. А теперь иди спать.

— Полагаю, даже Гrimнир способен на милосердие. Не думаю, что мне хотелось бы застрять здесь без него.

— Хватит. Я не собираюсь лежать здесь всю ночь и слушать это.

Лодка дернулась, когда Готрек встал со своего места и перемахнул через борт.

— Готрек? Готрек! Ты не можешь уйти.

Истребитель не ответил. Броддур услышал, как его окованные железом сапоги стурнулись о толстый лед, и звук его шагов уносился всё дальше в бурю.

— Мы же не посреди Аметистовых фьордов или что-то в этом роде!

Уважение к секретам Искателя Рока боролось в Броддуре с раздражением из-за его упрямства. Ночные вылазки Готрека уже стали чем-то вроде обыденности, но это было на суще. Где, как не в огненных залах Гrimнира, ему могло прийти в голову отправиться сюда, во фьорды? Броддур не сомневался, что, будь на борту человеческий принц Джордайн, Искатель Рока рассказал бы ему о своей цели. Но не Броддуру, не его кузнецу битвы, проводнику и присягнувшему ему верующему. О нет. Две стороны его сомнений сошлись в изможденном любопытстве, и он решился выглянуть из-за борта лодки в пронизывающий шторм.

— Кого я обманываю? — прорычал он самому себе. — Этому дуардину сегодня не до сна.

Окинув взглядом призрачных гребцов, он нагнулся, чтобы взять топор и икону, но потом передумал. У него, прожившего жизнь на вулкане в Акши, не было большого опыта работы со льдом, кроме того понимания, что лед скользкий и что обе руки должны быть свободны. Оставив икону в лодке, он прицепил топор к поясу, затем перекинул ногу через борт и спрыгнул вниз.

Броддур приземлился на лед босыми ногами. Ветер взвыл почти сразу, как только он вылез из лодки. Холод обдавал пальцы ног. Он обхватил себя руками, чтобы не так сильно мерзнуть, и притоптывал ногами, оглядываясь по сторонам, пока не обнаружил отпечатки сапог Искателя Рока. Они быстро заполнялись, осколками светящихся душ, наносимых ветром и следы постепенно исчезали.

Пройдя по ним совсем немного, он услышал голоса.

Настоящие голоса.

— Не думал, что ты придешь сегодня, — сказал один из них.

— Делать нечего, — сказал другой, в котором Броддур сразу узнал Готрека. — Восемь миров, они сказали мне, но найдется ли в них хотя

одно приличное пиво?

Вздох.

— Я бы убил кого-нибудь за "Багманское". Даже за "Лучшее усилие бородача".

— Если Снорри верно помнит, ты однажды так и сделал.

— Я все равно собирался его убить. Бочонок в его темнице был лишь сопутствующим бонусом.

Прищурив глаза на ветру и прижав к себе бороду, Броддур зашагал в сторону голосов, пока Готрек не появился в его поле зрения. Истребитель сидел, скрестив ноги, на льдине. Его спина была обращена к Броддуре, а татуированная кожа покрылась мурашками от холода, хотя Искатель Рока и не подавал никаких признаков того, что страдает от него так же, как Броддур. Его борода и гребень развевались на ветру.

— Ты потерял еще один глаз, — сказал другой дуардин. — Похоже, Снорри пропустил достойный бой.

Истребитель провел рукой по своей всклокоченной бороде. Рука нашупала носовую цепочку, один конец которой свободно развевался на ветру, будучи вырванным из уха. — Бывало и лучше.

— Ты просто так говоришь.

Броддур обратил внимание на дуардина, с которым разговаривал Готрек. Он выглядел еще крупнее и мощнее, чем Истребитель. Из его лысой головы торчали три разноцветных гвоздя. Одна из его ног заканчивалась куском металла ниже колена. Его лицо выглядело так, словно его слишком часто сгибали, рвали и били. Но несмотря на это, а может быть, и благодаря этому, выражение его лица было таким же светлым и невинным, как у пламеныша, которому разрешили выйти из Карака и впервые увидеть цветок. Его тело было покрыто татуировками, похожими на те, что были у Готрека, а борода также выкрашена в оранжевый цвет.

Броддур подумал, не происходят ли они из одного клана Обездоленных. Может быть, они даже родственники? Предчувствие подсказывало Броддуре, что следует держаться в тени и не приближаться. Истребитель почти наверняка разгневается на то, что за ним проследили, а как отреагирует этот Снорри, он не знал. Если он был каким-то родичем Готрека, то Броддур ожидал не меньшей жестокости. Но и уходить ему не хотелось. Одно он знал наверняка: это не дуардин

из плоти и крови, которого Истребитель случайно застал поджидающим его во фьордах Шаиша. Укрывшись за, казалось, застывшей волной, он решил остаться и наблюдать.

— Откуда ты всегда знаешь, где я буду? — спросил Готрек.

— Снорри не знает.

— Ты дурак, Снорри Носогрыз.

Некоторое время оба дуардина сидели молча, как старые друзья, которые видят друг друга каждый день. Снорри смотрел ввысь и подетски ухмылялся, глядя, как по грозовому небу проносятся клубы пыли душ.

Броддур тихо притаптывал на месте, наблюдая за происходящим. Его ноги снова начали замерзать. Как эти двое не чувствовали холода?

— Ты, наверное, больше никого здесь не видел? Ульрику? Макса? Этого безумного дурака, Макайссона?

— Снорри думает, что видел Макса и Ульрику однажды. Вместе. Давным-давно. Может быть, на вечеринке? Он не может вспомнить. Больше никаких вечеринок. Но не Макайсона. Дуардин внезапно просветлел. — Может быть, он это сделал?

— Тысячи лет прошли со времен Казад Дренгази, Снорри.

— Не похоже на то.

— Это потому, что ты не можешь сосчитать до пятнадцати с тех пор, как я отрезал тебе ногу.

Снорри наклонился к Готреку, широко улыбаясь. Он постучал по своему расплющенному носу сильно татуированным пальцем. — Снорри не думает, что они тебе действительно интересны.

Готрек посмотрел на землю. — Тот колдун, о котором я рассказывал тебе прошлой ночью.

— Некромант?

— Ага, я тоже сначала не придал этому значения, но таков уж этот мир. Никто больше не живет по-старому.

— Жаль.

— Да, так. Например, эта ерунда с дуардинами — с чего все началось?

Снорри пожал плечами. — Снорри полагает, что гномы никогда не было нашим словом. Просто так нас называли люди Империи.

— Хах. Я привык к этому. Наверное, слишком много времени провел среди людей.

— Что ты говорил о некроманте?

Истребитель уперся языком в стенку щеки и продолжил с явной неохотой. — Ага. Он говорит, что человечьего отпрыска здесь нет, что он в том месте, о котором они все твердят, под названием Хаммерхол.

— Никогда о нем не слышал.

— Это потому, что ты идиот, Снорри.

— О да, Снорри забыл.

— Как думаешь, он может быть там, живой, спустя столько времени? Думаешь, моя клятва увидеть его и его семью живыми еще не нарушена?

— Ты сказал, что прошло уже... — Снорри сделал паузу, задумчиво наморщив лоб. — Много-много лет.

— И что из этого? Может, Гrimнир и мертв, но клятвы гномов нарушить сложнее, чем клятвы богов.

— Юного Феликса здесь нет.

— Я должен был спросить. Готрек неловко прочистил горло. — Ладно. Ну что ж. Он встал, стуча сапогами по льду. Броддур переместился в другое положение, разминая замерзшие ноги, чтобы отправиться обратно к лодке. — Наверное, мне пора возвращаться. Этот творец историй так лез с расспросами, когда я вчера вернулся после рассвета. Почти как будто снова женился.

Броддур нахмурился.

Наступило неловкое молчание, прежде чем Готрек заговорил снова.

— Когда будешь в следующий раз в Зале Предков, скажи Бьорни и остальным, что я все еще ищу свою судьбу.

— Это их развеселит, думает Снорри.

— Да, не сомневаюсь. И я сожалею о... ну, ты знаешь.

— Снорри знает. И Снорри считает, что заслужил в любом случае.

— Ага, Снорри заслужил. Но даже если так...

— Тогда, наверное, лучше попрощаться. Снорри надеется, что ты найдешь юного Феликса и свою судьбу. Дуардин стал мрачным. — Снорри не думает, что мы встретимся раньше, чем это случится

— Почему ты так думаешь?

— Завтра ты найдешь волшебную дверь.

— Врата Владений, ты про них?

— Вот оно что!

— Можешь мне что-нибудь рассказать о ней?

Грузный дуардин почесал голову. — Что-то было. Но Снорри не может вспомнить. Что-то про дверь в огне. И что-то про старого кхемрийского лича, который решил стать богом.

— Нагаш?

Броддур вздрогнул от случайного упоминания этого имени. Он оглянулся через плечо на воющий вокруг ветер, но если духи фьорда и подслушивали, то, похоже, еще не донесли весть до своего повелителя.

— Да, — весело сказал Снорри. — Точно он.

— А что с ним?

— Снорри... не может вспомнить.

— Замечательно ты помогаешь, Снорри. Как в старые добрые времена. Ничего не слышал об этом *Сером Владыке*?

— Что ещё щза серый?

— Неважно. Я забыл. Ты ведь никогда не встречал его, верно?

Почувствовав, что разговор близится к концу, и решив, что он и так уже изрядно рисковал гневом Истребителя, Броддур развернулся и поспешил обратно к лодке.

Готрек дал ему много поводов для размышлений.

ГЛАВА 18

— Вот они, — слабым голосом сказал Утан. — Врата Хаммерхола.

Облегчение, которое испытал Броддур, услышав эти четыре маленьких слова, граничило с эйфорией. Даже подслушав предсказание Снорри, данное Готреку, что они найдут Врата сегодня, он не до конца верил в это. Слова мертвых не отличались надежностью, и редко когда они руководствовались интересами живых.

— Спасибо тебе, Снорри Носогрыз, — тихо прошептал он. — Где бы ты теперь ни бродил.

— Ты что-то сказал, творец историй?

Броддур вздрогнул. — У Истребителя уши были словно у летучей мыши, когда тот этого хотел.

— Я просто рад, что возвращаюсь в родное Владение. Шаиш мне не подходит.

— Пять дней без горячей еды — вот что тебе не подходит, творец историй.

Броддур нахмурился, но не стал возражать. — Я всё еще не вижу врат, Курганоходец.

— Смотри внимательнее.

Некромант указал на титаническую глыбу льда прямо перед их лодкой. Ледяная глыба поднималась прямо из моря, как словно гора из земли. Призрачные гребцы запели, и их неутомимые усилия понесли лодку к ней. Несмотря на жутковатый бирюзовый блеск и то, как льды скрипели от движения волн, в масштабах айсберга было что-то обнадеживающее. Что-то знакомое.

— Это напоминает мне Карак Унбак. Броддур вздохнул. — Как же я скучаю по очагу моей кузницы.

— Никто не просил тебя приходить.

— Я не так это помню.

— Как я уже говорил тебе в крепости Сдвоенных Огней, я не нуждаюсь в запоминателе.

— Что ж, скоро мы оба окажемся во Владении Огня. Хах! И снова согреемся.

— Как ты собираешься нас туда доставить, лич? Я не морской гном, но ходил по морям и не вижу подходящего места для высадки.

— Я покажу.

Некромант раскинул руки, как ворон с перебитыми крыльями. Эфир под каждой рукой сгустился в узловатые формы женщин-баньши, одетых в лохмотья целительниц. Они приняли его вес на себя и подняли его на вихрь из душ, образовавшийся у него под его ногами. Броддур с ужасом смотрел, как они несут раненого некроманта с палубы к айсбергу. Гребцы трудились без устали, лодка то поднималась, то опускалась на волнах.

— Мне все равно не нравится, когда он так поступает, - сказал Броддур.

— Я мог бы составить длинный, как борода твоего деда, список того, что мне не нравится.

В нескольких сотнях метров от ледяной горы, высоко над мачтами их баркаса, Утан остановился. Он жестом указал на гигантский айсберг.

Калес. Уно. Станте.

Розовый огонь вспыхнул в вытянутой руке колдуна, его волосы и мантия внезапно захлопотали против ветра, в сторону парящей горы.

Калес Уно Станте, Калес Уно Станте. Гребцы дружно запели, включив заклинание волшебника в свой ритм.

Броддур почувствовал, как его борода зачесалась от нахлынувшей магии и внутри появилось трепещущее чувство. Звуки трескающегося льда становились все громче.

— Готрек. Лед.

— Хватит суетиться, творец историй. Ты как старатель, который смотрит на свое последнее пиво...

Калес Уно Станте, Калес Уно Станте.

—... беспокоишься о каждой мелочи.

— Восстань, Окаэнос!- выкрикнул Утан, протягивая руки к айсбергу. — Восстань!

— *Восстань, восстань, восстань.*

— Восстань!

С ужасающим треском айсберг раскололся пополам, из его недр хлынул поток застоявшегося воздуха и могильного смрада. Обе половинки погрузились под воду, а баркас опасно раскачивался о вызванные расколом горы волны, которые становились все выше и выше. — *Восстань, восстань, восстань* Гребцы направляли лодку по огромным волнам, даже когда две половинки айсберга превратились в скелет

плавников и хвоста какого-то неживого голиафа, замурованного в застывших льдах. — *Восстань, восстань, восстань.* Длинная костлявая шея, каждый позвонок которой был длиной с их баркас, вынырнула из сверкающей пелены истершегося льда. Череп чудовища напоминал крокодилий, но во много раз больше, исполинского масштаба, а за рядами острых зубов выднелся зарождающийся огонь.

— Не помню, чтобы он говорил, — сказал Готрек. — Снорри Носогрыз, ты все еще идиот.

— Узрите же Окаэноса Пожирателя, зодиакального богозверя Аметистовых фьордов! — закричал Утан. Его лицо раскраснелось от восторгов ужасных отблесках от двух прихрачных женщин, что помогали ему удерживаться на ногах. Его волосы разевались на ветру. — По приказу Нагаша он поглотил Врата Хаммерхола, пожрав при этом целый легион демонов Кхорна и избавив Владение Смерти от вторжения Кровавого Бога.

Броддур инстинктивно пригнулся, когда богозверь издал могучий рев, а из его глотки вырвался огонь, пронзивший аметистовое небо. Готрек лишь барабанил пальцами по рукояти своего великого топора и угрюмо наблюдал за чудовищем. Оно было больше даже пра-саламандры, Игнимбриса, которого Готрек загнал обратно в море Калдур. Чудовище восприняло Истребителя как вернувшегося Гrimнира, как и Броддур, и предпочло отступить, чем вступить с ним в бой. Броддур сомневался, что этот титан нежити отступит столь малой ценой.

— Так что же это такое, лич? Убьем ли мы его? Я не жалуюсь, но предупредить было бы неплохо.

— Где Врата, Курганоходец? — крикнул Броддур парящему некроманту.

— Как нам войти в них?

Волшебник безудержно хохотал, явно опьяненный силой своего колдовства. — Неужели ты не видишь, что перед тобой?

Бошгозверь издал еще один раскальвающий мир рев. Развернув змеиную шею, он послал во фьорд огненный поток, пронзивший воду на тысячу бород и окутавшую всех паром.

— Дверь в огне, — пробормотал Готрек. — Именно это пытался сказать мне Снорри.

— То, что ты чувствуешь — огонь Акши, — сказал Утан. — Он пришел из Владения Огня прямо в утробу Окаэноса. Он был преданным слугой

Нагаша, как когда-то был и я. И ради чего? Ледяная гробница в Аметистовых фьордах, вечность пламени. И что же сделал Владыка Мертвых со своей жертвой? Он сдал Арочные Врата Готиззара Архаону, скрылся в самых тайных преисподних под Нагаиззаром. Он спрятался, бросив Шаиш на произвол судьбы. И Сигмар уже закрыл Врата Азира. Тем из нас, кто остался, пришлось обратиться к другим богам.

— Клятвопреступник! — прорычал Готрек в ответ. — Мой мир тоже был разрушен. Мой дом завоеван. Мой народ побежден. Мои клятвы стали пелом. Мои спутники мертвы, или, что еще хуже смерти, преданы, в то время как я продолжал жить. Архаон Всеизбранный пронесся по миру, который я знал, и забрал все это у меня. Ты слышал, чтобы я ныл про это?

Броддур решил, что сейчас лучшее время отвечать на этот вопрос. Потянувшись к своей изорванной и теперь уже насквозь промокшей одежде, Утан достал что-то большое и золотое. Когда он взял предмет в руки, вокруг него начал подниматься пар. На этот раз очередь задыхаться от гнева была за Броддуром.

— Мастер-Руна Черного Молота! Она у него! Я знал, что все еще чувствую запах пра-золота.

— Изначально я собирался оставить вас обоих умирать вместе с вашими родичами по ту сторону Пылающих Врат, но я недооценил упорство дуардина Старого Света. Вы изрядно потрепали моих братьев из Видящего легиона.

— Ты из Легиона? — спросил Броддур.

Утан рассмеялся. — Я - Видящий Легион.

— А этот Серый Владыка, о котором говорили скавены? — спросил Броддур.

— Я знаю его настоящее имя, но даже мое почтение к замыслам Изменяющего не столь велико, чтобы лицезреть лично. Но он помнит тебя, Готрек Гурниссон. Он знает тебя. И когда он узнал о твоем существовании после битвы с моим братом у Пылающих Врат, то, насколько я понял, стал весьма... оживленным. Утан зашипел, дернувшись от боли. Его рука легла на плечо, а его бесплотные сестры издавали вокруг успокаивающие звуки. Руна скрылась в его мантии. — Но это неважно. Ты исполнил клятву, Готрек, сын Гурни.

Готрек выглядел просто пылающим. — Исполнил клятву?

— Ты защитил меня от кхайнитки, а я, в свою очередь, привел тебя к Вратам Хаммерхола. Каждое из наших обещаний было исполнено в точности. И пусть никто не скажет, что слуга Изменяющего не всегда верен слову или духу своих соглашений. Отправляйся в посмертие, необремененный позором и с благодарностью Невидящего Ока.

— Спускайся обратно на лодку, лич, или, да поможет мне Гrimнир, я подброшу этого творца историй, чтобы он тебя достал!

— Что тебе толку от руны Огнеубийц? - выкрикнул Броддур.

— Какая тебе разница? И с Сумеречным клинком, и со скавенами благодаря вам разобрались, и больше некому мне помешать. Некромант полностью повернулся к Окаэносу, мелким насекомым паря перед головой богозверя. — Видишь меня, Окаэнос, - воззвал он, сделав свой голос глубоким и гулким, — Я призвал тебя. Я, предатель и отступник. Назло твоему господину, как я желаю.

Богозверь заурчал, повернув огромную голову к некроманту, в его глазницах мерцали беспокойный разум и злоба. Колossalные челюсти раскрылись. Огонь вспыхнул в его шее, поднимаясь выше и выше позвонок за позвонком, чтобы извергнуться из пасти, как магма из вулкана.

Утан Курганоходец был поглощен им целиком.

Его одежда из аметистовой превратилась в радужную смесь розового и голубого, а затем он исчез, превратившись в пепел, на несколько секунд пережив свой собственный последний истерический крик. Его кремированные останки на мгновение повисли в воздухе, прежде чем Окаэнос втянул их обратно, и его тяжелые челюсти обрушились на них, как лавина.

Броддур застыл на месте, потрясенный тем, чему он только что стал свидетелем.

— *Дренг Тромм!*

— Полагаю, это все же лучше, чем идти пешком, - сказал Готрек.

Богозверь шлепнулся обратно во фьорд, и титаническая волна отбросила баркас в сторону, как дрейфующую щепку. Броддур ухватился за борт, когда волны подхватили лодку, закружили и швырнули обратно в воду.

— Мы должны повернуть назад, - прорычал он, и соленая вода брызнула из его рта. — Мы можем найти другие Врата в Акши. Мы

можем... - он обернулся. Слова застыли у него во рту.

Гребцов уже не было. Лодка была пуста, кроме него и Готрека.

— *Скрам*, - выругался он.

Они сели на мель.

Готрек тем временем взобрался на бушприт и с яростью обрушил свой топор на полупогруженного богозверя. — Если я что-то и могу сказать об этих мирах, творец историй, так это то, что вы делаете вещи большими. Когда вы создаете чудовищ, то они действительно чудовищны.

Лодка дико раскачалась, когда голова Окаэноса вновь показалась из воды. Он был уже далеко позади них, а его шея была такой длинной, что успела полностью опоясать лодку. Броддур смотрел вверх, как голова монстра поднимается, и вода струится по гребням его шеи и впадинам черепа.

— Не заставляй меня лезть туда с тобой, богозверь, - сказал Готрек. — От воды у меня портится настроение.

Окаэнос открыл пасть, из которой полыхнуло пламя.

Броддур пронесся по палубе к бушприту и врезался в спину Готрека, выбросив их обоих за борт в море. Раздался приглушенный взрыв - дыхание Окаэноса уничтожило лодку, и вода над ними взметнулась оранжевыми лепестками.

Изо рта Броддура обильно выходили пузыри, но он подавил желание закричать и вынырнул на поверхность.

Он вынырнул, задыхаясь и глотая воду. Аметистовые фьорды на вид превратились в плато Огненного Рубца. Вода пылала, куски дерева и полоски холста рассыпались по волнам и окрашивали небо в темно-зеленый цвет. Крепко держась за икону Гrimнира, он плескался в воде и окликнул Истребителя.

— Ты ответишь за это... творец историй. Разве я только что не сказал, что... ненавижу воду?

Цепляясь за плавающие обломки, Искатель Рока, похоже, тоже был цел и невредим. Великий топор, Зангром-Тхаз, покоялся в его руке под водой. Кузничный огонь Унбаки между двумя рунными лезвиями в форме полумесяцев все еще пыпал там, кипяча воду вокруг себя, словно был погружен в термальный источник.

С природной грацией Огнеубийцы в воде Броддур подплыл к

Истребителю.

— Это было бы... весьма смертельно... творец историй, - сказал Готрек, и каждый раз, когда он открывал рот, чтобы заговорить, сильные волны вливались в него большими глотками морской воды. — Но я не... приму ее. Не сейчас, когда... другие клятвы... находятся в моей... власти.

— Это богозверь, Готрек. Такая тварь убила Гrimнира. Другой, Дракатоа, на целую вечность замуровал бога зеленокожих Горкаморку, пока Сигмар не выкопал его на свободу. Бехемат. Дракотион. Аргентайн. Броддур яростно покачал головой. — Такие титаны не для клинов смертных.

Искатель Рока с усмешкой посмотрел на него. — И ты называешь себя наследником Гrimнира? Любой настоящий Истребитель должен ухватиться за такой шанс.

Броддур почувствовал, как его ярость разгорается от слов Истребителя, и знал, что это правда. Гrimнир был воином и странником, клятводержателем и дарителем золота. Он не был ни строителем, ни создателем, ни даже летописцем, ибо таковы были интересы его брата Грунгни.

— Я - потомок Разбитого Бога. Его могущество здесь, в золоте моей плоти. Ага! Ты прав, Готрек. Да! Давай сразимся с этим чудовищем и умрем с божественной славой. Казук!

Огромное водное пространство прямо перед их импровизированным плотом забурлило, когда голова Окаэноса вынырнула на поверхность. Вблизи она была неописуемо огромной, словно крепость, поднявшаяся с фундамента.

— *КТО. СМЕЕТ?*

Голос был просто ужасен, он вырезал в волнах чашеобразную впадину размером с соборный зал и ненадолго загнал голову Броддура обратно под воду. Отфыркиваясь и отлевываясь, Броддур изо всех сил старался удержать голову над волнами. Борьба с богозверем оказалась далеко не на первом месте в его мыслях. Он ожидал, что Окаэнос окажется чистым элементалем, подобным Игнимбрису или Дракатоа, или бесплотной оболочкой, подобной остальным существам, которых можно встретить на бескрайних пустошах Шаиша. Он не ожидал, что богозверь заговорит. Внезапно в голове всплыло то, что Утан сказал чудовищу прежде, чем оно поглотило его.

— Я, черт тебя подери, смею, вот кто! Готрек взобрался на доску и стал топтать воду, размахивая топором перед огромным рылом чудовища.
— Мой топор жаждет, а как всякий правильный гном, жаждет не воды.
— Подожди, Готрек. *Погоди*. Что Снорри сказал тебе прошлой ночью? О Нагаше?

Истребитель уставился на него, продолжая бить ногами по воде. — Что сказал? Его взгляд стал яростным. — Предательство, вознесенное на вершину предательств! Ты следил за мной. Неужели в этом мире нет ничего, кроме эльфов и клятвопреступников?

— Не сейчас. Нагашу нужны все наши души, но твоя — особенно. Утан сам говорил мне об этом. Но Окаэнос — не бездумная марионетка. Он презирает Нагаша. Утан тоже говорил нам об этом, вот откуда он знал, что сможет использовать эти врата, чтобы добраться до Хаммерхола. Богозверю ищет повод, чтобы насолить Бессмертному королю, Готрек. Дай ему такой. Со своей смертью я смирюсь, Искатель Рока, но не с твоей. Не раньше, чем ты узнаешь, почему вернулся к нам.

Готрек нахмурился, глядя на богозверя, и Броддур долго думал, что упрямство и гордость возьмут верх и обрекут их обоих на огненную смерть и вечность в Аметистовых фьордах. И тогда он поднял над водой свой топор.

— Я — Готрек, сын Гурни! — он сплюнул в воду. — И мне нет никакого дела до тебя, твоего повелителя и всех его так называемых дел в этом и прошлом мире. Он закричал ещё громче, стряхивая воду со своего топора: — А теперь иди сюда. Отведай. Мой. Топор!

Броддур в ужасе смотрел, как Окаэнос разжимает свои могучие челюсти, зубы скользят по зубам, огонь разгорается в бездонных глубинах его глотки.

— Ага, верно. Этот гном не будет просить у тебя ничего.

— Ты не мог немного уменьшить пламя? — с сожалением спросил Броддур.

— Солгать?

Готрек усмехнулся. — Может, богозверь, подобный этому, и мог бы унять Гrimнира, но чтобы заставить Готрека Гурниссона умолять, нужно что-то посерезнее этого.

— Гrimнирова сила! — завопил Броддур, когда апокалиптический взрыв пламени поглотил их обоих.

ЧАСТЬ 4

Кровь и Золото

ГЛАВА 19

— Феликс! Ага, ты, ты - Феликс? Нет? Феликс?

Искатель Рока, шатаясь, шел вдоль красной каменной стены Хаммерхола-Акши высотой в несколько миль. Эль плеснулся через край его кружки. Ветер был свирепым и пах пеплом и серой. Мимо часто проносились толпы лучников и копейщиков, поднимая золу своими ботинками, а Броддур спешил за Готреком, уберегая Истребителя, чтобы тот не свалится вниз.

— Ты там! — бросил Готрек испуганно выглядящему солдату в горшкообразном шлеме и огромном нагруднике, украшенном огненным солнцем. — Я ищу мужчину по имени Феликс!

— Возможно, тебе следует отойти от края, Готрек.

— Зачем это? Это место кажется самым подходящим для Истребителя. Любые звери Хаоса, каких только пожелаешь. Хороший камень под ногами... - стены появились перед ним, видимо, неожиданно, потому что он выругался, когда последние остатки пива выплеснулись через край. Он посмотрел вниз, глубоко вдохнув поднимающийся дым. — Ага, — он дружески похлопал по огненному песчанику стены. — Все это напоминает мне осаду Праги. За исключением огненного рва, конечно, и этих блуждающих замков. Тьфу! - он громко рыгнул. — Инженерных крепостей. Макайссон был бы в восторге. Слыхал когда-нибудь о таком, творец историй?

— На самом деле я-

— Слышите, вы все? - прорычал Готрек, опасно наклоняясь над краем стены. Броддур поспешил обхватить его за талию. — На этой стене стоит Готрек Гурниссон. Он сражался с армиями Арека Демонического Когтя, а потом еще раз - с армиями Экольда Хелбрасса, когда старый город, наконец, пал. По настоянию Броддура он отошел от края, понизив голос и став мрачным, словно чувствуя, что долгожданная смерть снова ускользает от него. — И угадайте, кто все еще здесь, черт побери, - он с грустью постучал себя по груди. — Точно. Этот Истребитель.

Броддур закатил глаза, когда Готрек отпихнул его и, пошатываясь, пошел вдоль стены, еще раз выкрикнув: — Феликс? Из всех возможных вариантов проведения своей первой ночи в сказочном Хаммерхоле с

аватаром Гrimнира Броддур представлял себе только не этот. Испепелен богозверем Окаэносом во Владении Смерти. Превращен в золу. Втянут в горло титана и пропущен через Врата Владений в его утробе, только чтобы быть выброшенным, ужасно обгоревшим, но все еще живым, в лабиринт подземелий, что ползли под огненным фундаментом Хаммерхола-Акши. Предатель и вор Утан Курганоходец давно исчез.

Кишащие тварями лабиринты и практически безграничные возможности для убийства мало способствовали улучшению черного настроения Готрека. После нескольких бесплодных дней, проведенных в поисках следов некроманта, они вышли из катакомб в подвал питейного заведения в печально известном районе Хаммерхола Пеплопаде.

Дальше все стремительно покатилось вниз.

— Давай вернемся в ту таверну, которая тебе понравилась, — предложил Броддур.

— Здесь мне ничего не нравится, творец историй. Всё здесь — обитель эльфов и лжи.

Броддур оставил Искателя Рока спотыкаться, а сам остановился, чтобы оглядеться. Дым от горящих осадных башен и непрекращающегося пушечного огня затуманивал обзор. Пепел и гарь проносились по стенам, как облака над горами, и с разбивались об азиитовые заслоны, которыми был усыпан искусственный утес. Далеко внизу, у самого подножия, шипел и ревел ров живого огня, прорезая плато Огненного Рубца между объединенными ордами Хаоса там и альянсом Сигмара здесь. Даже с крепостных стен Броддур чувствовал жар, идущий снизу. И даже будучи гордым Огнеубийцей, он не хотел бы оказаться на месте того воина Хаоса, которому придется перебираться через этот ров.

— Ты там, здоровяк. Ты ведь один из тех Грозорожденных Вечных, не так ли? Эй, творец историй, какая сторона спереди?

Повернувшись, Броддур практически проглотил язык и увидел, что Готрек Гурниссон приближается к гиганту в сапфирово-сине-золотых пластинчатых доспехах. Конечно, это было не обычное золото, а его божественное подобие — сигмарит, но от его блеска у Броддура все равно участился пульс. Лицо чемпиона было закрыто маской, украшенной еще одним золотым ореолом и багровым плюмажем. Рычащая морда и грива льва расширяли лоб кверху и сливались с сигмаритовым кольцом его

нимба. На щите и палице сияли эмблемы молнии и молота. Воин Сигмара оторвал взгляд от участка стены, за которым наблюдал.

— Ты обращаешься ко мне, дуардин? Если да, то я хотел бы предупредить тебя, чтобы ты следил за своим тоном. Это стена Сигмара, и я охраняю ее.

Готрек явно был еще пьянее, чем предполагал Броддур, потому что совершенно не обратил внимания на слова Грозорожденного Вечного. Он постучал по нагруднику воина, как будто в дверь.

— Феликс? Ты здесь?

Золотая маска была безупречно бесстрастна, но воин, казалось, был обескуражен. — Меня зовут Кюкаин Друже-Молот, Прайм Освободитель Палаты Львов Огненного Рубца из Молотов Сигмара. Я не знаю никакого Феликса.

— Прошу тебя, Искатель Рока, умоляю тебя, — сказал Броддур, держась чуть поодаль. — Оставь Грозорожденного в покое. Тебе не нужны такие неприятности.

— Лживые волшебники, — пробормотал Готрек. — Демонические гномы. Вороватые эльфы. Боги, которых нет. Ты здесь, человечий отпрыск, и я тебя вытащу! Он опустил свой великий топор, что Броддур принял было за добрый знак, пока Искатель Рока не ухватился за край щита Кюкаина и не притянул воина к себе. Вечный Штурмовой Каст удивленно хрюпнул, инстинктивно отводя назад свой молот, но Готрек уже нащупал пальцами массивный V-образный воротник, выступавший из его доспехов между шлемом и нагрудником, и потянул его вниз, к себе.

— Готрек, что ты делаешь?

— Хватит! — прорычал Кюкаин, ударяя плоской частью своего молота по плечевой пластине Готрека. Раздался сильный звон, словно он только что ударил по наковальне. От удара из пластины вырвалась молния, проскочила по молоту и ударила в пальцы Броддура. Он отшатнулся, зарычав. Готрек, казалось, просто пожал плечами.

— Эти доспехи оказались полезнее, чем я думал, — сказал Готрек. — Надо было в свое время надевать такие

— Неважно, пьяны вы или просто доведены до безумия прислужниками Серого Властелина, но сейчас все закончится, — сказал Кюкайн.

— Проклятье, Искатель Рока! - Броддур схватился за пояс и бросился на помощь Истребителю, звеня ключами и золотом и доставая топор. — Разве я не говорил, что ты напрашиваешься на большие неприятности? Грозорожденный Вечный с размаху ударил Броддура, раздробив ему нос и отбросив в сторону. Он застонал в полуобморочном состоянии, чувствуя, как сползает по стене. Второй удар пришелся ему в локоть.

— Аггррр! - он закричал.

Освободитель возвышался над ним, как гневная туча, лицо было непримиримой маской из золотого сигмарита. Броддур из последних сил взмахнул секирой и выпустил ее из гудящих пальцев.

С ревом Искатель Рока напрыгнул на Кюкаина сзади и оттянул его назад. Молния прошла по мощным доспехам Грозорожденного Вечного, и каким-то невероятным образом Искатель Рока свалил чемпиона Сигмара на колени.

— Ты всего лишь дуардин, - простонал Кьюкайн. — Как ты можешь быть столь сильным?

— Всего лишь гном? Всего? Человечий отпрыск, что они с тобой сделали? Схватив сопротивляющегося Грозорожденного Вечного за голову, Искатель Рока просунул пальцы одной руки в прорези золотого шлема Кюкаина и потянул.

— Ха-ха! - завопил Готрек. — Я нашел тебя, приятель, я...'

Шлем Грозорожденного с лязгом упал на камни. Кюкаин Друже-Молот смотрел на Искателя Рока глазами, горевшими небесным огнем Азира. Его кожа была цвета угля. Скулы были высокими, брови - ровными, подбородок - сильным. Волосы, рассыпавшиеся по спине, были длинными и черными, заплетены в толстые косы, но с актиническим голубым сиянием, словно каждая прядь была проводником космических энергий, которые Броддур не мог постичь. Все было слишком жестким, слишком совершенным. Какая-то сила, присущая самому существованию воина, заставила бороду Броддура зажечься, а волосы встать дыбом.

— Ты не... человечий отпрыск? - Готрек попятился назад и пьяно сел на дорожку, когда Грозорожденный Вечный поднял свой снятый шлем и встал. — Джордайн. Клянусь, ты жив.

— Феликс? Джордайн? - Грозорожденный Вечный покачал головой. — Сколько имен ты хочешь мне дать? Я - Кюкаин Друже-Молот из Львов Огненного Рубца

— Кюкаин. Ага, кажется, знаю это имя. Ты - предок Джордайна, герой, который основал Эдассу сотню лет назад? Ты – то еще зеркало своего трижды праправнука, знаешь ли.

Броддур увидел, что за безупречным лицом Кюкаина происходит какая-то внутренняя борьба.

— Эдасса? Буря внутри него утихла на мгновение, пока он искал в своем сознании ключ к разгадке эмоций, которые, как ему казалось, он испытывал. — Я ничего не помню об этом месте. У меня... нет воспоминаний о потомках.

Готрек нахмурился. — Совсем ничего?

— Это небольшая цена, слишком малая, чтобы жаловаться на неё, в сравнении с той силой, которую Сигмар дает нам для службы.

Готрек отвернулся, выражение его лица было упрямым. — Ничего из всего...

— Ну разве это не приятное чувство - боль, душевный раздрай... Нет, правда, не останавливался ради меня.

Голос донесся со стены позади них.

Кюкаин оглянулся, издав заметный скрип при движении плеч после попыток Готрека стянуть с его головы шлем. Аэльфийская женщина, шедшая к ним, была целиком одета в черное. Металлический лиф облегал ее торс. Кожаные пластины, окантованные итильмарской сталью, каждая из которых была заточена как лезвие, облегали ее предплечья и бедра. Шелковая маска закрывала нос и рот, оставались видны только глаза. Плащ из черного шелка развевался на ветру.

Броддур узнал эти глаза.

— Темный эльф! - Готрек зашипел, пытаясь встать на ноги, но сумел лишь ухватиться за ногу Кюкаина.

— Маленет? - сказал Броддур. — Ты выглядишь... другой.

— Ну, я не была бы ассасином, если бы просто заявилась в твою Ложу в таком виде, не так ли?

Готрек удвоил усилия, чтобы взобраться по ноге Кюкаина. — Отцепись от меня, Грозорожденный, - прорычал он, в тоже время крепко держась за ногу. — Неужели ты не видишь, что у тебя за спиной стоит темный эльф?

— Прояви уважение к представителю Ордена Азира, - сказала Кюкаин. Броддур нахмурился. — Орден... Неужели, она?'

Маленет вывернула воротник наизнанку, чтобы показать брошь, приколотую к бронированной подкладке. Это была двуххвостая комета.

— Если бы я попыталась рассказать раньше, вы бы мне поверили? Когда я томилась в вашей темнице, у меня не было Кюкаина Друже-Молота и целого города, полного Грозорожденных Вечных, которые могли бы поручиться за мои слова. Надеюсь, теперь даже вы двое видите, что я вам не враг.

— Ты — темный эльф, — повторил Готrek.

— И ты заяралась в магмахранилище Унбаки! — сказал Броддур.

— Я уже назвал её *темным эльфом*, творец историй. Все остальное — лишь дополнения.

Ассасинка взглянула на Броддур, затем на Истребителя, который все еще хватался за бедро Кюкайна Друже-Молота. Она с сожалением покачала головой.

— Ты многое предполагаешь, Готrek, для дуардина, который провел в Царстве Хаоса очень много времени. Мы оба были пленниками в Карак-Унбаке. Я тогда просила тебя о помощи, разве ты не помнишь?

Броддур вспомнил. Он был в составе фирда, который впервые нашел Искателя Рока на мосту Калдур, ошеломлённого и безоружного, блуждающего по лавовому морю Карак-Унбака. Готrek принял Броддура за демона, и потребовалась вся златоносная гвардия рунсона Форна, чтобы утихомирить его и отвести в Зал порицания.

— Ага, это так, — согласился Готrek. — Но лучше перерезать себе горло, чем передать нож эльфу. Кто знает, что *такому* придет в голову.

— Неужели никто не спросит меня, почему Ордену нужна магическая руна Черного Молота?

— Нет, — сказал Готrek.

Маленет вздохнула. — Ложа Унбак еще не заявила о своей поддержке Сигмара в последней войне, и они слишком часто вставали на сторону Хаоса, чтобы им можно было доверить такое оружие.

Готrek разразился резким смехом. — Попробуй что-то другое, эльф. Левое в этом мире может быть правым, гномы могут жить на небе, а эльфы — в подземельях, но это ты можешь усечь себе на носу и крепко запомнить — ни один гном не возьмет свою монету от хаоситской грязи.

Маленет повернулась к Броддуру. Ее шелковая маска натянулась в улыбке, а глаза сверкнули, как аметисты. — Так ли это, Броддур? Неужели

дуардин никогда не обнажит свой топор ради Губительных Сил в обмен на их золото?

Броддур скрестил руки и презрительно хмыкнул. — Дело не в том, чтобы выбрать сторону, если ты этого добиваешься. Речь о том, чтобы забрать пра-золото у кого оно есть, и воздать должную честь Гrimниру. Если Сигмару нужна помощь Ложи, то он знает, как ее получить, и я подозреваю, что вполне может себе это позволить.

Лицо Готрека стало цвета лавы. — Честь Гrimниру? Честь для... Ха! Вот, эльф, возьми мой топор. Лучше умереть сейчас с позором, стоя на коленях перед эльфом, чем жить в мире, где живут такие гномы.

Броддур поспешил к Готреку. Истребитель все понял неправильно. Коварные слова темной аэльфийки исказили истину. Он должен был объяснить. Огнеубийцы не выбирали сторону. Они сражались лишь за то, чтобы восстановить утраченное могущество своего Расколотого Бога. А кто может убедить его в истине лучше, чем боевой кунец Унбак? Он присел рядом с ним, готовый все объяснить, но Готрек не обратил на него внимания. Вместо этого он обратился к Маленет.

— Чего ты хочешь от меня, эльф? Поскольку ты еще не воткнула мне нож в спину в традиционной эльфийской манере начала разговора, то полагаю, ты чего-то хочешь.

— Конечно же, твоей помощи в поисках Невидящего Ока. Он скрывается в стенах Хаммерхола, и в его распоряжении ужасное оружие.

— Мы искали, — сказал Броддур, удрученно глядя на Готрека, который отказывался встречаться с ним взглядом. — После того как нас засосало в глотку Окаэноса и мы прошли через Врата Владений, мы оказались в лабиринтах под городом.

— Там было много тварей, — пробурчал Готрек. — И мне понравилось. Напомнило Карак Восемь Пиков.

— У некроманта есть тысяча способов затеряться там.

— Поэтому мы напились.

— Вы путешествовали с ним несколько дней, — сказала Маленет. — И он ничего не раскрыл? Ни намека на свои планы? Что на самом деле может Руна, которую он похитил?

Броддур почувствовал, что все взгляды обращены на него, и пожал плечами. Он чувствовал себя разгневанным и преданным. Ему хотелось только одного — сбросить ведьму с крепостных стен и избавиться от нее,

но он подумал, что в глазах Истребителя станет выглядеть еще хуже, и поборол этот порыв.

— Это бессмысленно. Пока она не вбита в живую плоть Огнеубийцы, она всего лишь кусок металла.

— Даже для дуардина ты удивительно недальновиден, — сказала Маленет.

— Я недолго держала её в руках. Я знаю её силу. Невидящее Око не стал бы таскать Руну через два Владения и объединяться с такими ненадежными союзниками, как скавены, если бы у него не было средств для её использования.

Субийственных земель снизу раздался звук рога, и Кюкаин Друже-Молот на мгновение оставил их, чтобы осмотреть стены. Броддур оторвал взгляд от Готрека и Маленет, чтобы посмотреть, что так привлекло его внимание. Горизонт колыхался в жаркой дымке над лавовым морем, но глаза Броддура были хорошо приспособлены, и он без труда различил похожих на таком расстоянии на муравьев колонны солдат, двигающихся к ближайшей заставе. *Врата Пепельного Молота*, подумал он, вспоминая свои пьяные похождения по округе с Готреком. Интуиция подсказала ему, что это очередное нападение. Хаммерхол был огромен, он простирался на несколько континентов и через Врата Штормового Предела продолжался во Владении Жизни, Гиране. В нем была сотня ворот, дюжина из которых, казалось, в каждый момент были атакованы. Но здесь что-то было иначе. Командиры солдат кричали на гарнизон, яростно трубили в свои рога и размахивали знаменами. Броддур обратил внимание на геральдику на флагах.

Черный лев на красном поле.

— Это — не нападение, миледи, — сказал Кюкаин после неторопливого раздумья. — Это полк из одного из вольных городов за Обугленным лесом. Кто-то смог прорваться.

Готрек грубо отпихнул Броддура в сторону и устремил взгляд вниз. — Знамя, под которым они идут. Оно кажется знакомым.

— Это точно такой же символ, как на твоем наплечнике, безмозглый дубина, — сказала Маленет. — Ты всегда был таким наблюдательным или ты оставил свой лучший галз в Шаише?

— У меня все еще есть один глаз, эльфиечка. Если бы я отрезал тебе язык, вряд ли ты говорила хотя бы вполовину также хорошо, как я вижу сейчас.

— Неудивительно, что Невидящее Око смог обманывать тебя так долго.

— Черный лев на красном поле... — вслух размышлял Кюкаин.

— Ты помнишь его? - с надеждой спросил Готрек.

Кюкаин сделал паузу. — Нет.

Готрек выглядел разочарованным.

— Это эдассийцы Джордайна, - сказал Броддур. — По крайней мере, в одном Курганоходец был честен. В Шаише время идет медленнее. Мы добрались сюда раньше них.

Из Врат Пепельного Молота донеслись звуки рога, и створки начали скрежетать друг о друга.

— Кажется, я пьян, - сказал Готрек.

— Правда? - спросил Броддур.

— Я вижу летающих Грозорожденных.

— Обвинители, - сказал Броддур.

Пока они смотрели, Грозорожденные Вечные в золоте, серебре и сверкающем нефrite сорвались со скалистых стен и, расправив сверкающие крылья, помчались навстречу легионам Хаоса, как листья в осенний штурм. Воители крепко сжимали в руках свои копья, наполненные электрической мощью, а затем грянула гроза, и вспышки молний ослепили вражеских воинов и развеяли по ветру обугленные доспехи и кости павших.

— Воины в золотом и серебряном - из той же Штормовой Палаты, что и я, Молоты Сигмара, - сказал Кюкаин, указывая на небо. — А те, что в нефrite, - Изумрудные Стражи из Хаммерхола-Гиры. Гарнизон Хаммерхола-Акши состоит из двух дюжин палат и многих сотен полков Вольных Рот.

— Скажи мне, дуардин, - быстро спросила Маленет, - какое отношение эдассийцы имеют к Невидящему Оку?

— Так ты не знаешь? Где же были твои острые эльфийские глаза на Великом Пепельном тракте? Или в Сдвоенных огнях?

— Они самозванцы, - сказал Броддур.

— Что? — удивилась Маленет. Она выглядела искренне встревоженной.

— Помолчи, любитель Хаоса, - сказал Готрек. — Ничего ей не говори. Темному эльфу явно не нужна наша помошь, а у меня есть и другие дела. Две дюжины Палат Грозорожденных Вечных - это, похоже, достаточно много. Феликс где-то здесь, я знаю это.

— И что, если он здесь? — закричал в ответ Броддур, теряющий терпение с Искателем Рока, его перепадами настроения и резкими суждениями. — Хаммерхол-Акши огромен. В нём сотня ворот, разбросанных по целому континенту. И это еще не считая Хаммерхола-Гира за Вратами Штормового Предела.

— Что ты собираешься делать, Истребитель? — спросила Маленет. — Выстроить их в ряд и снимать шлемы одному за другим?

Готрек угрожающе зарычал. Искатель Рока был пьян и неразумен, и он понимал это, но не собирался признавать или идти на компромисс.

— А что дальше, дуардин? — мягко спросил Кюкаин. — Если бы ты нашел его, что тогда?

Готрек надолго задумался, а потом вздохнул. К удивлению Броддура, он отступил.

— Полагаю, есть новые клятвы, которые можно исполнить в первую очередь. Я обещал Джордайну, что отомщу его брату-предателю...

— Не забывай о вороватом свине Курганоходце, — сказал Броддур.

— ...и Серому Владыке, — Готрек мрачно усмехнулся. Казалось, он вернулся к своей обычной жестокости. Поглаживая мозолистыми руками острие своего топора, он совершенно забыл оскорбить Броддур или Маленет. — Я задолжал ему за давностью лет.

Маленет протянула руки каждому из них. — Помогите мне убить их всех, — сказала она.

— Очень хорошо, темная эльфиечка, раз ты так просишь. Давай-ка спустимся туда.

Броддур отметил, что Готрек проигнорировал протянутую для рукопожатия руку аэльфийки.

ГЛАВА 20

Маленет внедрилась в поток солдат, поправив золотую маску, которая уже больше никогда не понадобится эдассийской львице, у которой она ее позаимствовала.

Около тысячи залитых кровью и отчаянных бойцов пробивались через барбакан Врат Пепельного Молота в безопасность внутреннего двора. Их крики эхом разносились по туннелю, сталь скрежетала по стали и звенела по красному камню. Паладины в зелёных цветах Изумрудных Стражей величественно выступали словно против течения багрово-чёрной реки, намереваясь оказаться лицом к лицу с силами Хаоса на другой стороне туннеля.

Маленет показалось, что только ради того, чтобы ввести несколько сотен солдат в миллионный город, пришлось приложить немало усилий и боли. Не то чтобы Маленет была против боли и усилий, особенно чужих, но это было слишком чрезмерно. Зачем? Что задумано Невидящим Оком для эдассийцев?

Глядя на кровавую бойню, которая растекалась по двору от ворот, Маленет подумала, не было ли это планом предателя Курганоходца: просто захватить ворота, через которые могли бы войти его войска. Маленет сразу же отбросила эту мысль. Все было слишком просто. Приспешники Тзинтча и скавены любили сложности. Для них о достоинствах схемы можно было судить по безумному количеству ее изгибов. Эта вряд ли оправдывала пересечение Владений и кражу Руны Унбак. А Хаммерол был огромен. Чтобы город в целом оказался под угрозой, пришлось бы обрушить сразу дюжину ворот. Это был бы более подходящий замыслу план, но Маленет не видела никаких признаков нападения на другие врата.

Нет, что бы ни задумал Мастер Судьбы для своих эдассийских самозванцев и Мастер-Руны, это будет куда более грандиозная затея. Убедившись, что кулон ее госпожи надежно спрятан под плащом из львиной шкуры, она сменила свою походку на походку нескладного человеческого воина в слишком тяжелых доспехах и с грубым мечом и ринулась в бойню. Там, где она шла, эдассийцы загадочным образом спотыкались, пытаясь убежать, или оказывались на пути топоров, которыми размахивали кричащие Кровавые налетчики. Она про себя

поблагодарила Сигмара, что он был так щедр, когда речь шла о работе Кхайна, но в остальном придерживалась той роли, которую сама для себя определила. Она была эдассийской львицей с важным посланием для своего генерала. Но люди вокруг были такими неуклюжими.

Она нашла свою цель почти сразу. Он удерживал барбакан с небольшим отрядом хорошо вооруженных гвардейцев, пока последние солдаты пробивались мимо него. На его коротких седеющих волосах красовался тонкий золотой венец. На красном плаще был вышит черный лев.

Подражая боевому кличу эдассийцев - вряд ли это была самая сложная маскировка, ведь она сводилась к открыванию рта и громкому крику, - Маленет пируэтом пронеслась сквозь толпу и вонзила свой длинный львиный меч в шею воина Хаоса. Тот как раз собирался превратить эдассийского генерала в фарш с помощью молота, состоящего из шестнадцати шипастых и пылающих черепов. Мутная кровь, стекавшая по рукояти одолженного оружия, гармонично смотрелась на неизящном мече.

— Моя благодарность... - генерал некоторое время изучал ее, пытаясь понять, действительно ли она является элитной эдассийской воительницей, какой видится, или же просто самозванка в маске. — ...Львица, - закончил он. — Но тебе не следует здесь находиться. Я приказал всем уходить от ворот.

— Я несу послание от Невидящего Ока, манезомо Осаяндэ. Он ждет нас. Ему не терпится раскрыть свои замыслы.

— Как и я, - сказал Осаяндэ. — Армии Серого Владыки наступают сильнее, чем я предполагал. А ведь мы должны быть на одной стороне.

— Необходимая уловка, - сказала Маленет, быстро импровизируя.

Она почти наслаждалась собой.

— Неужели коварству Мастера Судьбы не под силу заставить их немного сдержаться? Ведь это мы собираемся вскрыть город, а не эти бешеные берсеркеры.

Маленет хотела бы дать эдассийцу возможность поговорить подольше, но выведать его секреты было сейчас не столь важно, чем найти с его помощью его хозяина. Для этого еще будет время.

— Он хотел бы, чтобы вы присоединились к нему в условленном месте, - сказала она.

Осаяндэ бросил на нее еще один долгий испытующий взгляд.

С дальнего конца барбакана сверкнула молния: Изумрудные Стражи приняли бой с наседающими на них силами Хаоса. Туннель превратился в мерцающий зоотроп из убитых током демонов и извивающихся нечеловеческих скелетов. Снова поднялась вонь от сгоревшей плоти мутантов. Эдассийские солдаты, окружавшие Осаяндэ, выглядели так, словно им хотелось блевать. Сам генерал лишь нахмурился.

— Как скажешь, Львица, — сказал он, убирая меч в ножны и позволяя своим вздохнувшим с облегчением телохранителям увести его подальше от боя. — Пойдем же и положим конец войне, которую Сигмар принес на Плато Огненного Рубца. Раз и навсегда.

Окровавленная и изможденная колонна эдассийских солдат — или кем они там должны были быть со своей маскировкой — пробиралась по все более сужающимся улицам Пеплоземельного района. Жилые дома были покинуты, витрины магазинов заколочены. Случайные кратеры и воронки объясняли причину исхода жителей. Повсюду, куда бы Броддур ни посмотрел, виднелись следы огня, артиллерии и магии Хаоса.

— Бежать прочь от битвы всей жизни, преследовать банду Тзинчитских отступников, чтобы случайно обнаружить скрывающегося лича, и все это по лживым словам эльфа, — бормотал про себя Готрек, пока они бежали трусцой, ворча, как обычно. — Бывают дни, когда я скучаю по Царству Хаоса.

Несмотря ни на что, в районе было многолюдно. В навесах стояли временные лавки, в которых оживленно торговали мародеры, спасатели и солдаты. Оборванцы, бродяги и люди, слишком тяжело раненные, чтобы стоять на стенах с копьем, боролись за лучшие места для выпрашивания милостыни. Жрецы и жрицы Сигмара, Алариэль и других бесчисленных верований, больших и меньших, возносили над руинами песнопения, прося защиты у богов, которые, насколько мог судить Броддур, давным-давно бросили их на произвол судьбы. Пехота Вольных Рот была на всех дорогах, суетясь вокруг своих лошадей, повозок, генералов на скакунах и чудовищных Железоварных движителей, которые проносились сквозь толпу под действием паровых механизмов. Тысячи солдат маршировали к вратам Пепельного Молота. Еще тысячи маршировали в другую сторону, освобождаясь или передислоцируясь,

скапливаясь в длинные, угрюмые колонны людей, зверей и военных машин, пока лорды Хаммерхола перемещали свои части между бесчисленными казармами, заставами и гарнизонными крепостями, расположенными только в одном этом районе.

Тысяча тысяч смертных воинов удерживали Двуххвостый город для своего Бога-Короля. Эдассийцы быстро исчезали в общей массе.

— Ты только посмотри на всех этих людей, Искатель Рока. Я никогда не видел столько их в одном месте.

Готрек не ответил.

Осознав, что последние несколько сотен шагов он бежит один, Броддур оглянулся. Искатель Рока остался далеко позади, пристально глядываясь в жрицу в бело-голубых одеждах с высокой митрой и посохом в виде полумесяца, украшенным символами Хиша.

— Кажется, я только что понял, что в этом мире пошло не так, — сказал Готрек.

Броддур поспешил назад, чтобы понять, о чем говорит Истребитель.

Ничего особенного он не увидел. Только жрицу, ухаживающую за небольшим лабиринтом из сочной зелени, и скромное мраморное святилище Теклиса, бога Света. Готрек, похоже, был не в настроении вдаваться в подробности.

Нахмутившись, он оставил святилище хишианцев позади. — Пойдем, Готрек. Нам лучше поторопиться.

— У меня есть глаза, творец историй. Точнее глаз.

— Пусть будет по-твоему, но они уходят.

— А может быть, ты и твои темные покровители хотите, чтобы я так думал?

Броддур выругался под нос, но, по крайней мере, Искатель Рока снова двигался.

Готрек пребывал в особенно скверном настроении с тех пор, как они повстречались с Маленет и Молотом Сигмара. Он не считал, что дело в драке или в запоздалом знакомстве с наёмничеством в Ложах Огнеубийц. Дело было в том, что сделал или сказал Кюкаин. Вернее, то, что Готрек надеялся найти в нем и не нашел. Он постарался выбросить это из головы и сосредоточиться на задаче найти Мастер-Руну Унбак и спасти город Сигмара. Искатель Рока был так же склонен к непроглядной

депрессии, как и к слепой ярости. Это пройдет, знал Броддур, и вскоре Готрек будет в ярости из-за чего-то - и кого-то другого.

— Хватит медлить, хаосопоклонник! Я не собираюсь потерять эдассийцев и позволять темной эльфийке обвинить меня в опоздании только потому, что ты толстый и медлительный.

Броддур на несколько секунд отстал от решительной рыси Истребителя. — Я не раб Тьмы, и, пожалуйста, перестать так говорить.

— Скажи мне, что каждое слово из уст эльфийки было ложью. Поклянись в этом, и я поверю этому больше, чем яду с языка темной эльфийки.

— Поклясться? — Броддур вздохнул и покачал головой. — Я не могу. Между Сигмаром и Ложами Огнеубийц нет любви, не стану отрицать. Не секрет, что Сигмар мог бы и сам сразиться с Вулкатрикс, но нет, он не стал, только не могущественный Сигмар. Он отправил Гrimнира вместо себя. Мы не обижаемся на Бога людей за это. Гrimнир был в долгу, и Сигмар был вправе назвать свою цену, но если он ждет от нас такой же преданности, как от своих выкованных громом воинов, то он еще больший глупец, чем Грунгни. Кровь и золото, говорим мы, и именно за кровь и золото мы сражаемся. За наш род, наши Ложи и осколки нашего Разбитого Бога. Почему нас должно волновать, откуда берется право золото?

— Я убью этого Осаяндэ и его банду клятвопреступников, потому что поклялся в этом. Я убью лича, потому что он причинил мне зло. Клятвы и месть, творец историй. Это все, что в конце концов важно.

Броддур склонил голову, пока они бежали. — Может быть, я ошибался... Если ты не можешь понять, то, возможно, ты и не Гrimнир вовсе.

— Если бы Гrimнир был здесь, он разочаровал бы тебя не меньше, чем я. Не обманывайся на этот счет.

Броддур не стал отвечать, потому что не смог придумать, что сказать, и сосредоточился на эдассийцах впереди. Если уж на то пошло, оставалось еще вернуть Мастер-Руну. Полк, похоже, застрял на перепутье. Рота Анвилгардской тяжелой кавалерии - надменные эльфы в толстых черных пластинчатых доспехах, верхом на шипящих драконокровных, - двигалась в противоположном направлении одновременно с нетерпеливой колонной людей и дуардинов, пытавшихся провести свои бронированные повозки. Он и Готрек немного нагнали их.

Не поворачиваясь, он махнул Готреку, чтобы тот сбавил скорость.

— Не маши на меня. Только если не хочешь сохранить руку и передать эти кольца потомкам.

— Кто-нибудь из них может узнать нас по Великому Пепельному тракту или даже по битве за Пылающие Врата. Нам не стоит слишком приближаться.

— Поторопись. Замедлись. Ха! Давай просто возьмем и покончим с ними. Сколько их там вообще? Пять сотен? Шесть? Едва хватит, чтобы размяться

— И дадим Курганоходцу шанс сбежать?

— Ненавижу, когда ты такое говоришь, творец историй. Ладно. Поступим по-темноэльфийски. Он скрчил гримасу, словно невольно набрал полный рот грибного пива гротов. — Не могу поверить, что эти слова сорвались с моих губ.

Готрек еще немного поворчал, но больше не спорил.

Броддуру доводилось знавать Огнеубийц, которые умели держать обиду. Скорун Огнегрив мог припомнить своему бывшему ученику каждый неверно поставленный пятак в каждой бисерной книге, но Истребитель превратил это понятие в свой личный и нерушимый кодекс. Броддур при случае с радостью всадил бы топор в Утана Курганоходца и его прихвостней за то, что свалилось им на головы, но не сомневался, что Готрек пройдёт через огонь и страдания, хоть босиком до Края Владений и обратно, чтобы свершить свою месть.

Его пути были странными, и это не было ошибкой. Это были не пути Броддура.

Резкое изменение воздуха вывело его из задумчивости. Жгучая кислая вонь защекотала ноздри. Скребущий, скрежещущий словно призрак звук доносился с ветром словно из-за завесы. С этим звуком и запахом Броддур уже сталкивался. В Унбак-Кхазе в Карак-Унбаке.

Готрек принюхался и нахмурился. — Я знаю этот запах.

— Скавены!

Едва Броддур выкрикнул предупреждение, как среди людей раздались взрывы ядовитого газа. Он видел, как один грязный стеклянный шар вылетел через пространственную брешь в воздухе и разбился под полком Анвилгарда. Густые желто-зеленые облака ядовитого газа поплыли по дороге. Огромные драконорожденные рептилии задыхались, когда их легкие наполнялись кислотой, и, падая,

раздавливали под собой тяжелобронированных аэльфийских рыцарей, избавляя, по крайней мере своих всадников, от такой же жестокой смерти. Через эти же разрывы в воздухе на улицу выскочили оскалившимся крысолюды с вертящимися механическими бурами. За ними, когда ядовитый туман начал рассеиваться, возбужденно визжа, высипали десятки и сотни скавенов.

Броддур видел, как несколько отрядов, собравшись, оказывали сопротивление, но большинство просто сломалось и побежало. Скавены безжалостно преследовали их, и каждый убитый человек прибавлял им уверенности и ликования.

— Не забудьте про этого гнома, паразиты! Я уже наелся за этот день, а вот мой топор - нет!

Искатель Рока бросился к стае скавенов-штурмовиков, которые до этого с энтузиазмом расправлялись с остатки полка пехоты Хаммерхол-Гира. Их энтузиазм по поводу встречи с Истребителем был заметно меньше. Огненный топор Зангром-Тхаз отрубил скавену руку и поджег обрубок. Крысолюд в панике завизжал, когда Готрек повалил его на землю. Готрек сделал серию огненных восьмерок, отправив в бегство штурмвермина без одной ноги ниже колена, выпотрошил другого и прожег его внутренности. Поджаренные потроха валялись у его ног, а он продолжал убивать. Меч вонзился в бицепс Истребителя скорее по чистой случайности. Бывший владелец швырнул его в Готрека, и, визжа от ужаса, подвернулся хвост и бросился наутёк с остальными.

— Что такое? - крикнул им вслед Искатель Рока. — Вы будете сражаться с отрядом еле живых задыхающихся человечьих солдат, но не с одним гномом?! Задыхающийся гиранитский офицер попытался поблагодарить его, но Готрек лишь хмуро отмахнулся. — Еще! Мне нужно больше!

Странно, но это не случайность, подумал Броддур, быстро оценив анархию, творившуюся на перекрестке.

Тысячи скавенов уже вышли из своих разрывающих реальность буров, и в город вливалось все больше и больше крысолюдов. На одном из перекрестков группа дуардин долгобородов и несколько людей с ручными пулеметами удерживали обломки артиллерийской колымахи. Разбитые остатки кавалерии Анвилгарда упрямо уходили прочь от боя, а рыцари на драконокровных втаптывали в пыль тех скавенов, которым

хватило глупости встать между ними и безопасностью. Разношерстная пехота Вольных Рот и ошеломленные Железоварные инженеры пытались спастись от резни. Повсюду бесчинствовали скавены, слетаясь на тела убитых, как вороны.

Броддур узнал серые цвета и отличительные глифы, которые носили воины скавенов. Это был клан Бойл. Те самые паразиты, что осквернили магмахолд Карак Унбака, похитили величайший труд самого могущественного из ныне живущих рунных мастеров Ложи и сговорились с Утаном Курганоходцем убить его и Готрека в Шаише.

— Еще! — услышал он рев Искателя Рока, который принял раздельывать свежеприбывшую стаю клановых крысоловов из клана Бойла. — Еще!

Оставив Готрека разбираться самостоятельно, Броддур нацелился на совершенно другую стаю кланратов и бросился вперед. Они были плохо бронированы и вооружены, половина из них уже зарылась носами в трупы, оставшиеся после газовой атаки. Дерганый одноглазый крысолов в кольчужном жилете, с искореженным металлическим щитом и булавой, резко обернулся при его появлении. Броддур высоко поднял икону Гrimнира. Готрек мог разочаровать его, но он все еще сохранял веру.

— Несломленный! Казук-ха!

Лидер скавенов отреагировал с удивительным проворством, взмахнув щитом, когда топор Броддур обрушился на него. Он ловко принял удар, отклонил его в сторону, не дав Броддуре раздробить кости своей тощей лапы, а затем вонзил свою булаву ему в брюхо.

— Уф! — Броддур согнулся пополам

Но дуардин был толстокожим и плотным, и золотые руны, вбитые в плоть Броддура, значительно усилили эту прочность. Он разогнулся, и мускулы, запрятанные глубоко под его толстым животом, отправили булаву обратно к ее изумленному хозяину, оставив после удара лишь расползающийся синяк и несколько ссадин.

Броддур обрушил свой иконный шест на голову уже успевшего начать торжествовать лидера крысоловов, заставив того покатиться по земле, а сам развернулся на пятках и ударил своим топором по деревянному щиту другого кланового крысолова, повалив и его на землю. Крысолов перевернулся на живот и попытался встать, прежде чем Броддур успел сделать с ним то же, что и с его предводителем.

— Осквернить магматическую пещеру Огнеубийц своим присутствием? Ха! Я расскажу историю о мести Унбаки кровью твоего клана, на самом дешевом золоте, известном металлургам Обездоленных!

Скавены были древним врагом всех рас дуардинов - за исключением, пожалуй, рассекающих небеса харадрон, - не испытывавших, как они, влечение к глубинным местам. Броддур читал летописи, составленные из золотых бусин, вдвое длиннее бороды Огнегрива, и наполненные историями о коварстве скавенов, и сейчас каждая из них приходила ему на ум. — За Калдунские Глубины! Его уши наполнились шипением кипящей крови, и за каждую обиду предков он поносил скавенов. — За Авен Вир! За Барак Изор! За Аз Скорн! Руны могущества светились ярко и горячо, расплавленная сила наполняла его руки, так что даже в бою его бодрость не уменьшалась, а возрастала. Ярость и огонь Карага пылали в его глазах и искрили бороду.

Когда под его топором пал один особенно уродливый на вид крысолюд, он мельком увидел Готрека. Истребитель прорубил себе путь через вторую стаю кланратов и, оставляя за собой длинный след из мертвых тел и в панике брошенного оборудования для прокладки тоннелей, углубившись в ради паразитов на несколько десятков метров.

Странное, жгучее чувство наполнило его изнутри.

Вера.

— Искатель Рока! - прорычал он, подрагивая от нахлынувшей молнией рун. — Я сражаюсь, творец историй, хочешь верь, хочешь нет. То, что я предпочитаю делать это без криков, не означает, что мне это меньше нравится. Кровь нужно проливать. Она питает почву, а не поет о ней. Ха! Если бы вы читали истории, которые были написаны обо мне, о крови, пропитавшей эту бороду, то, возможно, ваш энтузиазм немного поутих бы. А теперь смотри на меня, творец историй. Смотри, как настоящий Истребитель Старого Света встречает свою гибель.

Броддур наблюдал за тем, как Готрек радостно уничтожает уже третью стаю клановых скавенов. Броддур нахмурился. Он не хотел, чтобы его усилия были посрамлены даже Иском Рока.

— Все, что ты можешь сделать...

Попытавшись выдернуть лезвие своего топора из шеи последнего скавена, он с размаху отправил тощее существо в полет через плечо. Подкравшийся скавен захихикал и вонзил в его незащищенный бок

зазубренный кинжал, но тут же распался на части, когда молния ударила прямо в его шлем.

Взрыв заставил Броддурा присесть на пятки, и он, раскрыв рот, смотрел, как над головой проносятся ангелосские свиты Молотов Сигмара.

Крылья Обвинителей гудели в плете, и они осыпали перекресток удивительно точными ударами молний. Однако скавены уже рвались к укрытиям Пеплоземельного района, хвосты их мелькали в витринах магазинов и канализационных решетках, когда они скрывались из виду. Обвинители, понимая, что их штормовые копья слишком не подходят для преследования в городских кварталах, свернули к более открытым местам. Из соседних кварталов доносились звуки рожков и барабанов - это пехотные патрули и дозорные ополченцы вступили в охоту за разбегающимися скавенами в подворотнях.

— Уже всё? - разочарованно спросил Готрек, топая по ковру из мертвых скавенов в сторону Броддуря.

Броддур не знал, что хотел услышать Готрек, поэтому просто усмехнулся, восстанавливая дыхание. Искатель Рока поднял голову, когда над ним низко пронесся Обвинитель в золотых боевых доспехах, выжигая полосу дороги дугообразными молниями.

— Эти Грозорожденные Вечные впечатляют, надо отдать им должное, но если бы они были настоящими воинами, то сражались бы здесь, на земле, и мочили бы свои бороды вместе с остальными. Этот гном никогда не согласится на пару крыльев. Ни за какого бога.

— Мы пойдем за ними?

— Да, пойдем... - выражение лица Искателя Рока снова стало мрачным, словно он только что вспомнил что-то, о чем стыдно было забывать. — Хотя нет, погоди. Вон туда!

Сквозь облако пыли раздробленной брускатки и кучи поврежденных скавенов Броддур разглядел черное и красное.

— Эдассийцы. Они пытаются бежать.

— Атака ядовитым газом, должно быть, была уловкой, чтобы расчистить путь. Засада была устроена, чтобы сбить с толку идущих следом. Но с этим Истребителем они просчитались. Пойдем. Мы еще сможем их поймать. Оба дуардина побежали к перекрестку. Несмотря на небольшой рост, в этот раз Броддур был быстрее. Он первым добрался до перекрестка, а Готрек, сердито пыхтя, остался позади. Он посмотрел в ту сторону, куда

ушли эдассийцы. Дорога, как и было задумано, погрузилась в дым и неразбериху: кричащие мирные жители и растерянные солдаты заполонили её. Броддур посмотрел вперед, потом направо и налево.

— *Таггаз!* Они ушли.

Глубоко вздохнув, Готрек встал рядом с Броддуром. Уперев руки в бедра, он огляделся. Его глаза сузились, когда он уловил отблеск чего-то металлического, лежащего на дороге между ними, отражающего молнии Изумрудных Стражей над головой. Он присел рядом с предметом.

— Обеденный нож из огнестали, — сказал Броддур, присаживаясь на корточки рядом. — Это... — он удивленно хлопнул рукой по поясу. — Погоди-ка, это же мой нож.

— Именно такой неряшливости я и ожидал. Готрек фыркнул. — Даже за своими столовыми приборами не можешь уследить? Позор. Сам Ранальд не смог бы обчистить карман настоящего гнома.

— Я сам притащу ее в Зал порицания, — пробормотал Броддур. — Украдь мой нож...

— Забудь об этом, творец историй. Смотри, куда направлено лезвие.

Броддур так и сделал. Оно указывало на переулок.

Искатель Рока злобно ухмыльнулся.

ГЛАВА 21

Культисты-арканиты в эдассийских одеждах заполнили старое здание. Это был старый амбар. Между камнями все еще попадались ядра янтарного зерна. В этом квартале Маленет видела несколько подобных сооружений, покинутых в первые дни осады, после того, как Серый Владыка продемонстрировал, как далеко за городские стены может проникнуть его колдовство и осадные механизмы.

Настоящие эдассийцы, которых манезомо Осаянде не оставил на Великом Пепельном тракте на растерзание сильванетам Обугленного леса, смотрели на своих арканитских двойников с явным отвращением. Их губы шевелились в такт колдовским песнопениям, глаза задурманивались, словно нечистые слова требовали повторения, а они только сейчас осознали, что их рты - всего лишь инструменты для утоления этой потребности. Даже Маленет пришлось прикусить губу, чтобы не сделать то же самое. Она прикоснулась к незаметному бугорку, где под плащом покоился кулон ее госпожи. Магия, сохранившая кровь старой ведьмы и связавшая ее дух, обеспечивала ей защиту от враждебного колдовства. Она была рада, что маска Львицы скрывает ее неудобства от Осаянде.

— Я ненавижу магию, — пробормотал Осаянде, казалось, про себя, но острый аэльфийский слух Маленет уловил его шепот, словно слова прошептали ей на в ухо. — Инструмент, с помощью которого слабые и немощные добиваются равенства с сильными.

— Тогда вы сделали любопытный выбор покровителя.

Осаянде повернулся к ней. — Таковы извилистые повороты Пути Девяти Дорог, не так ли? Я не искал оба Ока, Львица. Они искали меня. Он жестом указал на арканитов, которые составляли большинство собравшихся. — Совсем не так, как эти проклятые души.

— Ты чувствуешь это? Как оно заставляет тебя произносить его слова. Генерал отвел взгляд. — Ненавижу магию.

В дальнем конце главного зала находилась приподнятая платформа с заколоченным окном, к которой вели деревянные ступени. На помосте, возвышаясь над арканитами и эдассийцами, которых он привел сюда, стоял человек. Колдун. Длинные, седые волосы, облепившие впалые щеки, ниспадали на плечи, покрытые переливающейся пурпурной

мантией. Маленет уже видела этого колдуна раньше, хотя тогда он был совсем другим - безобидным баловнем, которому не повезло пересечься с последователем Кхайна. В сложившихся обстоятельствах Маленет могла бы похвастаться своей отличной маскировкой. Тот, кого она сейчас видела, был ни кем иным, как Невидящим Оком, братом-близнецом Мастера Судьбы из Видящего Легиона, скрывавшего коварство за своим клинком.

Утан Курганоходец раскинул руки в знак приветствия. В ответ раздалось нарастающее пение арканитов.

— Сегодня, братья мои и сестры, мы делаем еще один шаг по Пути Девяти Дорог.

Колдун извлек кое-что из потрепанных складок своей мантии. Она была неестественно тяжелой и, казалось, волочилась по его руке, когда он протянул ее вперед. Это была толстая пластина из золота, превышавшая размером ладонь Мастера Судьбы. Маленет крепче вцепилась в кулон своей госпожи, узнав Масетр-Руну Унбаки. Необычайно сложный узор из орнаментов Огнеубийц складывался в руническую запись, увенчанную короной и обозначающую имя их бога Гrimнира. В ее глазах *промелькнуло* что-то древнее и могущественное. Она быстро моргнула и отвела взгляд, разрывая контакт. Стук сердца утих в песнопении.

Маленет сделала долгий выдох.

— Прекрасна, насколько может быть прекрасна только уродливая вещь из золота, - пренебрежительно сказал Осаяндэ. — Почему вы все приыхаете, словно перед вами только что появился один из Девяти почетных гостей?

— Здесь, - продолжил Утан, - в этой руне Огнеубийц скрыто могущественное оружие. Оно способно разорвать этот город надвое. Арканиты заулююкали и залаяли, но эдассийцы, в том числе и Осаяндэ, не выглядели довольными. Маленет считала, что оружие массового поражения - восхитительная игрушка, когда она используется где-то на далеком поле боя, но слишком тревожно было находиться с ней в одной комнате.

— Но дуардины достаточно хитры в своих делаах. Только вбив Руну в плоть таких же, как они, можно правильно использовать Руну, ибо она реагирует на их огонь и их веру. И только с помощью правильного

ритуала можно достичь такой связи, и только с помощью правильных фраз можно задействовать весь её потенциал.

— И ты знаешь подходящие фразы? — воскликнул Осаяндэ.

Вслед за этим раздалось столько резких вдохов, что на мгновение воздух стал спертым и разреженным. Осаянде сжал челюсть и, не отрываясь, смотрел на платформу. Маленет улыбнулась под маской. Если отбросить предательство Бога-Короля и всего Пантеона Порядка, то принц Осаяндэ ей даже нравился. Она ценила в мужчинах немного высокомерия. Она не стала бы плевать на жаждущего нищего на улице, если бы он был готов убить четыре тысячи соотечественников и собственного кузена ради своих целей. Стоя рядом с принцем, на расстоянии длины меча от центра всеобщего внимания, она понимала, почему так много хороших людей решили последовать за ним.

Утан оскалил зубы, широко расставленные и желтые, как у скелета.

— Ты, должно быть, Осаянде, Первый Меч Эдассы и будущий обладатель короны. Мой брат рассказал о тебе всё.

— Он почти ничего не рассказывал о тебе.

— Таковы пути Тзинтча.

Мастер Судьбы протянул руку вперед и вверх. Тени на заколоченных окнах стали еще глубже и тяжелее, словно приняв массу золотой руны, отчего стены заскрипели, а весь свет в комнате устремился к предмету в руке колдуна.

— *Тиразэн Рхун - Бриндал!*

Едва прозвучало последнее слово, руна загорелась.

Маленетрыкнула и вынуждена была прикрыть лицо рукой: свет и жар полыхали в пальцах Мастера Судьбы. Казалось, он только что протянул руку и снял с неба одну из звезд Сигмара.

— Он сделал это, госпожа, — прошептала про себя Маленет, отводя руку от глаз и с недоверием вглядываясь в золотое пламя. — Тебе лучше быть поблизости, Готрек.

С Истребителем или без него, но все должно было закончиться как можно скорее.

— Орден Азира хорошо сыграл свою роль в Великой игре, — продолжил Утан, и Маленет замерла, уверенная, что он смотрел прямо на нее. Но затем его взгляд переместился дальше. — Они очистили этот город от наших двуличных братьев, и поэтому мне требуется сторонняя помощь

в осуществлении нашего великого замысла. Мне нужен доброволец. Его взгляд остановился на Осаянде, и он улыбнулся. — Может быть, даже ты, манезомо?

Осаянде положил руку на эфес своего меча. Он не решался ответить.

Утан рассмеялся.

— Но, возможно, и нет. Мне нужен убежденный и верующий воин. Тот, кому Великий Заговорщик окажет благосклонность. Тот, кто готов стать сосудом для его орудия Перемен.

Маленет с ухмылкой оглядела притихшее собрание. Она тысячу раз видела подобное в армиях врага. Приходит час, и даже самые фанатичные становятся осмотрительными. Никто не поднял свой голос, чтобы вызваться добровольцем.

Маленет подняла руку и вышла перед Осаянде.

— Я пойду! — сказала она. — Я докажу благосклонность моего бога!

Мастер Судьбы протянул к ней свою истощенную руку, с которой свисала объемная мантия, и жестом пригласил присоединиться к нему.

— Добро пожаловать, дочь судьбы. Подойди ближе. Встань передо мной и получи же его благословение.

Она поднялась по ступеням.

Тишина и сосредоточенность культа на ней усиливались с каждым шагом по направлению к ожидающему Мастеру Судьбы. Она понятия не имела, на что вызвалась, но возможность приблизиться к Утану Курганоходцу без необходимости пробиваться через пять сотен вопящих культистов была подарком, от которого она не хотела отказываться.

На верзу платформы колдун поклонился ей.

— Тзинтч любит вопросы и вызовы, — тихо сказал он, обращаясь только к ней, а не к собравшимся внизу. — Он — неопределенность. Он — перемены. Думаю, ты сделаешь ему достойное подношение. Да. И с мощью Крага Черного Молота, привязанной к твоей плоти, как тречлет к телу Проклятого, мы с тобой разорвем этот город на части. Ты станешь предвестником таких перемен, каких ты и представить себе не можешь. Прекрасный дар Серому Владыке, достойный великих замыслов, благодаря которым он и появился. Передай мне свой меч, сестра.

Маленет вытащила меч Львицы. Да, он был для неё огромен и громоздок, но странно привлекателен сейчас, когда пришло время с

ним расстаться. По всей длине клинка бежали безудержные львы. Золотой эфес выполнен в виде львиных когтей. Меч был тяжелым, но смертоносным в умелых руках.

Через мгновение она повернула его и протянула рукоять Утану.

Колдун осмотрел меч. — Грубое оружие. Так не похоже на более тонкие методы, которыми мастерски владеет наш бог.

— Мой бог действительно хитер, Мастер Судьбы, — ответила Маленет, отвечая на поклон колдуна и передавая ему оружие. — Когда он сам того пожелает.

Взяв клинок, Утан обратился к собравшимся. Он держал длинный меч Львицы между ладонями.

— Отнять жизнь — значит познать силу. Отнять жизнь, отданную в дар, — значит овладеть силой. Отнять жизнь собственным клинком дарителя... — он захихикал, чем-то напоминая прежнего Утана, которого Маленет преследовала в Обугленном лесу, даже не зная, кем он был на самом деле. — Это должно доставить великое удовольствие Тзинтчу. Есть ли у тебя последнее слово для твоих братьев и сестер, Львица?

— Только одно, — ответила Маленет.

Склонив голову, она незаметно вытащила из львиной шкуры плаща спрятанный нож и распрямилась, схватив Мастера Судьбы за лоб и вогнав нож ему между лопаток. Она нанесла еще несколько ударов в спину Утана, после чего позволила телу упасть за край платформы.

Оно шлепнулось на деревянный пол.

Собравшиеся погрузились в оглушительную тишину. Осаяндэ смотрел на нее, испытывая нечто среднее между возмущением по поводу предательства, облегчением, что колдуна больше нет, и ужасом от того, что его собственное вероломство раскрыто. Маленет усмехнулась, сорвав с себя маску, и подняла капающий кровью нож высоко над головой перед ошарашенной толпой внизу.

— Моего бога зовут Каэла Менша Кхайн, Кровавая Рука, Вдоводел, Повелитель Убийств, и я благодарю тебя, Невидящее Око, за приглашение разделить со мной его благодать сегодня.

ГЛАВА 22

— Значит, это сигнал, да? - спросил Броддур. Столкнуть Курганоходца с платформы?

— Я не жду другого, - ответил Готрек, протискиваясь через запущенную входную дверь амбара и сбрасывая с головы заплесневелый брезент, который он накинул на себя в качестве маскировки. Даже недальновидного троггота это не обмануло бы, но арканиты были слишком увлечены представлением на платформе, чтобы заметить их. А представление было что надо.

— Ваша гибель здесь, мерзость Хаоса! - хохотнул Искатель Рока, всаживая топор в спину культиста, а затем вырвав его вместе с позвоночником. — Она придет за вами всеми, как когда-то пришла за Ареком Демоническим когтем, Лойгором Золотарником, Вальдемаром Лихтманом и еще большим числом поборников вашего никчемного бога, чем те, кого я вижу сейчас перед собой. Повернитесь лицом ко мне, если осмелитесь! Он рассмеялся, прорубая себе путь через дюжину других арканитов, прежде чем они успели выхватить свои кривые мечи и продолжал безумно хохотать. — Некоторые вещи никогда не надоедают. Ты поймешь меня, творец историй, если когда-нибудь переживешь этот мир.

Те культисты, которые не пытались забраться к Маленет - едва различимой в пластинчатых кожаных доспехах и размахивающей широким мечом, который казался почти таким же тяжелым, как топор Искателя Рока, - повернулись к Готреку и Броддуру. Они набросились на них, вооруженные и закованные в броню эдассийских солдат, но атакующие как безумцы. Готрек и Броддур отбили их, и словно две скалы оказались бок о бок в море черного и красного.

— Я заметил, как ты сказал "если", - выкрикнул Броддур.

— Слишком много лет путешествовал с поэтом. Я научился выбирать слова по смыслу.

— Это тот человек, которого ты ищешь? Феликс? Думаешь, Сигмар избрал поэта?

— Он убил дракона Хаоса, творец историй. Ты когда-нибудь совершил подобное? – ворчливо сказал Готрек Броддуру в лицо, а затем быстро вернулся к сражению. — Он следовал за мной в самые темные места

Старого Света, до Пустошей Хаоса и обратно, и все это только из-за собственной клятвы. Двадцать лет мы путешествовали по миру вместе, прежде чем я освободил его от обещания, чтобы он смог вернуться домой и завести семью, как когда-то я. И даже тогда он был рядом со мной в самом конце. Если среди Грозорожденных Вечных найдется герой, достойный полировать кольчугу человечьего отприска, я отрежу дюйм от своей бороды и отдаю ему. Ты, творец историй, еще не можешь произносить его имя, пока не зарубишь лорда Хаоса или десяток.

— А-ага, — сказал Броддур, ошеломленный потоком слов.

— Берегись, творец историй!

Готрек издал дикий вопль и срубил арканита. — Он мой!

Броддур парировал удар меча своей секирой, нанес удар в живот мечнику своей иконой, а затем вогнал топор в его череп. — Унбак-ха!

Может поможем Маленет, Искатель Рока?

— Да, она должна мне лича.

— Гrimнир, не все ли равно, кто нанес решающий удар?

— Ты ругаешься, бороденыш, или снова начал называть меня Гrimниром?

— Ругаюсь!

— Хорошо. И да, это чертовски важно. Как я могу говорить, что месть совершена должным образом, если какая-то темная эльфийка добралась туда первой?

— Может, Курганоходец еще не совсем мертв?

— Ты говоришь это, чтобы подбодрить меня.

— Слуг Хаоса не всегда легко убить. А он еще когда-то был некромантом.

Искатель Рока выглядел задумчивым, когда отрубил арканиту руку у рукояти меча, выпотрошил его, а затем обратным движением обезглавил воина слева. — Тогда хватит болтать и следуй за мной. Заберем эту Мастер-Руну. Может, это и мир богоизверей, древолюдов Хаоса и пива, в котором можно вымачивать яйца, но я отомщу его жалкой и, наконец-то, мертвый шкуре.

С грозным ревом Готрек зателел в толпу, прокладывая себе путь взмахами топора.

Броддур держал свою икону высоко, а коротким топором наносил удары слева и справа от Истребителя, помогая продвигаться. Сквозь

толчею тел от места, где лежал труп Утана, изредка пробивались лучи золотого света, ослепляя своей интенсивностью и появляясь в короткие промежутки вермени, когда Готрек зарубал кого-нибудь и вместо убитого вставал другой дурак.

— Если ты собираешься прикрывать какую-то сторону, творец историй, то выбери ту, где повязка на глазу.

Броддур запыхался. Может, он и мог обогнать Искателя Рока на открытой дороге, но поспевать за ним в бою было утомительно. — Я подумал, что тебе будет неплохо сохранить тот глаз, что я еще есть.

— Я почти вижу лица на земле. По-моему, он мертв. В голосе Искателя Судьбы звучало разочарование.

— Просто следуй на рунный свет. Похоже, Мастер-Руна все еще горит. Стены вокруг них внезапно содрогнулись. Дерево и камень заскрипели, словно гигантская рука накрыла все здание и начала сжимать. Броддур поднял глаза к потолку и на мгновение отвлекся, когда Маленет вышвырнула с платформы еще одного сражающегося эдассийца. К тому времени, когда он успел смахнуть пыль с глаз, эдассийский мечник перемахнул через него и полоснул богато украшенным длинным мечом по бицепсу Искателя Рока.

Готрек рыкнул, когда воин вытащил свой меч и встал в идеальную защиту, а кровь потекла по изогнутому клинку к золотым львам на эфесе. Рот эдассийца был очерчен тонкой линией. Он был высок и чернокож, как и подобает коренным жителям Эдассы, а на его голове красовался золотой венец. Его доспехи, хотя в них явно не хватало металла, были шедевром ремесла. Они представляли собой живую картину из красного, черного и золотого, скрипящую, как кузнечные меха, при каждом шаге и изменении позы. Красный плащ с вышитым черным львом развевался за его спиной.

— Итак, — сказал он. — Ты истекаешь кровью, как и любой смертный.

— Больше, чем смертный, если я добьюсь своего.

— Меня зовут Осаянде, манезомо армий Эдассы. Первый меч Льва. Первый кузен короны. И я не потерплю неповиновения.

Здоровый глаз Готрека сузился. — Осаянде, да? Я знаю тебя. Клятвопреступник, как зову я тебя. Убийца родичей. Это за Джордайна! Искатель Рока бросился на эдассийского лорда, отбросив его назад серией сокрушительных ударов.

— Да, я убил Джордайна. Осаяндэ переходил от блока к парированию и обратно, сначала отчаянно, но все более плавно, по мере того как он выдерживал первоначальный натиск. Парирование стало чередоваться с уворотами и фнтами, складываясь в блестящие комбинации, оставлявшие Искателя Рока в крови и недоумении. — Я убил Джордайна героическими сказками, которые читал ему в детстве. Если бы я воспитывал его на правде о Сигмаре, его воинственности и смерти, которую тот сеет, то Джордайну не пришлось бы умирать.

— Если мы начнем убивать людей за то, что они глупые идеалисты, то никогда не доберемся до тех, кто действительно заслуживает смерти. Топор Искателя Рока вспыхнул пламенем, когда Истребитель направил его в грудь Осаянда. Эдассиэц отрыгнулся назад и почти небрежно отбил мечом в сторону. Броддур вынужден был признать, что Осаянда не хвастался. Человек был превосходным фехтовальщиком.

— Королева Эдассы стара и слаба. Как и ее сын.

— Ты не знаешь своего брата и в половину так хорошо, как тебе кажется.

— А ты?

— Ага, тебе не удалось убить его на Великом Пепельном тракте. Я бы сказал, что в нем было куда больше, чем ты думаешь.

Осаянда ответил яростной серией атак, от которых Искатель Рока даже не пытался защититься. Готреку не то чтобы не хватало мастерства, скорее ему было все равно, как часто он будет поранен. Он сражался так, как таран борется с воротами.

Эдассиэц рассмеялся, хотя смех прозвучал уже устало и натянуто. — Как тебе удалось прожить так долго?

— Ты не первый, кто задает этот вопрос. И не последний.

— Эдасса нуждается во мне.

— И в Хаосе тоже, да?

— Лишь как в средстве для достижения цели, и, поскольку Невидящее Око теперь мертв, то Эдасса не будет чьим-то вассалом. Ни Сигмара. Ни Серого Владыки.

Исчерпав запас коварных приемов мечом, эдассиэц вложил оставшиеся силы на прямой выпад в лицо Готреку. Истребитель встретил его презрительным взмахом своего большого топора, словно молотом ударив по плоскости лезвия, переломив меч Осаянда и выбив ему руку. Осаянде закричал, упав на колени и хватаясь за вывихнутую конечность.

Его бесполезный меч упал на землю рядом.

Готрек, проявив недюжинную силу, перенаправил инерцию огромного топора поперек своего тела. Пламя вырывалось из жаровни, словно хвост кометы, когда он отвел Зангром-Тхаз назад и вверх, а затем направил вниз. Осаянде поднял голову, не желая отводить взгляд, когда топор Искателя Рока рассек его голову пополам. Священный огонь Унбак вырвался из его шеи и ушей, прожег глаза так, что они лопнули и растеклись по обугленным остаткам лица принца.

Готрек усмехнулся.

— Джордайн отомщен, — сказал он. — И это было лучше, чем я полагал. Возможно, в этих мирах для меня все-таки найдется место.

Еще один яростный стон сотряс здание, как и предыдущий, но этот был громче и дольше. Броддур был вынужден опустить топор, чтобы удержать равновесие. Арканиты — эдассийцы вокруг него закачались, когда земля задрожала. Свет, струившийся из-под тела Утана, мерцал. Он стал ярче, и пол под ним завибрировал: волна силы сбила с ног ближайших культистов. Броддур скрестил предплечья перед лицом и собрался. Взрыв обрушился на него, как цунами расплавленного золота, но дуардин был крепким и широким, и смог удержаться на ногах, а арканитов отбросило, как гравий.

— Твои руки светятся, творец историй!

— Это Мастер-Руна. Она пробуждает и мои руны!

Мастер-Руна Крага Черного Молота расколола землю в том месте, где выпала из рук Утана. От нее исходили свет и сила. Что бы ни сделал Курганоходец, чтобы пробудить ее силу, она не исчезла с его смертью. Оставшиеся в живых культисты начали отступать и побежали к дверям. Последний прозвучавший лязг стали привлек внимание Броддура.

Маленет все еще была на платформе, выписывая кульбиты, как акробат, вокруг пары арканитов и с легкостью орудуя своим большим мечом. Она грациозно передвигалась, несмотря на то, что подземные толчки, исходящие от Мастер-Руны, вырывали крепления платформы и медленно разрушали деревянный каркас ступеней. Культисты, не в силах удержаться на ногах, повалились друг на друга и кубарем скатились вниз.

— Спускайся оттуда, эльфийка, — сказал Готрек. — Поверь инженеру, эта дрянная человеческая поделка долго не продержится...

Маленет спрыгнула с платформы как раз в тот момент, когда деревянная конструкция обрушилась на землю, похоронив под собой вопящих культистов, не успевших спутиться или спрыгнуть, под кучей дерева. Она приземлилась на землю, сделав сальто.

— Это просто выпендреж, — пробубнил Готрек.

Отбросив свой меч и скинув плащ из львиной шкуры, она подбежала к двум дуардинам над пылающей Мастер-Руной.

— Почему вы остановились? — спросила она.

— Все мертвы, спасибо, что спросила.

— Мастер-Руна все еще пробуждена, невежественный дуардинский болван. Если мы не найдем способ успокоить ее, Утану еще удастся уничтожить этот город.

— Я и не знал, что тебе есть до этого дела, эльфиечка.

— Беспорядочная смерть приносит Кхайну развлечение, но мало славы. Искатель Рока весело фыркнул. Прикрыв глаз от сияния руны, он пнул тело Утана. — Так и знал. Он точно мертв.

— Нож в спину упокаивал и не таких.

— Такой себе он был лич.

— Ты вообще способен сосредоточиться на деле?

Готрек попытался плюнуть на тело Утана, но плевок испарился на полпути.

— Мы должны попытаться переместить руну, — сказала Маленет. — Если сможем доставить ее Лорду-Очистителю Кюкаина или в Тайную Коллегию, то, возможно, они смогут обратить вспять то, что натворил Невидящее Око.

Она нагнулась, чтобы поднять руну из кратера, который та сама для себя проделала в земле, но отшатнулась с воплем и *шипением* обожженой плоти. Сжимая дымящиеся пальцы, она пнула сброшенный львиный плащ, пытаясь таким образом потушить Руну, но шкура мгновенно загорелась.

— Что ж, неплохо получилось, — сказал Готрек.

— По крайней мере, я пытаюсь!

— Ну, хватит уже. У меня живот сводит от одной мысли, что ты снимешь с себя что-то еще.

— Это все равно, что пытаться поднять раскаленный уголь.

— Нет, — сказал Броддур с недовольным рычанием. — Она гораздо

горячее. Я поднимал раскаленный уголь.

— Ты можешь её передвинуть? - Маленет повернулась и посмотрела на него.

Броддур покачал головой. — Нет. Она предназначалась для Арук-Гrimнира или одного из его рунных сыновей. Её не получится переместить. Ее придется обуздить, прежде чем она распадется на части. Или унесет с собой Хаммерхол-Акши

— Типично, - сказал Готрек. — Первое место в этом Владении, где можно выпить приличного пива.

— Обуздить, - резко сказала Маленет. — Как?

— Я знаю только один способ...

Рунное ремесло Огнеубийц требовало плоти Огнеубийц для обуздания монстра. Броддур пристально вглядывался в Мастер-Руну, пока даже с опущенными веками не усмотрел, что она окрасилась в красный цвет. Часть его души жаждала этого - протянуть руку и коснуться Гrimнира. Почувствовать, как сила Разбитого бога проникает сквозь его смертную плоть и кости. Но он боялся этого. Такое количество пра-золота свело бы с ума даже величайших воинов, а он знал, что не принадлежит к их числу. Его борода была еще короткой. Руны в его теле были немногочисленны.

Кроме того, он был здесь единственным Огнеубийцей.

Готрек дал это понять предельно ясно.

— Вот такой, Искатель Рока. Кровь и золото!

Броддур погрузил руку в ореол Мастер-Руны и схватил раскаленный металл.

В его сознании вспыхнуло лицо Гrimнира. Бессердечное. Радостное. Жестокое. Золото сыпалось на его глазах и превращалось в кровь. Затем в огонь. Всё пылало. Смех богов эхом отражался от его собственных криков. Он слышал свой голос, но не мог разобрать слов и даже не осознавал, что произносит их. Видение Гrimнира промелькнуло перед ним, как город, освещенный вспышкой молнии. Бог-Берсерк истекал кровью от тысяч смертельных ран. Его мускулы были как жилы земли. Его борода - расплавленным камнем. Его великолепное тело было покрыто татуировками, мало отличавшимися на татуировок Искателя Рока, а каждый вздувшийся мускул напрягся в тот момент, когда он столкнулся с красно-чешуйчатыми кольцами пра-зверя, который был

больше, чем Врата Пепельного Молота.

Вулкатрикс.

Момент Сокрушения.

— Отпусти эту чертову штуку, творец историй.

— Еще нет.

Видение бежало от него, как кровь по склону горы, его крики перешли в безумное рычание, а рука внезапно загорелась. Инстинктивно он попытался отпустить руну Мастера, но было уже слишком поздно. Она прожгла плоть его руки и глубоко проникла в кость. Он больше не мог ее бросить.

— Она горит! — закричал он голосом, который уже не принадлежал ему.

— Жарче, чем конец света!

Руна взорвалась в руке Броддура, как кусок пирокластической породы, уничтожив его руку до локтя и швырнув через пол склада, а затем грохнулась на пол.

— *Творец историй!*

Броддур слышал крик Искателя Рока, но он раздавался так далеко. Спустя вечность, когда он смог приоткрыть глаза, образ Готрека был размытым и расплывчатым. Словно они снова тонули под Аметистовыми фьордами Шаиша. Он улыбнулся. Владение Смерти призывало его куда-то. Голоса Снорри Носогрыза и всех былых товарищей Готрека по Залу Предков свистом раздавались в его ушах.

Кровь потекла у него между губ, когда он попытался ответить.

Если он и издал какой-то звук, то Броддур не услышал.

— Оставь его, Готрек, — произнесла Маленет также издалека.

— Единственная причина, по которой он еще не мертв, в том, что дуардины слишком упрямы, чтобы умереть быстро. Нам с тобой пора последовать примеру арканитов и убираться отсюда.

Однако Искатель Рока смотрел на руну.

Броддур попытался сесть и закричать "нет", напомнить Готреку, что только наследник Гrimнира может владеть силой Разбитого бога, но у него не было сил даже пошевелить губами. Он сделал мучительную попытку пошевелиться и потерпел неудачу. Его попытка обуздать Мастер-Руну отняла все силы.

— Не жди меня, эльфийка.

— Ты слышал, что он сказал. Эта сила для Огнеубийц.

— И много пользы принесли ему его познания? Готрек наклонился и сомкнул пальцы вокруг упавшей руны. — Этот Истребитель выбирает свой рок.

Розовый дым вырвался из-под руки Истребителя и окутал его целиком, но он все равно удержал в руке пробужденную Мастер-Руну.

— Залы Гrimнира, это больно. Хуже, чем моя голова на следующее утро после свадьбы в Карак Кадрине. Хуже, чем топор Крелла!

Он крепко сжал кулак, обнажив зубы и напрягая все мускулы, словно руна весила больше, чем та Наковальня Мощи, на которой была выкована. И все же он поднял ее. Его единственный глаз вспыхнул золотистым светом, и тысячелетние видения в одно мгновение отразились на его лице. Он зарычал, словно электрическое дыхание Дракотиона пронеслось по его позвоночнику.

— Гrimнир... проклятье... я... пожалею... об этом...

С ревом боли Искатель Рока вдавил Мастер-Руну в свою грудь. Его тело напряглось, задрожало и, казалось, стало больше. Белые следы, оставленные пурпурным солнцем Кургоноходца в его бороде, вспыхнули золотом. Они так и остались золотыми.

И медленно, как затухающий стук сердца, свет стал уменьшаться, а сила, которая до этого момента безконтрольно изливалась из Руны, наполняла тело дуардина.

— Думаю, худшее... уже позади.

Готрек оторвал свою обожженую руку от груди. Мышцы продолжали хаотично сжиматься, но теперь там пылала Мастер-Руна. Золотистый свет струился из его глаз и волос, а также из самой руны. Истребитель с грохотом упал на колени, от него поднимался пар с запахом горелой плоти.

Броддур держался, чтобы посмотреть еще немного.

Мастер-Руна застыла в угловатое руническое подобие лица. Он посмотрел туда, где на земле лежала его икона.

— Творец историй... - зовущий голос доносился словно издалека. Очень издалека. — *Творец историй!*

Броддур закрыл глаза. Улыбка растянула запекшуюся на губах кровь.

— Гrimнир, - вздохнул он в последний раз и затих.

Он никогда не сомневался.

Ни на секунду.

***

Ваше Небесное Высочество,

Прошу прощения за непростительную задержку с момента моего последнего доклада.

После взрыва в районе Пеплопад пришлось на несколько дней залечь на дно, чтобы не привлечь нежелательного внимания к Ордену. Мне удалось подкупить стражника, чтобы он пропустил нас через Врата Штурмового Предела в Хаммерхол-Гира, и отсюда я пишу это письмо. Готрек утешал себя тем, что пропускает осаду Хаммерхола-Акши, как мне кажется, вновь и вновь разыгрывая самые кровавые побоища в самых захудальных тавернах Тернистых Лоз. Мне бы хотелось удержать его от смертельного отравления, оскорблений не того огора или просто падения с моста в пьяном угаре, поэтому я договорилась с адмиралом Храдссоном с «Золотых Небес» о доставке нас в Тирию к ближайшим Вратам в Азир.

Представьте себе мое раздражение, когда, заплатив очередному стражнику, чтобы вытащить моего собакоголосого спутника из очередного пропахшего элем подземелья, я обнаружила, что в его причудливой голове уже поселилась новая идея. Готрек забросил ранее задуманные поиски этого персонажа Феликса (который, как поняла, имел несчастье быть знакомым с Истребителем на протяжении многих лет), и я надеялась, что он забудет и об этой новой идее до конца дня, но безуспешно. Его последняя цель - вернуть пару топоров, которые, как он утверждает, были выкованы Гримниром на заре Мира-что-Был.

Если бы он не был так явно пьян, я могла бы признать такие поиски достойным развлечением, но, признаюсь, в данный момент не имеет ни малейшего значения, что я говорю или думаю. Ни для вас, ни тем более для Готрека Гурниссона. Куда он отправится, туда отправлюсь и я, и сделаю все возможное, чтобы ускорить его смерть, которой он так жаждет.

Желательно до того, как «Золотые небеса» отплывет в Тирию.

Ваша самая верная и преданная последовательница,
Маленет Ведьмин Клинок

ЧАСТЬ 5

Доспехи зимы

ГЛАВА 23

— Зима в Гиране? Я действительно проклята. Или мне просто не везет? Маленет задрожала и взялась за серебряный амулет, упрятанный под её удручающе неполноценным корсетом из шелка и кожи. — Что дальше? — сетовала она. — Снег на плато Огненного Рубца? Полуденное солнце в Хагг-Наре?

— Ты всегда можешь попробовать держать рот на замке, эльфиечка. Это сохранит тепло. И кто знает, может быть, эта мерзкая безделушка на твоей шее даже ответит тебе, если ты дашь ей хоть полшанса.

Маленет убрала руку с амулета. Ей не нравилось, что Готрек знает о его существовании или подслушивает обращенные к амулету слова. До этого ей и в голову не приходило, что он мог делать и то и другое. Именно в такие моменты она задумывалась, не является ли то, что Готрек ведет себя как несносный, пропитанный пивом нахал, частью какой-то изощренной уловки, чтобы обманом заставить её отказаться от руны Огнеубийц в его груди. Она отмахнулась от назойливого подозрения. Никто не мог быть настолько хитрым.

— Мы могли бы сейчас лететь на *небесном корабле*.

— Думаешь, в облаках было бы теплее?

— Возможно, и нет, — пробормотала она себе под нос, находясь в зоне слышимости дуардина. — Но мои страдания были бы короче.

Несколько часов назад они ступили на суровые холмы Незеленого леса. За ними расстипался изумрудный простор Хаммерхола-Гира, бескрайний, как океан, но сейчас его почти полностью скрывали густые заросли и редкие снежные хлопья.

— С вами, эльфами, всегда была такая проблема — одна кожа да кости.

Маленет упиралась взглядом в широкую, покрытую татуировками спину дуардина, пока поднимаясь за ним по крутой тропе. Его грунтовое телосложение и, казалось, бездонные запасы выносливости идеально подходили для холодных холмов. Сильные пальцы создавали из корней и мерзлой земли такие поручни, которые ей было никогда не найти. Он даже не чувствовал холода, хотя периодически ворчал на него, называя его умеренно бодрящим в сравнении с весенним днем в Караз-Гдебынибыл, до которого никому, кроме него, не было дела. Это могло быть печально, если бы не раздражало так сильно, а Маленет не была

мокрой, грязной и продрогшой до костей. Она практически чувствовала вкус холода.

— Когда-нибудь, Готrek, сын Гурни, я вырежу твоё сердце и...

Её нога соскользнула. Маленет вскрикнула от неожиданности и покатилась вниз по склону. Она билась о стволы и корни деревьев, и только прочные кожаные доспехи защищали ее от более серьезных повреждений чем ушибы и ссадины. Прокальзываая мимо обледенелого дерева, она вонзила в него свой наруч. От резкого торможения руку чуть не выдернуло из плеча. Она замерла на мгновение и сердито выдохнула. Холодный воздух обдал ее лицо паром от дыхания.

— Что это было, эльфиечка? Я не уловил последних слов из-за твоего девичьего визга.

Маленет поднялась на ноги и похлопала себя, стряхивая обрывки мха и комья снега. Она напомнила себе, что если бы Готrek послушал ее с самого начала, то они могли бы уже быть в Азирхайме, ужинать с самой Великой Теогонисткой, а не замерзать насмерть в этом озлобленном уголке Вердии.

— Объясни мне еще раз замечательный план, который родился в твоей голове во время той попойки в таверне и последующего отдыха в темнице?

— Если гном хочет поговорить со священным деревом о своих пропавших топорах, то это его личное дело. Я полагал, что ты одобряешь, даже будучи эльфом. И, кроме того, никто не просил тебя идти за мной.

Маленет вздохнула. Готrek каким-то образом вбил себе в голову, что этот Древний Хрут'гаэль может указать ему на пропавшие топоры. Считалось, что благородные духи сильванет очень древние, а самые старые из них хранят знания, восходящие к последним дням существования Мира-что-Был. По крайней мере, так утверждал тот, кто разговаривал с Истребителем последним. Ее же инструкции были куда более просты: она должна была как можно скорее вернуть Мастер-Руну Унбаки своим владыкам в Сигмароне. К тому же, сейчас Руна прочно засела в груди Готрека, ей не хотелось возвращаться с пустыми руками. Ее покровители были могущественны, но врагов было много, а улицы Вечного города были бесконечны, часто – темны и полны ужасов.

Она покинула храм Хайлеброн не в лучших обстоятельствах. Никто не мог покинуть храм. Ни при каких условиях, кроме Кхайна. Так что, пока

Готрек не встретит на своем пути противника, превосходящего его похвальбы, или пока она не найдет яд, превосходящий его устойчивость, они, похоже, будут путешествовать друг с другом.

Сапоги дуардина хрустели по снегу, пока он спускался за ней по склону. Маленет закипела от такого унижения.

— Посмотри, в каком ты состоянии, эльфиечка. Ты посинела.

— Когда мы покидали Хаммерхол Гира, было лето. Мы отправились в горы, да, но это все еще Гиран. Я не готовилась к снегу и льду!

— Я думал, в крови твоего народа течет яд, а в твоей душе - Земля Холода.

— Я родилась на улице Палача, в Азирхайме, под теми же звездами, что и миллионы других. Я даже не видела других Владений, не говоря уже о Земле Холода, пока леди Ведьмин клинок не отправила меня в Хамон, чтобы я забрала свою первую жизнь ради Бога Убийств.

Готрек сделал огромный вдох, размахивая руками, словно стараясь вдохнуть поглубже. Его носовая цепь зазвенела, словно колокольчик какого-то безумного берсерка. С высокого, несуразно оранжевого гребня осыпался снег и осел ему на плечи.

— Хорошо, мне нравится. Напоминает мне о высоких склонах Вечного Пика, недалеко от истоков реки Череп, когда я был бородаченком. Он рыкнул, оглядываясь по сторонам. Если не считать эти чертовы деревья, конечно. Срубить их, говорю я, и добыть камень из холмов, чтобы построить дом. Вырастить коз. Он сделал паузу, кивнув сам себе, как будто где-то в глубине его головы блуждала какая-то заманчивая мысль. — В этих холмах можно представить себе клан гномов. Старых шахтеров и пастухов, да, но респектабельных.

— Эта зима *неестественна*, Готрек.

— Пах! Вы, эльфы, смотрите, как два поросенка мочатся на один и тот же клочок травы, и считаете это предзнаменованием. Это лавовые потоки из Акши через Штормовой Предел сделали город теплым. Это и обманывает, заставляя думать, что год моложе, чем он есть.

— Неужели ходячая реликвия Маллуса собирается читать лекции о работе Владений *мне*?

— Я был инженером, девочка. Когда-то. Он сделал еще один долгий задумчивый вдох, глядя на холодные лесистые холмы. Возможно, мне придется стать им снова.

Маленет попыталась представить своего угрюмого спутника, строящего часы или ухаживающего за козой.

— Смена времен года — не случайное явление в Гиране. Это изменение настроения Лучезарной Королевы, которое может украсить все ее Владение весенними цветами или запереть во льдах на целое поколение. Это то, что заметно, где бы ты ни был.

Готрек повернулся и зашагал обратно по тропе. Смирившись, Маленет последовала за ним.

— За шесть тысяч лет до моего рождения Эрат Остенссон покинул золотой зал Снорри Белоборода, чтобы обогнать земной шар на драконьем корабле Ультуана.

Маленет неторопливо размышляла, не слишком ли поздно, в конце концов, вернуться на корабль Храдсона. Медленная и мучительная смерть от рук кхайнитской убийцы или охотника на ведьм из Ордена вряд ли была сильно хуже, чем выслушивание очередных бесконечных рассказов Готрека.

— За двадцать лет он посетил Тор Ашар на севере, Арнхейм и Башню Солнца на востоке, а также Тор Элитис на юге, чтобы узнать размеры и наклон мира, его расстояние до солнца и лун. Это потребовало изобретательности, эльфиечка. Смелости. Именно благодаря рассказам отца о приключениях Остенсона я впервые захотел стать инженером. Даурдин заворчал расстроенный. Но был ли он счастлив хоть когда-то? — Разве движение огромных сфер по небесам недостаточно изящно для этих миров? Все должно происходить только по прихоти богов?

— Последний раз зима приходила в Гиран во время Войн за Врата Владений, когда Хаос набрал колоссальную силу, а Алариэль удалилась в Ательвирд.

— Алариэль. Готрек почесал подбородок плоскостью своего огненного топора. Удивительно, что этот болван ещё не сжег себе бороду. — Знакомое имя, хотя я не помню, откуда. Полагаю, еще одна эльфийская королева, обманувшая смерть в обмен на божественность. Он мрачно рассмеялся.

— Хотя я не прочь ещё поговорить о этом.

— В Хаммерхол-Гира было лето, Готрек. Я готова поклясться в этом на мече Кхайна.

Холодное дуновение пронеслось по лесу. В нем звучала мелодия, заставившая Маленет вздрогнуть. Каждый скрип дерева, шуршание веток, даже разноголосое завывание ветра, проносящегося по холмам, были частью лесного ансамбля. Маленет повернулась к деревьям. Они дрожали и качались, покрытые инеем и сосульками.

— Ты слышишь это, Готрек?

— Ничего, кроме ветра'.

Маленет покачала головой. — Это Песнь Жизни леса. Похоже, хранители наконец-то обратили на них внимание. Это заняло у них достаточно много времени. Она полагала, что ругань Готрека, не говоря уже о неистовой силе руны в его груди, давно уже заставит их, завывая, выбежать навстречу.

Она незаметно сделала шаг назад, и как раз вовремя: стая деревянных, полузамерзших фигур выскочила из леса на узкую тропу.

Они напоминали человеческих женщин, украшенных остролистом, мхами и шиповником, а их стройные тела облегала узловатая кора. Они двигались скованно, словно их конечности были связаны, а расставленные ноги приросли к земле, но какая-то холодная решимость гнала их вперед, и с жестких губ срывались леденящие душу стоны, пока они, спотыкаясь, приближались к Готреку. Маленет вытащила кинжалы и подняла руки, сделав еще немного пространства собой и дуардином.

— Дриады, — прорычал Готрек раздосадовано. — А я-то надеялся на драку!

— *Проснитесь, сестры мои*, — хором застонали духи. — *Проснитесь.*

Песни зимы остужают сок и замораживают ваши тела, но рог Курнота звучит.

Из леса, словно в ответ, донесся жуткий звук. Маленет подумала, что вряд ли это ветер.

— *Дикая охота началась.*

Маленетсыпала проклятьями себе под нос. Похоже, присутствие Готрека взбудоражило старых лесных духов больше, чем она ожидала. Ей хотелось бы попенять на это. Но не исключено, что и она откусила больше, чем мог прожевать даже Истребитель.

— Что происходит, эльфиечка?

— Если объявлена Дикая охота, значит, все сильванеты, великие и малые, скоро придут за нами.

— Хорошо, — сказал Готрек, шагнул вперед и вогнал Зангром-Тхаз в голову пошатнувшейся дриады, словно колол дрова. В ней вспыхнул огонь. Она коротко взвизгнула, издала последний стон, а затем распалась на куски белого угля, усеявшего землю вокруг ног Готрека. — На этом холме прохладно, и дрова нам не помешают.

Не успела Маленет опомниться, как вокруг Истребителя лежало уже несколько пылающих фигур. Он был пламенем, в которое необъяснимо отчаянно стремились броситься уродливые деревянные создания. Но он — всего лишь один дуардин в огромном лесу. Еще более дюжины сильванет, пошатываясь появились из-за деревьев по обе стороны от тропы. Она отступила назад, но мстительные дужи уже окружили ее.

Ближайшая дриада ударила её длинными кривыми когтями. Удар был настолько предсказуем, что, если бы был нанесен одной из ее многочисленных соперниц в храме, то она бы решила, что над ней насмехаются. Маленет отбила удар и нанесла кинжалом ответный, но вскрикнула от боли, когда тот отскочил от твердой коры. Лед заморозил естественную броню дриады, сделав крепче. Готрек выглядел так, словно ему не составляло труда убивать их.

С ревом Истребитель рубанул дриаду в спину. Она, спотыкаясь и хватаясь за Маленет, сделала еще пару шагов, прежде чем пламя Унбак охватило её целиком. Огненная гибель дополнила песню остальных дриад стонами ярости и страданий.

— Убивать дриад — работа для топора, эльфиечка. Послушай, как они хнычат и плачут при виде небольшого честного огня.

— Осторожно, Готрек. Сильванеты связаны между собой песней. Что чувствует один, то чувствуют все.

Готрек расхохотался. — Хорошо. Он потряс своим огненным топором, направляя его на окруживших духов. — Неужели это лучшее, что может предложить мне этот великий лес? Яростный ветер может взъерошить бороду этого гнома, но холод его не волнует. Он зимовал в Стране троллей в Северном Кислеве и прошел через Перевал Черной Крови к замерзшим пустошам за его пределами. Он убивал йети в горах Норска и ощущал холод самой могилы. Так что дуйте изо всех ваших сил. Вам не заморозить кости этого гнома и не сделать его бороду белее. Только если у вас не найдется достаточно когтей, чтобы подкрепить свои стоны. Лед

разлетится вдребезги, холодное дерево будет гореть, и даже кислевитский ветер дрогнет, не успев нанести шрам на лицо этого гнома!

Еще один жуткий звук рога заставил деревья перед ними затрепетать. Словно в ответ на неуместный вызов Истребителя они склонились в сторону, чтобы создать проход другой дриаде. Внешне она походила на остальных, усеивающих тропу, за исключением такой незначительной детали, что была втрое больше. Кора у нее была темнее и толще, а из головы, плеч и различных случайных стыков на теле торчали твердые наросты, похожие на рога. Завитки на коре образовывали символы, пульсирующие живым зеленым цветом под воздействием нефритовых энергий Жизни. Деревянный меч в ее руке выглядел вдвое тяжелее топора Готрека. Она отняла ото рта рог из слоновой кости, выходя из леса.

— Кто принёс огонь в исконные поляны Куэт'нхаира? Какие охотники столь глупы, что перешли дорогу Охотнице Курнота?

Готрек поднял голову и присвистнул. Дурак никогда не был счастливее, чем при виде нового ужасающего чудовища, желающего ему зла. — Ты никогда не говорила, что дриады нынче настолько большие, эльфиечка. Эта - моя.

— Непременно, Готрек. Не обращай на меня внимания.

— Умница, девчуга.

Древесное тело Охотницы, казалось, вибрировало, и окружающий лес застонал в резонансе, когда стал центром боевой песни сильванет.

— *Их сердцевина теплая.*

— *Это напоминает весну.*

— *Но Всекоролева поет о зиме и войне.*

— *Убейте их, сестры. Убейте их обоих. Пусть мороз остынет их сок.*"

— Я - Друантэль, Охотница Свободных Духов, и я пожертвую твою тушу Отцу Душ. Пусть это подношение порадует его и пробудит Живую Королеву, чтобы она сняла зиму с Куэт'нхаира.

Готрек зарычал, когда пламя его топора встретилось с мечом сильванет. Маленет старалась не упускать их поединок из виду, но вскоре ее собственная потребность уклоняться от полчищ укрепленных холодом дриад взяла верх. *Ради кровавых котлов Мафкойра*, подумала она. Даже если Друантэль и сможет убить Готрека вместо нее, добром это не кончится. Она легко могла обогнать полузамерзших дриад, полузамерзших, но курнота-охотницу, аватару Дикой Охоты? Нет. Она не

могла рисковать, оставляя Мастер-Руну в когтях такой твари, и ожидать увидеть ее снова.

Прокочив между парой наступающих дриад и парировав ножами когти третьей, она повернулась и крикнула.

— Используй руну, Готрек!

— Мне не нужен твой совет, эльфиечка, и *его* помочь мне не нужна.

Готрек в ярости оттеснил Друантаэль к деревьям. Жаровня в его огромном топоре пылала все жарче, и грудь Охотницы начала темнеть, когда пламя вырвалось за пределы её меча. Мастер-Руна пылала в его груди, словно пробужденная огнем, отбрасывая тени на сильванет, которые впивались когтями в сверкающую древесину деревьев. Маленет услышала голос в своем сознании. Словно шипение раскаленной лавы, пожирающей твердую породу, звон раскаленной стали, сверкающей под кузнецким молотом.

Дум. Гит а крутхаз, фрурндар. Дум. Гримнир, ор Гримнир, ор аф дум.

Она с ужасом поняла, что голос исходит от руны.

Раньше она никогда не говорила.

— Нет! Готрек зарычал, и часть золотого свечения Мастер-Руны поблекла. — Ты получишь столько плоти этого гнома, сколько я тебе позволю.

Друантаэль, отступила назад в свою корчащуюся тень. Ее грудь покернела, а меч тлел.

— Что ты за неестественный союз плоти и огня?

Готрек продолжал атаковать, но Маленет видела, что он сдерживается. Он стиснул зубы: Истребитель прилагал столько же усилий, чтобы сдерживать Мастер-Руну, сколько для уничтожения курнотскоц охотницы.

— Убей ее, Готрек. Используй руну!

— Охота не закончится, — прорычала Друантаэль. — Пока добыча не будет разделана, выпотрошена и выставлена на стол Курнота. Покинь этот лес, дуардин, или будешь раздавлен гончими и копытами Дикой Охоты. Мне все равно, кто ты. Всекоролева поет песнь зимы, и твой огонь не будет допущен к полянам Куэт'нхайра.

Затрубив в свой охотничий рог, Друантаэль сорвалась с места. Дриады, которые еще не были мертвы или горели, повернулись и побежали, растворяясь в лесу, как снег на мокрой земле. Ветер играл свою песнь среди деревьев и холмов, словно насмехаясь, и если бы не сбившееся

дыхание Маленет и кучи обгоревшей древесины вокруг Готрека, то она могла бы убедить себя, что ей привиделась вся эта битва. Быстро спрятав ножи, она поспешила к Готреку.

— Не надо ничего говорить, эльфиечка. Я не собираюсь их догонять. Думаешь, я сошел с ума?

— Ты точно хочешь знать ответ?

— В любом случае, у меня болят ноги от подъема.

— Я как раз хотел спросить, есть ли у тебя хоть малейшее представление, о чем говорила *курноти*?

Позади них кто-то прочистил горло.

Маленет вздрогнула, когда из леса с поднятыми руками вышел суровый белобородый дуардин в кольчуге и красном плаще. Она не понимала, как этому ходячему бронированному болвану удалось подкрасться так близко и избежать Дикой охоты. Дуардин одарил их обоих широкой белозубой улыбкой, когда она не кинулась убивать его сразу.

— Она сказала, что лучше бы вам поскорее приступить, — сказал он.

Маленет бросилась на нежданного гостя, в последний момент подпрыгнув и ударив его в грудь ногой. Старый дуардин потерял равновесие и с треском упал. Маленет удержалась на нем до самой земли и уселась на его груди, приставив нож к волосатой шее.

— Хей, элги. Осторожнее с бородой.

— Я вообще-то добиралась до твоей глотки. Если будешь кусать свою бороду, это будет лишь дополнительным оскорблением.

— Сейчас в этом нет нужды...

Маленет вдавила нож в бороду дуардина, срезав чуть-чуть волос. — Назови мне хоть одну причину, по которой я не должна скормить кровь твоей жизни Кхайну.

Дуардин покосил глаза на Готрека, который равнодушно хмурился через ее плечо.

— Это ты каким-то образом устроил, чтобы сильванеты заманили нас в ловушку? — продолжала Маленет. — Или ты просто знал, что так будет, понимая, что носит Готрек? Кто ты — переодетый Огнеубийца, пришедший забрать Мастер-Руну себе? Или еще один слуга Серого Владыки, посланный обмануть нас?

— Погоди-ка...'

Маленет предостерегающе подняла бровь.

Дуардин замолчал.

— Хватит, эльфиечка, — сказал Готрек. — Оставь его в покое. — Ты думаешь, что каждый сопляк и его собратья охотятся за этой проклятой руной.

— А я-то думала, что мы пришли к согласию: после твоего опыта с Утаном Курганоходцем, и ты позволишь мне решать, кому можно доверять, а кому — нет.

— И я велел тебе никогда больше не произносить это имя в моем присутствии.

— Если ты уберешь нож, то я все объясню, — сказал белобородый дуардин.

— Ты следил за нами? — требовательно спросила Маленет.

— Следил за вами? Вот ещё. Мне не нужно было за вами следить. Я знал, куда вы идете, не так ли?

Маленет моргнула. — Что?

— Всё так, эльфиечка, — сказал Готрек. — Теперь слезай с него. Нам нужно найти дерево, а так обращаться со старшими нельзя.

— Клянусь, — зашипела Маленет, — если кто-нибудь не объяснит мне, что здесь происходит, я начну резать глотки и посмотрю, что будет дальше.

— Это Витромм, девчуля. Или *Vir Tromm*, как говорили на старом Хазалиде, в отличие от нынешнего ублюдочного варианта. Белая борода.

— Это должно что-то значить для меня?

— Это тот длиннобородый, о котором я тебе рассказывал. Тот, которого я встретил в темнице в Хаммерхоле-Гира.

Маленет в недоумении уставилась на своего спутника. Как правило, он не рассказывал ей ничего подобного. — И ты просто *пригласил* своего собутыльника в наш поход за оружием богов?

— Когда я рассказал тебе о Древнем Хрут'гаэле и священной роще Куэт'нхаир, я искренне полагал, что мы отправимся вместе, — ответил Витромм. — Я был очень расстроен, когда меня выпустили из темницы Вольной Роты, а вы уже отправились без меня.

— Ты всегда такая подозрительная, эльфиечка. Это твоя проблема.

— Не я предпочла прозябать в подземелье Огнеубийц, не веря, что мир реален.

— А почему я должен был верить в такую реальность, эльфийка? Все это просто смешно.

Маленет посмотрела на Витромма. Старый дуардин улыбнулся ей. Его зубы были слегка желтыми от эля. От дыхания пахло табаком. Несмотря на то, что он был прижат к земле Сумеречным клинком Кхайна - положение, к которому мало кто из живых мог бы спокойно относиться, - он казался скорее веселящимся, чем волнующимся. Одного этого было достаточно, чтобы Маленет не доверяла ему.

— Зачем ты отправился за нами в Незеленый лес?

— Ради приключений, девочка. Ради последней главы в саге о Витромме. И, возможно, за кучкой золота.

— Золото? - спросил Готрек, внезапно снова заинтересовавшись.

— Ну... - Витромм пожал плечами. — Золото всегда найдется, знаешь ли. Где-то по пути. Ты идешь за своими топорами, она за... - он перевел взгляд на Маленет и заколебался. — Что бы она ни искала, будет жаль, если все это пропадет.

— Ты клянешься в этом бородой своего отца?

Дуардин помрачнел. — Клянусь.

— Отпусти его, эльфиечка.

— Ты не можешь...

Взял ее за кожаный воротник, Готрек снял ее с другого дуардина, словно она была ребенком, играющим в кровавой луже.

— Он поклялся на бороде своего отца, эльфиечка. Пусть этим дело и закончится.

Витромм сел и похлопал себя по плечам. — Я не желаю брать у него эту руну, элги, и готов поклясться, что...

— Если ты еще раз подумаешь о Мастер-Руне, я вырежу тебе глаз. И это будет твоим последним предупреждением, прежде чем я заберу твоё сердце. Мы поняли друг друга?

К ее удивлению и раздражению, дуардин лишь улыбнулся. Прежде чем она успела вспомнить дураку, что не шутит, Готрек разразился хохотом.

— Темные эльфы - известные мастера пыточных дел. Эта предпочитает использовать в качестве орудия свой колкий язык. Лучше всего не обращать на неё внимания.

Маленет издала резкий выдох раздражения. Одно дело, когда Готреку невозможно угрожать. Совсем другое - разрушать ее способность наводить ужас на всех, с кем пересекались их пути. Она с недоверием

смотрела, как Витромм распаковывает трубку и набивает ее сухими листьями из пожелтевшего рулона.

Затем он поджег ее.

— Здесь прохладно, - объяснил он, выпустив струйку дыма из трубы.

— В этих лесах еще есть сильванеты, знаешь ли, - вздохнула Маленет.

— Не волнуйся, девочка. Я здесь, чтобы помочь.

— Как?'

— Так получилось, что я знаю Хрут'гаэля с давних пор.

— Ты знаешь Древнего Владыку деревьев?

— Ага. Разве я не говорил?

Маленет недоверчиво посмотрела на него. — Нет.

Витромм пожал плечами, как будто это было неважно. — Я помогал ему однажды, когда все это место было болотом. Владения какого-то чумного чемпиона, простиравшиеся от Сероводного Бастиона до пресноводных морей Квогмии. Алгур, кажется, так его звали. Элгин. Алгон. Значимый в те времена. Он задумчиво затянулся. Правда, это была такая мелочь, но древние Владыки деревьев, в отличие от нас, дуардинов, помнят свои долги.

— Приятно знать, что в этом мире хоть кто-то еще помнит о долгах, - сказал Готрек.

— Но я все равно не доверяю тебе.

Дуардин улыбнулся в трубку, как всегда, со знанием дела. — Боюсь, это связано с кровью темных, девочка. Как бы то ни было, -он повернулся к Готреку. — У Хрут'гаэля была своеобразная застава в здешних лесах, но вы заплутали. Должно быть, все дело в снеге.

— Если только Сильванеты не хотят сбить нас с пути, - сказала Маленет. — Я слышала истории, как они напевали новые тропы в лесу, чтобы заманить незваных гостей в ловушки и засады.

— После Войны Жизни народ Незеленого леса пришел к соглашению с хаммерхольцами. Не знаю, что за безумие постигло эти леса в последнее время, но Хрут'гаэль — разумное существо. По крайней мере, он нас выслушает. Особенно, если с ним говорить буду я.

— Удобно, - сказала Маленет. Пальцы одной руки постукивали по рукояти кинжала. Другая рука держала талисман крови на ее груди.

— Далеко ли до этой заставы? - спросил Готрек, как всегда доверчивый, когда речь заходила о монстрах, сокровищах и тех, кого он встречал в пьяном виде.

Витромм прикусил трубку и огляделся. Выбрав место, по-видимому, наугад, он махнул рукой в его сторону. — Вон там.

— Ты можешь быть ещё более туманным?'

— Я же тебе говорил, элги. Когда я был здесь в последний раз, здесь было сплошное болото.

Где-то вдалеке в лесу прозвучал охотничий рог. Деревья вокруг них зашептались, и Маленет не хотелось думать, о чем они говорят. Она скрежетала зубами. С каждым мгновением она все меньше и меньше думала о Незеленом лесе, но, похоже, у нее не было другого выбора, кроме как отправиться вглубь.

— Тогда лучше идти дальше, - сказал Готрек, ответив за них обоих.

Как всегда.

ГЛАВА 24

Маленет в сотый раз разразилась проклятьями, когда ветка дерева в сотый раз оцарапала ее замерзшую белую кожу. Она пробиралась между деревьями так осторожно, как только могла, подбадривая себя, что идущим впереди носорогам приходится еще хуже, но ни то, ни другое не помогало. Чем дальше они уходили, тем сильнее колыхался холодный лес. Деревья шелестели и пели - хрупкая мелодия затронула что-то в ее эльфийской душе. Хотелось бежать прочь, подальше от этого места, зарыться с головой и прятаться, пока деревья не перестанут петь.

— Кажется, здесь даже холоднее, чем на тропе.

— Эта зима - дело рук Всекоролевы, - сказал Витромм. Маленет бросила на Готрека взгляд, значащий «а я же говорила», который не был понят Истребителем. — Боюсь, что, приближаясь к поляне Куэт'нхайр, мы нечаянно приближаемся к её сердцу.

— Зачем погружать одно из своих владений в зиму? - спросила Маленет.

— Кто знает, почему боги что-то делают? Ты собираешься спросить их, девочка? Я не буду.

— Наверное, поэтому они считают, что им все сойдет с рук, - в типично гномьей манере проворчал Готрек.

Через лесистые холмы доносились звуки охотничьих рогов. Теперь их было несколько, причем со всех сторон, как впереди, так и сзади. Маленет было привычнее самой пускаться в погоню за испуганной добычей, но она знала, и что значит быть жертвой охоты. Дриады перекрывали им пути к отступлению, загоняя все дальше в холмы, к полянам. Пройдет совсем немного времени, и они снова нападут, на этот раз в подавляющем большинстве.

— Сможем ли мы уклониться от них? - хватая ртом воздух, спросила она. — Охотница, Друантэль, предложила Готреку уйти. Если мы направимся вниз по склону, то, возможно, она подумает, что мы уходим обратно в Хаммерхол-Гира.

— Я скорее подожгу собственную бороду, чем позволю какой-то древесной гарпии подумать о подобном.

— Кому какое дело, что она думает, Готрек, если мы живы?

— Сейчас уже слишком поздно, - сказал Витромм. — Ты слышала ее. Охота объявлена, и она не закончится, пока мы не умрем.

— Все еще рад, что пришел? — спросила Маленет.

— Лучше умереть в лесу в полуприличной компании, чем в какой-нибудь хаммерхольской канаве.

— Мне нравилась канава, — пробурчал Готрек.

— Хм, — подозрительно начала Маленет.

— Можешь немного ускоришься, девчулка?

Маленет разразилась задыхающимся смехом. — Не думаю, что смогу долго продолжать в таком темпе.

— Никакой выносливости, типичные эльфы, — сказал Готрек. — Готов поспорить, вы даже не сможете забежать на небольшой холм, не остановившись перевести дух.

Неподалеку раздался звук рога. В занесенных снегом ветвях что-то шевельнулось — тень, слишком незаметная даже для острых глаз Маленет. Деревья задрожали, но не от холода, а от предвкушения. Маленет застонала от досады и побежала быстрее. Она не хотела умирать на склоне холма в Гиране, потому что Готрек Гурниссон был упрям, как иметрийский длиннорог с опущенной головой.

— Не спеши сбрасывать со счетов эльфов, — проворчал Витромм на бегу, все еще крепко сжимая трубку между зубами. Они еще могут удивить тебя.

— Ты проводил с ними время, да?

— Когда-то я считал принца темных эльфов одним из своих самых дорогих друзей. Его голос стал печальным. — Давным-давно.

— Не так уж и давно. В мое время ни один гном, стоящий своей бороды, не потерпел бы подобного.

И снова эта раздражающе-знающая улыбка. — Нет? Полагаю, нет.

Маленет захотелось закричать. Она едва могла дышать и была полузамерзшей, а два дуардина болтали, как пара рабочих за обедом. — Сколько еще до поляны?

— Я точно не знаю, — ответил Витромм.

— Витромм!

— Еще немного, девочка.

С деревьев засвистели стрелы. Маленет инстинктивно дернулась, и древко вонзилось в замерзший ствол. Это была однокая кривая ветвь с молодыми зелеными листочками, торчащими через неравные промежутки, словно какое-то дерево взрастило ее, прежде чем безропотно отдать сильванетам с этой целью. Она не должна была летать

прямо, но каким-то образом, по воле деревьев, она летала. Маленет помчалась дальше, и десятки стрел с гулом летели след за ней, вонзаясь в стволы деревьев. Она пронеслась мимо Готрека, который обернулся и зарычал, подняв топор.

— Тогда больше не бежим.

— Не сейчас, Готрек! Даже ты не сможешь убить целый лес.

— Посмотри на меня!

— Мы найдем убежище в высокой роще Хрут'гаэль, — сказал Витромм. — Нужно только пройти ещё немного дальше.

Готрек нахмурился и опустил топор, а затем повернулся, чтобы отправиться за Маленет. — Если мы собираемся бежать, то давайте, черт возьми, бежать. Пока я не передумал!

Маленет беспомощно смотрела, как огромная татуированная глыба настигает ее, из его плеча торчит огромная стрела, которую он, похоже, не почувствовал. Она открыла рот, чтобы произнести что-нибудь язвительное, но тут же вскрикнула от ужаса, когда Витромм поднял ее за талию и перекинул через плечо.

— Что ты себе позволяешь, жирный боров? Опусти меня на землю!

— Тише, девочка. Небольшое оскорбление — справедливый обмен на твою жизнь, не так ли?

— Я сама справл...

Ее протесты были резко оборванные, когда дуардин пустился бежать. Маленет нахмурилась, когда ее прижали к спине, словно мешок с добычей из подземелья, которое пришлось спешно покидать. Она подняла голову и едва не пожалела, что сделала это. Лес позади них пропитался гневом духов.

— Они настигают нас!

— Конечно, они нас *настигают*. Лесной народ не обгонишь в их же лесу.

— Как бы мне ни хотелось повторять за Готреком, но почему мы бежим?

— Они могут настигать нас сколько угодно, если не *поймают*.

— Ты всегда можешь попробовать выплюнуть эту проклятую трубку.

Витромм ухмыльнулся, оглядев оскорбленный предмет, но продолжил выдувать дым, как бы оправдываясь.

— Думаешь, они охотятся только за Готреком?

— Хочешь бросить его?

— Удивлен?

— Только тем, что ты не предолжила этого раньше.

Маленет оскалила зубы. Она с радостью отдала бы обоих дуардинов хоть самому Курноту, если бы артефакт, которого требовали её повелители, не был вживлен в плоть Истребителя.

— Просто заткнись и беги.

— Осторожно, деревья! - крикнул Готрек в нескольких ярдах впереди.

Одно из деревьев, похоже, действительно двигалось, и Готрек повернулся к нему свой топор с нетерпеливым взглядом, мелькавшим в свете жаровни на его искалеченном лице. Однако Маленет почти сразу увидела, что шевелится не дерево и что Готрек совсем в другую сторону от гигантского Владыки деревьев, который только что отодвинул ствол, чтобы пройти мимо. Она глубоко вздохнула, собираясь выкрикнуть предупреждение, но в последний момент одумалась и ничего не предприняла, когда узловатый древесный дуз обрушил на Готрека кулак размером с повозку. Удар поднял Истребителя в воздух, но далеко он не улетел. Готрек врезался лицом в дерево, и Маленет не удержалась от ухмылки. Неважно, собирались ли сильванеты убить их всех или только Готрека, но то, что Готрек умрет *первым*, нисколько не повредит ее шансам вернуться домой в Азир.

— Ух, - пробормотал Готрек. — И это все, что ты можешь?

— Держи его, Серебряная Береза, - напевно сказал Владыка деревьев глубоким, низким голосом, продвигаясь вперед. — Подержи для меня.

Ветви дерева, на которое упал Готрек, зашевелились от песни Владыки. Они обвивались вокруг лодыжек и запястий Истребителя, пока он не оказался полностью прижатым к стволу. Готрек боролся, но добился лишь того, что кровь потекла по его рукам и брызнула из-под ног.

— Убери от меня свои ветки, проклятое дерево!

— Эта поляна находится под защитой Лучезарной Королевы, - сказал Владыка деревьев. — В моей дреме Хозяйка Охоты взыывает ко мне — и тебе здесь не рады.

— Это Хрут'гаэль? - спросила Маленет.

— Нет, девочка. Полагаю, что один из младших Владык деревьев. И он не один.

Маленет посмотрела в ту же сторону, что и Витромм: через лес к ним шагала знакомая гигантская дриада. В ее руках был меч, либо совсем новый, либо чудесным образом избавившийся от ожогов. Армия

скрипящих дриад, покрытых инеем, неловко вилась у неё за спиной.

— Все дети леса внимают песне Всекоролевы. Все, кроме самых безумных отступников, откликаются на зов Дикой Охоты.

— Достаточно, Витромм. Маленет яростно похлопал дуардина по спине.

— Мы окружены. Спусти меня.

Витромм усадил ее на землю. Она достала свои ножи.

— У тебя есть план?

— Отруби голову Курноти. Сделай из нее подношение Кхайну.

— Слышала и похуже.

Витромм отцепил свой топор. Маленет на мгновение залюбовалась им.

— Прекрасное оружие для старого дуардина.

— Он достался мне от очень далекого предка.

— Что ж, постараитесь не отставать.

С боевым кличем, обращенным к Кроваворукому богу, Маленет вскочила на ноги и бросилась в бой, развернувшись вокруг Готрека. Дриада бросилась на нее. Маленет упала на землю и перекатилась под вытянутой рукой. Вторая дриада бросилась следом. Маленет с разбегу ударила её ногой, отбросив к следующей, ошеломив их всех на долю секунды, которая понадобилась аэльфийке, чтобы проскочить мимо.

— Не будет тебе победы, дочь тени, — сказала Друантаэль. — Твой бог был убит и сломлен, а моя богиня живет и дышит, направляет мою охоту своей песней. В расцвете ее гнева собралась вся боевая мощь рощи, и никакая река крови не замедлит ее шествия. Ты будешь раздавлена, твоя сердцевина — разорвана на части, твой сок прольется, чтобы напитать почву Куэт'нхаира.

— Кхайн не умер, Охотница. Он жив и будет жить снова. Каждая жизнь, которую я забираю ради него, питает железное сердце. Незнание не освободит от наказания, которого требует Морати за подобные мысли.

Маленет проскочила сквозь заслон дриад в вихре ножей. Дюжина убийственных ударов за несколько секунд обрушилась на твердые деревянные доспехи курноти. Друантаэль задрожала в песне и обрушила на Маленет свой меч. Аэльфийка прыгнула через замах и глубоко вонзила свой клинок в рот курноти, проклиная при этом собственную руку. Оставив нож в твердом нёбе, она выхватила другой и перевернулась на спину, сделала сальто и приземлилась на расставленные ноги прежде, чем Охотница успела сбросить ее с себя.

Друантаэль выдернула нож изо рта и отбросила его в сторону, словно испытывая отвращение от прикосновения металла.

Маленет задалась вопросом, на что она вообще надеялась. Готрек не смог нанести ни одного ощутимого удара по охотнице Курнота, а ведь она была далеко не так сильна, как он. Она сражалась с ним уже дважды, и оба раза была близка к тому, чтобы убить его, но это было до того, как он вобрал в себя силу Мастер-Руны. Именно поэтому она была вынуждена подстrekать пьяного хвастуна к самоубийству.

— Маленет! — выкрикнул Витромм, продолжая прорубать себе путь сквозь дриад за ее спиной. — Позади тебя — Истребитель!

Готрек продолжал бороться со сковывающими его ветвями, пока приближающийся Владыка деревьев сотрясал землю своими шагами. Маленет увидела, что встревожило Витромма. Мастер-Руна в груди Готрека горела.

Дум. Гит а крутхаз, Фурндар. Дум. Гримнir, ор Гримнir, ор аф дум.

Дриады в панике заметались, когда голос руны наложился на их боевую песнь. Некоторые не выдержали и с криками побежали в лес. Только величайшие духи — Друантаэль и Владыка деревьев, сумевший поймать Готрека, — остались непоколебимы. Но даже их, казалось, тревожил металлический голос, вопивший в их головах о своей ярости.

— Я сказал, — прорычал Готрек и сделал глубокий вдох, звук которого напоминал звук заливаемого в форму жидкого золота, пока его голос не стал таким же глубоким, горячим и яростным, как и сила, говорившая через него. — **ОТПУСТИТЕ МЕНЯ!**

Руна вспыхнула, но Готрек не подал виду, что ему больно. Истребитель взревел, как дракон, огонь перекинулся с его груди на плечо, а оттуда расползся по рукам, вверх по шее, пока всего Готрека не охватило пламя.

— ПРИДИ КО МНЕ, ОХОТНИЦА, МСТИТЕЛЬНИЦА, ДЕМОН МОРОЗНОГО ЛЕСА! ДАЛЕКО НА СЕВЕР Я ШЕЛ, ЧТОБЫ ВСТРЕТИТЬ СВОЮ ГИБЕЛЬ, В САМ ХАОС. И ЗА ЕГО ПРЕДЕЛЫ! АЗДРЕУГИДУМ! БЕССТРАШНЫЙ, ТАК МЕНЯ НАЗЫВАЛИ. ЗАЩИТНИК ДРЕВНИХ ГНОМОВ!

Дерево, сдерживавшее его, вспыхнуло, как щепка. Владыка деревьев отшатнулся с внезапно высоким и пронзительным криком, и от боли, которую Маленет почувствовала сердцем, боевая песнь стихла.

Друантаэль огляделась по сторонам с таким выражением лица, которое Маленет могла принять только за ужас.

— Он отогревает лес! Заглушите его песнь, сёстры мои. Заглушите скорее, пока не стало слишком поздно!

Вместо шелеста военной песни Маленет начала улавливать крики птиц, журчание насекомых и медленную капель — кап-кап-кап — стекающую по голым ветвям. Нос и рот её наполнился из ниоткуда взявшейся дурной вонью, словно её с головой окунули в отхожее место. Она задыхалась. Напоминало её первые годы аколитом Хайлеброн, когда она чистила камеры пыточных мастеров, только в сто раз хуже.

Она прикрыла рот рукой, стараясь физически отстраниться от запаха, когда из оттаявшей горки со звуком, напоминающим лопнувшую кучу свежего навоза, появился болезненного вида воин.

Он выглядел так, словно ему осталось несколько часов до превращения в труп, однако в нем пылала такая жизненная сила, что даже смерть не смогла бы к нему приблизиться. Кожа его была бледной, зеленоватого оттенка, и была покрыта потом лихорадки. Волосы на голове торчали прядями из-под треуголки, украшенной заткнутым поникшим пером. Один глаз был молочно-белым, другой — сильно выпученным.

— А-а-ах, — мужчина сделал глубокий хриплый вдох и ударил себя по груди, выгнав из-под заплесневелой парчовой одежды рой жирных, переливающихся мух. — Чувствуешь этот аромат, Джеро? Это запах щедрого Гирана в период полного расцвета.

Крошечный нурглинг в шлеме-горшке издал влажный пердёж, соглашаясь.

— Действительно, Джеро, действительно. Как же хорошо вновь оказаться дома, в окружении метеоризма и растущей вони.

— Алгур Трехпалый, — сказал Витромм, стараясь говорить, прикрывая рот бородой. — Он всё ещё живой.

— Похоже, о нас вспомнили, Джаро. Вытяни свои прогорклые пальцы и сыграй мне музыку, чтобы поддержать моё хорошее настроение.

Нурглинг взял в руки крошечную скрипку и заиграл веселую мелодию. Едва услышав звуки, у Маленет закружилась голова, в горле стал ком, уши заложило, а лоб стал горячим.

— И вам, сэр дуардин, я кланяюсь, — воин снял треуголку и поклонился.

— Сэр Алгур Трехпалый, Рыцарь Проказы Ордена Отчаяния к вашим зловонным услугам. Эта жестокая зима сдерживала распространение моей пагубы, но теперь я снова свободен. Труды Дедушки здесь будут

завершены, и я приветствую тебя в этом. Сэр Алгур нахлобучил свою шляпу обратно на голову и быстро захлопал в ладоши, а нурглинг послушно добавил темп своей игре.

Маленет застонала. Её глаза болели так, что она едва могла видеть и передвигаться, а затем из окружающего леса хлынули сутулые демоны болезней и разложения.

— *Бегите!* — в отчаянии пел лес вокруг. — *Отступайте к полянам!*

— Мор и поветрие, вы, носители чумы, вы, одноглазые трутни Повелителя мух! — радостно орал сэр Алгур. — Всекоролева сбрасывает с себя мантию недотроги и приветствует вас в своём теплом лоне. Где же ты, Алариэлль? Хоть играть с тобой и трудно, но Дедушка всё равно желает продолжить! Маленет вспомнила, как Леди Ведьмин Клинок однажды рассказывала ей, как на протяжении долгих веков Войн за Врата Владений весь Гиран погрузился в зиму по воле Всекоролевы. Теперь она понимала, почему. И почему богиня наложила то же заклятье на Незеленый лес. Это был её последний заслон от вторжения Чумного бога Нургла. Неудивительно, что охотница Курнота была так решительно настроена выдворить Готрека и его пламя из своих земель. Настолько отчаянно, что вызвала Дикову Охоту. Возвышаясь над бегущими дриадами, Друантэль направилась к сэру Алгуре. Её тело словно рычало от жестокости той песни, что была слышна теперь только ей.

— За Курнота и Всекоролеву! Твоя голова будет моей, Гнилоносец!

— Кто такой этот Курнот, этот несносный кучеряш? Наверняка — неподобающий супруг столь плодовитой королевы. Но не бойтесь, моя великолепная леди, не бойтесь. Дедушка подарит ей клетку из самого тусклого серебра, чтобы она могла петь свои сладкие стенания, пока он варит грязь для наполнения этого Владения.

Болезненный воин достал нелепую тонкую шпагу. Она вся была ржаво-коричневой и Маленет не могла различить остриё.

— Полагаю, это будет дуэль между двумя достойными за руку сиятельной леди? Знай же, я не испытываю ни страха, ни боли, и, как рыцарь Проказы Ордена Отчаяния, я — мечник, которому нет равных во Владениях Смертных.

Взрыв, раздавшийся со стороны Готрека, сотряс весь холм. Пламя, охватившее его, заревело ещё сильнее, когда Готрек оторвался от горящего дерева и набросился на демонов Чумоносцев, а затем в

беспорядочной убийственной ярости продолжил рубить сильванет.

— МОЙ ТОПОР ЖАЖДЕТ!

— *Аз ор аз а гуз!* — эхом отдавался голос Руны в голове Маленет.

Маленет задалась вопросом, что могло обратить вспять зиму, призванную богиней, кроме пылающего гнева другого бога? Кхайн, помоги. Она начинает думать прямо как этот толстяк Броддур. Но это объяснило бы, поему все так стремились заполучить руну Унбаки.

Сэр Алгур разразился слизистым кашлем. — Прошу прощения, миледи, но я вижу, что вам не до гостей, — он быстро поклонился Друантаэль.

— Возможно, в другой раз. Он развернулся к своему отвратительному скрипачу и шикнул: — *Достаточно, Джаро.*

Нурглинг мгновенно отнял пальцы от провисших струн. Слабый визг прекратился, вызвав приступ головной боли. Сэр Алгур снял свою шляпу, и в тот же момент они вдвоем обратились в кучи личинок, одну большую и одну очень маленькую, которые ещё мгновение сохраняли антропоморфные черты, а затем опали и расползлись по лесной подстилке.

— Ради всех богов Целестианской горы, — с трудом дыша, выдохнула Маленет, одной рукой прикрывая нос и рот, а другой — крепко ухватившись за дерево, чтобы не упасть, пока у неё кружится голова.

— У него хорошая идея, элги, — сказал Витромм. — Нам действительно нужно поскорее убраться подальше отсюда.

— А как же Готрек и Руна?

Витромм потащил её в лес. — Не понимаешь, девочка. Мы бежим от Готрека!

ГЛАВА 25

Маленет пробиралась через лес, который, казалось, гнил на глазах. Между деревьями сражались чумоносцы и сильванеты. Где-то благословенно далеко позади неё продолжала сотрясаться земля от неистовства Готрека, который сокрушал обе стороны конфликта. *Ещё один день в компании Готрека Гурниссона*, с горечью подумала она.

— Не так быстро, элги, — сказал Витромм. — Лес обращается в трясину, а мой шаг не такой легкий, как твой. Земля захлюпала под его ногами, когда он развернулся, чтобы зарубить одноглазого чумоносца. Его лицо было таким же белым, как его борода. — Как думаешь, как такое возможно? Эти демоны пахнут лучше, будучи мертвыми.

Дриады кишмя кишили впереди. Маленет посмотрела направо и влево, но нигде не было более свободного пути. Она видела, как духи перемещаются от дерева к дереву.

— Чертова карга. Почему они всё ещё так хотят убить нас, когда демоны атакуют их лес?

— Зима была единственной защитой леса от гнили Нургла, — сказал Витромм.

— Пока Готрек не растопил тут всё.

Словно по команде, огненное извержение окрасило небо над спутанными ветвями в красный цвет. Мгновение спустя земля содрогнулась.

— УМРИ, ДЕМОН!

— *Узкит думрхун!*

Маленет метнула нож левой рукой, затем и правой. Оба достигли целей, но дриады, выскочившие на тропу, продолжали наступать. Она чертыихнулась и достала ещё два ножа. До появления Готрека ей никогда не грозило остаться без ножей.

— Сейчас здесь свирепствует порча, — продолжил Витромм на ходу.

— Боюсь, она сводит древолюдов с ума.

— Кхайн! — выкрикнула Маленет, перемахнув прыжком через застойную лужу, и пиная тело дриады. От удара та рухнула на землю. — Может, я и не могу пустить тебе кровь, но ты падешь, как и любой неуклюжий идиот, которого я когда-либо знала.

Дриада старалась ухватить Маленет, шаря по земле. Маленет надавила

ногой на голову существа, под её каблуком древесина треснула и та, наконец-то затихла. Маленет почти жалела, что её госпожа не видит этого: сражаться с детьми Алариэлль голыми руками! Леди Ведьмин Клинок всегда испытывала отвращение от её жажды настоящих испытаний. Маленет улыбнулась от этой мысли. Впрочем, у карги было такое множество желаний, которые в свою очередь уже Маленет считала отвратительными.

— Возьми сильванет на себя, Витромм. — Оставь чумоносцев мне.

— Как в старые добрые времена, элги.

Маленет не имела ни малейшего понятия, о чём он говорит.

— Хо-хо, — весело булькал чумоносец, пробираясь через трясину глубиной по пояс. — С каким бледным восторгом это счетовод открывает... *Arpprg!*

Маленет выдернула нож из единственного глаза демона, с удовлетворением наблюдая, как его исчезает в клубах дымящейся плоти. По крайне мере, на это было похоже.

С большой осторожностью Маленет вытерла клинок о бедро. Выкованный из целестиума и благословленный губами Карги Азира, он был смертоносен даже для тех, кого нельзя было убить обычным способом.

Она берегла его как раз для таких особых случаев.

— МОЙ ТОПОР ЖАЖДЕТ!

— *Аз ор аз а гуз!*

— Пойдём, элги, сказал Витромм, ступая к ней с бородой, полной грязи и щепок, и ухватив её за руку. — Мы должны двигаться дальше.

— Но Готрек...

— Судя по всему, он позаботится, чтобы всё было в порядке.

— Мне нужна не забота Готрека. Если я уйду без этой Руны, то распрошлюсь даже со слабой надеждой вновь увидеть Азир.

Ещё один огненный взрыв сотряс верхушки деревьев, но на этот раз он выглядел слабее, будто ярость руны уже стихла после дикого, сотрясающего землю неистовства.

— Чтоб тебя черти драли, — прорычал Готрек.

Голос был почти его собственный, Маленет выжидала, прислушиваясь, но металлического эха в её сознании больше не было. Какая бы сила не завладела Готреком, сейчас она ушла обратно в руну.

— Застава Күэт'нхайр находится там, — сказал Витромм, продолжая тащить

её за собой. — Алгур Трехпалый и его демоны направляются туда, в последний оплот зимы в этом лесу. Это я привёл сюда Готрека, понимаешь? Это всё на моей бороде.

Позади них зашуршала сухая листва и послышалось хлюпанье грязи. Маленет высвободила руку из хватки Витромма и выхватила нож для броска в ту сторону.

И тут же опустила его.

— Карга Азира! Готрек?

— Стоит отвернуться на пару минут, а вы уже уходите без меня?

— Что с тобой случилось? — спросила Маленет.

— Не хочу об этом говорить.

Маленет коснулась руки Готрека. Если он вот-вот умрет, то ей нужно быть готовой, чтобы вырезать руну из его груди и бежать. — Боги, Готрек, ты замерз.

— Глупости. В день, когда этот гном задрожит от холода, пока эльфийка будет расхаживать перед ним в скучных кожаных одеждах, он сбреет свою бороду и назовет себя...г...г..., — Готрек громко чихнул. — Гоблином, — закончил он. — Гнусное колдовство, я полагаю. Ледяная магия. Ага. Или ещё более мерзкая некромантия. Он сделал паузу, высморкался в ладонь и обескураженно посмотрел на деревья впереди. — Глаз не обманывает меня? Я вижу демонов Нургла, что сражаются с кучкой дриад.

— Да, так и есть.

— Так и знал. И на чьей стороне мы?

— Ни на чьей. Мы уходим отсюда. Если тебе суждено наконец-то найти гибель, то самое меньшее, что ты можешь для меня сделать — это умереть подальше от этой битвы. Если уж мои покровители не захотели, чтобы у ложи Унбак была их Мастер-Руна, то уверена, что они не захотят, чтобы этот Алгур трехпалый или Друантэль забрали её с твоего трупа.

— Нет, эльфиечка! Мы пришли в этот чертов лес за моими топорами. И я узнаю всё, что мне нужно у этого долгобородого старого дерева, даже если мне придется вырывать знания с его чертовыми ветвями.

— Сюда, — сказал Витромм.

— Готрек, ты едва стоишь, — сказала обеспокоенная Маленет.

— Давай-ка лучше я, девочка.

Витромм расстегнул свой красный плащ и набросил его на плечи Готрека. Почти сразу же Истребитель перестал выглядеть замерзшим, и цвет

вернулся к его лицу. Готрек, собиравшийся было протестовать, что не нуждается в мокрых сиделках или что-то в таком духе, потрясенно поглядел на Витромма.

— Это необычный плащ.

— Ещё один старый подарок. От одной леди, — Витромм пристально посмотрел на Готрека. — Так что я хочу получить его обратно.

Готрек пожал плечами и протянул плащ Витромму, скрывая легкую досаду за обычной хмуростью. — Сюда, говоришь?

— Ага.

— Лес вокруг нас гниет. Почему ты уверен, что путь верный?

— Я ведь уже говорил тебе? Когда я был здесь последний раз, вокруг ыли сплошные болота. Что же, теперь это место начинает казаться ужасно знакомым.

Готрек уже отправился дальше, хотя и выглядел лишь чуть лучше и дальше от смерти, чем минуту назад. Маленет вздохнула и отправилась следом. Она прошла всего несколько шагов, прежде чем поняла, что Витромм не идет за ними. Она обернулась. Старый дуардин стоял по колено в грязи и с трудом тащил одну из своих ног.

— Я застрял! — позвал её Витромм.

Все обстояло ещё хуже. Судя по тому, что между ног Витромма время от времени всплывали и лопались пузыри, дуардин безнадежно тонул. Маленет решала у себя в голове, стоит ли ему об этом говорить.

— Перестань ёрзать, — сказал Готрек.

— Тебе легко говорить, — огрызнулся Витромм.

— Но ты делаешь только хуже.

Истребитель хлюпал грязью вокруг, пока не оказался в ней почти также глубоко, как Витромм. Маленет запаниковала было, что Готрек собирается унести Мастер-Руну с собой на болотное дно, но потом, она упокоилась, увидев, с какой сосредоточенной яростью Готрек делает каждый шаг. Подойдя к застрявшему дуардину как можно ближе, Истребитель ухватился за свисавшую ветку, потянул за неё, проверяя на прочность, а затем протянул руку Витромму.

— Хватай меня за руку, долгобород.

Витромм взмахнул рукой и, с третьей попытки, сумел уцепиться кончиками своих пальцев за пальцы Готрека. Мышцы Истребителя вздулись по всей руке, грязь хлюпала и сочилась между их пальцами, пока один дуардин

пытался вытащить другого.

— Это все, на что ты способен, Готрек? — с иронией спросила Маленет.

— Хотел бы я посмотреть, как ты справишься лучше!

— Однажды ты бросил в меня Наковальней Моши.

— Это всё чертова Руна. Она забрала что-то во мне.

— Кажется, я тону, — запоздало сообразил Витромм. — Тяни сильнее!

— Я тяну изо всех сил.

Маленет проскочила на другую сторону трясины. — Дай мне другую руку, Витромм.

— Мне не нужна твоя помощь, эльфиечка.

— Гордость, Готрек? Серьезно? Сейчас?

— Я сам разберусь.

— Пусть она возьмет чертову руку! — сказал Витромм с нотками паники в голосе.

Раздался легкий скрип, и длинная деревянная конечность протянулась над Маленет, будто ветвь.

Глаза Витромма широко распахнулись, когда Друантаэль взяла его руку в свою. Готрек на мгновение замер, но даже не моргнул глазом. Маленет подумала, что за долгие века его, наверное, пыталось убить уже столько раз и столькими способами, что он уже не воспринимал такие попытки как нечто стоящее внимания.

А ведь она пыталась, и посмотрите на неё сейчас. Она *продолжала* пытаться.

Мысль была неприятной.

— На счет «три», древолюд, — пробурчал Готрек. — Один, — он крепче сжал руку Витромма.

Друантаэль моча скала пальцы.

— Два. ТРИ!

ГЛАВА 26

Маленет с интересом осматривалась. Она слышала истории о тропах духов, которые сильванеты использовали для покрытия огромных расстояний между своими лесами и для ухода от ассасинов, которых иногда посыпали для их убийства, но она никогда не могла подумать, что сама сможет пройти по такой тропе. Они открывались только сильванетам, и только сильванеты могли свободно перемещаться по ним. Тропа напоминала лесную, но Маленет ни за чтобы не спутала её с настоящей. Листья были самого яркого зеленого цвета, какой она только видела. Небо, когда оно проглядывало над пологом, было слишком ярким, чтобы смотреть на него. Древесный аромат и запахи полевых цветов были настолько сладкими, что опьяняли. Каждая веточка под ногами, каждый лист, задевающий одежду, каждое щебетание птиц были лишь нотой в великой песне Гирана.

— *Ум афхун ну элграм. Ванраг ум крутдаммаз?*

— Говори хотя бы на понятном всем языке, — сказал Готрек, раздраженно постучав по руне в своей груди. — Жалкое подобие Руны Мощи.

— *Анустролха а казак а крутдаммаз!*

— Заткнись!

— Сейчас вспоминаю и думаю, — размышляла Маленет вслух. — Кажется, я и раньше слышала шепот Руны. На короткое время, после того, как ты напивался до бессознательного состояния. Но я никогда не слышала, чтобы Руна разговаривала так громко.

— Боги, — проворчал Готрек. — Им нравится звук собственного голоса. Особенно мертвым.

— Особенно, на тропах духов, — сказал Витромм.

— Твоя песнь верна, Стародрев, — сказала Друантэль. Сильванетка шла впереди с отрядом охотников Курнота, вооруженных мечами и луками. Они двигались странным, но жутко грациозным шагом, а длина их ног позволяла легко преодолевать большие расстояния. — Песнь жизни богини ускоряет наше движение по тропам корней. Мощь, которую несет дуардин в своем металле, откликается на ее силу.

Готрек взглянул на свою грудь. Он постучал по золотой руне, словно пьячуга, пытающийся разбудить домашнего питомца. — Нравится такое, клятвопреступник? Ты болтаешь для эльфийской колдуньи?

— *Гримнир ор Казаказ. Ор Горлрик. Ор Аз-Дреугидум.*

— Я так не думаю.

— Ещё раз благодарю за помощь, хозяйка Охоты, — сказал Витромм.

— Лес услышал твоё сожаление, Стародрев. Мы не друзья, и время расплаты ещё наступит, но сейчас у нас есть общий враг.

— Тем не менее, я все равно тебе обязан. Не думаю, что мне понравилось бы быть ещё одним украшением в Саду Нургла.

— Мы уже пришли? — спросил скучающий Готрек, которому надоело испытывать своего бога.

— Почти, — ответила Друантэль. — Корни Владения позволяют путешествовать с большой скоростью.

— Хорошо. От всей этой зелени у меня уже кружится голова.

— Так похоже на Готрека, — съехидничала Маленет. — Только она хнычет как аколит, которого вытащили на утренние ритуалы.

— *Элги а элгар.*

— Можешь тоже заткнуться, — сказал Готрек, но Маленет почувствовала, что Истребитель обращается к Руне, а не к ней.

Маленет не сразу поняла, что тропы духов остались позади. Она шуршила сухими листьями, пока они постепенно не стали налипать на ноги, а сладкий запах не сменился тошнотворной вонью. Холод тоже вернулся и стал терзать её кожу.

— То самое место, — пробормотала она, дрожа на морозе.

Деревья здесь были огромными и царственно раскидистыми, словно короли леса, но при этом выглядели, словно хрупкие ледяные скульптуры в саду какого-нибудь азирикского дворянина. Должно быть, здесь и был центр колдовской зимы. Поляна Куэт'нхаира. Возможно, даже та самая обитель Древнего Хрут'гаэля и окончание нелепого похода Готрека в Незеленый лес.

Укрывшись за зарослями замороженной зеленой листвы, Маленет наблюдала, как орда кашляющих, сморкающихся, чихающих, и при всем этом уныло веселящихся чумоносцев рубят лёд, покрывающий деревья.

— Выходи, выходи же, моя фекальная королева! Сэр Алгур расхаживал вперед и назад мимо своих хрипящих прихвостней. — Я знаю, что ты

прячешь свою голубоглазую красоту под корой на этой замерзшей поляне. Такая скромная. Целомудренная. Твои женские прелести приводят меня в восторг, моя будущая богиня. Ломайте лед, мои веселые друзья! Шлюшка прячется в одном из этих деревьев, но я вытащу её наружу и взгляну в прекрасное лицо этой леди прежде, чем поднесу её Дедушке.

— За деда! – загоготали демоны.

— Да, за Дедушку!

— Похоже, всё их внимание приковано к спящим Владыкам деревьев, – прошептала Маленет. — Я не вижу дозорных, если будем вести себя тихо, то сможем...

— Хой! – с воплем Готрек прорвался через листву, словно паровой танк.

— Идите сюда, прогорклые уродцы, вы, блевотные, шелушащиеся корки грязи с текущими носами из немытых недр Газула! Продерите свои гнойные глаза. Никто не сможет сказать, что гнома Готрека Гурниссона трудно найти, когда время рубить деревья и работать топором. Ибо он прямо здесь! Так что идите и отведайте пламя Зангром-Тхаза, если желаете. Он расхохотался и поднес топор к своей щеке так, что огонь сверкнул в его единственном глазу. — А если нет, то я познакомлю его с вашими маленькими хрупкими шеями!

— Он слышит Боевую Песь Алариэлль, – с одобрением напела Друантаэль.

Маленет закатила глаза. Они все были безумцами.

Чумоносцы никак не отреагировали на вызов Истребителя. То ли его появление совершенно ошеломило их, то ли их гнилые мозги так медленно соображали. Готрек стоял, забавно разочарованный и всё более сердящийся, а потом Друантаэль протрубила в свой рог, и её сородичи Курноти изящно вышли за ним на поляну.

— Пробудись, Глат'хайр, – пропела Друантаэль, указывая длинными жесткими пальцами на замерзшее дерево. Ствол задрожал в ответ на её призыв, ледяные листья опали с ветвей и обрушились вниз ледяным дождем. — Пробудись, Курон'лаэр. Пробудись, Владыка Изумрудных Обителей и Щит Каштановой Тысячи! Алариэлль призывает вас на Дикову Охоту. Всекоролева повелевает вам пробудиться! Могучим взмахом меча она разрубила ближайшего чумоносца надвое. — Сбросьте достпехи зимы и сражайтесь. Пробудитесь!

— Что это? — озадаченно спросил сэр Алгур. — Злодеи в роще моей госпожи? Проклятье на их головы, говорю я им!

Чумной рыцарь выхватил свою ржавую сталь со звуком, похожим на лопающуюся буханку хлеба, и театрально направил на сильванет. Он производил впечатление *шута*, но то, что он успел натворить в Незеленом лесу всего за несколько часов, говорило Маленет об обратном.

— Джаро! Сыграй мне, разожги мой пыл!

Маленький менестрель скривил мордочку, изображая подобающую злость, и заиграл визгливую, лязгающую мелодию, когда его пижонистый повелитель бросился на охотников Курнота.

— Этот — мой, — сказал Витромм.

Маленет промолчала. Если дуардин ожидал, что она попытается его переубедить, то его ждало разочарование.

— Он — мой!

Готрек прыгнул через водопад ледяной воды, приземлился на другой стороне, мокрый, но всё ещё яростный, и замахнулся своим дымящимся огромным топором на рыцаря Нургла.

Скрипач достиг крещендо как раз когда топор Готрека встретился с хлипким на вид мечом сэра Алгурда, осыпав макушку шляпы чумного рыцаря кусками отколовшейся ржавчины.

— Так это Огнеубийца, — сказал Алгур, никак не выдавая чудовищного напряжения, которое, несомненно, было нужно для удержания топора Готрека одной рукой. — И даже хуже, чем раньше.

— Я не Огнеубийца!

— Ты выглядишь наполовину мертвым от холода. Уступи мне сейчас. Проклятая зима Всекоролевы не тронет тебя, когда Нургл сделает это место своим Садом.

Готрек сделал новый замах, но какая-то миазматическая аура отчаяния в сэре Алгуре лишила удар свирепости. Менестрель Алгурда, перебирая короткими ножками, в преувеличенно медленном темпе обошел сражающихся. Темп его суетливых поначалу шагов снизился до улиточного, и Готрек с трудом поднял топор для очередного замаха. Маленет с большим трудом заставила себя встать.

На поляне она приметила Витромма, Друантэль и охотников Курнота, которые всё ещё сражались, но двигались также вяло, как и чумоносцы,

которые хихикали над перспективой разделить свои страдания с новыми душами.

— Да, Искатель Рока. Сама дрожь говорит тебе, что ты замерз. Тепло приходит от принятия.

Рыцарь сделал стремительный выпад. Готрек вяло парировал.

— Другие Истребители подтрунивали надо мной, знаешь ли.

— Стыдься, — сказал Алгур и провел порезом по брови Готрека.

Истребитель едва ли заметил это.

— Хуже. Они жалели меня. Говорили, что я невезучий. Говорили, что я проклят. Готрек Гурниссон, Истребитель, который не смог найти свою погибель. Может быть, когда эта зима пройдет, я вернусь на тот холм за стенами Хаммерхола. Добуду камней. Возведу дом. Заведу коз. И вырублю чертовы деревья.

— Не противься, дуардин. Я вижу в тебе задатки Рыцаря Проказы, прекрасного новобранца в Орден Отчаяния.

— Готрек! — крикнула Маленет, но Истребитель не услышал её.

Не будет ничего хорошего в том, что Готрек умрет здесь, подумала она.

Маленет с трудом подняла нож, её рука затекла, суставы опухли и болели, а клинок был тяжелым, словно меч Курнота. Это всё менестрель и его адский инструмент. От боли и усилий по её лицу потекли слезы, когда она повернула голову в его сторону. Нурглинг сидел на носке сапога своего повелителя и от напряженной сосредоточенности у него текли слюни, когда он очень медленно извлекал ноту за нотой.

Мысли Маленет спутались и стали тяжелыми. Она вопрошала себя, зачем так стремилась обратно в Азирхайм? Вся кровь и интриги, и ради чего? Ради дома, полного врагов, и горстки друзей, которые только и ждут случая отринуть её, и все они зависят от настроения Готрека? Что изменилось бы, останься Мастер-Руна в Какак Унбак или попав в руки Невидящего Ока? Кого бы это волновало? Не проще ли просто присесть в этом приятном лесу и ждать конца? Или лучше — взять нож и перерезать им себе горло, пойти по легкому пути и принести Кроваворукому последнюю жертву...

Она смотрела на нож в своей руке, пытаясь поднести его к шее, и чуть не заплакала, когда поняла, что конечности слишком болят и нет сил, чтобы сделать это. Клиновидный был выкован из небесной стали и поцелован губами самой Карги Азира.

Он был сделан для кого-то особенного.

С криком она отдернула руку и метнула нож.

Маленет так и не поняла, в кого она целилась – то ли в Алгур, то ли в самого Готрека, но промахнулась мимо обоих. Кинок вонзился в крошечного нурглинга-менестреля, который взывал и с треском лопнувших струн упал на землю.

— Джаро! – завопил сэр Алгур.

Готрек моргнул и, казалось, вновь обрел осмысленный взгляд.

— Используешь грязное колдовство, чтобы заставить меня лечь и умереть, да? Вынудить бросить этот топор? Если бы я желал такого конца, то последовал бы советам эльфийки и упился бы в Хаммерхоле-Гира. Дай мне крови! Крови и потрохов, сломанных костей, кусков плоти на деревьях, и рабов Темных богов, что молят о пощаде и зовут своих матерей!

Истребитель вновь атаковал сэра Алгура, но в этот раз Рыцарь Проказы едва устоял на ногах.

— Способов сдаться столько же, сколько способов умертвить тело или зародить новую жизнь. Ни один другой бог не понимает отчаяния как Алариэлль, Огнеубийца. И ни один другой бог его так не боится. Никто не смог побывать на этом краю и не спрыгнуть вниз, кроме неё. Почему же ещё Дед желал эту женщину больше всех остальных?

— Повторяю в последний раз, я – не Огнеубийца!

Готрек скрестил свой топор с мечом сэра Алгура. Тупой наконечник со всего маху вошел в дерево и руки Чумного рыцаря затряслись в попытке удержать его от опрокидывания на спину. При всем при этом, он оставался неизменно веселым, словно хозяин, близящийся к концу долгой, достойной вечерней трапезы.

— Призови силу своего бога снова, Огнеубийца, – с улыбкой сказал он.

— Уничтожь меня. Я приветствую это, ибо смирение – высшая благодетель в глазах моего господина. Позволь мне сказать Деду, что меня отправил к нему равный.

— Гrimнир не делает одолжений, болезный, – сказал Готрек, взмахнув своим большим топором. — Не для тебя. Его плечи вздыбились, а лицо стало похожим на готовый к извержению вулкан. — И уж точно – не для меня.

Его топор разрубил поднятое лицо сэра Алгура до основания шеи,

развалив на две половинки, словно гнилой фрукт, и несколько личинок попали на бороду Готрека.

— И я не чертов Огнеубийца.

Когда тело Алгура рухнуло на землю поляны, среди чумоносцев пронесся жалобный стон, а Друантаэль и её родичи запели новую воинственную песнь, под которую дремавшие деревья затрепетали и покачнулись в такт. *И что дальше?* — подумала Маленет. Алгур и Джаро были мертвы, но она всё ещё чувствовала себя так, словно её подняли со смертного одра в день смерти. Она не думала, что сможет переживет что-то ещё.

— Моя королева, — пропела Друантаэль. — Она идет.

Лед вокруг самого большого дерева на поляне взорвался, а блестящие кусочки льда на глазах Маленет изменились и взлетели множеством жуков, стряхнувших с себя зимнюю спячку и радостно закружившихся по поляне. Там, где они встречались с охотниками Курнота, они вились вокруг, трещали, жужжали и пели на весь мир, словно мириады изумрудных крупинок. Там же, где они настигали чумоносца, то без всякой пощады в мгновение ока уничтожали, превращая в кучи плодородного ила, из которого вырывались ещё миллионы буйных жизней. В самом центре этого вихря стоял Готрек с топором напереве, и ни один жук даже не осмеливался задеть крылом его рыжий гребень.

Маленет с трепетом наблюдала, как часть роя отделилась и, пролетев над головой Готрека, приняла форму огромную женщины.

— Кхайн, пощади моё бьющееся сердце. Она так прекрасна. Никогда бы не подумала, что будучи слугой Кроваворукого, предстану перед богиней.

— Ага, — пробормотал Витромм. — Встань на своё чертово колено, Готрек!

— Пфф.

Лучезарная королева парила над ними на миллионе крыльев, наполненных жизнью, и её облик пульсировал и переливался в такт движениям существ, из которых состояла её форма. Её голос, когда он зазвучал, был именно таким, каким Маленет и представляла. Прекрасный и ужасающий. Древний и молодой. Возникающий из каждого листа, каждого существа и каждого дуновения ветра на этой поляне, в этом лесу, в этом Владении.

— Ты не склонишься перед богиней?

— Я думал над этим, — ответил Готрек после минутного раздумья. — Но если я склонюсь перед тобой, то кто ещё будет ожидать того же? Теклис?

Истребитель плонул на землю. Маленет пришла в ужас, но, к её изумлению, аватар богини улыбнулся.

— Ему бы это чертовски понравилось, да? Для них ты богиня, и это правильно и достойно уважения. Но для меня? — он печально покачал головой. — Если честно, я пока не знаю, что нам двоим делать.

— Этот лес — часть меня, — сказала Алариэлль, и в её голосе послышались звуки корней и лиан, пробивающихся сквозь камень. — Эти горы — часть меня. Нас разделяют миры, Готrek Гурниссон. Я могу закончить твою жизнь строфой в моей песне.

— Возможно, — согласился Готrek.

Витромнерьно прочистил горло. — Мы пришли в поисках Древнего Хрут'гаэль, миледи.

— Но некоторые из нас будут счастливы направить топор на богиню, представься им такая возможность.

— Не сейчас, Готrek, — зашипела Маленет. Он был беспардонным. Абсолютно.

— Я знаю о твоих поисках, Истребитель, — сказала Всекоролева. — Знаю, что ты ищешь и к чему стремишься, и знаю, что это не одно и то же. Хрут'гаэль ушел, и вот почему его поляна пала, и почему я была вынуждена посадить своё семя в его земле, и укрыть на зиму до его возвращения. Он отправился с тем же поручением, которое привело к возвращению Алгура Трехпалого. Серебряная башня Ксер'гер'аэля, Тирана Глаз, появилась во владении моего дитя в то самое время, когда Серый Владыка начал осаду города Сигмара в Акши.

Алариэлль и её жужжение приблизились.

Никогда ещё Маленет не испытывала такого ужаса, но она не могла отвести взгляд. Не могла даже моргнуть. Она была так очарована Всекоролевой, как и песней отчаяния чумного менестреля, но это было куда более приятное зрелище.

— Друантаэль.

Охотница Курнота стояла, преклонив колено. Она опустила голову.

— Твоя сердцевина и твоя песня, моя королева.

— Ты проведешь Истребителя к Серебряной Башне. Там ты отыщешь древнего Хрут'гаэля, чтобы вернуть его, если он жив и нуждается в помощи, или заберешь его ламентири и отомстишь за него, если моё дитя пал. Позволь ей вести тебя, Истребитель.

Огромное лицо из множества зеленых жуков повернулось к Готреку. Тот воинственно вздернул подбородок.

— Я не могу обещать тебе оружие моего павшего союзника Гrimнира, но следуя за моей охотницей в башню Ксер'гер'аэля ты отыщешь, что тебе нужно. Она отодвинулась назад. — Считай это моей благодарностью за уничтожение Алгуря Трехпалого и мои предупреждением — никогда не возвращайся в мой лес.

И затем она внезапно распалась, и миллионы отдельных жуков взвились вверх к деревьям, разнося по ветру звуки голоса Алариэлль.

— Боги, — проворчал Готрек, — так чертовски *драматично*.

— Твоя воля — моя воля, моя королева, — сказала Друантэль, всё ещё склонив голову и слегка покачиваясь. Для такого грозного существа это выглядело немного нелепо. — Я отыщу Серебряную башню Тирана Глаз и разузнаю судьбу Хрут'гаэля.

— Ага, уверен, что ты справишься.

— Серебряная башня, — испуганно пробормотал Витромм.

Маленет была вынуждена согласиться с обоими. Только богиня могла не задумываясь отправить группу смертных в такое место.

— Я начинаю думать, что моя жизнь была бы проще, если бы Кхайн просто взял меня в невесты.

— Она была бы куда короче, — сказал Витромм.

— Возможно, это участь получше, чем направляться *туда*.

— Итак, — сказал Готрек, необъяснимо довольный теперь, когда цель была вновь так далека, а перед ним была перспектива встречи с ещё большим количеством чудовищ. — Что такое эта ваша Серебряная башня?

ЧАСТЬ 6

Вечная Клятва

ГЛАВА 27

— Я не из тех, кто жалуется, как ты знаешь, — сказал Готрек, разнося в клочья хихикающее розовокожее существо ударом своего топора.

После нескольких дней пути следом за Друантаэль по Корням Владения, а также по обычным тропам, они миновали опушку Незеленого леса, за много сотен миль от Хаммерхол-Гира. Именно здесь, по словам Всекоролевы Алариэлль, появилась Серебряная башня Тзинтча в её владениях.

Деревья в округе были причудливых форм и казались хрустальными, преломляя свет, звук и, временами, отголоски мыслей, отчего казалось, что находишься не в лесу, а в зале кривых зеркал. По правде, это было даже хуже, чем гниль и отчаяние, которые Алгур Трехпалый принес в исконные поляны. Зло должно было быть прогорклым и отвратительным. Оно должно дурно пахнуть и быть раздражающе теплым. Тело должно узнавать и немедленно отвергать его. А эта хрустальная роща была слишком красива.

Конечно, здесь могла быть орда демонов, или рев безумного дуардина, оглушающий её, но Маленет была уверена, что за деревьями не скрывается цитадель колдовства и изменений.

— Да, Готрек, — вздохнула Маленет. — Это одно из первых твоих качеств, которые я заметила в тебе за время нашего короткого знакомства.

Готрек перехватил свой пылающий топор, и его лицо являло собой маску отвращения, когда Розовый ужас распался на два ворчащих голубых существа. Мелкие демоны разбежались от Истребителя в разные стороны, но ему удалось настигнуть и зарубить одного. Демон сдулся с жалобным воем и сернистым зловонием, а затем снова распался уже на пару желтых существ, столь неистовых в своей ярости, что от их крошечных спин поднимался дым.

— Как Грунгни любит металл, Гринир — лживый боров, так я презираю этих чудовищ.

— Нет? Серьезно?

Сарказм, как и всегда, не трогал Истребителя.

— Они словно дразнят меня, эльфиечка. Ведь сколько бы я их не убил, их становится только больше, и сколько бы их ни было...

Один из мелких серных ужасов изрыгнул огонь на Готрека. Истребитель посмотрел на него так, словно на него только что отрыгнул младенец, и он был скорее съят по горло, чем зол.

— Сколько бы их ни было, этих проклятых тварей никогда не хватит, чтобы убить меня. Готрек зарычал и повернулся к Маленет, которая изо всех сил старалась держаться в стороне. — Вдобавок ко всему прочему, я думаю, что эта Руна Огнеубийц защищает меня от демонического огня.

— Как...жаль?

Готрек зарубил одного из серных ужасов. Существо взорвалось с истошным криком, обдав огнем ногу Истребителя.

— Я даже не почувствовал. Он яростно потряс своим топором.

— Слышите, вы, резиновые демонические шакалы, не стесняйтесь! Вам придется постараться, если хотите поведать своему инфернальному хозяину, что свалили Готрека Гурниссона!

С боевым кличем Готрек устремился в искаженную хаосом рощу, где толпа шипящих ужасов была наиболее густой. Маленет пропустила его вперед. Она вздохнула. Ей даже не надо пытаться убить этого идиота.

Или так можно было подумать.

— Его здесь нет, — простонала Друантэль, пробиваясь через калейдоскоп разноцветных ужасов. Гигантская охотница Курнота возвышалась надо морем розовых и, всё чаще, синих и желтых демонов, сметая тварей своим деревянным мечом.

— Я так рада, что нашей проводницей стала одна из легендарных следопытов сильванет, — сказал Маленет.

— Серебряные башни существуют вне времени и измерений смертных, — ответил Витромм. Как и Маленет, старый дуардин не спешил лезть в драку. В отличие от аэльфийки, он сидел на пне, подложив плащ под спину, и миролюбиво попыхивал своей трубкой, наблюдая за Готреком и Друантэль. — Подобно иголке, прячущейся в лесной подстилке или стоге сена. Или в уплотнениях эфира.

— Но ведь оно не сделало ничего такого? — просила Маленет.

— Очевидно, нет. Обернись...

Маленет резко развернулась, выхватила нож и метнула его. Он прошел через причудливое существо, свободно парящее над землей, из разных отверстий которого струился розовый огонь, пока нож не вонзился в его шею. Демон эффектно взорвался. Маленет прикрыла глаза.

— Если хочешь помочь, то хотя бы оторвись от пенька.

— Коплю силы, девочка, - Витром величественно жестикуировал своей трубкой, пока говорил. — Борода такой длины не растет, если напрягаешься слишком рано.

— Серебряная башня была здесь, - напевно сказала Друантажль.

— Всекоролева не направила бы нас по ложному следу.

— Мы недолго странствуем вместе, Охотница, - сказала Маленет. — Но если орда демонов не является достаточным доказательством вторжения Хаоса во Владения Смертных, то посмотри на Готрека, в каком прекрасном расположении духа он пребывает.

Истребитель восторженно заревел, когда положил конец чему-то весьма большому и неприятному.

— Что же, - сказал Витромм, спускаясь с пня и стряхивая с себя пепел.

— Это была хорошая попытка. Мы выложились на полную.

— Уже сдаешься? – иронично спросила Маленет.

— Сейчас она может быть где угодно во Владениях Смертных или за их пределами. Все же это Серебряная башня, и это обычное дело для них.

— Нет, я думаю, тут нечто большее. Серебряная башня пугает тебя даже больше, чем Всекоролева. Почему?

Старый дуардин подозрительно уклончиво хмыкнул.

— Серебряной башни здесь нет, но я всё ещё её слышу, - Друантаэль размашисто шагала обратно к ним, оставив Готрека добивать последние остатки ужасов среди хрустальных деревьев. — Песнь жизни тех, кто был похищен из лесов моей королевы, всё ещё взвывает ко мне.

— Я полагал, что песнь Алариэлль не так хорошо проходит границы Владений, - сказал Витромм. Он взглянул на Маленет и продолжил. — Я встречал древовидцев во многих Владениях, от Шаиша до Азира, даже в Акши, если ты можешь себе такое представить. Но редко когда их было больше гостки в зачарованном лесу или позабытой роще. И их никогда нельзя было назвать удачно приспособившимися.

— Должно быть, они переместилась совсем недавно, - сказала Друантаэль после минутного раздумья. — Находиться здесь, в этой роще, - всё равно что идти сквозь ковыль-траву. Серебряная башня оставила после себя нити жизненной энергии и нестабильной магии, которые я могу воспринимать.

— И где же она? – спросила Маленет.

Друантаэль склонила голову к мерцающему пологу деревьев и издала откуда-то из недр своей груди низкий древесный скрип, на который, Маленет была уверена, откликнулась сама земля под ними. — Вижу лес, пышный и зеленый, но не такой, как в Гиране. Вижу преследующих, кусающих, убивающих тварей. Крысы, которые разбегаются. Вижу ядовитых змей и затаившихся ящеров, а также растения, которые ловят и поедают птиц, осмелившихся приблизиться. Она вздрогнула и обернулась к Маленет и Витромму. — Изумрудное сияние вернулось в ее глаза. — Жестокое отражение Владения моей госпожи.

— Похоже, башня где-то в Гуре, — предположила Маленет.

— Гур? — прорычал Готрек. Его окружали дымящиеся Ужасы, а лицо раскраснелось от усилий по их уничтожению, но Истребитель обладал острым слухом, словно летучая мышь, когда того хотел. — О таком я еще не слышал.

— Тебе понравится, Готрек, — ответила Маленет. — Владение Зверя Готрек отошел назад, тяжело дыша, и последние капли серных Ужасов угольным пятном легли ему на голень. — Жалкие твари. Мои руки почти не согрелась. Но что это, эльфиечка? Здесь есть целое Владение Зверей? Он надулся, словно ни один дуардин во Владениях Смертных не мог быть обижен так же сильно. — Почему я узнаю об этом только сейчас?

Друантаэль издала еще один шквал щелчков, стонов и певучих деревянных скрипов. Лес вокруг ответил ей тем же. Казалось, что вокруг них простирается нечто огромное. Даже если не принимать во внимание состояние деревьев в этой части Незеленого леса, ощущение было далеко не из приятных.

— Лес знает о Вратах в Гхур. Недалеко отсюда.

— Он сказал об Охликоатле, — тихо сказал Витромм. — Змее Владений. От того, как старый дуардин произнес это, по спине Маленет пробежали мурашки. — Ты знаешь о нем?

— Пасть Сотека? Да, можно сказать и так. Ведь если прыгать в огонь недостаточно опасно, то всегда можно сначала окунуться в масло. Однако Друантаэль уже целеустремленно зашагала.

— Куда это ты собралась? — Готрек окликнул ее.

— Всекоролева велела мне отыскать Серебряную башню и вернуть ламентири Древнего Хрут'гаэля. Можешь следовать за мной или нет, но мой путь очевиден.

Готрек заворчал, что ему указывает "древесная ведьма", но вскоре уже топал за ней. Маленет с сожалением смотрела им вслед. Когда она была молодой послушницей, ей нравилось мучить пленников в камерах перед ритуальными жертвоприношениями. На их лицах было выражение, которое она особенно ценила в дневное время, но которое также оказывалось глубоко завораживающим в тихие часы спокойных ночей: сочетание покорности и абсолютного ужаса. Глядя, как Готрек исчезает в лесу вслед за охотницей Курнота, Маленет подумала, не было ли сейчас на ее лице точно такого же выражения.

— Излишняя опасность, Витромм? Если нам повезет, то, возможно, Готрек погибнет еще до того, как мы доберемся до Серебряной башни. Истребитель была достаточно близок к тому, чтобы расхохотаться.

— Не думаю, что она шутит, — сказал Витромм.

— Хорошо. Готрек ухмыльнулся им обоим. — Я тоже.

ГЛАВА 28

Молитвенные свечи мерцали, выстроившись на огромном черном алтаре в двенадцатиконечную звезду. На стенах в светильниках трещали молнии. За толстыми стенами строгой часовни Штормовой крепости бушевала битва. Джордаяс Львинае Сердце приказал себе не обращать на это внимания. Он преклонил колени перед алтарем в своих доспехах, и немигающим взглядом уставился на изображение Высокой Звезды, выстроенное свечами, и начал молиться.

— Всю свою земную жизнь, сколько ее помню, я мечтал стать героем в твоих войсках. Теперь я хочу лишь служить тебе.

Дум. Гит а крутхаз, фрурндар. Дум. Гримнир, ор Гримнир, ор аф дум.

Он закрыл глаза, двенадцатиконечная звезда Сигендила все еще светилась на его веках, и постарался не обращать внимания на эхо в своих мыслях. Голос был резким и металлическим, не его собственным, как будто сама Мaska Бесстрастия его шлема пыталась заговорить с ним.

— Бог-Король. Прошу тебя. Если я в чем-то подвел тебя, умоляю, укажи мне. Покажи мне, как я могу исправиться.

Дум.

— Что это за голос, который говорит со мной, когда ты молчишь? На каком языке Владений Смертных? Он ждал. Ответа не последовало.

— Ответь мне, Сигмар!

Дверь позади него открылась. Джордаяс опустил голову, пока по нефу часовни к нему по камням направлялся грохотали тяжелые сапоги. Он почувствовал, как волосы на предплечьях и шее встали дыбом, реагируя на молниеносную ауру приближающегося воина.

— Не хочешь ли ты обратиться к Лорду-Кастелянту Ансирису Клятвокованному подобным образом, обвинитель Джордаяс?

Джордаяс поднял голову, но не повернулся. Он уставился на свечи на алтаре. — Лорд-Реликтор Секруса, простите меня. Я не хотел...

— Сигмар в силах простить. Но мы — лишь его слуги. Ответь на вопрос, обвинитель, — ты потребовал бы таких ответов от Лорда-Кастелянта?

— Нет, Лорд-Реликтор.

— Тогда с чего ты взял, что это должен делать Сигмар Хельденхаммер, Бог-Король Азира, верховный из богов? Потому ли, что Сигмар не здесь, не с тобой в этом святилище, как я, и не защищает стены Штормовой

крепости вместе с Ансириром? Думаешь, он не слышит?

— Я не знаю, Лорд-Реликтор, но я...

Джордаяс колебался. Ему было стыдно даже произносить вслух свои сомнения, словно он признавался в своем недостатке, который все, кроме него, уже видели. Он думал, что Перековка принесет уверенность и силу. Бог-король забрал его из Владений Смертных за гранью смерти, дал силу противостоять врагам, которые раньше убили бы его в мгновение ока. Сигмар дал ему крылья, чтобы Джордаяс мог нести эту силу везде, где потребуется такой вызов. И все же там, где должны были быть вера и убежденность, он чувствовал лишь сомнения.

— Но я боюсь. Чувствую, что моя судьба не полностью принадлежит мне.

— Ты носишь в своей душе искру Вечной Бури, Джордаяс. У тебя нет иной судьбы, не связанной навечно с Сигмаром, и это великий дар.

— Я знаю это. Но я чувствую... — он снова сделал паузу, пытаясь подобрать слова к тому, что чувствовал. — Разорванным. Как будто ещё кто-то соревнуется с Богом-Королем за ту часть меня, кем я был при жизни, Секрус? Кто может претендовать на мою душу даже сейчас?

Он повернулся, ища успокоения в человеческом лице, но столкнулся с мрачной маской в виде черепа и зазубренным золотым нимбом Лорда-Реликтора. Голубые глаза, глядящие на него сквозь прорези отверстий, были почти такими же холодными. Лорды-Реликторы Штормовых крепостей были ответственны за духовное благополучие и чистоту каждого воина, находящегося под их началом. Поскольку души Грозорожденных воинов были бессмертны, им суждено было возрождаться снова и снова, возвращаться в новые тела после каждой смерти и снова отправляться на Великую войну, то более важной задачи было не придумать. Джордаяса не учили этому. Не было ни книг, ни наставлений, чтобы подготовить его к этой новой жизни. Знания, которые, как считалось, ему требовались, были вбиты в него на наковальне Апофеоза, пока воспоминания о прежней жизни вылетали из него, как искры из-под молота кузнеца.

Лорд-Реликтор был здесь, чтобы дать ему силу, а не утешение.

— Ты молод, Джордаяс, — сказал Секрус с тяжелым вздохом. — Недавно погиб и недавно выкован. Ты умер и был воссоздан одним из Наковален Хельденхаммера. Сомнения естественны. Но ты был избран. Помни об этом. Прижми руку к тому месту, где когда-то билось живое сердце. Ты

был избран, чтобы служить за гранью смерти в Штормовых Платах Бога-Короля, и несметное число других было отринуто, чтобы сгинуть в преисподнях Шаиша.

— Голос говорит со мной, когда я молюсь, Лорд-Реликтор. Он говорит на языке, который не могу вспомнить, чтобы когда-либо слышал, но он — не человеческий.

Он закрыл глаза и, как это часто бывало, попытался отыскать еще один клочок памяти из своего смертного прошлого. *Город в пустыне. Лев на ветру. Чёрное и золотое. Те же цвета я ношу сейчас.* Совпадение? Или судьба? Он помнил мать, дядю, товарищей, но все они были безымянными, тенями, существовавшими в ином мире, чем тот, который Сигмар по какой-то причине выбрал для него. Но если долго всматриваться в этот туман, то всегда всплывало одно обрывочное воспоминание, оттесняя все остальные.

— Это дуардин. Кажется, Огнеубийца. Его волосы рыжие и отливают золотом. Его топор пылает. Он взывает ко мне даже из-за пределов Космического Шторма. Его зовут... Он сосредоточился. Ответ находился прямо на задворках его сознания. Казалось, сам Сигмар хочет, чтобы он его вспомнил. — Его имя...

— Хватит, Джордаяс, не мучь себя больше. У всех нас были жизни до этой, но теперь они ушли, развеялись, как прах, в которой обратились наши бренные останки. Святые рыцари могут записывать свои воспоминания в Усыпальнице Верных, и мне говорили, что Астральные Тамплиеры намеренно ищут смертных слуг из своих прежних жизней, чтобы те напоминали им о былых деяниях и славе, но мы сделаны на Наковальне Хельденхаммера. Мы — пыль и кости, наша слава давно погребена под песками времени. Мы не говорим о таких вещах. Ты должен был узнать это до того, как тебе разрешили покинуть Мавзолей Потерянных в Сигмароне и присоединиться к нам здесь, в Гуре.

Джордаяс отвел глаза. Он вновь обратился к двенадцатиконечной звезде на алтаре.

— Мое желание — лишь служить, подобно великим героям древности. Но эти вопросы... Я должен поделиться ими с кем-то, иначе, боюсь, что сойду с ума. С кем я могу поговорить, если не с Лордом-Реликтором, которому поручено хранить чистоту моей души?

Секрус положил руку в перчатке на наплечник Джодаяса. Молния

сверкнула и пробежала между металлическими пластинами. — Ты можешь довериться Сигмару, Джордаяс, — мягко сказал он. — И никому другому.

— Да, Лорд-Реликтор.

Секрус убрал руку и сделал шаг назад от алтаря. — Однако сейчас ты можешь попытаться восславить его в бою. Ты нужен Ансирису.

— Вы имеете ввиду...'

Лорд-Реликтор кивнул, и Джордаяс почувствовал, как его охватывает дрожь, более сильная, чем от молнии Секруса.

— Пришло время тебе надеть штурмовой щит и Маску Бесстрастия и взять в руки копье. Вопреки моему здравому смыслу, тебе пора покинуть эту обитель и встретиться с врагами Сигмара вместе со своими новыми братьями лицом к лицу.

ГЛАВА 29

Готрек напевал, продираясь сквозь густую листву. Лес впереди был наполнен хлопаньем крыльев и визгом испуганных животных, и в кои-то веки Маленет не думала, что Готрек был тому причиной. В воздухе висело слабое мерцание, мотыльки звездной пыли, которые дрожали от грохота чего-то поистине чудовищного впереди. Маленет раздраженно оскалила зубы. Чудовищные твари стали появляться в её жизни с пугающей частотой с тех пор, как она связалась с Истребителем.

— Хватит, Искатель Рока! - сказала Друантаэль, когда Готрек прорубил себе проход сквозь очередной переплетенный клубок растительности.

— Они всего лишь саженцы. Разве ты не слышишь, как они кричат?

— Еслим не можем оставить после себя несколько мертвых деревьев, то какой смысл пробираться через этот чертов лес?

Маленет поднял голову и увидел, как над пологом леса поднялся колоссальный призрачный хвост. Он повис в небе, как маленькая луна, а затем рухнул вниз, сотрясая землю и сминая лес. Горизонт на мгновение окрасился в зеленый цвет.

— Карга Азира, - выругалась Маленет.

— Это Змей Владений, - прокричал Витромм, стараясь быть громче поднявшегося грохота.

— Ты думаешь?

— Обычно он не такой сердитый. Что-то его разозлило.

— Готрек так воздействует даже на лучших из нас.

Истребитель фыркнул от смеха и продолжил расстраивать Друантаэль, срубив еще несколько молодых деревьев. *Кхайн помоги мне*, подумала она. Она начинает нравиться Готреку.

— На той стороне моста должно быть что-то, - сказал Витромм.

— Что-то вроде Серебряной башни?

Старый дуардин пожал плечами.

— Мы что, должны просто забраться на его хвост? Вы только посмотрите на размеры! Это все равно что пытаться поймать пролетающую комету. Листву разорвало, когда огромный хвост вновь поднялся. Друантаэль закричала, глядя на разрушения. Если бы она была из плоти и крови, а не из твердого дерева и сока, она бы зарыдала на коленях.

— Хах, опять поднимается, - сказал Готрек.

— И снова вернется вниз, - мрачно добавил Витромм.

— Он уходит. Давайте! - Истребитель атаковал подлесок с удвоенной интенсивностью.

— Я сказала *хватит!* - тело Друантаэль застонало и задрожало, издавая пульсирующую древесную песню, от которой деревья и кусты прямо перед ней затрепетали. — Расступитесь, маленькие саженцы. Поднимайте свои корни. Сбросьте свои плащи из земли и камня. Расступитесь.

Подлесок зашелестел, открывая узкую, но чистую тропинку.

— Вот где пригодилась охотница Курнота, - сказала Маленет.

— Ты могла бы сделать это с самого начала, а не плакаться, - посетовал Готрек.

— Жизнь здесь хрупка, - ответила Друантаэль. — Она страдает под холодным светом Азира. Повелевать ею таким образом - значит еще больше ослабить ее, но ты не оставляешь мне выбора.

— Азир? Готрек обвиняюще посмотрел на Маленет, как будто все пытались обманом заманить его в город Сигмара. — Ты говорила, что эти врата ведут во Владение Зверя!

— Охликоатль был Звездным Титаном, - поспешил объяснить Витромм.

— Он упал с небес в Гиран и нашел поляну здесь, в Незеленых горах, где зазор между Владениями был тонким. Он пробрался сквозь них, намереваясь найти дорогу домой, но Сигмар к тому времени перекрыл все пути в свое Владение

— Похоже, ты знаешь об этом очень много, - с подозрением произнесла Маленет. Действительно, Витромм, казалось, знал ужасно много обо всем на свете.

Витромм пожал плечами. — Я уже стар, девочка, и мне доводилось бывать здесь.

— Звездный Титан вместо этого оказался в джунглях Олора, в Гуре, - продолжила Друантаэль. — С тех пор он заперт между двумя Владениями. Не портал, а мост. Мост из тела самого Змея Владений.

— Не все врата так легко пройти, как Штормовой Предел в Хаммерхоле. Готрек хмыкнул в знак согласия, видимо, вспомнив о своем собственном травматическом переходе, детали которого Маленет не знала.

Она надеялась, что это было ужасно.

— Но Звездные Титаны - истинные бессмертные, - сказала Маленет.

— Он давно должен был умереть и вернуться в Азир, чтобы возродиться.

— Поглощение энергии Гура, должно быть, продлило ему жизнь, - сказал Витромм. — А также наполнение собственной спины всеми мыслимыми созданиями - дуардинами, аэльфами и сильванетами, я бы сказал.

Готрек хохотнул. — Хорошо. Истребитель перешел на бодрый бег по тропе Друантаэль, когда с ужасной, звенящей неизбежностью хвост Змея Владений рухнул обратно. — Идем же! Последний на спине этой твари - безбородый полурослик!

ГЛАВА 30

Чернокаменные стены Мортисрока, Штормовой крепости Наковален Хаендельсхаммера, противостояли буйным джунглям. Деревья жались к валам, пышная зеленая растительность подбиралась на верх, словно осадные лестницы, и каждую ночь взбиралась всё выше, влекомая инстинктом поглотить все и захватить землю, на которой стояли укрепления, для себя. Но сегодня стены с трудом сдерживали не только напор джунглей.

Джордаяс смотрел вниз, на Штормовую крепость, пока шел за Секрусом из часовни к верхнему бастиону. Ветер трепал черный плюмаж его шлема, и крылья заскрипели, когда порывы проносились по сбруе.

Грозорожденные Вечные, его братья и сестры, сражались с захватчиками-скавенами за стены, за улицы, за небо. Отродья Разорения были повсюду, они ползали по стенам его бога и повелителя, как паразиты. Буря гремела в нем, как второе сердце.

— Сколько раз я мечтал об этом дне? — прошептал он, удивляясь своим же словам и странной тоске, которую они вызывали в его сердце.

— Мортисрок был возведен два века назад по приказу Лорда-Кастелянта Ансириса, чтобы удерживать Гурскую сторону Моста Охликоатля. Перчатки Секруса сжались на рукоятках оружия. Лорд-Реликтор из-под маски-черепа окидывал взглядом сражение внизу, подобно Богу Смерти, выбирая, кому суждено пасть, а кому — устоять. — Чтобы исполнить клятву, данную Звездному мастеру Зектоке в обмен на помощь Серафон против армий Кхорна, и охранять эти Врата до скончания времен.

— Воин должен соблюдать свои клятвы.

— Должен. И он... — Секрус повернулся к нему, чувствуя какую-то тревогу за Маской Бесстрастия. — Что такое, Джордаяс? Ты отвлекаешься.

— Я... я не знаю, Лорд-Реликтор. Эти разговоры о клятвах и долге, я... — он тряхнул головой, словно стряхивая наваждение. — Пустяки. Простите меня.

— Тогда посмотри туда, где когда-то стояли внешние стены Оберега Звезд.

Никто среди всех могущественных Штормовых палат не смог бы выразить такую ненависть указующим перстом так, как Лорд-Реликтор Секрус, и нигде во Владениях Смертных она не была бы столь заслуженной. Ещё до

того, как увидеть, Джордаяс ощутил тяжесть присутствия, терзающую саму его душу.

Серебряная башня Ксер'гер'аэля. Одного из Девятки Проклятых, изможденного призывателя Тзинчча, раба великого маршала Апокалипсиса, самого Архаона Всеизбранного, известного также как Тиран Глаз. Обитель демона не поддавалась описанию. Не находилось подходящих слов. Её внешние размеры и материалы сооружений менялись с каждым часом, с каждым мгновением, под стать настроению, личности и темным тайнам её владельца. Джордаяс опасался смотреть на неё, не зная, будет ли её внешний вид использоваться для проверок или искушений, и не желая выяснять это. Однако Секрус велел ему встретиться с этим лицом к лицу, что он и сделал, ограничившись лишь сражениями, развернувшимися у радужных ворот башни.

— Это осколок проклятого измерения Изменяющего в теле благословенного Сигмаром Порядка, — сказал Секрус. — Есть ли здесь злой умысел, заставивший её проявиться в Штормовой крепости, освященной самим Богом-Королем? Или демонический привратник Башни просто насмехается над нашим бессилием перед его вторжением? Не знаю, но каждое проявление зла было привлечено к её вратам, а, значит, и на нас. Будь моя воля, я бы полностью оставил Оберег Звезд и отошёл в Пасть Сотека. Наша клятва обязывает нас защищать лишь Врата. И пусть отродья зла убивают друг друга за свою сомнительную награду. Я не стану молиться за тех, кто навечно застрянет у ловушке с изможденным призывателем.

Джордаяс поднял голову. Над ними также гремело сражение: несколько подразделений Обвинителей преследовали флотилию хлипких скавенских летучих барж и воздушных шаров. По Мортисроку прошла дрожь, когда часть перекрестного огня заземлилась на молниеводдах и отправилась в виде энергии на поддержание работы потрескивающих щитов на внешних стенах.

— Могу я оставить вас, Лорд-Реликтор?

Секрус с неохотой кивнул. — Лети, Джордаяс! Присоединяйся к своим братьям и сестрам. Смерти нет.

Джордаяс сложил пальцы в знак кометы и прижал к нагруднику. — Смерти нет, Лорд-Реликтор! Сердце колотилось, в бессмертной груди бушевала буря, когда он расправил крылья и на каркасе из звездного металла

полыхнули молнии, а душа его воспарила.

Сколько раз он мечтал об этом дне?

С ужасающим раскатом грома он взмахнул крыльями и почувствовал, как Мортисрок остается далеко внизу. Оставив всё позади, как и свою смертную жизнь, он повернулся лицом к сражению, выбрал целью кренившийся дирижабль скавенов и ринулся в бой.

Дирижабль был огромен. Воздушный шар был сделан из сшитых кусков кожи какого-то гурского чудовища, скреплен проржавевшими полосами металла и источал адское зеленое сияние от ядовитого газа, которым скавены его наполняли. Под шаром на цепях раскачивалась металлическая корзина. В сравнении с шаром она была крошечной, но в ней было столько штурмовых крыс, что хватило бы на небольшой город, а крысолюды с джезайлами и пулеметами сдерживали налёты Грозорожденных Вечных.

Выстрелы свистели мимо Джордаяса, и случайные снаряды даже попадали в его броню, когда он подлетел ближе. Он не обращал на это внимания. Уголком глаза он заметил, как один из его собратьев, воин Ангелос, получил смертельное ранение. Тело воина растворилось в потоке энергии ещё во время падения, и тот взвился в небеса на молнии, устремившейся к жерновам душ Сигмарона. Хоть доспехи Бога-Короля были крепкими, но не делали носителя неуязвимым, а изделия скавенов хоть и были опасны при использовании, несли также смертельную угрозу для цели.

Джордаяс поднял руку и призвал штурмовое копьё, которое немедля метнул в газовую емкость дирижабля. Оружие распалось на всполохи неистовой энергии, разрушенное хитрыми чарами, выцарапанными на коже. Пронзительные голоса скавенов настигли его, когда он пронесся над их машиной.

— Сигмар, дай мне силу, и я очищу небеса от этой скверны!

Гит а крутхаз, фрундар.

Джордаяс стукнул тыльной стороной ладони по шлему, но голос не утих.

— Не в бою же...

Встряхнув головой и прогоняя голос из мыслей, он призвал второе штурмовое копье. Оно не было оружием, предназначенным лишь для дальнего боя. Если скавенов не удается уничтожить на расстоянии, то придется сделать это в ближнем бою.

Дум.

— Я служу лишь Богу-Королю! — прорычал Джордаяс заглушая голос в голове своим собственным криком веры.

— На абордаж! — выкрикнул кто-то, и Джордаяс присоединился первым. Оружейные команды скавенов наполнили воздух выстрелами варп-камня, а вблизи выпустили поток варп-пламени и вспышек зеленых молний, таких мощных, что корзина пошатнулась на цепях, вызвав крики ужаса всех, кто был на борту. Джордаяс сложил крылья и, подогнув ноги, перелетел через металлический борт корзины, приземлившись прямо на стаю штормовых крыс. Двое тут же были раздавлены его приземлением. Копье взорвало в спине третьего, крысолюд обмяк и стал дергаться, пока энергия Шторма Войны выжигала его нервную систему. Яростный удар выбросил ещё одного через край корзины, и его визг ужаса постепенно удалялся по мере его падения к Мортисроку.

С тяжелым стуком и лязганьем цепей корзины рядом приземлился ещё один из собратьев Джордаяса. По алой окантовке белоснежного табарда и золотым звериным орнаментам на наручах в нём можно было узнать Вультара Воронье Крыло, Обвинителя-Прайма. Джордаяс встречался с ним лишь однажды, сразу после прибытия в Охлор, ещё до того, как его поместили в часовню.

— Добро пожаловать в Клятвокованных, Обвинитель! — сказал он, набросившись на кишащих вокруг паразитов и за считанные мгновения уложив вдвое больше Джордаяса.

— Благодарю, Обвинитель-Прайм. Это моя первая битва.

— Может быть, но лишь в этой жизни. Ты бы не был здесь в черном и золотом, не будь ветераном многих боев.

— Я ценю вашу веру в...

Прежде, чем Джордаяс закончил, снизу взметнулась стая блестящих пернатых эфириокрылов, набросившихся на крысолюдов с такой энергией, что оставшиеся скавены оказались разделены на две группы на носу и корме корзины. Вультар вскинул голову, когда птицы защебетали ему на ухо, и темные глаза по Маской Бесстрастия омрачились.

— Что случилось? — спросил Джордаяс. Кузнец не благословили его знанием языка эфириокрылов.

— Боевые машины скавенов атакуют пасть Сотека.

— Разве воины недерживают Мост через Владения?

— Громоглавое Братство Клятвокованных, под руководством самого Лорда-Кастелянта, - прошипел Вультар сквозь прорезь в маске.

— Полагаю, Ансирис весьма недооценил этого Серого Владыку. Он здесь не только для того, чтобы изгнать нас из Оберега Звезд и захватить Серебряную башню. Он хочет убить Охликоатля и разрушить Врата в Гиран.

— Но зачем? Что это может ему дать?

— Скавены – жалкие трусы. Они были бы стерты с лица земли уже тысячетысячелетия назад, если бы не были столь коварны. Будь уверен, они ничего не делают без причины, даже если тебе или мне их поступки кажутся форменным безумием.

— Но разве это возможно?

— Охликоатль – Звездный Титан и богозверь. Если бы на него напал любой другой полководец, то я бы сказал «нет», но, как я уже пытался предупредить Лорда-Кастелянта, недооценка такого врага грозит ему гибелью.

Вультар вновь распахнул крылья, и ветер Азира подхватил его с корзины дирижабля. Джордаяс прыгнул следом за ним, распахнув свои крылья, как только ощущил гравитацию. Он понесся следом за Обвинителем-Праймом, и недоверчивые визги получивших внезапную передышку скавенов остались позади. С тяжелым сердцем Джордаяс оставил их на свободе над Мортисроком, но мог только верить, что у того, кто послал эфирокрылов, были причины поступить именно так.

— Отходите в Пасть! – закричал Вультар, возвысив голос так, что его услышали все. — Вечная Клятва не будет нарушена сегодня. Обвинители, за мной. Смерти нет!

— Смерти нет! – прокричал в ответ Джордаяс, и Обвинители отступили от воздушной армады скавенов, провожаемые их пищащими выкриками и беспорядочными выстрелами. Звуки отдельных стычек то нарастали, то стихали, пока отряды Обвинителей упорядоченными построениями проносились над зажатыми в кольцо стенами Штормовой крепости.

Ни один замок не стоял в центре Мортисрока. Не было ни одного сооружения, которое могли создать Лорды-Ординаторы и которое смогло бы уцелеть. Энергия Гирана просочилась сквозь разлом между Владениями, и как самое мощное удобрение, известное богам, сама сущность жизни, хлынула в сердце Мортисрока, проводя его в буйное

цветение. Хищные цветы наполнили воздух ароматами, которые могли бы довести до исступления любого огора. Деревья тысячи видов возвышались над окружавшими стенами и башнями, усыпанные сочными плодами, неизменно ядовитые, а в большинстве случаев и откровенно плотоядные. Каждый день Братства Опустошения выжигали растительность до самой Пести Сотека, но после начала вторжения Серого Владыки они были востребованы в других местах. Всего после двух дней без присмотра энергичность Гирана вкупе с хищной настойчивостью Гура превратились в опасную комбинацию.

Среди возвышавшихся зазубренных крон деревьев корчилась от боли и голода эфирная голова Звездного Титана Охликоатля. Колossalный змей затмевал собой Мортисрок, зажатый между Владениями на долгие века и неспособный вырваться на свободу.

Джордаясу доводилось видеть Драколинов и Звездных драконов, штурмовых великанов, охранявших Громовые ворота в сердце Сигмарона, и, однажды, даже самого Бога-Короля, но он никогда бы не подумал, что существо может быть настолько огромным. Словно сам Дракотион прогрыз границу Владения, чтобы поглотить их всех. Могли ли механизмы Серого Владыки надеяться навредить такому титану Азира?

Охликоатль издал рев, от которого целая когорта Обвинителей разлетелась в стороны, словно семена одуванчика на ветру, а затем извергнул из себя молнию, сбившую один из дирижаблей скавенов. Обвинители и Рыцари-Азироны метались среди скавенской флотилии, осаждавшей Мост Владений, и десятки из них возвращались молниями в Азир под шквальным огнем.

— Скавенов слишком много, — выкрикнул Джордаяс. — У них слишком мощное оружие.

— Смерти нет! — бесстрашно закричал Вультар. — Развеем их в могильных ветрах Шаиша!

— За Сигмара!

Гримнир ор Гримнир, ор эн аф дум.

— *Сигмар!* — выкрикнул Джордаяс, уже громче.

В центре скавенской армады возвышался летучий линкор огромных размеров. Он был настолько велик, что даже в огромном зрачке Охликоатля мог показаться булавочно головкой. На мачтах болтались три изодраных паруса, на каждом был изображен рогатый символ

скавенского божества. Скрежещущие двигатели вращали скрипучие турбины, двигавшие корабль, а волны синтезированного и собранного электричества текли по медным катушкам, питая пушки, размещенные по всей его длине.

Джордаяс готов был поспорить на Гхал Мараз, что перед ним флагман Серого Владыки. Почему столь загадочный военачальник скавенов, настоящего имени которого никто не знал, оставил осаду Хаммерхол-Акши и объединенные им отряды Хаоса, чтобы обратить своё внимание на Охлорские джунгли? Может быть, из-за Серебряной башни? Должно быть так. Но не ему гадать об этом.

— Справедливое и праведное дело, — бормотал он, следя за наступлением своих братьев на армаду Серого Владыки. — Сражаться в битве, которая имеет значение. Это всё, чего я когда-либо желал. Я знаю это.

— *Сигмар помнит*, — прозвучал в голове голос, напоминавший его собственный, каким мог быть до того, как Бог-Король наполнил его громом.

— *Даже сейчас?* — сказал хриплый голос дуардина. — *Сомневаюсь*.

— Тогда отчего я желаю большего? — прокричал Джордаяс в небо. В громе и молниях битвы он остался неуслышанным. — Отчего моё сердце влеет меня не сюда, а в другое место, где ему полагается быть?

— *Мне следовало поблагодарить тебя, пожелать удачи в твоем путешествии в Хаммерхол и сразу же отправиться назад в Эдассу, хваля богов о спасении*.

— Ага, он бы именно так и сказал.

— *И этот он, этот человечий отпрыск, о котором ты всё время говоришь, дожил до седин?*

— Кто ты такой? — Джордайн почувствовал, как по его лицу под маской текут слезы разочарования. — Что за судьба ведет душу этого дуардина, странника, что даже ярость Кузницы Вечных не может вытравить все её следы из моей?

— *Жизнь полна таких разочарований, человечий отпрыск. Однако, не спеши радоваться смерти. До сир пор она ускользала от меня*.

— Я — Джордаяс Львиное Сердце. Грозорожденный Вечный. Та жизнь закончилась!

— *Ты напоминаешь мне его, человечий отпрыск, и это не всегда хорошо*.

— Кто такой «он»?

— Умги...

Голос металла был практически желанным после эти воспоминаний.

— Сигмар! Почему я всегда слышу эти голова вместо твоего?

— *Что сделал бы Вандус? Как бы поступил Кюкаин Друже-Малот?*

В его голове мужчины и женщины рычали, как львы, а вокруг него в небесах Охлор полубоги возвращались в штурм с предсмертными криками и громом.

— Неужели я одинок в своих сомнениях? — прокричал он, но и на этот раз остался без ответа.

— Мы — Клятвокованные, и мы — их рок! — кричал Вультар Воронье Крыло откуда-то очень издалека. — Разрушьте его, братья мои! Обрушьте с небес!

— *Дум.*

И затем из грома внезапно прозвучал голос.

— *ДЖОРДАЙН!*

Джордаяс повернул голову к трещащему сердцу бури, которым была голова Змея. Его зубы были молниями. Глаза — кометами. Каждая чешуйка на голове была размером с дракона, объятого яростью Вечной Бури. Пасть Змея была огромной ямой, бездонной, как темные заливы за рубежами Азира. Созерцать её было все равно, что смотреть на поверхность другого мира. — Искатель Рока, — вздохнул Джордаяс, не зная, что значит это слова, но чувствуя, что оно что-то значит для *него*.

Иная клятва притягивала его, более древняя и в чем-то даже более могущественная, чем та, которую он дал Богу-Королю. Это было невозможно, конечно, и всё же, он чувствовал это. Искра Верной Бури Сигмара напитывала его душу, позволяя ему жить дальше, даже если он умирал, но сомнения, которые он испытывал, отвечая на призыв совсем на другое поле боя, были лишь потому, что на то была воля Сигмара. Это был единственный ответ, который позволял ему примирить, свою веру в главенство Сигмара с чувствами в сердце.

— Простите меня, братья мои, — сказал он слишком тихо, чтобы его могли услышать сражающиеся собратья, и отстав от них, оставил поле боя позади, приближаясь к Мосту Владений. — Но воин должен выполнять свои клятвы.

ГЛАВА 31

Стоять на Змее Владений было почти так же сложно, как и забраться на его хвост: он постоянно кренился, извивался, наклоняясь то в одну, то в другую сторону, и всё это в свете *неверных* звезд. Вся природная грация и немалые тренировки Маленет помогали ей удерживать равновесие, пока они отбивалась от пары запуганных гrotов в пернатых шапках, отчаянно пытавшихся прорваться мимо. Друантаэль кричала, не переставая с тех самых пор, как они покинули Гиран. Даже Витромм убрал свою трубку и был сосредоточен. Почему ей вообще пришло в голову переправляться через Змея Владений в то самое время, как всё чудовища Гура стремились в противоположном направлении, она не понимала. Готrek, напротив, казалось наслаждался процессом.

— Это как истреблять зомби Рейксфорте, зверолюдей – в Драквальде, гоблинов – в глубинах Восьми Вершин, и всё это одновременно! Напоминает Царство Хаоса.

— Мы между Владениями, Готrek. Звезды кипят, а под нами – существо, что желает нам зла. Сходство даже больше, чем ты думаешь.

— неплохое местечко для Истребителя. Можно провести тут тысячелетие. Или пять.

Маленет взрогнула, когда крики Друантаэль перешли на октаву выше, отчего чуть не пропустила удар копья гrotа. Наконечник поскрежетал по кожаному нагруднику, прежде, чем она пырнула мелкого зеленокожего в глаз. Маленет умела чувствовать боль и, хотя она и не могла понять причину, было очевидно, что Друантаэль очень страдает.

— О чём теперь воет эта деревянная баньши? – спросил Готrek. — Она не умолкает с тех пор, как мы заились на этого зверя.

— Готов поспорить, что она в первый раз покинула пределы Гирана, – сказал Витромм.

— Я не слышу её! – в панике крикнула Друантаэль. — Я не слышу мою королеву! Она поет, но я не слышу!

— Защити её, Витромм, – сказала Маленет. — Она единственная, кто может отследить Серебряную башню.

Витромм отошел защищать Охотницу Курнота. Её беспорядочные удары всё ещё настигала зеленокожих, так как их были тысячи, но были размашистыми и неосторожными по мнению Маленет. Было бесконечно

предпочтительнее оставить Витромма присматривать за ней.

— Как по мне, так вы слишком доверяете болтовне тех, кого зовете богами, — сказал Готрек. — Ага, я обрил голову и набил татуировки на теле, но если вы думаете, что я погнался за этим великим демонов, или за *той* драконьей ордой, потому что *он* сказал мне, то вы безумнее ночного гоблина с башкой, полной чертова грибного варева. Если следовать богам и пророчествам, можно окончить свои дни, как Снорри Носогрыз, с головой, полной гвоздей и ветра, и разочароваться в итоге.

— Помни, Готрек, нам нужно *пересечь* мост.

Витромм, идущий чуть позади, отвесил Друантэль пощечину в попытке вернуть её в чувства. Безусловно, тщетная попытка, если судить по её деревянному лицу.

— Значит так и живут расы из плоти и крови? — кричала она. — В тишине? Ничего, кроме духовного эха создавшей их песни в груди? Возьми мою руку, дуардин. Возьми же. Он прижала руку Витромма к своей груди, едва не раздавив ладонь дуардина своей. — Почувствуй, как трепещет моё сердце.

Не обращая внимания на чьи-то трудности, Готрек с хохотом прокладывал себе путь среди моря чудовищ, словно бушприт какого-то громоздкого, но прочного линейного корабля.

— Я вижу зверолюдов, кентавров, сквигов и что-то за ордой орруков, похожее на зоата, — Готрек разразился безумных хохотов. — Я думал, что это эльфийский миф, глупая легенда о Древних, элементалах и ящерах-древолазах. Ха! А это что такое? Кажется, однажды я убил нечто с таким же количеством ног в Проклятых болотах к западу от Мариенбурга. Я вижу химер и гидр. Он сделал глубокий вдох, не обращая внимания, что ого нос был забит кровью дюжины видов. — Я почти чувствую запах пролитого пива и мяса, жарящегося для меня, в Зале Предков. Что ж, наполняйте кружки, накрывайте столы, а соки оставьте для хлеба. Готрек, сын Гурни, скоро постучится в ваши ворота, и он страшно жаждет эля!

Змей Владений издал грохочущее предупреждавшее шипение, пронесшееся нам ними прежде, чем титан буйно взывал. Всё стычки мгновенно прекратились, и мысли о борьбе улетучились, когда Маленет, её нежелательные спутники, и все существа на их участке спины Охликоатля внезапно были подброшены в воздух. Маленет неуклюже приземлилась среди группы рычащих и стонущих унгров в нескольких

ярдах от того места, где была.

— Осколки Кхайна! — Маленет ударила одного из зверолюдов в затылок и поднялась на ноги, воспользовавшись моментом. — Мы сражаемся не только с чудовищами Гура, но и с самим Звездным Титаном.

— Охликоатль в гневе, — сказал Витромм. — Боюсь, что с богозверем в такой ярости нам не переправиться через Мост Владений, даже если бы Друантаэль была бы в состоянии нас вести.

— Что ты предлагаешь?

— Укрытие. Если Друантаэль и придет в себя, то только не здесь.

— Мы на спине Звездного титана, заперты между двумя Владениями. С чего взял, что такое место вообще существует... Погоди-ка! — Маленет посмотрела вперед. Изгибы спины Титана искажали её восприятие перспективы, заставляя далекие предметы казаться ближе, в близкие полностью скрывать из виду. — Ты видишь это, Витромм?

— Нет, не вижу. Но я не наделен зоркими глазами Сумеречного клинка.

— Если Охликоатль мог бы хоть на мгновение перестать корчиться. Я видела гротов, которые переносят пытки лучше...

Витромм благоразумно молчал.

— Это башня...полагаю.

— Кто в здравом уме станет возводить башню на спине бого-змея в пустоте между Гираном и Гуром?

— Ни один из тех, с кем мы сталкивались до сир пор, это точно. Однако, я готов это выяснить. Мы можем укрыться там и восстановить силы, и даже увидеть голову Змея с её вершины.

Готрек издал радостный рев, неизменно предвещавший неприятности на горизонте. Маленет резко подняла голову, внезапно осознав, что потеряла след Истребителя. Но поиски заняли всего мгновение. Всё, что было нужно — найти самое крупное чудовище в поле зрения. Монстр выглядел тк, словно кто-то скрестил гаргант Хаоса с харибдой, а потом спасил его потомство с минотавром. Готрек устремился к нему, а шлейф из огня и дыма следовал за ним из жаровни топора. Существо взмахнуло своей дубиной. Маленет не могла сказать, наверняка, то ли изгиб Моста Владений вывел Истребителя из равновесия в неподходящий момент, то ли он просто был недостаточно внимателен, но удар достиг его головы и отправил в полёт.

— Готрек! — зарычал Витромм.

— Руна! — в тот же миг закричала Маленет, чуть ли не в эйфории от радости, уворачиваясь и перепрыгивая через атакующих зеленокожих, и устремляясь к тому месту, где упал Готрек.

Огромное чудовище, с которым хотел расправиться Готрек, издало растерянное ворчание и замахнулось в её сторону. Дубина пролетела над её головой, и Маленет с ухмылкой проскользнула между ног монстра, кувыркнувшись прямо на тело Готрека. Она уже начинала беспокоиться, что несмотря ни на что, он так и не умрет. Наконец-то, она могла вырезать руну из груди этого упрямца и убраться подальше от безумия, в которое он её завел, как только она сможет добраться к вратам Ази rhaima.

Приложив немалые усилия, Маленет перевалила Готрека на спину. Она раздраженно зашипела. Каким-то чудом он всё ещё дышал, а золотая Мастер-Руна вздымалась вверх-вниз на его груди.

Маленет пожала плечами и подняла нож.

— Я говорила тебе, что однажды вырежу твоё сердце и съем его К счастью для тебя. Я должна сделать всё быстро, и мне придется довольствоваться только Мастер-Руной. Пожалуйста, Готрек, закричи ради меня. Ты стольким мне обязан.

Отточенные во дворах Храма инстинкты предупредили её и Маленет бросилась в сторону в тот самый момент, как бронированный воин врезался в землю рядом с ней, словно комета. Сверкнула молния, а земля содрогнулась под ударом. Маленет перекатилась и приняла боевую стойку, держа в каждой руке по ножу, когда грозовое облако, испещренное золотыми всполохами и молниями, вновь устремилось к ней. Из бури, как молния, вырвался наконечник копья. Она была быстра, но не настолько.

В идеале ей следовало бы вообще уклониться от удара, но лучшее, чего ей удалось достигнуть — скрестить клинки перед собой в парировании.

Удар отбросил её назад, разрезав полчища зеленокожих, словно лезвие ржавого плуга, а разряд электричества сделал обе руки похожими на желе.

Грозорожденный Вечный выпрямился и расправил крылья. Он был темным богом, окутанным ореолом искр, возвышающимся надо всеми.

— Я — Джордаяс Львиное Сердце, из Клятвокованных, — произнес он самым богатым голосом, который когда-либо слышала Маленет. Его слова усиливались маской, закрывавшей его лицо. — Тебе придется сначала

пройти через меня, дочь Кхайна.

Маленет в недоумении уставилась на воина.

Какая жестокая судьба послала сюда одного из Наковален Хельденхаммера? Неужели Сигмар решил и впрямь отомстить ей напоследок, обрекая на медленную смерть на зачарованном клинке или, что хуже, на ещё более мучительную и медленную, будучи прикованной к примитивно татуированной лодыжке Истребителя? Она не могла на такое согласиться. Маленет оскалилась и встала в удобную боевую стойку.

Храм и Штормовые палаты формально были союзниками, но леди Ведьмин Клинок всегда жаждала того дня, когда ей придется сразиться с ними. Она хорошо подготовила своих дочерей.

— Отступись, Темнородная, если ты действительно слуга Порядка. Обрати свои ножи на чудовищ, которые могут убить всех нас.

— Нет!

— Я убью тебя, если придется.

Готрек зашевелился и сел, потирая ушибленную голову. — Я узнаю этот голос, он повернулся к нависшему над ним Грозорожденному.

— Джордайн?

Грозорожденный Вечный изгнал копье в эфир и потянулся к шлему. Под маской оказалось чернокожее лицо, увенчанное дредами, от виска до подбородка тянулся длинный ряд параллельных шрамов, полученных от какого-то зверя. Черты его лица были человеческими, но масштабы — нет. Он был словно статуей, слишком большим, слишком совершенным, уменьшающим всех, кто стоял перед ним самим фактом своего существования.

— Да, — тихо прошептал он тем же глубоким голосом. — Да, это было моё смертное имя. Ты помнишь меня!

— Конечно, черт возьми, я помню, — сказал Готрек. — Прошло всего несколько месяцев, человечий отпрыск. А в этих Владениях не найдется пятирукого зверя-гиганта, который мог бы так крепко приложить меня по голове. Он прищурился. — Хотя, насколько я помню, ты умер, так что, возможно, я сделал чудовищам этого места плохую услугу.

— Я тоже помню тебя, Готрек, — сказал Грозорожденный после моментного замешательства. — Готрек Гурниссон. Помню наши общие приключения. А та пластина на твоем плече... — он нахмурился. — Лев Эдассы. Мой дом.

— Как это возможно? — спросил Готрек. — Ты должен был забыть обо всем. Так сказал мне Друже-Молот, которого я видел в Хаммерхоле-Акши собственными глазами.

— Это правда, Готрек, — сказала Маленет. Единственное, в чем она нуждалась еще меньше, чем в Наковальне Хельденхаммера, прикрывающем спину Истребителя, так это в том, чтобы любимый бывший спутник заложил в его голову мысли, не предполагающие бросить его бессмысленные поиски и вернуться в Азир. — Воспоминания о смертной жизни не выдерживают ярости Перековки. Немногое может остататься, но каждая смерть и перековка обходится всё дороже. Маленет усмехнулась, глядя на Грозорожденного. — Это не Джордайн.

— И всё же я помню. И либо Сигмар оставил мне память, либо причина в тебе. В любом случае, я должен был узнать, почему.

— Но если ты помнишь... — Истребитель выглядел необъяснимо подавленным. Он даже не замечал монстров, вопящих вокруг. — Может быть, и он всё ещепомнит. Может, я слишком рано оставил поиски в Хаммерхоле-Акши?

— Вы выбрали чудесное время для посиделок, — пропыхтел Витромм, прерывав порывавшуюся заговорить Маленет, и волоча на одном плече Друантаэль, а свободной рукой пробиваясь через бешеных гротов.

— Здесь еще есть звери, если вы... Это Грозорожденный Вечный?

— Ты друг или враг, дуардин? — сказал Джордайн, Джордаяс или как там его звали.

— Это еще предстоит решить, — прошипела Маленет. — А пока бежим. Мы направляемся к башне.

— Звездной башне Темекзуки? — спросил Джордаяс с удивлением в голосе, отчего Маленет сразу насторожилась.

— Ты бывал там?

— Она в центре Моста Владений. Я никогда не бывал там, ибо Клятвокованные поклялись вечно охранять портал со стороны Гура, но я знаю о ней. Там можно найти убежище.

Джордаяс протянул Готреку руку, и Истребитель, к досаде Маленет, принял её, позволив Грозорожденному Вечному помочь подняться на ноги.

— Как помнится, однажды ты напомнил мне, Искатель Рока, что еще предстоит выполнить кровавую работенку.

ГЛАВА 32

Тонкий шпиль из целестита и обсидиана поднимался из спины Звездного Титана. Стены вокруг Звездной башни представляли собой руины, будто в случайном порядке разбросанные в джунглях, осыпающиеся камни были покрыты растительностью, которую Маленет не видела нигде на Змее Владений. Она не могла долго смотреть на башню. Звезды, проплывающие за ней, вызывали у Маленет тошноту. Башня была тиха, как заброшенное святилище. В других местах орды из Гура топтали друг друга, чтобы добраться до Незеленого леса, но здесь царила пугающая тишина.

Через полуразрушенную арку, украшенную золотыми иероглифами, пролегал энергетический барьер. Другого очевидного пути через странную растительность не было.

Пока Маленет изучала это место столь тщательно, как замок, из которого намеревалась сбежать, Джордаяс без колебаний перешагнул через барьер. Небесные энергии поползли по его доспехам, словно проверяя их и его, но в остальном не препятствовали проходу.

Маленет принюхалась. В воздухе запахло палеными волосами и озоном.
— Что это за *мерцание*, через которое ты только что прошел, человечий отприск? — спросил Готрек.

Джордаяс повернулся. Теперь, когда он был по ту сторону, Маленет даже не могла рассмотреть поле. Оно было совершенно прозрачным, и она отчетливо видела Грозорожденного.

— Полагаю, что именно этот барьер, а вовсе не стены, охраняет Звездную башню от зверей этого места. Магия Звездных мастеров весьма сильна. И даже самые могущественные из злобных существ не смогли бы беспрепятственно пересечь такой барьер.

Маленет ехидно улыбнулась. — Беспокоишь за чистоту своей души, Готрек?

— Я бы позвал Сигмар сойти со своего чертового высокого трона, чтобы поговорить о её чистоте из-под этого топора.

Маленет глубоко вздохнул и шагнула вслед за Грозорожденным.

Безгранична ярость Азира прошла по её коже. Она вышла чуть быстрее, чем вошла, подталкиваемая энергией поля, и засеменила мелкими торопливыми шажками, замедляясь. Затем обернулась, раскинула руки и

поклонилась, как сделала бы для своей госпожи после особенно сложного и смертоносного акробатического выступления.

Сигмар не увидел изъяна в её душе.

— Признаюсь, удивлен, — сказал Джордаяс.

Маленет сделала ироничный реверанс. — Всегда рада разочаровать.

— Мне следовало бы больше доверять твоему выбору спутников, Искатель Рока.

— Не спеши, Грозорожденный, — сказал Готрек, махнув Джордаясу рукой, чтобы тот набрался терпения. — Возможно, это займет некоторое время.

— Ты ранишь меня, Готрек. Когда ты признаешь, что я на стороне небес?

— Может быть, когда признаю, что на этих ваших небесах есть место для такой убийцы, как ты.

— О, Готрек, — сказала Маленет, ее улыбка стала еще острее. — Ты удивишься, когда узнаешь, что Бог-Король счел нужным потерпеть.

— Хватит вам болтать, — сказал Витромм. — У меня тут Охотница Курнота.

— Гномы не колеблются. Готрек с подозрением посмотрел на дверь.

— Никогда не доверял магии. И если есть что-то, что я ненавижу почти так же сильно, как эльфов и деревья, так это ящеролюды. Он выдохнул, словно готовясь к чему-то неприятному. — Но пусть никогда не говорят, что Готрек Гурниссон дрогнул у края скалы, с которой прыгали другие.

Он шагнул вперед.

Произошел тот же всплеск энергии, который Маленет наблюдала в проходе Джордаяса. Руна шипела и трещала, словно сталь, опущенная в раскаленное масло и гневно сопротивляющаяся всему, продолжая гореть чуть ярче.

Окурт, наф гит, — проскрежетал голос в их головах.

Готрек усмехнулся. — Не думаю, что руне это понравилось. Может быть, я пройду еще раз.

Гримнир ор Гримнир.

Маленет не могла не разочароваться. Она смутно надеялась, что энергия Космической бури обратит этого безвкусного реликта в пепел и выплюнет Мастер-Руну на другую сторону, чтобы она смогла её подобрать. В последнее время она перестала верить в то, что во Владениях Смертных существует хоть какая-то справедливость.

— Похоже, ты тоже не совсем *отринут* Азиrom, — сказала она.

Готрек хмыкнул, словно она его оскорбила. Возможно, так оно и было.

— Покалывает.

Витромм и Друантаэль, пошатываясь, прошли вместе.

— Звезды, - полупропела Друантаэль, дрожа, как некогда гордое дерево в лихорадке. — Они поют. Но их голоса... их голоса такие холодные.

— Маленет, - сказал Витромм, обхватывая сильванетку за талию и с беспокойством глядя на нее. — Найди место, где ее можно уложить.

— Да, - сказал Готрек. — Хороший трактир с крепкой крышей и пылающим камином будет как нельзя кстати.

Маленет огляделась. Смотреть было не на что. Двор был завален камнем и зарос сорняками. Виноградные лозы вились по разрушенным стенам, медленно превращая их в щебень, усеивавший землю. Лестница, состоящая из разваливающихся ступеней, полуспиралью огибала основание башни. Здесь был дверной проем, но двери не было. Потускневшие иероглифы на золотых пластинах выделяли отдельные кирпичи, но никакого рисунка Маленет не заметила.

— Дрянная работа, - сказал Готрек, не выказав более серьезных упреков.

— Звездная башня была построена в последние дни Эры Мифа Звездным мастером Зектокой, - сказал Джордаяс. — С помощью Серафон Лорд-Кастелянт Ансирис Клятвокованный завоевал джунгли Охлора во имя Сигмара. Взамен Звездный мастер потребовал, чтобы Клятвокованные возвели собственную крепость, Мортисрок, над Пастью Сотека и удерживали ее вечно.

— Не так уж много он и просит, - кисло заметил Готрек. — Ты уверен, что он не бог?

— Мы с радостью возвращаем этот долг, - сказал Джордаяс.

— Что же тогда ты здесь делаешь? - спросил Готрек.

Казалось, вопрос застал Штормкаста врасплох. — Я... то есть... мне нужно было...

— Ну?"

Маленет хотела бы подольше понаблюдать за тем, как извивается этот самодовольный идеал, но шелестящий звук чего-то большого, пробивающего себе дорогу сквозь джунгли, взял верх. Она вздрогнула, выхватив ножи, когда во двор втащилась громада, покрытая патиновой-синей чешуей и толстой золотой броней. Он был выше Джордаяса, даже с учетом мускулистых плеч, и шире Готрека. Булава, которую тот нес, была из цельного камня. Глаза - два обсидиановых булыжника, холодные,

рептилоидные и совершенно немигающие.

— Ящеролюди, — прошипел Готрек, сжимая рукоять своего топора, словно желая придать лезвию дополнительный жар.

— Все в порядке, Готрек, — сказал Джордаяс, протягивая руку. — Это Вечный Страж Темекзуки, один из Клыков Сотека под началом Звездного мастера Зектока. Они — союзники Сигмара и братья Клятвокованых.

— Действительно, брат Джордаяс. Все мы играем свою роль в Великом Плане.

Маленет и не подозревала о присутствии другого серафона, но, словно его слова сняли заклинание, существо показалось на полпути к двери в свою башню, укутанное в плащ из разноцветных перьев. Если страж-саурес был тверд и велик, то маленький сцинк заставил бы гротов, струящихся по Мосту Владений, почувствовать себя крупными. Если воин смотрел на Маленет и ее спутников с хладнокровным безразличием, то глаза хозяина были полны расчетливого разума.

— Ты далеко отклонился от своего пути, Старая Кровь.

Готрек фыркнул. — Он говорит со мной?

— Темекзуки, я полагаю? — спросила Маленет.

Сцинк издал рептильное стрекотание, которое Маленет приняла за утвердительный ответ.

— На бородах всех наших предков! — сказал Витромм. Он прижал Друантаэль к стене, но огромная Курноти начала биться в судорогах, сводя на нет усилия по её удержанию. — Может, разберемся, кто на чьей стороне? Друантаэль нужна помощь.

Мерцание звездного света, намек на движение, шелест перьев — и вдруг сцинка больше не стало. Витромм выругался, когда Темекзуки появился перед ним. Сцинк склонился над Друантаэль, погрузившись в свой длинный плащ, полупрозрачные перепонки мерцали в его глазах, изучая большую сильванет. Еще один загадочный щебет заставил набухнуть и завибрировать плетень, висевший у него на шее.

— Серый Владыка напал на голову Охликоатля, а теперь ещё и Старая Кровь пытается его перейти. Все так, как предвидел Зектока, когда впервые увидел сон о моем существовании.

— Мортисрок еще стоит, — сказал Джордаяс. — Пока нас связывает Вечная Клятва, мои братья будут держаться.

Маленет лукаво посмотрел на Грозорожденного. — И где сейчас твои

братья, Джордаяс?

— Я... - Джордаяс опустил глаза. — Я покинул их, это правда.

Готрек смотрел на него, не отрываясь. Его настроение невозможno было понять, что, учитывая его эмоциональный диапазон от возмущенного берсерка до меланхоличного мизантропа, было замечательным достижением со стороны Джордаяса.

— Чтобы найти тебя, Готрек, - поспешил пояснил Джордаяс. — Когда мы вернемся, они поймут, что я действовал по воле Сигмара.

— Уверена, они поймут. Маленет похлопала Джордаяса по наплечнику.

— Ты ведь понимаешь, Готрек?

Истребителю пришлось разжать зубы, чтобы говорить. — Наши клятвы - это камень, на котором зиждется все остальное, человечий отпрыск. Если бы бог мог сказать тебе, что ты больше не должен служить своему королю, или что мой позор может быть искуплен не только моей смертью, тогда для чего нужны такие незыблевые клятвы? Вечная клятва, так ты ее назвал? Па! Я знаю, что означают оба эти слова, дружище, и, возможно, в этом мире они значат меньше, чем в моем. Здесь боги заставляют солнце всходить и сменять времена года, а в рядах почтенных мертвцев ищут воинов, которых, на целых восемь миров, не могут в достатке найти среди живых. Прости меня, человечий отпрыск, если я не впечатлен ни тобой, ни твоей клятвой, ни твоим так называемым богом. Маленет хлопнула в ладоши и облегченно рассмеялась. Это научит этого ханжу появляться в одиннадцатый час и красть ее символ.

Джордаюс проигнорировал ее. — Все не так.

— Эльфийка была права. Ты не тот Джордайн, которого я знал. Я видел, как тот человек умер. Феликс Ягер тоже давно потерян для меня, или, как я надеюсь, что ты - пример того, кем он стал за тысячелетия, прошедшие с тех пор, как мы расстались. Готрек повернулся к Темекзуки, с упрямством отстраняясь от восьмифутового полубога. — Поможешь ты нам или нет, ящерица, пока я не сорвал с твоей головы корону из перьев и не задушил тебя ею?

Завр издал сердитый звук, но Темекзуки мгновенно успокоил его несколькими щелчками.

— Прохода быть не может. Пока нет. Охликоатль слишком разгневан. Именно этот мотив я уловил в намерениях Серого Владыки - не дать Старой Крови последовать за собой в Серебряную Башню. Чтобы сойти

с Моста Владений сейчас, тебе придется убить Охликоатля, а этого я не могу допустить, даже если бы этот подвиг был тебе по силам. Если бы это можно было сделать, Зектока сделал бы это еще век назад, вернул бы дух титана с миром в Азир и избавил бы Ансириса от его долгого долга. Нефритовый свет в глубоких, глубоких глазах Друантаэль слегка дрогнул, когда сильванет подняла взгляд на сцинка, склонившегося над ней. Он обнажил свои острые зубы в явной улыбке. Она неуверенно протянула руку, как бы желая убедиться, что он настоящий.

— Мои глаза видят тебя, Серафон, но я не слышу в тебе биения жизни.

— Ты можешь ее вылечить? — спросил Витромм.

Сцинк повернулся к своему стражу. Они вступили в короткий диалог, состоящий из щелчков и щебетания, который завершился тем, что грузный завр прислонил булаву к стене и наклонился, чтобы поднять Друантаэль с земли. Вечный Страж поднял ее так легко, словно она была полой внутри.

Что бы ни задумал звездовидец для Друантаэль, Маленет надеялась, что это займет какое-то время. И не только потому, что это было первое по-настоящему безопасное место с тех пор, как они покинули Хаммерхол-Гира, и не потому, что оно более чем напоминало ей дом в Азирхайме, и не потому, что разговоры сцинка о *Старой Крови, Серых Владыках и Великих Планах*, связанных с Серебряной Башней, звучали очень тревожно.

Уныние на лице Джордаяса, когда Готрек повернулся к нему спиной, успокаивало ее, как ванна с теплой кровью, и Маленет хотелось нежиться в ней долго, очень долго.

ГЛАВА 33

Звездная башня Темекзуки была частичкой Небесного Владения в этой субреальности. Камни были гладкими и прохладными на ощупь. Обстановка была удобной и роскошной, но без излишеств. Свет исполнял гимны звезд. Невозможно было найти более подходящую обстановку, чтобы облегчить душевную боль Джордаяса, и все же он чувствовал себя раздираемым, как никогда.

Он покинул битву у Мортисрока, потому что в душе знал, что Искатель Рока владеет им также, как Сигмар. Даже превосходит, как бы кощунственно это ни звучало даже в исповеди его собственного разума. Он все еще верил, что это правда и что подобное поручение могло быть поручено ему только с ведома Сигмара и, следовательно, по его воле. И все же, следуя ему, он заставил Искателя Рока отвернуться от себя.

Джордаяс закрыл глаза, прислушиваясь к бормотанию и трелям Звездовидца Темекзуки, плетущего свои заклинания над Друантэль, к негромкому басовитому щебету Вечного Стража, к отрывистому ритмичному скрежету Темной, точащей свои ножи.

— Не волнуйся, парень, — сказал Витромм. — У меня такое чувство, что Друантэль в надежных руках.

— Я молюсь не об Охотнице Курнота

— Как думаешь, он слушает?

Джордаяс открыл глаза. — Думаю, да.

— Что он говорит?

— Он не отвечает на мои молитвы словами... Улыбка зародилась в уголках его губ, неуверенно расширяясь к щекам, когда он понял, что кое-что изменилось с момента ухода из Мортисрока. Металлический голос исчез. Он облегченно вздохнул. — Он отвечает на них молчанием.

— Похоже, ты доволен.

— Больше, чем ты можешь знать.

Витромм сидел напротив Джордаяса за круглым столом из тонкого обсидиана. Джордаяс не знал, что думать о почтенном старом дуардине. Хотя Джордаяс и был бессмертным, он был также, в тоже самое время, недавно бессмертным. Он был молод, в то время как Витромма можно было назвать старым. В его высказываниях чувствовалась глубина и мудрость, а в глазах — задумчивость, словно он повидал во Владениях

Смертных больше, чем мог рассказать, даже если бы захотел, и сделал больше, чем мог бы свободно поделиться. Но, несмотря на это, его спокойствие вселяло уверенность. Ведь если тот, кто видел все, может сохранять искренний юмор в своей улыбке, значит, все не так уж плохо, как кажется. Маленет не доверяла ему, и это было ему на руку, а забота, которую он проявлял к их спутнице сильванет, была очевидна.

Дуардин поднес каменную кружку к усам и отхлебнул пенистого эля.

— Неплохая интерпретация "Оуд Нэсти" Грустангла, — объявил он, задумчиво причмокнув губами. — Как Звездный мастер сланн из далеких веков нашел воспоминания об этом — загадка для более белых бород, чем моя.

— Похоже, тебя не беспокоит странность нашего окружения. Должно быть, ты действительно так много путешествуешь.

Витромм сделал еще один глоток эля, который подготовил для него Темекзуки. — Можно и так сказать.

Из угла, где работал Темекзуки, лился звездный свет. Джордаяс вздрогнул, когда чистая нота его Высшей магии стала пронзительной. Друантаэль скрипела под додекаэдрическими оберегами, которые установил сцинк, точно дерево, которому некуда расти. Она вскрикнула, оттолкнувшись от пола, но ее удержали невидимые путы и небесные узы. Маленет зашипела, уронив точильный камень, чтобы закрыть уши.

— Что, во имя небес, ты с ней делаешь? Не думала, что можно причинить Сильванет такие муки.

— Я открываю ее душу небесам, — спокойно объяснил Темекзуки, покачиваясь вокруг корчащейся Сильванет. — Я не могу воссоздать отсутствующую песню ее королевы, но в тишине между звездами есть мир.

Звездовидец возобновил песнопение. Магия стихла, и Джордаяс почувствовал, как его дух расслабляется. Страдания Друантаэль тоже заметно уменьшились. Маленет неуверенно отняла руки от заостренных ушей и недовольно скривилась.

— Неужели я одна все еще слышу это жужжение?

Витромм хихикнул над своим элем. — Уши эльфа, девочка.

Бросив взгляд на Стража Вечности, холодно взирающего на всех из своего угла звездного зала, Джордаяс поставил локти на каменный стол и наклонился вперед. — Как ты думаешь, Темекзуки попытается

помешать Готреку сразиться со Змеем Владений?

— Если он так сказал, парень. Для расы звезднокровных порождений снов серафоны - ужасные лжецы.

— Почему ты шепчешь? - спросила Маленет, говоря громко, словно компенсируя дискомфорт в ушах. — Ты боишься, что наши рептилии подслушают тебя? Или это Готрек, чье мнение тебя беспокоит? Что ж, на этот счет вам не стоит беспокоиться. Подозреваю, что он все еще бродит по территории, как троггот, который ударился головой и не может вспомнить дорогу домой. Даже если бы он сидел там, где я сейчас, сомневаюсь, что он заметил бы ваше беспокойство по поводу его собственных жалоб. Она нахмурилась еще сильнее, а голос ее огрубел, когда она удивительно похоже изобразила Готрека Гурниссона. — В мое время люди-ящерицы были более непрозрачны.

Джордаяс подавил улыбку. Витромм рассмеялся так сильно, что эль хлынул у него из носа.

— Неудивительно, что эта башня разрушилась всего за одну эпоху. Чего можно ожидать, если строишь из звездной пыли и снокамня?

Витромм вытер нос рукавом, плача от смеха.

Маленет пожала плечами, но на ее лице появилась неприятная улыбка, свидетельствующая о том, что она была довольна такой оценкой, и вернулась к заточке ножей.

— Я не боюсь, - сказал Джордаяс.

— Конечно, да, - ответила Маленет. — Ты не Джордайн. Ты - Броддур. Ты гадаешь, будет ли Готрек настаивать на том, чтобы пожертвовать твою жизнь против Охликоатля, и беспокоишься, что тебе придется выбрать его, а не наших повелителей. Она положила острье своего и без того острого ножа на стол. — Ой, а в чем дело? Крамольные мысли? Сколько времени прошло с тех пор, как ты отвернулся от своих последних друзей? День?

— Уверен, тебе легко, Темнородная, - холодно ответил Джордаяс.

— Скользить от хозяина к хозяину без сожаления и последствий.

Раньше он думал, что на вопросы о *цели* и *верности* ответить проще всего, но с тех пор понял, что это не так. Было зло, но не было и однозначного добра. С тех пор как Сигмар наделил его бессмертием и силой, чтобы по-настоящему задать их самому себе, отвечать на эти вопросы стало еще труднее. Оставил своих братьев ради помощи

Готреку, отвернулся ли он от Сигмара? Или это тоже было частью его плана, о котором тот не мог рассказать ни Звездному мастеру Зектоке, ни даже Джордаясу?

— Я не какой-то там паладин из бури и плоти, мы... — он махнул рукой, охватывая Маленет и себя. — Мы не автоматы, как те, что служат его своенравному союзнику Нагашу. Мы должны думать сами. Кому ты на самом деле служишь, Темнородная, кроме себя?

— И почему я должна кому-то служить?

— Если мы не служим добровольно, значит, нас используют втемную.

— Разве это так, Витромм?

Дуардин удивленно хмыкнул, подняв брови, но от выбора стороны его спас внезапный, пронзительный крик Друантаэль.

— Моя королева! Ты так далеко!

Джордаяс хотел было подняться, чтобы помочь, чем сможет, но взгляд Витромма отговорил его. Он откинулся на спинку кресла, и почти сразу муки сильванет оборвались, а крики перешли в измученные рыдания, похожие на умиротворение, наступающее после кровавой битвы.

— Я островок гармонии в море горького одиночества, — пробормотала она. — Я слышу эхо ее песни внутри себя, но она так далеко. Так далеко.

— Так же далеко, как Сигендил от земель Владений. Или созвездие Клыков Сотека от этой башни. Темекзуки обнажил свои полупрозрачные клыки в подобии человеческой улыбки и похлопал Сильванет по тыльной стороне ладони. — И все же они сияют.

Витромм надул щеки и с облегчением отпил эля. — Она вернулась. Наступило облегчение. Есть шанс, что мы найдем Серебряную башню и без нее, но я бы не стал возлагать надежды на то, что мы найдем Хрут'гаэля в одиночку. Теперь, как только Змей Владений успокоится, мы сможем выбраться отсюда.

В комнату вошел второй воин саурус, закованный в толстый белый камень, а не в сияющее золото Стражи Вечности. Его чешуя сверкнула, когда он прошел под звездным полем. Джордаяс прислушался к их рычащему совещанию. Трудно было отделаться от убеждения, что новости, которые они передавали, не были хорошими.

Маленет, очевидно, была такого же мнения.

— Что они говорят? — прошипела она.

— Я не знаю.

Надзиратель Вечности повернул свою чудовищно мощную пасть к Темекзуки и издал короткий щелчок. Звездовидец в ужасе поднял глаза на Друантаэль.

— Старая кровь ушел?

— Ушел? — удивленно повторил Джордаяс, поднимаясь с кресла. — Куда ушел?

— Далеко он не уйдет, — сердито проворчал Темекзуки. — Охликоатль заставит его повернуть назад. Остальные должны оставаться здесь, пока...

Джордаяс удивленно моргнул, когда Темекзуки внезапно остановился в середине; его потрясение было не меньше, чем у Звездовидца, который, опустив взгляд, обнаружил у себя в груди остро заточенный нож Маленет.

— Прости, Темекзуки, — сказала Маленет без малейших признаков раскаяния. Она стояла у своего кресла, рука все еще была вытянута в направлении броска. Джордаяс даже не заметил ее движения. — Но если Готрек собирается где-то погибнуть, то, боюсь, у меня просто нет времени задерживаться.

Темекзуки сделал шаг, пошатываясь, и его шея затряслась от страха. Его чешуйчатое тело уже превратилось в звездную пыль, ноздри задымились, и он затаил дыхание, чтобы произнести последний слог, дающий решающее указание в отношении Великого плана, но его растворение достигло губ прежде, чем он успел его произнести.

Сцинк замерцал в последний раз и исчез.

Удивление, наконец, пробило хладнокровных завров, и они возмущенно завопили.

Витромм отставил пиво и вздохнул. — А я так надеялся закончить с ним.

— Что ты наделала! — закричал Джордаяс.

— Пора решить, на чьей ты стороне. За спиной Маленет находилось большое окно из звездного хрусталия. Из него открывался вид на землю внизу. Прежде чем Джордаяс успел среагировать или серафоны дотянутся до нее, она бросилась в окно, и осколки звездного хрусталия, падая, облепили ее, словно ореол.

Джордаяс мог только смотреть.

Отступить от своей клятвы ради более великой — это одно. Бросить своих братьев в разгар битвы — это оскорбляло его чувство природной

справедливости и воинской гордости, но перед ним лежал путь к великой цели, и у него было достаточно веры, чтобы идти по нему. Но это?

— Я в замешательстве, Витромм, — сказала Друантаэль.

— Хотел бы и я сказать также, девочка.

— Неужели эти серафоны не пускают нас к Древнему Хрут'гаэлю?

Дуардин тяжело вздохнул.

Сильванет воинственно вздрогнула, когда встала во весь рост. Из ее жесткой коры проросли шипы, и она стала шире в плечах, возвышаясь над воином сауруса и Стражем Вечности, словно мстительный дуб.

— Не по воле Всекоролевы.

И не Сигмара, подумал Джордаяс и понял, что это правда.

Но он не желал обращать дары Бога-Короля против слуг Азира.

Вскрикнув от досады, что его довели до такого, он бросился через разбитое окно вслед за Маленет, взмахнул крыльями, по воле Сигмара поднявшими его, и снова оставил звуки битвы позади себя.

ГЛАВА 34

— Вот ты где, Искатель Рока.

Джордаяс стрелой пронесся по кишащему монстрами небу, уклоняясь от гарпий, стай падальщиков и прожорливых сквигов, которые время от времени вставали на пути. Он не мог поверить, что Готрек в самом деле сражается со Звездным Титаном и, судя по звукам, отлично держится. Охликоатль мог бы напасть и на Сигмара, если был бы достаточно разъярен.

Как Мир-что-Был вообще мог пасть перед Хаосом, удивился он, когда на пути его армий вставали такие герои, как Готрек Гурниссон?

У головы Змея Владений энергия Гура преобладала. Пустота, в которой извивался Титан, окрасилась в янтарный цвет, и сквозь разрывы в истонченном эфире доносились крики и рычание хищников, подчинявшихся гневному шипению Змея.

Огромная лопатообразная голова Охликоатля нависала надо всем, как другая сфера Владения, с силой пробивающая себе путь в небеса этого. В глазах Титана бушевали великие бури. Вилообразный язык, покрытый всполохами молний, мелькал между клыками, напоминающими горы. Казалось, он делал это медленно лишь потому, что у него такой огромный путь из пасти наружу и обратно.

В сравнении с титаном Готрек был ничтожным пятном. Дуардин стоял, крепко упираясь ногами в спину Змея, и размахивал топором, в то время как Охликоатль выгибал шею, смотря вниз.

— Сигмар, дай мне смелости! — закричал Джордаяс, когда Охликоатль сделал выпад.

Он двигался стремительно, как любая атакующая змея, и неудержимо, как падающая гора. Яростное шипение вызвало бурю, молниями окутавшую чешую у ног Готрека. За головой Змея из пустоты материализовались кометы, потянувшиеся за ним, как падающие звезды. Комета упала, и апокалипсис из камней, огня и молний прошел сквозь светящиеся крылья Джордаяса, заставив того метаться по воздуху, как лист в космической буре. После нескольких отчаянных секунд молитвы его крылья вновь зажглись. Они затрещали, подхватывая воздух, и он снова взвился вверх. Каким-то образом Искатель Рока всё ещё стоял на ногах, словно прилип к драконьей губе, и бил топором по Змею Владений. Джордаяс слышал

его ярость и проклятия даже отсюда, и мерцание пламени сопровождали каждый золотой импульс руны в его груди.

— Встреться с моим топором, безногий дракон! Дай мне мою погибель или приготовься встретить свою!

— *Дар эк элг-ха онг таск бин Готрек Гурниссон!*

Этот голос...

Теперь Джордаяс понял, зачем Сигмар пожелал, чтобы он пересек Пасть Сотека и лично стал свидетелем. Голос Руны Готрека был тем самым, что Джордаяс слышал в своих молитвах. Голос *Гримнира*. Теперь всё встало на свои места и обрело смысл. Он понял. Вот почему его преследовали воспоминания о прошлой жизни и о клятвах, данных ранее. Возможно, именно поэтому Сигмар принял его и перековал его в первый раз: за его связь с Искателем Рока, а вовсе не за его деяния. Если так, то Джордаяс не мог возмутиться.

Разве перед кем-нибудь из воителей

Сигмара ставилась более сложная задача с тех пор, как Тостос Буря Клинков вернул Гхал Мараз из Владения Металла?

— Назад, божок, — прорычал Готрек, глядя на светящуюся руну.

— Возвращайся в свою клетку из огня и золота. Я буду на смерть сражаться с этим Змеем или не буду биться вовсе.

Джордаяс призвал копье и метнул его в Звездного Титана, который стремительно летел по орбите, опасно надвигаясь на него. Копье летело точно, и он не мог промахнуться, но оно безрезультатно было поглощено звездной материей чешуи Змея, не оставив ни малейшего следа. Он не мог сражаться с существом, созданным из той же сущности, что и сам Бог-Король. Словно пытаться тушить пожар, подливая в него масло.

— Это мой бой, Грозорожденный, — прорычал Готрек. — Улетай.

— Используй силу своей Руны!

— Нет! Этот Истребитель не подчиняется ни одному богу, и уж точно — не этому. Без меня эта руна — лишь слабый отголосок мертвого бога. Без неё я — всё ещё гном, оставивший большое число мертвых врагов у своих ног и переживший Старый Мир. Ты не знаешь, человечий отпрыск, что эта руна отняла у меня, чего она мне стоила и может стоить ещё. Ты не видел, как она растопила колдовскую зиму Всекоролевы и позволила нечисти Нургла вторгнуться в ее владения. Я буду сражаться и побеждать своей силой, и только своей, и надеюсь скоро встретить смерть так. Поступить

иначе было бы оскорблением моей клятвы.

— Зачем тебе тогда топор, Готрек? Зачем носить Льва Эдассы на плече? Отчего бы не сразиться со Звездным Титаном без одежды и голыми кулаками? Если ты так не хочешь быть часть бога Огнеубийц, то почему не позволяешь Темной забрать руну и её силу у тебя? Я не верю, что ты боишься боли от её ножей.

Титан возвышался над Джордаясом. Он не знал, почему так уверен, что привлек его внимание, ведь Змей заполнил собой всё небо, не выказывая заинтересованности.

Дождь молний обрушился на Джордаяса сверху, как язык жабы на муху. Дуги электричества ползли по поверхности его брони, тело дергалось в спазмах, крылья перегрузились и погасли во второй раз и доставив такую боль, что он даже не заметил удара о землю, пока не обнаружил себя на ней мгновение спустя, после того, как немного пришел в себя. Со стоном открыл глаза, в них кружились звезды, всполохи света и пыли, сжимающиеся в куски льда, образовывающие вокруг головы Титана новую систему смертоносных спутников.

Джордаяс попытался встать, но электрический разряд прошел по телу, заставив его подёрнуться и рухнуть обратно.

— Разве в Гладиаториуме не учат уклоняться?

Маленет смотрела на него с поджатыми губами, словно даже в таком положении он находил способы уязвить её. Звезды кружились над ней в буре. Земля под Джордаясом задрожала.

— Что ты сделал с Готреком? - требовательно спросила она.

— Путь свободен, - пропела Друантэль, появляясь рядом с аэльфийской ведьмой прежде, чем Джордариус успел ответить. Голос её звучал бодро, и она уверенно пронеслась мимо, отбивая своим огромным мечом осколки комет. — Теперь я остро чувствую! Серебряная башня и жизнь, которая в ней водится, прямо перед нами. Если Змей Владений не сдастся, то он должен пасть. Моя Королева желает этого.

— Ага, - сказал Витромм, пыхтя следом. — Всё равно назад дороги нет.

— Где Готрек? – прошипела Маленет.

Они все были здесь. Джордаяс с трудом сел, но не смог даже разжать губы. Он мотнул головой в сторону, где в последний раз видел Искателя Рока, цеплявшегося за нижнюю челюсть Охликоатля.

— Жди здесь, Грозорожденный. Присмотри за тылом или что-то такое.

Маленет перешагнула через него. Джордаяс никак не мог её остановить.
— Я позабочусь о Готреке.

После десятилетий развлечений в Ночи Смерти, увернуться от горстки комет было детской забавой. Маленет прыгала и кружилась под небесным дождем, не сводя глаз с золотого блика, которым стал Готрек Гурниссон, но все другие её чувства были обострены. Истребитель вступил в самую, наверное, безнадежную схватку за всю Эпоху Сигмара, рубя нижнюю губу Змея словно шахтер, давший пьяное обещание в одиночку раскопать гору. Вокруг него мерцал и трепетал рунический барьер. Вспышки золота и огня отражали самые мощные молнии, но они всё равно оставляли на нём черные отметины, и заставляли всё ниже падать на колени.

Если Готрек искал славной гибели от самых могущественных врагов, то Маленет, пожалуй, могла понять, почему он выглядит таким довольным собой. С другой стороны, если его целью было возвращение себе топоров его бога, то он нашел удивительно саморазрушительный способ добиться этого.

— Ты же знаешь, что Змей даже не подозревает о твоем присутствии! — выкрикнула Маленет.

Она не ожидала, что Истребитель услышит её в творящемся вокруг апокалипсисе, но он оторвал взгляд от удара по подбородку Звездного Титана, чтобы понять, что это сказала Маленет.

— Я не так хорошо знаю этих богозмей, эльфиечка, но я не думаю, что ему нравится! Он взмахнул топором перед головой Змея Владений.

— Спускайся сюда, ящерица. Тебя всё ещё много где можно ударить!

Маленет могла бы вырвать себе волосы, если бы не была так занята тем, что избегала смерти. За месяцы, что она провела в его тени, Готрек, как правило, приносил ей утешение и иногда забавлял, но она призывала в свидетели Сигмара Хельденхаммера и Кроваворукого и собиралась положить этому конец.

— Прими силу Гrimнира и убей эту тварь!

— Я уже побеждал ваших богозверей и без помощи богов.

— Насколько я поняла болтовню Броддура, Ингримбрис принял тебя за Гrimнира и сбежал, а Окаэнос сжег вас обоих дотла и выплюнул. Вряд ли это впечатляющий послужной список, Готрек.

— Ага, но кто ещё стоит на ногах? Точно не чертов Гrimнир!

— Используй её, Готрек! Если ты этого не сделаешь, то готовься умереть в этой схватке. Так что такое, Готрек? Неужели самоубийства о богохвальном будет достаточно, чтобы смыть тот идиотский позор, за который ты так цепляешься в своем мертвом мире?

Готрек я яростью ударили Звездного Титана.

— Ты не понимаешь, эльфиечка. У топора, который я ищу, тоже была своя судьба. Он хотел, чтобы я нашел его. И с тех пор, как я укрылся в пещере, приютившей его, он направляет мою судьбу. Тогда я еще не давал клятву Истребителя, но каким-то образом он знал. Должно быть, знал, и направлял мою судьбу. Хельга. Гурна.

Его голос оборвался, когда он произнес имена, ничего не значащие для Маленет, и затем огонь руны окрасил серебро его волос в золотистый цвет и заставил мышцы вздуться.

— Когда-то у меня была дочь, эльфиечка. Ты знала? Моя маленькая Гурна. Его печаль быстро переросла в гнев, а золотое пламя, уже охватившее плечи, разгорелось еще сильнее. — И Снорри. Будь проклята его идиотская ухмылка и голова, полная пустых мечтаний, за то, что заставил меня сделать это. Топор знал все, или помог случиться всему, чтобы стало так. Ведь что такое топор первого Истребителя в руках отца с домом на реке Череп? *Нет*. Нужен был именно Истребитель. Только величайший Истребитель, ступавший по миру с тех самых пор, как Гrimnir сам искал свой рок! Это сделало меня тем, кем я стал. Сделало таким. Так пойми же, эльфийка, что я больше не пойду на такую сделку. Не желаю, чтобы моя судьба сплеталась с судьбой Гrimnira!

— Пусти еще слезу, Готрек! Твоя судьба уже связана с твоим богом, а я застряла здесь с тобой. Так призови же силу, или, клянусь красной дланью Кхайна, я воткну нож тебе в спину и проверю свои шансы выжить только со Звездным Титаном.

Готрек взревел в своем вызове. Маленет. Гrimniru. Миру, который он ненавидел, но никогда не мог бросить на произвол судьбы. Рев перешел в хохот, низкий и горький, переходящий в огненный шквал вкупе с вулканическим грохотом Мастер-Руны, что полностью окутала Истребителя своим пламенем.

Впервые Охликоатль понял, что ему брошен вызов.

— **КАК ТЕБЕ НРАВИТСЯ ТАКОЕ, ЗМЕЙ ВЛАДЕНИЙ? КОГДА В ПОСЛЕДНИЙ РАЗ СТАЛКИВАЛСЯ С РАВНЫМ ПО СИЛАМ?**

Маленет пыталась было уследить, что произошло дальше, но её глаза не могли охватить всё. Земля покрылась огнем, воздух трещал молниями, и стихии столкнулись. Ни одна сила более не сдерживала себя.

Маленет наблюдала столько, сколько могла, прежде чем буря поглотила её. Последней ускользающей мыслью перед потерей сознания было то, что если Готрек выживет, то ей придется каким-то образом одолеть его.

ГЛАВА 35

Маленет очнулась от криков и воплей доносящихся их джунглей. Она осторожно открыла глаза.

Небо было янтарного цвета, в нем кружили птицы и висели тучи насекомых. Пахло дымом. Среди развалин каменного замка виднелись забрызганные кровью листья с похожими на клыки краями. Смотреть на всё это было больно. Она подумала было, не вернули ли её в Звездную башню Темекзуки. Какое наказание придумали бы бесконечно терпеливые серафоны для аэльфийки, убившей их звездовидца? И была ли в ней хоть раскаяния, если она была бы рада предложению палача просто лечь и не шевелиться. Но эти заросли не были похожи на джунгли серафон на Мосту Владений. Воздух имел иной вкус. Влажный и теплый. Даже с кислым привкусом пота. Под землей раздалось утробное урчание. *Гур.*

Каким-то чудом они добрались до Владения Зверя. Это был не совсем то тприём, которого она ожидала от Штормовой Палаты Джордаяса.

Она услышала голоса Витромма и Джордаяса и повернула к ним голову.

— Врата Владений... — бормотал Джордаяс. Грозорожденный Вечный стоял на коленях перед нагромождениями обломков черного камня. Его крылья были сложены вокруг него, словно для утешения, или, зная его, — скрыть свой позор от небес. — Они пали. Моей клятвы больше нет.

— Всё в порядке, парень, — Витромм похлопал его по спине.

— Я должен был быть здесь.

— Ага, — сухо сказал Готрек. — Должен был.

При звуке его голоса Маленет приподнялась, заслужив теплую улыбку Витромма, но не обратила на старого дуардина ни капли внимания, сосредоточившись на единственном истинном источнике всех её бед.

Готрек выглядел слегка опаленным и, можно даже сказать, потрясенным, но, к сожалению, ничуть не хуже, чем до поединка со Звездным Титаном. Руна тихо теплилась в его груди. Снова уснула. Маленет подозревала, что каков ни был бы источник её силы, на данный момент она исчерпала себя.

— Прости меня, Сигмар, — сказал Джордаяс.

— Боги редко обладают умением прощать, — ответил Готрек. — Но живут они долго. Скорее всего, он простит тебя раньше, чем я.

Размашистыми, скрипучими шагами Друантэль оставила всех позади.

Она подошла к парапету из разбитых камней. С него открывался вид на какой-то каньон или долину, за которой буйствовало Владение Зверя. Маленет не могла видеть его с того места, где лежала, но голодные звуки и теплые запахи были достаточно угрожающими. Хищная лоза пробралась сквозь щели в парапете и накинулась на шею Друантаэль. Вместо шипов у лозы были клыки. К бокам налипли ошметки чего-то, похожего на мех скавенов.

Друантаэль поймала лозу одной рукой. Та яростно забилась, не в силах прогрызть прочную кору. На мгновение курноти задумалась, но затем вырвала хищное растение с корнем посыпая вниз по склону расшатанные камни. Оно зашипело, волоча окровавленные корни и затем затихло.

Сильванет явно не испытывала никаких угрызений совести, покончив с этой жизнью.

— Серебряная башня Ксер'гер'аэля, — сказала она, отбрасывая мертвую лозу в сторону. — Она здесь.

Маленет закрыла глаза и задрожала. Даже после всего приключившегося она не теряла надежду, что они потерпят неудачу.

— Тогда идем, — сказал Готрек, немедленно отправляясь в путь. Он пробирался через останки Моста Владений и обломки навстречу судьбе, которую, по его же словам, не хотел.

С разной степенью готовности за ним последовали Витромм, Джордаяс и Друантаэль.

Маленет постучала длинным острым ногтем по амулету на шее и всерьез задумалась о том, чтобы позволить им идти дальше без неё. Но она предавалась приятным мечтам всего мгновение, а затем вздохнула.

— Нет, серьезно, — пробормотала она себе под нос. — Нет нужды помогать мне подняться.

— Узрите же самого смелого и свирепого среди скавенов!

Серый Владыка стоял на шаткой металлической платформе, наспех возведенной за несколько часов с одной единственной целью — вознести его так высоко над восхищенными массами скавенов, как того требовали его достижения. Большие и шумные машины превосходной скавенской конструкции трудились, расчищая джунгли и впуская в бывшую Штурмовую крепость все новые и новые части его орды и выплевывая

бревна и, иногда, искалеченное тело кланокрыса, которого толкнули слишком близко окружавшие его собратья.

— Узрите...

До Серого Владыки дошло, что из-за шума лесозаготовительных машин не слышно его величественного писка. Он мысленно отметил, что как только закончит работу, то поговорит со старшим инженером-колдуном по душам. Достав из-под серой мантии маленькую шкатулку, он поднес её к морде и сделал долгий глубокий вдох. В ноздри ударили электрический трепет чистой магии. Зрачки расширились, шерсть вздыбилась, хвост стал жестким. Казалось, мозг раздулся, как воздушный шар, а с усов слетали искры. Он захихикал, направил свой посох на ближайшую из своих инфернальных машин и уничтожил её разрядом варп-молнии.

— Узрите Серебряную башню!

Скавенские воины завизжали, наверняка от обожания, когда на них посыпались обломки механизмов. Зато теперь они точно слушали.

Как и следовало! Кто, кроме самого великого из скавенов, мог бы померяться силами с Изможденным Призывателем и так ловко предвидеть появление Серебряной башни? Да ещё тот, кто пережил такое беспардонное вероломство, как он; кто терпел таких недалеких союзников, как человеческий принц Осаяндэ и Невидящее Око. После того, как его планы по подрыву Хаммерхола-Акши были сорваны — в который раз! — союзы, собранные им по всему Великому Пеклу предсказуемо распались. Однако, он счел разумным тактическое отступление и бежал в Гиран, прежде, чем армии Хаоса были разгромлены.

Его преданный телохранитель крысоогр, к сожалению, не пережил встречу с мстительными Изумрудными Стражами. В свой время он заменит его, но сейчас его планы были грандиознее прежних. Стремясь искупить свои многочисленные неудачи, Глаз-что-Видит открыл Танкуолю тайну великого сокровища Серебряной башни, и на этот раз даже рыжемехий не сможет его остановить. Точно не после того, как он столь хитроумно обрушил за собой Мост Владений. Инженеры клана Скрайр — ослепленные зазнайством и мелочной завистью, да-да, все они! — настаивали, что это невозможно, а теперь?! Титан был не просто ранен, как он надеялся, а мёртв!

Как были мертвы все штормо-твари.

Как и рыжемехий, который однажды, очень-очень скоро, будет мертв.

— Опасности ещё впереди, — пропищал он, и голос его звучал громко и истерично быстро из-за дозы варп-камня. — Да-да! Несомненно! Там будут и ловушки, и монстры, и иллюзии, и хитроумные уловки, но вы, храбрые-смелые воины Чумного города, превосходите любую тварь, не обладающую превосходящим интеллектом скавенов. Из ваших элитных рядов я собрал отряд, который проникнет в жалкие лабиринты Изможденного Призываителя и доставит мне желанную награду. Галг Парокоготь из клана Скрайр!

Тощий скавен с облезлым мехом вздрогнул, когда Серый Владыка направил на него свой зловеще светящийся посох.

— Снарк Болтокруш из клана Моулдер!

При упоминании своего имени мускулистое существо повернуло слюнявую морду к платформе и подняло полузвериный взгляд.

— Наото Смертокос из клана Эшин!

Повисла пауза. Серый Владыка посмотрел вниз, но не было никаких следов мастера Смерти.

— Филт Сеятель из клана Пестиленс!

Чумной монах в грязных одеждах высморкался.

— Четыре отважных искателя приключений! — продолжал Серый Владыка.

— Элита скавенского народа, способные справиться с любым противником. И да! Магия Ксер'гер'аэля грозная. Но она — ничто с сравнением с магическим мастерством меня, Танкуоля, верховного среди колдунов, смертоноснейшего среди прорицателей, могущественнейшего из магов, и я буду руководить каждым вашим шагом, — он стукнул основанием посохом по помосту между лапами, — прямо отсюда, где мои проницательность и ум, несомненно принесут вам величайшую пользу.

Так что вперед, храбрые скавены! Вперед! Принесите мне главное сокровище Серебряной башни!

ЧАСТЬ 7

Серебряная Башня

ГЛАВА 36

Джордаяс наблюдал за битвой сверху.

Серебряная башня была игрой измерений, в которой не было правил. Потолки и полы были взаимозаменяемыми, в зависимости от того, где стоять. Ни одна стена не должна была физически соединять их, и тем не менее они это делали, изменяясь от почти бесконечной высоты до полного исчезновения в мгновение ока, часто группируясь так, чтобы удерживать оба измерения одновременно и все между ними. Целые миры плавали в пустых пространствах, которые постоянно меняющиеся перспективы оставляли в глазах и в уме. Они сияли, как золотые города, миражи надежды, богатства и судьбы над бездной небытия, всегда здесь, но до боли вне досягаемости. Их пересекали коридоры, ведущие в никуда и повсюду, чаще всего к собственному началу, которое нужно было пересечь снова и снова. Спутники Джордаяса расположились вдоль кишащей демонами галереи под ним. Гигантские статуи, высеченные, а может, и призванные, в рычащие подобия великих демонов, беспорядочно извергали огненные шары. Впереди шла Друантэль, за ней старалась не отставать Маленет словно пятно из горечи и ножей. Следом шел Витромм, за ним Готrek, решительно сражающийся с окровавленными Кровопускателями Кхорна.

Они находились в Серебряной башне уже несколько недель, но точно сказать было трудно. Внутри сооружения не было ни дня, ни ночи. Они не уставали и не испытывали голод. Готrek с негодованием отметил, что даже его борода перестала расти. Большую часть этого времени они провели в скитаниях, потерявшиеся, переходя от одной жестокой битвы к другой, и все же Готrekу, похоже, это ещё далеко не надоело.

— Я добровольно шел к своей гибели, в темницу Принца Тени и в самый темный ад Мира-что-Был, но моя жажда бессмысленного кровопролития осталась такой же, как и прежде. Готrek сурово расхохотался. Кровопускатели роились вокруг него и падали дюжинами, а из рунической харовни его топора вырывалось пламя, оставляя за его взмахами горящие полосы. — Огонь моего топора пылает ярко, и, хотя моя борода лежит ближе к полу, чем когда-либо, в этой груди бьется сердце истинного гнома древности.

— Пойдем, Готrek, — крикнул в ответ Витромм. — Не думаю, что даже

Маленет уговорит Друантаэль подождать тебя.

— Песня духа Древнего Хрут'гаэля взывает ко мне из прохода за гранью, - пропела охотница Курнота, находясь в сотне ярдов и частично скрытая от глаз Джордаяса дымом и пеплом. — В моем сознании это звук падающих листьев, осенне великолепие и еще далекая зима. Он недалеко.

— Конечно, - продолжил Витромм. — Она говорит это уже несколько дней.

Готрек расхохотался, зарубив последнего из кровопускателей, все еще остававшегося в пределах досягаемости его топора. — Убивать демонов - все равно что есть овощи. Сколько бы их ни накладывали тебе на тарелку, этого никогда не хватит, чтобы набить брюхо. Раздосадованный тем, что ему больше некого убивать, Искатель Рока поддался на уговоры Витромма и повернулся, чтобы продолжить бег. — Это место - лабиринт, долгобород. Такой же коварный, как любой лабиринт, скрывающий сокровища моих предков. И смертоносный, как любые чары, наложенные бессердечным коварством эльфов.

— Надеюсь, тут есть хоть какое-то сокровище.

Джордаяс обернулся, чтобы посмотреть вперед: Друантаэль удлинила шаг, чтобы перепрыгнуть через журчащий поток лавы, расколовший галерею на две части. Она легко приземлилась на другой стороне, демоническая каменная кладка под ней хрустнула.

— Холодное железное сердце Кхайна, - выругалась Маленет. — Не все мы обладаем длинными ногами курноти. Темнородная бросилась к медленному потоку, а затем прыгнула, приземлившись на другой берег, и перекатилась. Задыхаясь и испытывая большее облегчение, чем она могла себе представить, она обернулась. — Готрек, ты сможешь перебраться?

— Ха! Нет такого места, куда бы эльф не побежал, за которым бы не проследовал гном.

— Говори... за... себя, - прохрипел Витромм.

— Хватит ныть, долгобород. Он не такой уж и широкий.

Одна из статуй выплюнула огненный поток, накрывший галерею, как раз в тот момент, когда Витромм приготовился к разбегу. Джордаяс развернулся, готовый нырнуть вниз и вытащить дуардина из пламени, но Витромм сам отступил, закашлялся и потушил языки пламени на плаще

и бороде.

— Клянусь, у этих статуй есть своя воля, - сказал он.

— Немного огня, - сказал Готрек, смахнув пламя со своей кожи. — Я его почти не чувствую.

— Сзади, Готрек, - предупредил Джордаяс.

Не обращая внимания на голос, раздавшийся над ним, Готрек повернулся спиной к лавовому каналу, переминаясь с ноги на ногу и с нетерпением размахивая топором. По галерее продвигалась еще одна группа кровопускателей. Их глаза горели, как угли. Лишенные кожи мускулы влажно блестели, когда они проходили под отблесками лавы. Они наступали гораздо осторожнее, чем Джордаяс привык ожидать от низших демонов Кхорна. Казалось, даже они научились уважать жажду убийства Искателя Рока.

— Разве мы еще не изгнали их всех? - Витромм вздохнул.

— Мы, долгобород? Если ты собираешься произносить такие слова, как "мы", то твой топор захочет испить немного больше ихора демонов, чем ты ему позволил. Я с радостью изгоню всех до единого, кто скрывается в этой Серебряной башне. Не надейтесь, что его безумие заставит меня струсить. Залы Изменяющего не страшны для истинного Истребителя, - он хотнул с предвкушением неминуемого кровопролития. — Зовите своего смотрителя, демоны! Выкрикивайте истинное имя Ксер'гер'аэля и молитесь, чтобы он внял. Посмотрим, кто из нас превзойдет другого – демонический раб Бога Перемен или жаждущий мести последний из *деви тромм!*

Кровопускатели издали какофонию звериных, полуразумных воплей и бросились в атаку.

Джордаяс не сомневался, что Готрек и Витромм без посторонней помощи справятся с любым количеством мелких демонов, но не без риска потерять Друантэль или увязнуть в бесконечном потоке нападающих. Искатель Рока не поблагодарит его за вмешательство, он знал, но время пришло. Вдохнув энергию азирита, он сложил крылья и спикировал вниз.

Он ударился о землю, как болт из Небеснозвездной баллисты. Сила удара повалила кровопускателей на землю и затормозила из атаку, а дуги электричества вырвались наружу и испепелили еще нескольких. Распрямившись, он метнул призванное копье шторма и с грохотом грома

пронзил еще одного демона. Он освободил своё оружие. Демоническая кровь дымилась на сигмаритовом клинке, как будто его вытащили из печи. Взяв его двумя руками, он взмахнул им, почти случайно обезглавив другого, который напал сбоку. Отметив третьего, он налетел на него, но тут же почувствовал, как грубые руки выдернули его назад. Он выбросил руку, и его локоть безвредно прошел через гребень Готрека, когда Искатель Рока оттащил его назад и вогнал свой топор в демона.

Топор Витромма уложил последнего из кроворускателей.

— Мне не нужна твоя помощь, Грозорожденный, — сказал Готрек. — Да и я не приветствую ее.

Джордаяс огорченно покачал головой. — Неужели мы не можем прийти к какому-то согласию, Готрек? С Мортисрока ты не сказал мне ни слова.

— И неужели ты думаешь, что враждебность гномов утихнет всего за несколько дней? Неужели думаешь, что она угаснет и через сто лет? Теперь ты бессмертен, но мыслишь по-прежнему как человек.

Готрек отмахнулся и решительно зашагал к журчащему потоку лавы, разрезавшему галерею пополам. Маленет поманила их из дымки на другой стороне.

— Серебряная башня влияет на тебя, Готрек, — сказал Джордаяс.

— Ба!

— Ты прав, я больше не человек, — сказал Джордаяс. — Я — Обвинитель Небесного Воинства и вижу тьму этого лабиринта. Вижу, как она окутывает нас, стремясь повлиять и развратить, а тебя, я думаю, больше всех. При всей своей силе разве ты не чувствуешь ее? Он мрачно улыбнулся. — Искатель Рока, которого я помню, не был героем, не из тех, чьими действиями наполнена Великая библиотека Сигмарона и по ком звонит Колокол Плача, но он и не был тем, кто плюнет на союзника или отвергнет искренне данную клятву.

Готрек остановился. — Союзники? Клятвы? На мгновение Джордаяс почувствовал, будто Искатель Рока нападет на него так же, как на демонов, но затем тот рассмеялся. — Как мало ты меня знаешь. О том, что я совершил. Невинных, которых я убил или позволил им умереть в поисках славы и известности. Полагаю, я не должен удивляться, ведь мы с тобой чужаки. Человечий отпрыск, который следовал за мной из Великого Пекла, мертв. *Вы оба мертвы.* Я не приму меньшего. Ибо если бы я обнаружил, что его переделали, как и тебя, в нечто меньшее, чем

он был когда-то, то посчитал бы себя обязанным сам положить конец этому осквернению его памяти. И тогда мой топор будет обращен на тех, кто вырвал почтенную душу из ее заслуженного покоя в Садах Морра и заставил превратиться в то разбитое подобие, которое я вижу сейчас перед собой.

— Ты безумен, — вздохнул Джордаяс. — Безумен и даже не видишь этого.

— И он не первый, — продолжал Готрек, не обратив на него внимания.

— И не лучший друг, которого судьба поставила на пути моего топора, — отвернувшись, он зашагал к потоку лавы.

Джордаяс смотрел ему вслед. Он не мог подобрать слов.

— Я рад, что ты здесь, — сказал Витромм, подойдя к нему сзади и благодарно похлопав по спине.

— Он такой же упрямый, как хазалидские короли из легенд. Неужели он не понимает, что я отказался от клятвы Сигмару, чтобы последовать за ним?

— Ага. Думаю, он осознает. И однажды, возможно, даже поймет.

Это влияние Серебряной башни, сказал себе Джорданус. Бесстрашие Искателя Рока, его безрассудство были достоинствами в других местах, но здесь башня искажила их, превратив в слабость, которая погубит его. Именно так развлекались Призыватели, несмотря на свое порабощение Всеизбранным. Джордаяс опасался, что Готрек забыл о том, что он здесь не для того, чтобы найти погибель, а для того, чтобы обрести новое предназначение, обещанное ему Лучезарной Королевой.

Возможно, этот страх стал его собственной погибелью.

Он покачал головой. Или, возможно, это было сомнение.

— Идем, Витромм, — сказал он. — Пока мы не потеряли нашу проводницу.

Джордаяс ухватил старого дуардина за воротник плаща и сильно взмахнул крыльями, чтобы оторвать его ноги от пола. Витромм удивленно оттолкнулся, но крылья Грозорожденного были достаточно сильны, чтобы нести их обоих по галереепо направлению к спине Готрека. Свободной рукой он потянулся к Искателю Рока.

— Что ты...?

Джордаяс подхватил Готрека, пролетая мимо, и потащил обоих дуардинов на себе через лавовый канал. Витромм посмотрел вниз, издав звук, который был наполовину выкриком, наполовину испуганным

смешком.

— Осталось совсем немного, — сказал Джордаяс.

— Ты не можешь нести двух гномов, дурак, — сказал Готрек.

— Только силой Сигмара и его волей я летаю. Даже в этом мрачном месте нет пределов тому, что позволяет вера в Бога-Короля.

Джордаяс поставил обоих дуардинов на другой берег, их сапоги немного прожарились, но в остальном они не пострадали от перелета через реку лавы.

— Твердая земля. Витромм опустился на колени, чтобы прикоснуться к ней. — Клянусь всеми богами Порядка!

— Идемте, — сказал Джордаяс, уже собираясь идти. — Последний раз я видел Маленет, когда она пыталась сломать печати на двери в соседнюю комнату.

— Полагаю, она ждет помощи от гнома, — сказал Готрек, поспешая рядом с ним без всякого видимого понимания того, что именно это он и делает.

— Не то чтобы она просила об этом. Лучше приведи меня к ней, Грохорожденный. Эльфийка с такой же вероятностью погубит себя и всех нас, как и взломает один из этих испорченных демонами замков.

ГЛАВА 37

Галг Парокоготь зарядил варп-молниевую пушку, закреплённую на его правой руке. Впечатляющее большое и мощное оружие вытягивало энергию до тех пор, пока реакторная клетка на стальном остове его шасси не затрещала. С возбуждённым писком скавен взмахнул пушкой в сторону толпы краснокожих рогатых демонов, вооруженных кривыми мечами, и за мгновение превратил их в лужи забвения.

— Умирать-умирать, демоны-твари. Умирать! Умирать! Умирать!

Он последовательно произвел ещё несколько выстрелов, каждый из которых проходил по дуге на значительно меньшее расстояние от излучателя и уничтожал меньше демонов, чем предыдущий.

— Гарх!

Он шлепнул по горячему стволу. Катушки конденсатора истощились. Это было неважно.

Визжа от смеха, скавен открыл огонь из грохочущего пистолета, встроенного в левую перчатку. Он водил рукой из стороны в сторону, поливая демонические орды варп-камнем, будто тушил пожар в лаборатории, учиненный каким-то нерадивым подчиненным.

Почти незаметный ни для крыс, ни для демонов, Наото Смертокос сидел на полу, скрестив ноги, и манипулировал каменными клячами ещё одной дьявольски сложной головоломки.

— Это – не Комната Жизни, которую ты пищал-обещал, Парокоготь.

— Обход, Смертокос. Живописная суeta.

— Хссс, сейчас же, – мастер Смерти поднял коготь, призывая к тишине, словно не подозревая о бушующем вокруг сражении за то, чтобы не допустить демон-тварей к его хвосту. — Загадка, закрывающая эту дверь, сложна. Мне нужно сосредоточиться.

Грохочущая пушка защелкала пустым патронником.

— Грааа! Тринадцать проклятий Великой Рогатой Крысы!

Дни, что они провели здесь, в Серебряной башне. Недели. Месяцы! Всё оружие пострадало из-за нехватки боеприпасов, обслуживания и отсутствия рабов, готовых стоять на месте достаточно долго, чтобы настроить прицел.

Галг Парокоготь сожалел о том дне, когда его суетливый путь пересекся с Серым Владыкой Танкуолем.

— Перестать бояться трястись над собственным хвостом и помоги мне. Смертокос вздохнул. — Если ты желаешь сражаться с ними, то да-да. Я могу помочь. Но если вместо этого мы хотим сбежать-убежать и забрать сокровище Серого Владыки, то дай мне открыть-отворить эту дверь. С приятным щелчком в грохочущую пушку зашел свежий магазин патронов.

— Ха! Так-то лучше!

Стволы начали вращаться снова, обращая Кровопускателей в красные ошметки прежде, чем те успевали приблизиться.

— Мудрая крыса скуча во времена изобилия, — спокойным тоном сказал Смертокос. — Он не хотел-желал бы, чтобы патроны кончились.

— Мы не пробудем здесь так долго. Нет-нет. Порталы, соединяющие комнаты Серебряной башни, могут казаться работающими случайным образом, но существует закономерность. Да-да! Возможно, тригонометрический повторяющийся ряд. Или даже, да-да, вывод тринацатичного логарифма. Да-да, да! Загадка, достойная колдуна клана Скрайр, и мой гений скоро разгадает её. Мы найдем —проберемся в комнату Жизни. За следующим порталом, наверняка. Или за тем, что после. Может-может. Да. Я уверен в этом. Почти полностью уверен.

— Башня заражает и тебя. Было ошибкой позволить тебе взять на себя управление, когда Болтокруш... — Смертокос поколебался, подыскивая слова. — *Снял с себя полномочия.*

Ревущий мастер клана Моулдер буйствовал рядом, сбивая кровопускателей с ног каждым взмахом своих мускулистых рук. — Убивать-убивать! Убивать-убивать больше! Болтокруш голоден! Кровопускатели окружили его, но он продолжал держать ещё одного демона в своей третьей руке, методично чередуя удары и паузы, чтобы откусить кусок побольше.

Парокоготь сглотнул.

Он надеялся, что мастер Моулдер остановится, когда у него закончатся демоны-твари.

В этот самый момент из лязгающего снаряжения Парокогтя вырвался клубок дыма. Короткие зеленые молнии пробежали по его плечам, а из громкописков, закрепленных на шесте за его спиной, раздался тревожный сигнал. Должно быть, варп-молниевая пушка снова вышла из строя. Он поднял руку, чтобы стукнуть прибор.

— Это дальнеписк, — пробулькал Филт Сеятель. Чумной монах наблюдал за боем чуть в стороне. Кровопускатели, казалось, находили Болтокруша и Парокогтя гораздо более привлекательными целями, но время от времени чумной монах кашлял в сторону того из них, кто оказывался слишком близко, и мерзко хихикал, когда мышцы сползали с костей неудачника. — Серый Владыка вызывает.

Болтокруш снова взревел. Он оторвал голову кровопускателю и сожрал. Парокоготь пытался игнорировать.

— Разве он не знает-чует, что время плохое? — спросил Смертокос.

— Задержи их, Болтокруш, пока я говорю-пишу с нашим великим лидером. Парокоготь вытащил неуклюжий металлический приемник из доспехов и поднес к уху. Безумный вой помех, смесь демонического бормотания и проклятых воплей прорвался через трубку и достиг его чувствительного уха. Он поморщился от боли. Во всем виноват Смертокос. Ассасин слишком медленно разгадывал свою загадку, практически требуя, чтобы Парокоготь растратил мощь реактора на атакующих демонов-тварей, и теперь Серый Владыка не мог подсоединиться. Что ж, Парокоготь позаботится, чтобы Танкуоль знал, кого винить. — Быстрее-быстрее, Смертокос. Проверни-проверни ручку. Ассасин зарычал, оторвавшись от своей головоломки. — У крысы может быть два разума, но она может желать только трех лап.

— Быстро-сейчас! Или я попрошу Сеятеля сделать и скажу Серому Владыке, что твоя лень заставила его ждать.

Это была пустая угроза. Парокоготь не позволил бы Сеятелю прикоснуться к себе, даже если бы он спал под обваливающимся туннелем, и Чумной Монах был единственным, кто его предупредил. Но одного этого было явно достаточно, чтобы заставить Смертокоса подняться и побежать к нему. Парокоготю пришло в голову, что присутствие ассасина позади него было почти так же нежелательно, как если бы на него дышал Сеятель. Однако едва его мускусные железы сжались, как он почувствовал на спине лапы, когда Смертокос начал вращать ручку, чтобы вручную дозаправить реактор варп-камня. Машина гудела и вздрагивала, восстанавливая уровень заряда, Смертосквил уже тяжело дышал, когда из дальнописца раздался жестяной голос Танкуоля.

— Ты слышишь меня, самый злобный и ужасный из провидцев? —

громко пискнул Парокоготь в трубку.

— *Почему ты кричишь, болван?*

— Прошу прощения, милостивейший из мастеров.

— *Мистическая мощь Изможденного Призываителя по праву легендарна, и во многом внушает страх тем, чьё владение тайной магией ниже моего. Но будьте уверены, храбрые и грозные слуги Великой Рогатой Крысы, что раскол времени и измерений, а также самые коварные обереги Бога Колдовства не являются препятствием для такого, как я. Я, который впервые овладел своим искусством, когда твоя тысячекратно великая мать помета была лишь слепым щенком.*

— Да, самый выдающийся. Я имею ввиду нет. Я имею в виду...!

— *Я бы поговорил с Болтокрушем.*

Парокоготь поднял голову, когда мастер клана Моулдер забивал группу Кровопускателей полуобглоданной ногой ещё одного демона.

— Снарк Болтокруш занят... э-э... важными делами.

— *Хорошо-хорошо. Отсутствие ваших неудач и медленные, умеренные успехи самым положительным образом отражаются на моем лидерстве в этом предприятии.*

— Да-да, Серый Владыка. Да-да. У меня есть много теорий относительно природы этого лабиринта, и я уверен, что вы...

— *Не обременяй меня подробностями, Скрайр. Мои мысли по необходимости должны блуждать по более обширным лабиринтам, чем твои.*

— Дай мне пищалку, - потребовал Смертокос.

— Нет-нет, - Парокоготь прижал к себе трубку. — Это очень сложная и деликатная часть...

Смертокос схватил его. Они боролись за трубку, прежде чем ассасин, глубоко сведущий во многих искусствах рукопашного боя, вырвал ее из пальцев Парокогтя и прижал к своей морде.

— Серый Владыка. Это Наото Смертокос, вы меня слышите?

— *Я слышу тебя, Наото Смертокос.*

— Здесь много-много врагов. Вражеское мясо бесчисленно. Даже больше, чем хваленая проницательность Серого Владыки Танкуоля, о которой он счел нужным упомянуть, прежде чем раздобыть мой клинок для этой задачи. Я преследовал Дочерей Кхайна по темным тропам Улгу и охотился на магов в крепостях, которые меняются, когда я бегу по ним.

Но Серебряная Башня — это само безумие. Её пути ложь и охраняются головоломками, которые сломают даже самые изощренные умы скавенов.

— Прости эшинца, Серый Владыка! — взвизгнул Парокоготь через плечо своего соплеменника. — Ему не хватает веры в ваше лидерство, что я...

— С вашей великой силой, Владыка Танкуоль, не могли бы вы подсказать нам правильный путь? Или принести свою ужасающую магию в башню, чтобы лично возглавить нас? Смертокос оскалился в безмолвном рычании, цель которого, как и задумано, не смогла бы его услышать. — Не могли бы вы открыть эту дверь?

В приемнике прозвучал пронзительный всплеск помех. Парокоготь и Смертокос отшатнулись от боли.

— *Что это было, Смертокос... провал... слышишь... постараися посильнее... заставь меня войти туда... идиот-дурак...!*

Смертокос глубоко вздохнул. — Я сказал-

Дальнеписк кашлянул дымом и умер. Статика пропала. Сигнальный клаксон издал последнюю протяжную ноту и замолчал.

— Серый Владыка? — Парокоготь выхватил трубку из непротестующей лапы Смертокоса и ударил ею по доспехам. — Танкуоль?

Типичное его невезение. Что пищалка необъяснимо перестала работать именно в тот момент, когда великий Танкуоль собирался проявить свою хваленную силу и присоединиться к ним в Серебряной Башне. Он пристально посмотрел на Смертокоса и с преувеличенной осторожностью вставил трубку обратно в гнездо.

— Назад, чтобы поработать над этой дверью, — прошипел он. — Я пищал-говорил тебе, что это деликатный прибор.

ГЛАВА 38

Маленет оглянулась через плечо, когда Готрек, Витромм и Джордаяс пробивались к ней через Кровопускателей, наводнивших галерею. Она тяжело вздохнула и вернулась к головоломке, лежащей перед ней. Друантаэль прекрасно сдерживала демонов, и загадка была достаточно сложной и без того, чтобы Готрек кричал ей на ухо *совет*.

Дверь, которую она пыталась открыть, была встроена в стену в конце коридора. Она был утоплена за двумя стойками, высеченными из камня и напоминавшими вьющиеся шипы. Она понимала, почему Друантаэль привела их сюда. Впереди стоял постамент с каменной табличкой. На табличке, в свою очередь, было отображено несколько сотен плиток из слоновой кости размером с ноготь большого пальца Маленет. Каждый из них содержал фрагмент иероглифа, и его можно было перемещать по табличке, чтобы составить целые слова. Предположительно это был какой-то пароль.

— Что бы ты ни думал, Готрек, мне не нужна твоя помощь. Быть Сумеречным Клинком Кхайна — это нечто большее, чем просто знать, как найти человеческое горло. Хочешь верь, очень нет, но большинство людей, получивших Метку Смерти, запирают двери на ночь.

— Вот сюда. Полностью игнорируя ее, как это и было у него заведено при общении с кем угодно, Готрек протянул через нее руку, чтобы переставить один из каменных ключей с рунами в новое гнездо.

Маленет схватила его руку и отвела назад. — Я занимаюсь этим, Готрек. Иди убей кого-нибудь.

— Зачем ты это сделала? На этом ключе явно имеется надпись на клинкерхуне, означающая «открыть».

— Ты никогда не устаешь притворяться, что знаешь, о чем говоришь? Это явно древняя глифа Абхориши, означающая «разрушить».

— Пффф. Ты это выдумала.

— Ты знаешь, на скольких языках я говорю?

— И что я имею в виду, когда говорю «*Аф эру дренродд эктаг а найболг ун нафтромм*»?

Маленет чопорно отвела взгляд. — Я бы предпочла не говорить.

Друантаэль вышла из боя к ним. Она сражалась уже несколько долгих минут и получила шанс передохнуть при помощи Джордаяса и

Витромма. Несмотря ни на что, она не выглядела уставшей. Напротив, она выглядела встревоженной. Как будто она проломилась через эту дверь, да и Маленет тоже, если ей не удалось бы её открыть.

— Почему путь еще не открыт?

— Да, — рявкнул Витромм через плечо. — Даже Грозорождённый Вечный не сможет сдерживать эту толпу очень долго.

— Это было бы уже сделано, если бы Готрек мог оставить меня в покое.

— Ба! Я просто возмещаю ущерб.

Готрек быстро переставил несколько клавиш, а Маленет в панике наблюдала за происходящим.

— *Дарат'нхаир!* — выругалась она. — Благословенное убийство, Готрек, как ты думаешь, что ты делаешь?

Зловещий грохот сотрясся по каменной кладке. С потолка полетела серая пыль.

— Это открывающийся портал? — спросил Джордай. — Мы смогли?

Громовой грохот скрежета камня по камню становился все громче, пока дверь, преграждавшая им выход из лавовой комнаты, медленно поднималась к потолку. Готрек стряхнул пыль со своих мускулистых, мозолистых рук и кудахтал.

— Что...? — пробормотала Маленет, недоверчиво глядя на ключи от головоломки.

— Как...?'

— Легко, как управлять педальным гироскоптером, — сказал Готрек. — Стоит лишь выпасть один раз.

— Путь открыт, — пропела Друантаэль, немедленно выдвигаясь вперед.

— Я иду, Хрут'гаэль. Мы рядом.

Дверь завершила свой путь мощным щелчком, и от поднявшейся пыли все закашлялись, за исключением трепетавшей Сильванет. С другой стороны покрова послышались странные скрипы и потрескивающее шипение.

— *Портал открыт, Скрайр.*

— Хорошо хорошо. Я полностью верю в вашу способность...

Динамик замолчал, когда пыль рассеялась. Существо посмотрело на Маленет. Маленет в шоке уставилась на него. Его красноглазый взгляд с визгом силовой брони, проследовал вверх в сторону гигантской Сильванет, ощетинившейся шипами, и окутанного молниями

Грозорождённого Вечного позади неё.

— Приспешники Серого Владыки, — выкрикнул Джордаяс голосом, похожим на гром.

— Скавены? — недоуменно спросил Готрек.

— Рыжемехий — пускало слюни что-то огромное и невероятно мускулистое.

— Невозможно, — прошипел первый скавен. — Невозможный! Танкуоль убил-разломал Мост Владений!

Лицо Готрека приобрело цвет, которого Маленет никогда не видела. — Танкуоль?

— Убивать-убивать? — Мускулистый полукрысоогор-полувеликан двинулся вперед.

— Что? Нет, Болтокруш. Я не имел ввиду-

Монстр издал слюнявый рев и стукнул тремя лапами по груди. — Убивать-убивать!

Джордаяс шагнул вперед, чтобы перехватить его, его пылающая ярость передавалась молнии и превращала камень под ногами в фульгуриты.

— Это долг крови, существо. За Секруса. За Ансириса. За Мортисрок.

Готрек обратил свое разъяренное выражение на Маленет. — Чему ты ухмыляешься, эльфиечка?

— Я знала, что это не ты открыл эту дверь.

— Там что-то происходит? — выкрикнул Витромм.

— Подожди меня, Грозорожденный, — пропела Друантаэль.

— И меня! — взревел Готрек, поднимая топор. — Если старый облезлый серый провидец там, то он мой.

— Клятвокованный! — взревел Джордаяс, метнув призванное копье шторма в того, кого звали Болтокруш, как раз в тот момент, когда скавен замахнулся на него похожим на валун кулаком.

Между ними вспыхнула стена хаотических энергий.

Они зарычали от боли и разошлись. Джордаяс отшатнулся обратно к Друантаэль и Готреку. Болтокруш пускал слюни и рычал, глаза-бусинки в замешательстве оглядывались по сторонам.

Маленет сморгнула неприятные остаточные изображения в глазах.

— Что только что случилось? — спросил Готрек.

— Их защищает какой-то барьер, — сказал Джордаяс как раз в тот момент, когда скавен-инженер, похоже, объяснял Болграку что-то

подобное.

— Это не защитит их от моей королевы.

Друантаэль подошел к невидимому барьеру и закачалась. Волна противодействия отбросила ее назад. Она рухнула на землю рядом с тем местом, где Витромм продолжал удерживать кровопускателей из портала.

Барьер содрогнулся и захихикал, отголоски падения Друантаэля превратились в веселье демона. Маленет обернулась в поисках источника смеха, но он исходил отовсюду.

— *Добро пожаловать, герои*, — произнесло что-то голосом, похожим на крошащуюся бумагу и прокисшее вино одновременно. — *Вы путешествовали долго, преодолели множество препятствий, движимые желаниями, которые может исполнить только хозяин Серебряной Башни, и которых объединила только сила судьбы. Некоторые из вас пришли убить меня*. Стены засмеялись над этим. — *Я Ксер'гер'аэль, Тиран Глаз. В стенах этой башни я бог*.

— Ты - бог? - воинственно спросил Готрек. — Тогда покажись, если считаешь себя таким могущественным. Или твое хвастовство настолько пустое, что боишься топора этого гнома?

Зал содрогался от смеха Ксер'гер'аэля. Скавены визжали от ужаса, всеми четырьмя лапами упираясь в пол, уши были прижаты к головам, когда все окуталось клубами дыма и исчезли последние кровопускатели.

— Он изгнал демонов, — в изумлении сказал Витромм. — Просто так.

— Никто не сражается ни с одним из Девяти Архаона, Готрек, — прошипела Маленет.

— *Темнородная мудра. Знаешь, скольких берсерков я задушил в их собственной ярости? Можете ли вы сосчитать непобедимых чемпионов, которых я парализовал нарциссизмом и завистью?*

Готрек стиснул зубы, когда сила замерцала в руне на его груди. Маленет потрясенно смотрела. Выглядело так, будто не только плоть, кровь и душа пострадали от зла Серебряной Башни.

Рорк ор Громрун. Крутхас думрхун, ек орф или друнг.

Истребитель ударил себя по голове.

— Убирайся из моей головы. Вы оба. Моя судьба будет только моей.

— *Ещё нет, Готрек, сын Гурни. Еще нет. Я один решу, когда это закончится.* Наступила пауза, и, хотя очевидного говорящего не было, у

Маленет возникло ощущение, что Истощенный Призыватель теперь обращается ко всем им. — *Ваши усилия до сих пор меня забавляли, но игра надоела. Я позволил вам взглянуть, что вас ждет. Теперь вы знаете, что вы не одиноки в своих поисках. Первый, кто найдет мое убежище, будет вознагражден всем, чего пожелает, и даже больше. Другая сторона... будет уничтожена по щелчу моего пальца.*

Готрек ответил на угрозу уродливой ухмылкой, но Маленет почувствовала, что похолодела. Она схватила талисман на шее, но не нашла в нем успокоения.

Не просто умереть, но уйти, будучи забытой Кхайном. Мог ли Истребитель довести ее до худшей участи?

— Свет Короля-бога не принадлежит тебе, чтобы его гасить, — сказал Джордаяс с уверенностью, которой Маленет хотела бы поделиться со своей смертной душой.

— Это не имеет значения, — промурлыкала мелодию Друантаэль. — Мы будем первыми.

Перепуганная группа скавенов перекрикивалась друг другом, как будто опровержение заявления Сильванет о победе было уже половиной дела.

— *Давайте посмотрим, как вы справитесь с новым лабиринтом и новым набором правил.*

Голос перешел на язык, который сгустил воздух, которым дышала Маленет, и лишил свет комнаты прежде, чем тот успел добраться до ее глаз. Это был Темный Язык, на котором говорили слуги Хаоса, и Маленет почувствовала, как ее сердце заколотилось, когда с ужасающим грохотом и тряской камня всему помещению было приказано вырваться из соседних коридоров. Она увидела ужас в глазах колдуна-инженера, такой же, как и ее собственный, крики скавенов, улетающие вдаль, когда их комнату уносило прочь.

— Каждый держитесь за что-нибудь! — выкрикнул Джордаяс.

— Поверь мне, Грозорожденный, я чертовски держусь!

Маленет вцепилась в прочный каменный постамент, на котором лежали теперь бессмысленные ключи от головоломки, и они пали во тьму.

— Что он делает? - закричала она.

Ответ раздался отовсюду.

— *Да начнется настоящее испытание.*

ГЛАВА 39

— Подожди, Смертокос, — тяжело дышал Парокоготь, преследуя безгранично энергичного эшинца. Болтокруш шел за ним. Всякий раз, когда Парокоготь поворачивался, то обнаруживал, что мастер Моулдер смотрит на него и истекает слюной, что его особенно тревожило. Тем временем Сеятель услышал сзади хрипение. Обычно эта должность предназначалась для лидеров скавенов, но в данном случае Парокоготь был готов предоставить ее Чумному Монаху. Он чувствовал себя настолько комфортно, насколько мог, будучи посередине. — Подожди постой!

— Ты слышал демона-колдуна так же, как и я, — прохрипел Смертокос.
— Последний, кто достигнет святилища Призывающего, будет убит. Ну, это буду не я. Не мастер смерти Наото Смертокос из клана Эшин.

— Ты хоть чуешь, куда идешь?

Смертокос обернулся, царапая полированными когтями камни и угрожающе шурша черным как ночь плащом. — Нос острее ума, Парокоготь.

— Что это вообще значит?

— Это значит, что я знаю... чую, куда иду. Ассасин фыркнул и отвернулся.

— Даже если я не знаю, то я знаю - чую, куда иду.

Парокоготь вздохнул, когда ассасин, как и раньше, заспешил дальше. Им нужно было остановиться и подумать, разобраться в этой проблеме и решить ее с помощью превосходящего интеллекта скавенов. Именно так они опередят безмехих героев на пути к Призывающему и потребуют его награду. Не бессмысленно суетясь, как слепые детеныши, по его лабиринту.

— Постой, дай мне хотя бы откалибровать эфиролокатор и провести зондирование. Это будет работа...

— Нет.

— Я здесь главный, Смертокос!

Болтокруш зарычал ему на ухо, заставив его вскрикнуть.

— Я заместитель начальника! - поправился он. — Нам следует хотя бы еще раз попытаться связаться с Серым Провидцем Танкуолем. Пока тихо-спокойно. Ему захочется узнать, что Рыжемехий здесь, с нами.

— Рыжемехий... — прорычал Болтокруш.

— Нет времени, — прошипел Смертокос, унесясь вперед, пока только бледная кожа его хвоста не стала махать им из темноты.

Парокоготь с разочарованным вздохом повернулся к Болтокрушу. — Скажи что-нибудь, мастер Моулдер.

Болграк облизнул губы в глубокой задумчивости. — Голоден.

Парокоготь посмотрел вперед. Внезапно небольшая поспешность показалась мне не такой уж ужасной идеей.

— Подожди меня, Смертокос!

— Развилка, — сказал Готрек, несколько излишне, поскольку не только Истребитель мог видеть.

Прямой коридор, по которому они шли уже больше часа, разделялся надвое. Порывы ветра и редкое тревожное эхо доносились то с одного, то с другого прохода. Маленет наклонила голову и прислушалась, ощущая воздух из каждого прохода, касающийся ее лица. Не было ничего, что могло бы заставить ее предпочесть один путь другому.

— Ты же не думала, что Призыватель облегчит нам задачу, не так ли? Витромм бросил свой рюкзак на землю и сел. Он начал снимать ботинки и шлем, кряхтя от боли и облегчения, массируя большим пальцем подошвы носков.

Судя по всему, он рассчитывал пробыть там какое-то время.

Пройдя мимо них всех вперед, Друантэль остановилась на развилке, глядя то в одну сторону, то в другую.

— Ты чувствуешь правильный путь, охотница? — спросил Джордаяс.

— Пфф!

— Заткнись, Готрек, — сказала Маленет.

Не обращая внимания на них, Охотница Курнота глубже погрузила свои корни в плиты и издала дрожащую древесную песнь. Маленет затаила дыхание, и даже Готрек просто молча ждал, пока вернулось эхо ее песни. Для уха Маленет они звучали искаженно и ужасно, и в обоих отрывках она посмеивалась голосом, ужасно напоминавшим голос Тирана Глаз. Маленет чувствовала себя почти готовой впасть в отчаяние. Изможденный Призыватель играл с ними. Если они больше не могли полагаться на Друантэль в качестве проводника, то она не была уверена, какое у них преимущество, и есть ли оно у них вообще.

— Я... не уверена, — тихо пробормотала Друантаэль.

— Такое случается со всеми нами, — сказал Джордаяс, взглянув на Готрека. — Временами.

— Не со мной, — сказала Маленет. — Никогда.

— Со мной тоже, — сказал Готрек, нахмурившись.

— О, пожалуйста... — начала Маленет, бессовестное забвение Истребителем событий, в которых она лично присутствовала, едва не довело ее до исступления. Она уже сделала шаг в его направлении, потянувшись за ножом, но тут же остановилась, зашипев от боли.

Вместо ножа ее рука потянулась к внезапной боли в плече.

— Ты ранена, — заметил Витромм.

Маленет отдернула руку и посмотрела вниз. На ее шелковой рубашке было кровавое пятно, замаскированное черным цветом, но просачивавшееся сквозь внешний слой кожаного доспеха. Должно быть, один из кровопускателей ударил ее ножом, а она этого и не заметила. Она попыталась поднять плечо и чуть не потеряла сознание.

— Всего лишь царапина», — солгала она.

— Садись, девочка, — сказал Витромм, вставая и хрустя пальцами, предлагая Маленет сесть на его место.

— Я не буду обузой, что нас замедляет.

— Что ж, тогда тебе повезло, поскольку мы, кажется, покуда никуда не спешим. Нам всем следует немного передохнуть.

— Листья не опадают, пока дни не сокращаются, — сказала Друантаэль, и ее первая нерешительность сделала ее мелодичную речь резче, чем обычно. — Цветок не наклоняется, когда нет солнца. Я не устаю.

— И не я, — сказал Готрек.

Маленет снова усмехнулась.

— Теперь, когда я об этом думаю, это кажется мне странным, — сказал Джордаяс. — После стольких дней, что мы провели здесь, и битв, которые пережили, я не устал. Я не голоден и не хочу пить.

— Хозяин Серебряной Башни хочет увидеть, как мы сражаемся, — сказал Витромм. — Ничто, кроме жестокости в самом сердце лабиринта, не удовлетворит его. Как думаешь, откуда такая неестественная энергия, парень? Откуда, как не от самого Призываителя? Дуардин похлопал ногами по каменному полу. — Я предпочитаю сидеть. Так задумано природой.

— Очень хорошо, Витромм, — сказала Маленет, прислоняясь спиной к стене и морщась, пока скользила вниз и садилась. — Ты можете осмотреть рану. Но только *быстро*, пока Друантаэль не найдет путь. Она подозрительно взглянула на него. — А я прослежу за тобой.

Старый дуардин расстегнул плащ и набросил его ей на колени, как одеяло. Маленет вздрогнула, когда ее охватило тепло, приятное покалывание сменило боль в плече. Это было ощущение тепла в холодных руках над огнем или растяжения мышц после тяжелых упражнений, ощущения физического воплощения тепла и комфорта. Она видела, как плащ Витромма спас Готрека от смерти после его первой встречи с Чумным рыцарем Алгуром Трехпалым, но, испытав его магию на собственном опыте, она все равно испытала восторг от этого чуда.

— Ты говорил, что плащ был подарком?

Брови дуардина изогнулись в улыбке. — От одной леди.

Пока она сидела, а Витромм суетился над ней, и чувствовала, как ее тело восстанавливается, Джордаяс прошел вперед. Искры вспыхивали вокруг его черных сигмаритовых ботинок каждый раз, когда они соприкасались с полом. Он миновал Друантаэль. Ее бормочущая песнь продолжалась, не утихая, и он остановился, чтобы изучить развилку.

— Куда ты направляешься, Грозорожденный? — спросил Готрек.

Джордаяс стряхнул мох и паутину с каменного бюста, который до сих пор был скрыт коридором от Маленет. Изваяние находилось в нише, на узком участке стены между двумя проходами.

— Оно ведь не будет дышать огнем, да? — пошутил Витромм.

Джордаяс на мгновение уставился на него, словно перебирая воспоминания в своей голове. — Кюкаин, — пробормотал он. — Дружемолот. Да... Да, я помню его изображение. Оно было на реверсе каждой монеты и в яркой мозаике на стене каждого общественного здания в Эдассе. Его статуя стояла у Врат Героев, его молот был поднят к Сигендилю, где он сиял над Царством Огня, а его щит... — он остановился, снова взглянув на статую.

— Что? — спросил Готрек.

— Мы должны пойти по правому пути. Нам следует следовать за молотом.

— Мы должны, так что ли?

— Он направляет нас по пути к небесам. Разве ты не видишь, Искатель

Рока? Это знак. Подсказка, по которой нам следует следовать.

— Мне кажется, что я немного худой, Грозорожденный. И это очевидно.

— Возможно, — сказал Витромм. — Но, опять же, возможно, и нет. Серебряные Башни, несмотря на все их испытания, созданы так, чтобы их можно было победить.

— Почему? — спросил Готрек.

— Потому что награды Изможденного Призывающего чаще всего являются тем, что они всегда хотели раздать, а не тем, что любой здравомыслящий когда-либо хотел бы получить.

— Тогда зачем ты пришел?

С уклончивым ворчанием Витромм сорвал плащ с колен Маленет, словно фокусник, демонстрирующий свой последний трюк, и отправил его обратно на свою спину через плечо. — Вот, — он снова застегнул пряжку и тепло улыбнулся ей. — Как новая.

— Спасибо, — Маленет нерешительно встала. Она повернула плечо и, даже ощущив волшебство плаща в действии, поразилась тому, насколько хорошо оно зажило. Она чувствовала себя так, как всегда выглядела ее госпожа, когда та выходила из Котла Крови в Ночи Смерти — не просто исцеленная, но восстановленная, ожившая. Неудивительно, что старый дуардин мог не отставать от нее и Готрека и сохранять такое хорошее настроение повсюду. И все же она не смогла удержаться от добавления ледяного «полагаю», чтобы сгладить любую подразумеваемую благодарность.

Витромм, несмотря ни на что, улыбнулся, когда Маленет прошла мимо него и присоединилась к Готреку и Джордаясу на развилке.

— Странно», — сказала она. — Я не вижу твоего человеческого героя.

— Что ты видишь, Темнородная? — спросил Джордаяс.

Маленет смотрела, словно не могла отвести взгляд. — Аватар Кхайна, огромный меч в одной руке, кровоточащее сердце в другой.

— Он направляет тебя каким-то особым образом? — допытывался Джордаяс.

— Сердце, — сказала Маленет, отведя глаза и повернув голову вправо. Она кивнула на правую развилку. — Я согласна с тобой, Джордаяс. Нам следует пойти этим путем.

— Я тоже согласна, — сказал Друантаэль.

— Ты снова слышишь песню Владыки Деревьев? — спросила Маленет.

— В этих камнях звучит долгое эхо скорби его жизни. Я... я так думаю.

— Похоже, мы пришли к согласию, - сказал Витромм.

— Я говорю, что мы пойдем налево, - сказал Готрек.

Маленет всплеснула руками. — Теперь ты просто против ради того, чтобы быть против.

— Что ты видишь, когда смотришь на изваяние? — спросил Джордаяс.

Готрек зарычал и что-то забормотал, как он делал иногда, когда его просили сыграть с другими. — Я вижу гнома, который однажды сделал неудачный выбор. Без дальнейших объяснений он свернул налево и пошел по проходу.

— Куда ты идешь, Готрек? — крикнула ему вслед Маленет. — Мы еще не приняли решение.

— Мы уже.

Друантаэль покачала головой. — Я пойду сюда. Меня влекут заветы Всекоролевы.

— Ба! -- Готрек повернулся, сердито указывая на охотницу. — Мы бродили по этому лабиринту, следуя за этой твоей песней, кажется, несколько дней. Иди своей дорогой, древесная ведьма, а я пойду своей, и посмотрим, кто из нас первым разгадает лабиринт демона. Твоя однажды эльфийская королева просила только, чтобы я позволил тебе отвести меня сюда, и ты привела. У тебя есть благодарность Готрека Гурниссона, как и у неё, и можете считать меня в некотором роде своим должником, но ваша связь со мной заканчивается здесь.

— Это башня Изможденного Призывателя, если вы забыли, - сказал Витромм. — Давайте ни на мгновение не будем думать, что это просто случайность, что знак, который оставлен здесь, разделяет нас.

— Ну, я все равно иду налево, — сказал Готрек.

— Я должна идти направо, — сказала Друантаэль.

Маленет и Джордаяс обменялись мучительными взглядами. Она повернулась к Друантаэль. Маленет никогда особенно не симпатизировала Сильванет. Она была слишком отстраненной, слишком непохожей, чтобы Маленет могла когда-либо по-настоящему ее понять, но она бы танцевала с Друантаэль через Врата Вараньего Шпиля, если бы это означало возможность избежать еще одного мгновения в компании Готрека Гурниссона. Она прокляла Мастер-Руну и судьбу, которая связала их вместе. Она подумывала бросить его и все это и

последовать за Охотницей Курнота. Удивительно, как совершенно оправданный и разумный ужас перед Орденом Азира и мстительным Храмом Хайлеброн мог испариться через несколько дней по воле Тирана Глаз. Если бы Маленет смогла выбраться из этого лабиринта, а Друантаэль, несомненно, представлял для нее лучший шанс для этого, то она с радостью расправилась бы с теми, кто придет искать ее из Азира. На какой-то сладкий, восхитительный момент она представила, какой может быть настоящая свобода, но это длилось лишь мгновение. Она присоединилась к Ордену Азира не только ради защиты от своих сестер-кхайниток. Она чувствовала некоторую долю преданности им и серьезно относилась к своему долгу перед Сигмаром. Она не могла оставить такое мощное оружие, как руна Унбаки, в лапах Ксер'гер'аэля.

— Прости меня, Охотница. Хоть я и думаю, что ты права, но у меня, похоже, нет выбора.

Джордаяс просто кивнул.

Прощаний не было. Как только решение было сделано и принято, Сильванет просто развернулась к своему проходу и зашагала по нему. Маленет смотрела ей вслед, часть ее все еще желала отправиться с ней.

— Подожди! — крикнул ей вслед Витромм. — Последнее, что нам следует делать, — расходиться!

Готрек, не больше, чем Сильванет, огорчившийся от расставания, топал в другом направлении. Джордаяс еще раз с болью взглянул на Маленет и поплелся за ним.

Плечи Витромма поникли. — Ну, это было крайне глупо.

— Могло быть и хуже, — сказала Маленет.

Хотя хоть убей, она не могла придумать, как и в чем.

Крысы носились по сырому помещению, наслаждаясь последствиями засады орруков. Для зеленокожих дела пошли не очень хорошо. Парокоготь не знал, откуда взялись эти меньшие паразиты, но знал, что их, похоже, тянуло к Болтокрушу. Они пищали и носились вокруг неуклюжего мастера Моулдер, как щенки, соревнующиеся за защиту непристойно устрашающего альфа-собрата, агрессивно щебеча, грызя большие, крепкие трупы, оставшиеся после стычки. Парокоготь задавался вопросом, не заблудились ли орруки в Серебряной Башне, как

и они раньше, какое-то бесконечное время назад. Он старался не думать об этом. Он не был какой-то тупой зеленой-тварью!

Он задавался вопросом, попали ли крысы в Серебряную Башню тем же путем. Его успокаивало осознание того, что они наводнили это место так же, как и повсюду во Владениях Смертных. Возможно, было бы не так уж и плохо, позволил себе размышлять он, найти тихий уголок Серебряной Башни, куда можно было бы ускользнуть и спрятаться. Навсегда.

Вздохнув, он поднял когтище к оружию, которого Смертокос взял живым, и увеличил степень его убийства на одну царапину от когтя.

— Давай я оторву руки зеленому существу, — прорычал Болтокруш.

— Нет нет. Он нужен нам, чтобы указать путь к покоям Призывающего.

— Если он знает, — добавил Сеятель.

— Тогда одна рука. Я ем-жу, пока он наблюдает. Огромный Мастер Творец облизнул губы. — Тогда он пищит-разговаривает.

Парокоготь поморщился. Теперь Мастер Моулдер заставлял его голодать.

Он выпустил короткий импульс варп-молнии в раненого оружию. Даже пока пушка была на самом низком заряде, существо заревело, почти прокусив собственный язык, когда электричество пробежало по его мускулистому телу. Парокоготь взъерошенно зачирикал. — Возможно, еще немного. Да-да. Еще *немного*. Он увеличил мощность до двух отметок, поцарапанных когтями, вызвав более продолжительный выход электричества и немного более громкий крик жертвы.

Зеленый дым поднялся над оружием. Филт Сеятель отвратительно долго принюхивался.

— Ты увлекся, Парокоготь, — угрюмо сказал Смертокос. — Это твой хитрый план? Что заставляет тебя думать, что зеленый-тварь вообще знает дорогу к сокровищу Танкуоля? Скорее всего, он здесь такой же узник, как и мы.

Парокоготь решил не упоминать, что он и сам думал о чем-то очень похожем. — Лучше, чем суетиться кругами, эшинец!

Болтокруш издал предупреждающее рычание.

Остальные подняли головы и увидели мастера Моулдер с поднятым носом.

—Что-то учゅял, мастер Моулдер? — спросил Парокоготь, готовый уступить превосходному обонянию Болтокруша.

— Дерево, — проворчал он. — Сок. Чешется в носу.

— Магия жизни? — с надеждой спросил Парокоготь. Им так и не удалось найти комнату Жизни, которая, по мнению Танкуоля, находилась в центре этого лабиринта.

— Что-то проходит через портал! — пискнул Смертocos. — В укрытие! Быстро-быстро!

Четверо скавенов попытались спрятаться за статуями и колоннами. Болтокруш зарывался в куче трупов орруков, пока его тело не стало полностью скрыто, и его стало трудно даже учуять. Парокоготь вздрогнул при мысли о том, как мастер Моулдер подстерегает его в темной норе. Портал, через который они прошли всего несколько минут назад и попали в окружение орруков, оказался охваченным энергией. Парокоготь прикрыл рот перчаткой, чтобы не дышать слишком громко. Высокая Сильванет из отряда рыжемехого шагнула вперед и огляделась вокруг, издав несколько скрипящих и стонущих звуков древесной тарабарщины, словно буровая машина, считающая эхолот. Парокоготь ждал, зажимая рот, что Грозорождённый и сам рыжемехий войдут следом в любой момент, но затем портал за ней потух.

Она была одна.

Не проявляя никакого интереса ни к еще теплым телам орруков, ни к пожирающим их стаям крыс, и совершенно не заметив спрятавшегося среди них Болтокруша, она зашагала прочь.

— Сильванет, — прошептал Парокоготь.

— Охотница Курнота, — поправил Смертocos. Парокоготь прикусил язык.

— Она ищет то же, что и мы? — вслух размышлял Сеятель.

— Если то, что я знаю о ее роде, правда, — сказал Смертocos.

— Она знает дорогу? — спросил Парокоготь.

Смертocos посмотрел на Парокогтя сверху вниз. — Лучше, чем мы.

— Разве наши пути здесь пересеклись, не означает ли, что мы были на правильном пути, Смертocos? Да-да. Я думаю, да. Разве я не пищал-говорил, что интеллект скавенов найдет кратчайший путь к успеху?

— Я слышу тебя, Хрут'гаэль, — пропел им скрипучий голос древовидного существа из дальнего конца зала.

Парокоготь приглушил свой чирикающий смех лапой.

— Недалеко, — сказала она.

Недалеко.

— Сможешь ли ты последовать за ней, чтобы она не учудила тебя, Смертокос?

Ассасин выглядел оскорбленным. Парокоготь нетерпеливо ухмыльнулся и жестом предложил ему сделать это.

Награда Изможденного Призываителя и благодарность Серого Провидца. Танкуоля скоро попадет к ним в руки.

— Наконец-то, — сказал Готрек, топая к мягко мерцающему порталу в конце коридора. — Я начал думать, что этот коридор будет тянуться вечно. — он постучал обухом топора по каменному кольцу, которое обрамляло портал.

— Как и я, Искатель Рока, — сказал Джордаяс.

— Я никого не прошу следовать за мной, Грозорожденный. То, что *кто-то* в любом случае решает это делать, указывает на плохие выборы, которые они сделали по жизни. Не пытайся винить меня за них. Я несу достаточно позора на сотню жизней, не добавляя к своему собственному бремени бессмертных.

— Я не виню тебя. Ты — комета, Готрек, утягивающая за собой звездную пыль.

— Еще не поздно побежать за древесной ведьмой.

— Уже слишком поздно, и ты это знаешь, — сказала Маленет, будучи не в настроении наслаждаться этим особенным моментом. Честно говоря, ее больше не беспокоило ни в малейшей степени то, что Джордаяс мог вытеснить ее в — *кхм* — привязанностях Готрека. Они могли побудить друг друга отправиться в любую причудливую и диковинную могилу, какую бы ни выбрали, и это ее не волновало. — Боюсь, что мы все застрянем вместе, пока не найдём и не убьём Изможденного Призываителя или, что более вероятно, не умрём.

Маленет не должна была быть настолько удивлена, что Готрек воспринял это как сигнал приободриться.

— Теперь ты смотришь оптимистично, эльфиечка.

Маленет нахмурилась и обернулась, чтобы найти хоть кого-нибудь в здравом уме.

— Есть какие-нибудь указания, куда идет этот портал? — спросил

Витромм, поднимая глаза и прослеживая глазами узор рун вокруг каменного кольца. — Кто-нибудь что-нибудь чувствует?

— Нет, — сказал Джордаяс, и если уж Обвинитель ничего не почувствовал, то и никто другой тоже. — Насколько я могу судить, это всего лишь дверь.

— Есть только один способ выяснить.

Прежде чем кто-либо успел остановить его, Готрек шагнул через портал. Маленет поборола желание пожелать ему *скатертью дороги*.

— Я верю, — сказал Джордай и шагнул за ним.

Маленет хотелось бы сказать то же самое. Она поймала себя на том, что вспоминает то, что сказал ей Джордаяс в Звездной башне Темекзуки: во что именно она верила? Пока она колебалась, Витромм подошел к порталу. Он казался заметно менее заинтересованным, чем Готрек и Джордаяс.

По залу раздался слабый, жуткий смех. — *Я знаю, кто ты, Странник*, — сказал он. Звук исходил из портала.

— Ты слышишь это? — спросила Маленет.

— Слышу что? — спросил Витромм с натянутой беспечностью, и, если бы они были где-нибудь еще, Маленет быстрее приняла бы решение. Смех затих, и Маленет почти убедила себя, что ей это показалось. Она покачала головой. — Неважно.

— Тогда быстрее, — сказал Витромм, выпятив грудь и распрямившись перед порталом. — Прежде чем порталы сдвинутся и мы потеряем Готрека и Джордаяса, а также Друантаэль, — он оглянулся через плечо и улыбнулся Маленет так, что она подумала об отце, которого у нее никогда не было, или о наставнике, которым никогда не была Леди Ведьмин Клинок.

Она замешкалась. — Что это такое?

Он улыбнулся, следы печали скрылись за его усами, и на мгновение показалось, что он хотел сказать что-то еще. Но затем пожал плечами и отвернулся.

— Ничего важного сейчас, я полагаю, — сказал он и исчез в портале.

— *Дуардин*, — пробормотала она про себя. Что-то в старости заставляло их вести себя так, как будто они могли быть и разговорчивыми, и молчаливыми одновременно. Оглянувшись в последний раз, она вошла в портал и плюхнулась в мелководье.

Портал перенес их в небольшую комнату. Это напоминало ей азиризовую баню с кафельными стенами и большим количеством воды, льющейся через струи, вылепленные в замысловатые пелагические экспонаты. Пол был затоплен. Было так влажно, что стало трудно дышать, и ни горячий топор Готрека, ни молниевая аура Джордая в этом отношении не помогали. Маленет была так увлечена переменой обстановки, что чуть не врезалась прямо в спину Грозорождённого.

— Джордаяс? Что ты?.. - Она почувствовала укол паники, увидев его перед собой. — Где Витромм?

— Разве он не позади тебя? — спросил Джордай.

— Он вошел раньше меня!

Маленет повернулась и пошлепала обратно к порталу, но обнаружила, что тот погас, безжизненное каменное кольцо, частично погружённое в воду у основания. — Витромм! - закричала она, колотя по каменной кладке портала. Джордаяс присоединился к ней. Он схватил каменное кольцо своими большими, закованными в сигмарит руками, как будто мог поднять его с земли и открыть под ним потайную дверь, исследуя швы пальцами, но ничего не добившись.

— Он ушел, эльфиечка, — сказал Готрек.

— Нет!

— Кажется, я не помню, чтобы тебя *волновало*, когда я свалился с моста Владений. Нет, это были только ножи и кудахтанье.

— Я... - ужасное осознание того, что она собиралась сказать, заставило ее замолчать. Как и все неприятные истины, она все равно нашла выход. Она опустилась на колени, погрузив их в теплую воду, и паника переросла в отчаяние. — Мне *нравился* Витромм.

— Изможденный Призыватель убивает нас одного за другим, — мрачно сказал Джордаяс, что прозвучало крайне зловеще.

— Интересно, кто будет следующим? - спросил Готрек. — Лучше всего пройти маленький лабиринт демона и найти древнее дерево, за которым мы пришли, и нам не пришлось это выяснить. Истребитель двинулся вперед, очевидно, осматривая помещение в поисках выхода.

Как будто старый дуардин уже был забыт.

Маленет задалась вопросом, почему ее это так заботит. Это Готрек привел его с собой. Она бы перерезала ему горло и оставила его труп Дикой Охоте в Незеленом лесу, если бы не Истребитель. Ей следовало

бы праздновать потерю еще одного невольного живого щита между ее ножом и спиной Готрека, но она этого не сделала. Неужели очевидная безнадежность стоящей перед ними задачи заставила ее жаждать рядом с собой полезного сортанника? Или, может быть, потому, что Витромм был единственным, кто сказал ей доброе слово, хотя она ничего для этого не сделала? Была ли она действительно настолько слаба?

— Готрек, — задумчиво сказал Джордаяс. — Насколько высока была вода, когда мы впервые вошли сюда?

— Не знаю. Почему ты спросил?

— Я уверен, что она была тебе по колени. Теперь уровень у твоего пояса. Маленет моргнула, смахивая жжение в глазах, и подняла глаза. — Он прошел дальше, — сказала она. — Комната, должно быть, находится на склоне.

Готрек посмотрел вниз. Нижняя часть его бороды определенно была под водой. — Нет, эльфиечка. Пол плоский, как стоявший год каменный хлеб. Доверься гному.

— Вода поднимается! — заметил Джордаяс.

— Он льется из тех струй по углам, — сказал Готрек.

— Должно быть, наше прибытие каким-то образом запустило ловушку, — сказала Маленет, отступая к порталу, как будто это могло обратить вспять эффект. — Возможно, нажимные плиты под водой?

— Магия, скорее всего, — сказал Джордаяс.

— Чертова башня, — проворчал Готрек. — Где-то там, должно быть, спрятан насос или какой-то механизм. Сможешь ли ты добраться до него со своими крыльями, Грозорожденный?

— Я постараюсь.

Джордай выпрыгнул из воды, крылья вспыхнули, прежде чем он начал падать, вода струилась из его поножей, когда крылья подняли его на небольшое расстояние до потолка. Там, все еще жужжа крыльями, он вцепился в искусственную резьбу по камню, как альпинист за скалу. Вода хлынула ему в лицо, когда он снова расположился над изливом, чтобы протянуть руку и ощупать внутреннюю часть.

— Здесь ничего нет, Готрек, — пробормотал он.

— Должно быть. Вода не может качать сама себя.

— Это Серебряная Башня, Готрек, — напомнила ему Маленет.

— Как говорят некоторые.

— Теперь вода у твоего подбородка, Готрек.

— Да, эльфиечка. Я заметил, когда моя губа намокла.

— Подожди! - выкрикнул Джордай, отвернувшись от грохота воды. — Я вижу кое-что еще.

Маленет закрыла глаза. Между плещущимся Готреком и Джордаясом, стоящим на пути струи, воздух быстро наполнялся брызгами. Она увидела, на что указывал Грозорожденный. Несколько круглых панелей на стене, чуть ниже потолка.

— Они выглядят так, будто могут открываться как двери, — сказала она.

— Как, во имя волосатой задницы Гrimнира, нам туда добраться?

— Подождем, пока вода поднимет нас.

— Что?

— Ты не умеешь плавать? — удивленно спросила Маленет.

Готрек посмотрел на нее таким взглядом, который заставил бы даже троггота развернуться и уйти по другим делам. — Разве ты не можешь ходить по воде?

— Тогда всплывай, Готрек.

— Всплывать? — заворчал Истребитель. — Вс... - вода поднялась и закрыла его рот. Его реакция, что вполне типично, заключалась в том, чтобы кипятиться и метаться в ярости, как будто он боролся с Ночным Призраком.

— Это значит лежать спокойно и перестать хлопать руками.

— Я знаком с этой чертовой концепцией, эльфийка!

Маленет усмехнулась, отвернувшись от него, когда услышала звук, похожий на звук чего-то большого, царапающего узкий, наполненный водой проход за стенами.

— Что-то происходит, — сказал Джордаяс, отстраняясь от потолка.

Готрек изо всех сил пытался поднять свой топор достаточно высоко, чтобы размахивать им над водой. — Призыватель все еще играет с нами, эльф. Что ж, он найдет этого Истребителя готовым к своим испытаниям. Одна из дверей в стене открылась. Поток воды хлынул, а за ним последовало большое серокожее морское чудовище, оседланное, запряженное и ведомое парой бледных, безволосых эльфов в чешуйчатых доспехах цвета морской волны.

— Это акула, — прорычал Готрек. — Поверить не могу, что эльфы загнали акулу в упряжь.

— Это называется аллопекс.

— Мне кажется, это чертова акула.

— Убей дуардина, — сказал эльф в седле. — Но оставь Темнородная. Я бы хотел получить ее душу. Второй эльф, стоя на платформе позади, нацелил гарпун, от которого даже гарганту бы непоздоровилось.

— Ныряй! — закричала Маленет.

Готрек повернул голову, и гарпун пролетел мимо, врезавшись в камень за ним.

— Спасибо, эльфиечка. Быть пронзенным гарпуном морского эльфа — плохая смерть для Истребителя. Как бы я ни был благодарен, у меня сложилось впечатление, что ты хочешь моей смерти.

— После того, как мы выберемся из логова Тирана.

Еще больше проемов на высоте распахнулись, выливая соленую воду и еще больше бледнокожих аэльфов в быстро заполняющееся помещение.

— Идонет Глубокородные, — выдохнула Маленет. — Падшие дети Теклиса. Она считала их легендами.

— У них есть луки, — выкрикнул Джордаяс.

— Ба! Что они собираются поразить? У них даже глаз нет.

Лучники дали залп.

Маленет поспешила набрала в легкие столько воздуха, сколько смогла, и нырнула. Стрелы понеслись за ней. Некоторые, руководствуясь чем-то большим, чем просто аэльфийская наводка, даже попали в нее, но их скорость значительно уменьшилась после попадания в воду, и все они не причинили вреда. Она оттолкнулась от дна, вынырнула на поверхность и обнаружила Готрека в абсурдной ситуации сражения с аллопексом и обоими его наездниками, яростно бултыхающегося в воде.

— Доверься... — сказал он, ударив аллопекса по длинной морде. — Этому конкретному эльфу... — он уклонился от взмаха меча Идонета. — Надо же додуматься сделать кучу всадников на акулах... Аллопекс широко раскрыл пасть, но тут же дернулся назад, унося с собой разгневанного эльфадворянина, когда Готрек ударил его по носу. — Дышать в воде... — еще один удар. — Морские эльфы... — и еще. — Это то, что должен делать бог. — Я сказала, всплыvай, Готрек!

Истребитель рубанул топором огромную толстую шею аллопекса. Его рунические усиления в сочетании с огромной силой Готрека помогли ему перерубить ее почти полностью, но не до конца. Аллопекс довольно

долго метался в агонии, окрашивая воду в красный цвет и взбивая ее в пену, пока Готрек пытался, но не мог коснуться дна пальцами ног.

— Похоже на акулу. Умирает, как чертова акула.

Предсмертная агония морского чудовища раздавили эльфа с гарпуном, превратив в красное пятно на стенах, но всадник показался из багровых вод. С холодной яростью он направил на Готрека коралловый меч.

— Ты мой, дуардин.

— Постарайся изо всех сил, эльф.

Пока Готрек и воин Идонет сражались в воде, Джордаяс, все еще паривший под потолком, призвал в руку копье.

— Я позабочусь о лучниках.

— Стой! - Маленет так резко вскинула руку, что чудом не вывернула запястье. — Не бросай молнии в воду, пока мы с Готреком в ней.

— Сигмар... — Джордаяс сжал перчатку, погасив копье. — Я не подумал.

— Я разберусь с ними. Маленет швырнула ножи, метясь в двух безглазых лучников Идонет, и нырнула за погасший каменный портал прежде, чем в ее сторону мог грянуть ответный залп. — *Ты найдешь нам выход отсюда раньше, чем мы утонем.*

— Глубокородные вошли через эти люки в стенах, - сказал Джордаяс. — Само собой разумеется, что и выходить следует таким же образом.

Маленет вытащила еще один нож, выглянула из-за арки портала и швырнула его. Еще один лучник с громким всплеском упал на спину с ножом в шее.

— Это маленькая палата. Я не вижу другого пути.

Джордаяс попытался втиснуть свой бронированный корпус в один из проходов, но напор воды была слишком велик даже для Грозорождённого Вечного.

— Тебе придется подождать, пока вода поднимется настолько, чтобы закрыть выпускные отверстия, Грозорожденный, - сказал Готрек. Его глаза были прикованы к противнику, он скрежетал от усилий, чтобы сравняться с глубокорожденным аэльфом в воде, но все же умудрялся следить за ситуацией вокруг.

— Вода перестанет течь? - спросил Джордаяс.

— Доверься инженеру.

Готрек и воин Идонет продолжали обдавать друг друга брызгами. Маленет дала ему немного времени, прежде чем бросить нож. Он ударил

Идонету в голову, мгновенно убив того. Готрек смотрел бы с еще большей яростью, если бы поднимающиеся воды не стремились закрыть его лицо.

— Он был мой, эльфиечка!

— Мне сейчас очень скучно, Готрек. — Давай уйдем отсюда.

Вода уже достигла проемов и была почти у потолка.

— Я все еще не умею плавать, — сказал Готрек.

— Возьми мою руку.

— Не буду!

— Разве смерть от утопления намного лучше, чем гарпун Глубокородных?

С тирадой ворчания, которая была практически бессловесным из-за воды, хлынувшей ему в рот, Истребитель взял руку Маленет своей рукой. Он соизволил не раздавить её, за что Маленет была одновременно удивлена и благодарна. Вода уже билась о потолок, когда Маленет глубоко вдохнула и нырнула обратно под воду. Жидкость как искажала звук, так и усиливала его. Она могла слышать рев текущей воды, гул штормовой энергии Джордаяса, душераздирающий язык Глубокородных, рассекавших воду, как рыбы. Слепые эльфы, казалось, больше стремились ограбить своих мертвых хозяев, чем завершить начатую битву, и Маленет с облегчением могла пока игнорировать их.

Она всплыла на выдохе.

Готрек заплевался, как жертва пыток, отказавшаяся говорить.

— Где этот чертов Грозорожденный? Я видел, должно быть, полдюжины таких проходов.

— Разве ты не заметил его, Готрек? Его аура освещает путь, словно небесный маяк. Он знает, что мы сможем следовать за ним даже в кромешной тьме. Как долго ты сможешь задерживать дыхание?

— Не волнуйся обо мне, эльфиечка. Я не погибну, наглотавшись воды, в которой только что плавал какой-то жалкий морской эльф. Я скорее умру от стыда.

Маленет еще раз глубоко вдохнула, и на этот раз Готрек сделал то же самое и погрузился за ней под воду. Она видела дверной проем, через который, должно быть, проследовал Джордаяс. Круглое отверстие в камне было освещено призраком его присутствия, и слабое сияние Азира сияло из его глубин. Она поплыла к нему, схватившись за

каменный край и подтянув себя. Она обернулась и увидела, как Готрек сражается с парой слепых эльфов, и в ярости из его губ срываются пузыри.

— *Готрек!* — она попыталась закричать, но лишь сама выпустила несколько пузырьков, но это каким-то образом привлекло внимание Истребителя. Он повернулся спиной к двум аэльфам и неуклюже втиснулся в проем после Маленет.

Туннель уходил вниз, еще глубже в стену, сужаясь до такого расстояния, за которой было невозможно поверить, что Джордаяс вообще прошел этим путем, если бы не след, который он оставил, чтобы вести ее, свет, который ни один демонический колдун не мог исказить.

Она скорее ползла, чем плыла, задевая то что могло быть потолком или полом, если это имело значение. Портал был впереди нее. Она уже могла его видеть! Это был мерцающий клубок света, похожий на воду, которая существовала отдельно от вод вокруг нее, пульсируя собственной силой и энергией. Воздух заканчивался и легкие жгло. Пульс грохотал в ушах. Но Маленет не больше, чем Истребитель, хотела бы оставить свою душу блуждать по лабиринту Изможденного Призывателя. Она изо всех сил сопротивлялась желанию немедленно вдохнуть, потянувшись к порталу одной рукой с растопыренными пальцами.

ГЛАВА 40

— Лес? - Смертocos тихонько заскулил, подняв обтянутую шелком морду и принюхиваясь. — Внутри Серебряной башни?

Следуя за дерево-тварью Сильванет на безопасном расстоянии, Парокоготь привел их к тому, что выглядело как лес, или как странное представление того, кто никогда не видел настоящего дерева, и лишь предполагал, как оно должно выглядеть. Скавены стояли вокруг, оцепеневшие и озирающиеся. Кристаллические листья шелестели среди настоящих, как ветерок в мастерской стеклодува. Странные существа квакали и звали, шепча секреты, которые Парокоготь жаждал услышать, но ни разу не учуял их запаха. Он пригнулся, судорожно жестикулируя, чтобы остальные сделали то же самое.

Дерево-тварь, хрустя стеклом, направилась к большому дереву в центре зала.

— Комната Жизни. Должно быть она и есть.

— Сильванет дерево-тварь нашла ее, - сказал Смертocos.

— Разве я не пищал-говорил, что она это сделает?

— Ты забыл, чьи способности позволили нам проследить за ней?

— Это была моя идея.

Болтокруш издал нетерпеливый жевательный звук, который утихомирил спор. — Мы передадим по дальнеписку Серому Владыке?

— Нет, - сказал Парокоготь.

— Нет-нет, - сказал Смертocos.

— Пока нет.

— Раб не будит хозяина, чтобы сказать тому, что все еще ищет свой потерянный жетон.

— Да-да. *Нет*. Мы все еще не нашли то, чего жаждет Серый Провидец. Я не хотел бы гневить его.

— Давать повод обвинить нас в том, что мы тратим его бесценное время, - добавил Смертocos.

— Или заряд дальнеписка.

— Нет.

— Нет-нет.

— Но скоро, - согласился Смертocos.

— Да-да, - согласился Парокоготь.

— Очень скоро.

Под землей раздался грохот. Деревья затрещали и зазвенели, а Парокоготь в панике встал на все лапы. Сильванет, казалось, тряслась в ответ, протягивая руки к большому центральному дереву и издавая в ответ какую-то свою песню, похожую на треск деревьев. Первоначальная дрожь стала еще более яростной. Парокоготь испуганно пискнул, так как тряска грозила сбросить его снаряжение. Он не подумал о том, как будет поднимать его, если то упадет. Он задумал его таким мощным и ужасающим, *не для того, чтобы падать!*

— Шшшшшшш, — зашипел Смертокос.

— Она будит лес!

— Не будь рабом-трусом, болван-глупец. Разве ты не слышишь и не видишь? Эти деревья фальшивые.

Скрежетнув металлическими шарнирами и выпустив пар, Парокоготь указал на большое дерево, перед которым остановилась Сильванет. Его ствол был шире, чем могли бы обхватить все четверо скавенов вместе, и тянулся до самого потолка. Насколько мог судить Парокоготь, его сонный зеленый полог и был потолком. Все остальные деревья, которые мог видеть скавен, были собраны вокруг центрального. Казалось, они были обращены к нему, насколько это вообще возможно для деревьев: их кристаллические формы отражали его цвета, хотя и не могли подражать внешнему виду.

К ужасу Парокогтя, оно начало двигаться.

Сначала оно просто изгибалось в стволе, словно клоняясь против ветра, которого Парокоготь пока не чувствовал, но потом начало дергаться, точно соня, запутавшийся в одеялах, вытаскивая корни, застывшие в камне, и Парокоготь уже не мог отмахиваться от реальности увиденного. Сильванет будила его!

— Оно двигается! Шевелится!

— Шшишиши! — снова зашипел Смертокос.

Ассасин провел когтем по губам, а затем резко повернулся к Сильванет.

— Я слышу смятение в твоей песне, Древний Хрут'гаэль. Дерево-тварь положила древесную лапу на монструозную кору, и, на взгляд Парокогтя, существо успокоилось. Дрожь в земле прекратилась. — Не борись. Ты укоренился слишком глубоко.

Дерево, по всей видимости, Хрут'гаэль, сонно застонало.

— Укоренился...? Его голос был похож на скрип старых бревен под лапами скавена. — Как?.. Я не помню...

— Даже если разразится буря, будь спокоен. Я уберу этот нечистый камень от твоих корней.

Сильванет принялась рубить мечом камни, пытаясь поднять корни дерева. Парокоготь презрительно наблюдал за ней. Меч был ужасным инструментом для этих целей.

— В один момент я исследовал Серебряную башню, - продолжал Хрут'гаэль. — В поисках Призываителя. Чтобы убить его. Чтобы избавить поляны Куэт'нхаира от скверны его башни. А дальше...

Парокоготь подавил очередной приступ паники, когда весь зал снова задрожал.

Дерево зашуршало, оседая, словно старая крыса, смирившаяся с потерей своих сил и неизбежной узурпацией меньшими паразитами. — Я так устал. Как будто небо поглотило солнце, а земля подо мной стала бесплодной.

— Алариэлль поручила мне найти тебя, - сказала дерево-тварь.

— Тебя послала Всекоролева? Лично?

— Даже она не смогла разглядеть в Серебряной башне, что с тобой стало. Ты - ее дитя, как и я, и она боялась, что ты потерялся.

Дерево издало долгий, медленный стон отчаяния. — Я потерялся.

— Нет. Песня нашей госпожи, возможно, не пронзит эту тьму, но она потянетесь к тебе через меня.

— Я никогда не покину эту рощу.

— Не говори больше, Древний. Это не роща.

— Я стою уже много лет, мои корни уходят глубоко в подножие Незеленья. Я помню, как когда-то сверкал Гиран, еще влажный от росы творения и первых слов песни богини, но теперь, боюсь, я должен быть краток. Если тебя послала сама Алариэлль, значит, она тоже попала в паутину Ксер'гер'аэля и должна быть предупреждена. Я должен поговорить с тобой о Вратах Владений

— Вратах Владений? - пробормотал заинтересованный Сеятель.

— Ш-ш-ш! - прошипел Смертокос.

Парокоготь наклонился вперед. Это могло относиться только к призу Танкуоля.

— О каких вратах ты говоришь, что они могут быть так важны? – спросила

Курноти.

— Они ведут туда, куда не доберется никто во всем мире. Изможденный Призыватель думает, что я не знаю, а может, ему все равно, что я знаю. Я всего лишь приманка.

— Ты — Благородный Дух Куэт'нхайра! —зывающе пропела дерево-тварь.

— С тех пор как мой духовный саженец был посажен в землю Гирана нежной рукой Лучезарной Королевы, Ксер'гер'аэль держал эти Врата для своего господина. Это принесло им обоим много удовольствия, но конец их игры близок.

— Она сказала «Врата Владений»? — повторил свой вопрос Сеятель.

— Да-да, — сказал Смертокос. — Именно так.

— Он знает, где они находятся, — взволнованно добавил Парокоготь.

— Теперь убивать-убивать? — спросил Болтокруш.

— Да-да!

Болтокруш зарычал в предвкушении и начал двигаться.

— Нет! — сказал Парокоготь, прерванный блестящей мыслью. — Подожди-подожди! Мастер Моулдер нетерпеливо зарычал, но тут же успокоился. — Мы возьмем дерево-тварь живой. Мы будем пытать ее, скажем большому дереву, что убьем-растерзаем ее, если он не скажет нам, где найти врата Серого Владыки.

Болтокруш облизнул губы. Было совершенно ясно, что "убьем-растерзаем" — это единственное, что он услышал.

— А если Владыка деревьев будет отбивается? — спросил Смертокос.

Парокоготь хихикнул. — Ты слышал. Он попался. Дай-ка подумать... Он замолчал, прикидывая в уме рост и вес Сильванет, прикидывая электропроводность дерева по сравнению с плотью, и пришел к выводу, что взрыва средней мощности из его пушки варп-молний будет более чем достаточно, чтобы оглушить ее. Он установил мощность с максимальной отметки в тринадцать когтей-царапин до трех. Более чем достаточно.

Смертокос предупреждающе зашипел.

— Я веду себя так тихо, как только могу.

— Опытный убийца может убить издалека. Но мастер убивает вблизи.

— Ты слишком много беспокоишься, Смертокос. Дерево-тварь никогда не услышит...

К несчастью, в этот момент из оборудования Парокогтя повалил зеленый дым. Искры энергии посыпались из встроенного в его спину варп-каменного реактора и облепили Сеятеля, который удивленно вскрикнул, когда сработали различные системы оповещения.

— Что это? — пискнул Дэтсквел, зажав уши лапами.

Стимклав беспорядочно стучал по своему боевому костюму, пытаясь заглушить воющие сигналы тревоги.

— *Варлок?* — раздался трагически несвоевременный голос Танкуоля. — *Почему ты не отвечаешь?*

— Это дальнеписк!

— Заставь его замолчать, — приказал Смертокос.

— Я не могу!

— *Хватит трусить. Теперь вы можете ответить на призыв вашего самого величественного из повелителей.*

Сильванет повернулась к ним. Парокогть боролся за то, чтобы не испустить мускус страха, когда мерцающая песнь фальшивого леса перешла в ярость.

— Кто вторгся в рощу Древнего Хрут'гаэля, Владыки Күэт'нхаира?

— Она нас видит, — пропищал Парокогть.

— Я вижу, что она заметила, — сказал Смертокос.

Болтокруш выглядел довольным.

— Осквернители, — пропело древовидное существо, направляясь к ним, грациозно, но ужасающе быстро перебирая длинными лапами. Парокогть выстрелил из своей варп-молниевой пушки мощью в три деления когтя, но был так поражен ее скоростью, что промахнулся.

Он огляделся в поисках помощи. Филт Сеятель, несмотря на свою вялую манеру поведения, отреагировал с поразительной поспешностью, забежав за бронированный костюм Парокогтя. Смертокос тем временем просто исчез. Парокогть зарычал, размахивая своим оружием. Он не задумывался о том, как будет убегать в своем боевом костюме. Он построил его таким мощным и устрашающим, чтобы все остальные убегали от него.

Визжа от ужаса, он сомкнул ладонь на рукояти спускового механизма, выпустив шквал выстрелов, от которых хрустальные деревья по обе стороны от наступающей Сильванет посыпались фонтанами битого стекла — он был уверен, что даже попадет в саму дерево-тварь! — пока

Болтокруш не отбросил его в сторону. Оставшаяся часть магазина вылетела в землю, когда он споткнулся, направив весь свой гений на то, чтобы не упасть мордой прямо под ноги Сильванет.

— Я здесь главный, — услышал он рычание мастера Моулдер. Я убью это.

— Мои сапоги мокрее, чем у верховного короля Ультуана, — ворчал Готрек, с трудом протискиваясь по коридору. Это была вариация на тему, которую он избрал с тех пор, как он, Маленет и Джордаяс провалились в портал в затопленной комнате. По крайней мере, он был последователен.

— Хватит жаловаться, Готрек, — сказала Маленет. Она еще не полностью восстановила дыхание, и сердце не совсем простило ее за то, что она едва не задохнулась. Это была холодная и пугающе хрупкая боль под её мокрой кожей.

Готрек стряхнул бороду, забрызгав водой хлюпающие сапоги. — Я ещё месяц буду выжимать соленую воду из бороды.

— Неужели то, что ты жив и можешь ворчать, не приносит тебе радости?

— И, несомненно, мы все еще будем торчать в этой чертовой башне.

Маленет вздохнула. — Как ты узнал, какой проход приведет нас к порталу?

Это было обращено к Джордаясу, который покачал головой, словно смущенный тем, что его вклад был отмечен. — Я не делал этого. Просто выбрал тот, которым никто из Глубокородных в тот момент не пользовался. Проход был достаточно широк для меня, и я не хотел протискиваться мимо эльфов. Он посмотрел в сторону. — И я верил.

— Удача — это то, что у тебя было, — сказал Готрек.

— Пока она работает на нас, я не буду жаловаться.

— Может быть, — согласился Готрек с ворчанием. — Но сейчас мы можем быть где угодно. Он потряс мокрыми волосами, словно пёс, только что вылезший из реки. — Я ненавижу море. Это как принимать ванну, только холоднее и солонее. И, похоже, в нем могут водиться эльфы. Если бы мне нужно было куда-то поселить эльфа, то дно океана было бы как нельзя более подходящим местом. При условии, что остроухие маленькие попрошайки, черт возьми, останутся там.

Маленет подняла руку, призывая к тишине. Она приложила ухо к проходу

впереди них.

— Ты слышишь то же, что и я, Темнородная? - спросил Джордаяс.

— О чём вы? Я не привык, чтобы меня окружали люди с более острым слухом, чем у меня. И не уверен, что мне это нравится.

Готрек вообще ничего не одобрял, но Маленет решила, что это достаточно очевидно, чтобы не говорить об этом. — Сражение, - сказала она.

— Битва, говоришь? - выражение лица Истребителя внезапно стало серьезным. Я слышу только звон и скрежет. Если не прислушиваться, это звучит почти как лес, но словно в салоне ведьмы из подворотни, которая слишком старается, чтобы ее воспринимали всерьез.

— Это... - Маленет на мгновение задумалась. — Это звучит почти как...

— Кто-нибудь скажет мне, на что это, черт возьми, похоже!

— Это Друантаэль, - сказал Джордаяс.

Маленет перешла на бег.

Если охотница Курнота опередила их, то это могло означать только одно из двух. Либо они все нашли дорогу к Ксер'гер'аэлю, и она была здесь, впереди них, либо они одинаково заблудились. В любом случае, похоже, помочь друг друга им еще пригодится.

— Не то что она, - пробормотал Готрек, обращаясь к Джордаясу, достаточно громко, чтобы Маленет услышала. — Бросить меня и бежать навстречу сражению.

Кхайн помоги мне.

Если бы она спешит на бой с Изможденным Призывателем, то безропотно примет помочь даже Истребителя.

ГЛАВА 41

Маленет заскользила по гладким камням. Стеклянные листья хрустели под ее мокрыми ботинками, и хрустальные иголочки звонко раскатывались по полу. Коридор выходил в лес, но такой, какого она еще не видела. Свет пробивался сквозь хрустальные чаши, украшая пол беспорядочными бликами. Воздух вихрился в листве, словно ее перетирали в стеклянном барабане. Маленет могла бы стоять так часами, днями, просто слушая, но не было возможности. Она заставила себя сосредоточиться. Скавены, которых Ксер'гер'аэль представил им как своих соперников, уже были там.

Маленет впала бы в панику от того, что ее обошли, если бы рядом не было Друантаэль. Сильванет сцепилась в объятиях с гигантским мутировавшим скавеном. То ли это был маленький крысогор с необычным интеллектом, то ли очень крупный скавен, но мутант был почти такого же роста, как охотница Курнота, и, пожалуй, превосходил ее в мускулах. Хвост толщиной с кабель небесного корабля обвился вокруг запястья Друантаэль, а Болтокруш, пользуясь ее ограниченной подвижностью и преимуществом одной руки, яростно колотил ее кору.

— Древесная ведьма! — прорычал Готрек, как всегда, всего на шаг позади.
— И скавены тоже.

— Как и говорил Витромм перед тем, как его забрал Изможденный Призыватель, — сказал Джордаяс. — Лабиринт существует для того, чтобы его покорять.

— Рыжемехий!

Маленький пегий скавен, несущий большой арсенал, указал на них троих. Приспособление, прикрепленное к верхней части спины его боевого снаряжения, пищало и содрогалось, выглядя в этот момент не более чем бомбой из варп-камня, прикрепленной на спину идиоту, когда избыток энергии проникал через металлический костюм, который он носил. Вызывающие мурашки сигналы тревоги пронеслись по верхнему пределу слуха Маленета. Вспышки сопровождающих сигнальных огней, хотя и были чрезвычайно яркими из-за плохого зрения скавенов, но, по крайней мере, немного приглушались дымом, вырывавшимся из машины.

— Ответь на мой вызов, Галг Парокоготь, — объявило оно голосом,

похожим на гвоздь, которым скребут по металлическому листу. — *Или испытай мой невообразимый гнев!*

— Смертокос! Сеятель! Тот, кого, по-видимому, звали Парокогтем, жестикулировал везде и всюду, размахивая руками сквозь дым. — Взять их!

Скавен, одетый как монах, в одеянии, которое выглядело так, будто его измазали фекалиями и рвотой, повернул к ним свою морду. Из-под мерзкого капюшона торчал облезлый нос. Изломанный хвост валялся на земле. Похоже, он не был вооружен, и это давало Маленету больше поводов для беспокойства, чем весь арсенал Парокогтя.

— Мы с Готреком разберемся с Чумным монахом. Джордайс, ты... Готрек?

Маленет вздохнула, когда Готрек умчался в хрустальную рощу совсем не в том направлении, где нужно было сражаться. Это было самое подходящее время для того, чтобы Истребителю следовало бы научиться благородному искусству осторожности.

— Я возьму на себя инженера, — закончил за нее Джордаяс. — Да пребудет с тобой Сигмар! Его крылья вспыхнули светом Азира, прогоняя все тени, и Грозорожденный Вечный поднялся в воздух.

От неожиданной вспышки скавен в черном плаще, спрятавшийся в ветвях над головой Маленет, оскалил зубы, словно делая вид, что все это время намеревался проявить себя именно так.

Двое против одной.

Спасибо, Сигмар.

— Умри-сдохни, аэльфотварь!

Маленет перекатилась. Его когти беззвучно вонзились в камни. Она тут же нанесла подсечку ногой, чтобы сбить скавена с ног, прежде чем тот успеет восстановить равновесие, но он оказался быстрее. Она использовала инерцию замаха и сделала кувырок, стремясь вонзить по плачущему ножу в каждую его лапу. Маленет стиснула зубы от боли, когда кинжал пропорол ее через волосы. Она ударила ногой в грудь скавена. Он отступил на полшага, но этого оказалось достаточно, чтобы она смогла снова оказаться на ногах. Она ткнула своим левым ножом в сердце скавена. Он заблокировал удар внешней стороной запястья и с шипением бросился ей в живот, но она перехватила его резко поднятым коленом.

— Стремительно-быстро, - проворчал Смертокос.

— Вот почему я до сих пор жива.

Скавен тоже был быстр, но в редких случаях у нее было преимущество в силе. Ударив плечом в морду скавена, Маленет заставила его сделать еще несколько шагов назад. Она повторила его движение, удвоив расстояние между ними, встала в более удобную боевую стойку и вернула ножи на место.

— У тебя есть опыт, - заметил Смертокос.

— Как и у тебя.

— От мастеров Смерти Умбрасана.

Маленет помрачнела. Выглядело так, будто они действительно начали дуэль. — Храм Хайлеброн, в Азирихайме.

— Хорошо-ладно. Дэтсквил отсалютовал ей ножом. — Будет непросто.

Ассасин подпрыгнул, проявив больше прыти, чем Маленет могла бы достичь с разбега в своих мечтах. Когда он опустился, то закружился вихрем ножей, зубов и когтистых лап, и Маленет напрягла все инстинкты и мышечную память, чтобы совладать с ним. Контратака стала далекой мечтой.

— Это редкое умение, - прошипел Смертокос. — Владеть двумя ножами с таким мастерством. Из-под плаща убийцы вынырнул третий клинок, рукоять которого была крепко примотана к его длинному хвосту. Маленет опустилась на одно колено, избегая порезов на голом бедре, и укрылась за пурпурной кожей своих высоких сапог. Обучение в храме позволило ей узнать многое об искусстве клана Эшин наносить смертельные удары. Малейшая царапина почти наверняка окажется смертельной.

Смертокос сделал сальто назад, приземлившись в зеркальное отражение прежней стойки Маленет с длинными ножами по бокам и третьим, истекающим ядом, как хвост скорпиона. Он оскалил на нее зубы.

— Неужели ты так и не научилась сражаться тремя?

Маленет огляделась по сторонам, ища помощи или какого-нибудь преимущества, которым могла бы воспользоваться, но не нашла ни того, ни другого. Гигантский скавен и Друантэль жестоко избивали друг друга, раскидывая во все стороны мех и щепки, а Готрека нигде не было видно. Чумной монах Сеятель, похоже, тоже исчез, а это уже было кое-что. Пока она присматривалась, Джордаяс низко пролетел. Шквал зеленых осколков и колючих лучей варп-молний преследовал Грозорожденного,

куда бы тот ни сворачивал. Джордаяс направился к Маленет и Смертокосу, заставив их обоих упасть на землю, чтобы не быть сбитыми или подстреленными. Джордаяс пронесся мимо, увлекая за собой снаряды Парокогтя, словно железную стружку к движущемуся магниту. Смертокос снова вскочил на лапы.

Маленет еще мгновение оставалась внизу. Она видела то, чего не видели скавены.

— Я пищал-говорил этому имбецилу с пораженным металлом мозгом, чтобы он берег свои пули. Он посмотрел на Маленет через морду. — Прикидываешься мертвой, аэльфо-тварь? Умно. Только вот глаза у тебя... Внезапно появившийся за его спиной Владыка деревьев сбил ассасина с лап. Скавен визжал, пролетая сквозь хрустальную листву леса, но Владыка деревьев не стал обращать на него внимания. Он устало опустился на корни, словно готовился ко сну длинною в вечность прямо здесь.

Маленет поднялась с земли.

Она, как ни странно, уже была преисполнена благодарности.

— Ты, должно быть, Древний Хрут'гаэль?

Владыка деревьев зарычал и покачнулся, словно от боли. — Снаряды колдуна из варп-камня, и он плохой стрелок. Я чувствую их там, где они пробивают кору и проникают в мою сердцевину, загрязняя соки. Мне недолго осталось здесь пожить.

Готрек наконец появился, слегка покрасневший и с клоцком рваного меха в бороде. Маленет предположила, что разгадала тайну исчезновения Чумного Монаха. — Не после того, как я проделал весь этот путь.

После того как мы проделали весь этот путь, - хотела поправить Маленет, но сдержалась.

— Ради моей ламентири я должен, - простонал Хрут'гаэль. — Чтобы и мой душегуб не был испажен до неузнаваемости.

— Отойди, эльфиечка. Ты мешаешь дереву.

Маленет в недоумении посмотрела на Готрека - прославленного любителя всех деревьев, - пока ее взгляд не отвлек треск молний. С неба рухнул дымящийся Джордаяс Львиное Сердце, сопровождаемый воплем смеха, который, предположительно, принадлежал Галгу Парокогтю. Грозорожденный упал на землю с ужасающим треском, но молния не ударила в хрустальный полог. Либо Джордайс был еще жив, либо...

Маленет покачала головой. Альтернативный вариант, при котором даже душа павшего Грозорожденного Вечного не может покинуть Серебряную башню без согласия похитителя, был слишком ужасен, чтобы даже думать о нем.

— Спрашивая быстро, Готрек. Пока Друантаэль не пошла тем же путем, что и Джордаяс, и мы не оказались в меньшинстве.

— Скажи мне то, что я хочу знать, дерево, или, клянусь Гrimниром, огонь этого топора поможет тебе в твоем уходе. Скажи мне, где я могу найти свои топоры.

Владыка деревьев издал глубокий, задумчивый стон. При менеे серьезных обстоятельствах, чем эти, Маленет могло бы позабавить то, как сильно он напоминал ей дряхлого старого дуардина. — Топоры. Гrimнир. Да. Это память, глубоко засевшая в моей сердцевине. Я знаю тебя, Искатель Рока, ты старше меня. У меня нет твоих топоров, но я знаю, где их можно найти.

— Я должен вытрясти это из тебя? - Готрек нахмурился.

— Во Вратах Владений.

— Во Вратах? - спросила Маленет. — В каких именно?

— Это самое ценное, что есть у Тирана Глаз, ибо подобного нет во всем мире. Врата в Мир-что-Был.

Готрек долго беззвучно шевелил губами. Врата в Старый мир? В Империю, к Пограничным княжествам, в Караз Анкор? Он покачал головой, словно какая-то его часть все еще хотела отвергнуть эту возможность, как бы сильно он ни желал ее с момента своего прибытия во Владения Смертных. — Я думал, что Всекоролева указала мне путь к моим потерянным топорам, но все это время она вела меня... - кго голос надломился. — Домой.

— В дом, обреченный рухнуть под пятой Архаона, - напомнила ему Маленет. Если она не хотела, чтобы Джордаяс вел Готрека в веселых походах по Владениям Смертных, то уж *тем* более не хотела гнаться за ним до самого Мира-что-Был, за несколько дней до его разрушения.

В единственном глазу Готрека появился блеск, когда он повернулся к ней.

— Да, эльфиечка.

Маленет обернулась к Владыке деревьев, но древний дух был неподвижен. Когда он умер, то сделал это молча.

— Отправляйся к своим предкам, древний. Скажи им, что Готрек

Гурниссон желает им добра.

Неуместные аплодисменты оторвали Маленет от размышлений. Перед ней стоял Изможденный Призыватель. Собственной персоной. Кодун-демон был тощим и хрупким, как скелет, но ничто в его облике не указывало на невинное происхождение, как у человеческого трупа. Его руки, которых у него было слишком много, были покрыты переливающимися наростами и сегментированы, как у насекомого. Череп был раздвоен, как тупая вилка. Два зубца составляли половину его худощавого тела, на которых были неравномерно распределены самодовольные, похожие на кошачьи глаза.

— Поздравляю тебя, Готрек, сын Гурни. Ты одолел мой лабиринт, нашел мое святилище и обнаружил мое величайшее сокровище. Требуй свою награду. Все, что ты пожелаешь, я в силах исполнить.

Готрек с рычанием набросился на Изможденного Призывателя.

Ксер'гер'аэль моргнул несколькими десятками глаз. Он скучающе поднял палец, словно призывая Истребителя обратить внимание на что-то, едва ли заслуживающее упоминания, и Готрек застыл на месте. Истребитель захрипел, но не смог пошевелиться: огонь, охвативший его, обретал новые цвета и становился все яростнее от каждого нового витка борьбы.

— Это... должно... причинять боль?

— *Ок утар?* - отозвалась руна на своем древнем золотом языке.

Изможденный Призыватель улыбнулся. Его многочисленные глаза выглядели довольными. —*Было интересно, когда он появится, но, как я уже упоминал, в этой башне живет только один бог. А у него здесь нет власти.*

Демон отмахнулся от силы руны так же небрежно, как от свечи. Голос в голове Маленет коротко вскрикнул, и его огонь утих, уйдя глубоко в металл, из которого был сделан. Готрек попятился, ослабев от внезапного отсутствия силы, от которой он так часто пытался отказаться.

— На поле боя ты был бы самым сложным противником, даже для меня. Но не здесь. Не в одной из бесконечных нитей судьбы.

Призыватель двинулся к Готреку. Ног у него не было, насколько Маленет могла судить. Это мог быть лишь парящий торс, поддерживаемый развевающейся голубой мантией, которая скрывала его нижнюю половину.

— Произнеси свое желание, Истребитель, и оно будет исполнено.

— Помни предупреждение Витромма, Готrek! - выкрикнула Маленет, чувствуя отчаянную потребность закричать, хотя все бои уже стихли и никто вокруг не повышал голоса. — Подумай, прежде чем сказать.

Готrek воинственно выпятил челюсть в сторону демона. — Покажи мне свои Врата в Мир-что-Был!

— *Как пожелаешь.*

Гант не произносил никаких заклинаний, но вдруг позади него возник квадратный каменный дольмен. Ксер'гер'аэль был богом в своей башне, а боги творили по желанию. На мраморных стойках портала были высечены стилизованные подобия богов-дуардинов. Один из них был мужчиной - предположительно, кузнецом Грунгни, поскольку он носил инструменты, а не оружие, - а другой - богиней в одеянии, которую Маленет никогда прежде не видела на изображениях. Серебристая поверхность была полупрозрачной, скорее пленкой, чем барьером, и пейзажи и фигуры, проплывающие в ней, находились в состоянии постоянной изменчивости. Маленет ничего не могла разобрать, но Готrek смотрел так, словно тайны мироздания только что обнажили свои сердца перед ним и только перед ним.

— Это... Нет. Этого не может быть. Это первые врата, через которые я прошел, эльфиечка, хотя я еще не знал их как таковые, после того как победил принца-демона Бе'лакора и оставил тот мир позади. Это врата, которые перенесли меня из Казад Дренгази в Царство Хаоса. Они все еще там?

Все ее чувства были захвачены мерцающим чудом, и появление Джордаяса рядом с ней осталось совершенно незамеченным.

— Ты владеешь Вратами в земли, о которых мечтали все, не исключая самих богов, - сказал он. — Почему ты не используешь их?

Изможденный усмехнулся. — *В Хаммерхоле царит анархия, а Разносчики гнили вернулись в Незеленые леса. Звездный Титан повержен. Клятвокованных больше нет. Я бы сказал, что очень хорошо использовал их, Грозорожденный.* Он взмахнул рукой и отпустил врата. Так же внезапно, как и появились, они исчезли.

— Верни мне мой портал, Призватель! - прорычал Готrek.

— Ты видел лишь иллюзию, Истребитель. Колдовство. Только тот, в ком течет древняя кровь, может по-настоящему повелевать Вратами Мира-что-Был. Только один из той редчайшей породы.

— И я один из таких.

Демон улыбнулся и его глаза моргнули в недобрый унисон. — Да, это так.

— Осторожнее, Готрек, — предупредила Маленет, но Готреку уже показали единственное, что он желал больше, чем бессмысленной смерти или пропавших топоров Разбитого Бога, и он не стал ее слушать.

— Если ты не можешь перенести их сюда, тогда пошли меня к ним!

Грозный призыватель раскинул свои многочисленные руки и поклонился.

— С превеликим удовольствием. Но сначала...

Он щелкнул пальцами.

Там, где раньше были Врата Владений, теперь стоял потрясенный скавен, которого, похоже, схватили в середине вещаемой речи. Его мантия была длинной, залатанной и грязно-серой, но испещренной множеством болезненно-тупых символов, дающих понять, что сам скавен очень доволен ею. Его белый мех был вычесан, а завивающиеся рога, выходящие из боков его головы, были покрыты тонкими пластинками золота. Маленет знала, что белый мех среди скавенов обычно означал лидерство. Может быть, это и есть тот самый почти мифический Серый Владыка, который угрожал Готреку со времен Великого Пепельного тракта? Псох в его лапе, несомненно, принадлежал колдуну. Он светился неземным зеленым светом и был обращен к какому-то уже не существующему слуге, который, скорее всего, был шокирован, но испытывал огромное облегчение от избавления от своего повелителя.

— Покрути ручку, лентяй... — Серый Владыка поднял морду в замешательстве. — Что? Где я? Как я попал...?

Заметив Готрека и Призывателя, он зашипел от страха и злости, что его увидели испуганным.

— Нет! — он в ярости стукнул посохом по земле. — Нет-нет, нет, нет. *Нет!* Я заставил Глаз-что-Видит сжечь Хаммерхол, Трехпалого — уничтожить леса, и обрушил так называемую Пасть Сотека. Ты никак не мог последовать за мной сюда, если только... — его тирада перешла в рычание. — Хитроумный у тебя план, Призыватель. Ты справедливо опасаешься встретиться с колдовской мощью Танкуоля в одиночку. Иначе как объяснить беспричинное его появление спустя столько веков? Серый Владыка глубоко вдохнул содержимое серебряной коробочки,

которую достал из кармана, а затем испустил восторженный вздох. В его глазах появились светящиеся искорки зеленого варп-камня, а шерсть встала дыбом. — Посмотри, как я убью твою пешку!

Колдун скавенов взмахнул своим посохом и с воплем выплеснул в Истребителя силу, в тысячу раз превышающую ту, что была использована для падения Джордаяса.

Что произошло дальше, Маленет не знала. Зеленая вспышка ослепила ее. Искаженные раскаты грома били по ушам, пока она не оглохла окончательно, но была даже рада этому. Когда к ней вернулись чувства, Готрек стоял, словно приготовился к сходу лавины, и теперь выглядел так, словно внезапный ветерок мог опрокинуть его. Танкуоль просто смотрел на него, пораженный. Изможденный Призыватель стоял между ними с поднятым посохом, и варп-молнии Серого Владыки бешено вращались вокруг широкого, пристального глаза, закрепленного на его вершине.

— *Спасибо за силу, Старая Кровь.*

Подняв посох, Изможденный медленно начертил им круг. Там, где проходил посох, оставался разрыв измерений. Внутри круга внезапно возник портал, наполненный адскими синими лицами и цепкими лапами, от которых рябило.

— *Узрите владения Тзинтча. Осмелится ли кто-нибудь из вас войти туда в поисках своей награды?*

— В этом владении мне нечего бояться, — сказал Готрек. — И нет такого ужаса, с которым я бы не справился трижды. Я принимаю твой вызов. И прежде чем Маленет успела вскрикнуть от ужаса, Готрек уже шагнул в созданный портал.

— Чего вы ждете, ленивые мышиные мозги? За ним! За ним!

Серый Владыка поднял свою мантию и бросился за Истребителем следом, и вдруг, словно Изможденный Призыватель применил еще одно заклинание — чары, не требующие ни жестов, ни слов, но, тем не менее, пробудили дух борьбы в Сером Владыке. Скавен пронеслись мимо Парокогтя, который, замахнувшись своим крысиным оружием, направлял его в сторону Готрека, но вскрикнул, когда в него сзади вонзилось копье шторма, брошенное Джордаясом. Не обращая внимания на умирающего приспешника, Серый Владыка пронесся и мимо гигантского скавена и Друантаэль. Последняя пыталась подняться, но монстр прижал ее к себе. Он бил ее хвостом, бил, бил и бил, пока ее голова не раскололась под

ударами и не разлетелась мякотью по камням. Последний пронзительный крик сотряс листву ложного леса как раз тогда, когда Серый Владыка прыгнул во Врата Владений.

Маленет в ужасе наблюдала за происходящим. Если и был во всем мироздании пункт назначения, менее привлекательный для нее, чем путешествие в один конец в Мир-что-Был, так это место, в которое ее перенесут эти Врата.

Хрустальный лабиринт Тзинтча.

Само Царство Хаоса.

От осознания того, что находится по ту сторону, становилось только хуже. Маленет хотелось поддаться безумию, которое оно вызывало, закрыть глаза и бежать с криками в любом направлении, куда бы ее ни понесло, но в глубине души она понимала, что это уже не выход. Она уже сделала свой выбор. Она сделала его в тот момент, когда перестала пытаться убить Готрека Гурниссона, а последовала за ним в Серебряную башню. Она никак не могла взять в толк, когда именно это произошло. У нее было столько возможностей избавиться от него и воспользоваться своим шансом, но теперь было слишком поздно. Они оказались в ловушке. Они либо вместе вырвутся из Царства Хаоса, либо будут веселить Темных богов до последних дней вечности.

И с кем же ей рисковать, как не с упрямым глупцом, который уже однажды умудрился уйти от них? Случайно.

С широко раскрытыми глазами и проклятиями на губах Маленет прыгнула во Врата Владений. Она была готова к любым ужасам, которые приготовила для них судьба Готрека.

ЧАСТЬ 8

Последние Врата

ГЛАВА 42

Молитвенные свечи мерцали, выстроившись на огромном черном алтаре в двенадцатиконечную звезду. В настенных светильниках трещали молнии. За толстыми стенами строгой часовни Штормовой крепости бушевала битва. Джордаяс Львиное Сердце не обращал на это внимания. Или пытался. Что-то во всем этом было не так. Он стоял на коленях перед алтарем в тяжелых доспехах, не мигая смотрел на изображение Высокой Звезды, начертанное светом свечей, и молился.

— Всю свою земную жизнь, сколько себя помню, я мечтал стать героем в твоих войсках. Теперь я хочу лишь служить тебе.

Он услышал шепот из углов комнаты. Слова ничего не значили. Это была тарабарщина, и все же Джордаяс чувствовал, как его кожа покрывается мурашками под пристальным взглядом презрительных глаз. Они видели его, кем бы они ни были, и считали достойным лишь насмешек. Он закрыл глаза, двенадцатиконечная звезда Сигендила сияла на его веках, и изо всех сил пытался прогнать голоса из своего сознания.

— Бог-король. Прошу тебя. Если я в чем-то подвел тебя, умоляю, скажи мне. Покажи мне путь искупления.

В другом месте что-то хихикнуло.

— Что это за голос, который говорит со мной, когда ты молчишь? На каком языке Владений Смертных? Ответь мне, Сигмар!

Дверь позади него открылась. По нефу часовни пробежала дрожь ужаса: бронированные сапоги загрохотали, волоча тяжелый плащ по каменным плитам, словно тело.

— Не мог бы ты...'

Голос перешел в приглушенное хихиканье. Это был голос Лорда-Реликтора Секруса, только чуть более высокий, и Джордаяс ни разу не слышал, чтобы тот смеялся. На мгновение Джордаяс услышал, как два одинаковых голоса спорят друг с другом, подбадривая друг друга, а затем Лорд-Реликтор снова заговорил.

— Не угодно ли тебе обратиться к Лорду-Кастелянту Ансирису Клятвокованному также, обвинитель Джордаяс?

Джордаяс поднял голову, но не обернулся.

Он уставился на свечи на алтаре. Казалось, они перешли в новое девятиконечное расположение, от которого у него слезились глаза. Но

он не мог оторвать от них взгляд

— Лорд-Реликтор Секрус. Простите меня. Я не хотел...

Он повернулся, ища успокоения в человеческом лице, но столкнулся с задумчивой маской-черепом и зазубренным золотым ореолом... чего-то. Глаза, глядящие сквозь прорези, были несочетаемы: один - хихикающий розовый, другой - злобный голубой. Джордаюс переводил взгляд с одного глаза на другой, и в одном из них все сильнее разгорался смех, в то время как его антипод хмурился в раздражении. Слова застыли у него на губах.

Он не знал, куда смотреть.

Но ведь Лорды-Реликторы были даны Штормовым палатам, чтобы дать им силу. А не для утешения.

— В чем дело, Джордаяс? - одновременно произнесли оба голоса Секруса. — Я беспокою тебя? Неужели мой облик так ужасен, или сомнения, которые ты питаешь, настолько серьезны, что боишься взглянуть на них со стороны Лорда-Реликтора Клятвокованных?

— Дело не в этом, Лорд-Реликтор. Я - обвинитель Штормового палат Сигмара. У меня обостренное чутье на ложь и нечистоту, и во всем этом есть что-то... что-то от... тебя.

Джордаяс начал подниматься. Существо, которое притворялось Секрусом, положило руку в перчатке на его наплечник. Странная энергия, цвета перепутанных радуг, выплеснулась из соединения двух пластин. Джордаяс вздрогнул от мерзкого прикосновения. Все желание подняться внезапно покинуло его.

— Сигмар в силах простить твои сомнения, - сказал Секрус. — Но мы с тобой, Джордаяс, - еще одно приглушенное хихиканье, - всего лишь слуги. Интересно, что бы Сигмар предложил в качестве наказания, будь он здесь? Лорд-Реликтор преувеличенно задумчиво постучал себя по подбородку. — Конечно! Ты будешь повторять "Я не отступлю от Вечной Клятвы" триллион триллионов раз".

— Лорд-Реликтор?

— Ты можешь оставаться в этой камере, пока не закончишь. Если ты поторопишься, то, возможно, успеешь выйти наружу и увидеть, как погаснут последние костры Дракотиона. Разве я не благосклонен?

Джордаяс отмахнулся от перчатки Секруса и поднялся. Сопротивления не последовало. Существо смотрело на него с ликованием, когда он

повернулся к нему лицом.

— Ты не Секрус.

— И по какому праву Джордаяс Львинае Сердце из Клятвокованных претендует на мудрость Сигмара Хельденхаммера, Бога-Короля Азира? В этот момент существо или существа, выдававшие себя за Секруса, не смогли больше удерживать суровый вид и разразились приступами хихиканья. — Предводителя богов! - завыли они со смехом, жестом показывая Джордаясу, чтобы тот вернулся на землю. Джордаяс боролся с магическим внушением, но вскоре снова оказался на коленях. — У тебя нет судьбы, которая не была бы навечно связана с Изменяющим Пути.

— Я служу Сигмару! - воспротивился Джордаяс.

— Ты молод, Джордаяс. И глуп. О да, очень глуп. Страх естественен. Но ты был избран. Помни об этом. Прижми руку к тому месту, где когда-то билось живое сердце. Ты был избран, чтобы мерцать в этой камере для моего развлечения, пока не исчезнешь. Так возрадуйся же!

Доспехи Джордаиуса заскрипели, молнии сверкнули между суставами, и он с трудом поднялся на ноги. — Где... мое... оружие?

Лорд-Реликтор хихикнул. — Ты не пробовал помолиться о нем?

— Есть голос, который говорит со мной, когда я молюсь. Джордаяс сжал кулак и прижал его к сердцу, чувствуя, как оно вибрирует от силы бури. Он говорит на неизвестном мне языке, но он не твой и не твоего инфернального хозяина. Я вижу дуардина. Огненного истребителя. Его волосы рыжие и отливают золотом. Его топор пылает. Он взвывает ко мне из-за пределов Космического Шторма. Его зовут... -он закрыл глаза, сосредоточившись изо всех сил, даже когда безумное хихиканье Секруса отвлекло его. — Его имя...

Раздался треск пламени, и сзади в шлем Секруса вонзился топор. Джордаяс поднял голову, испытывая смешанные чувства отвращения, облегчения и ужаса, когда передняя часть шлема Лорда-Реликтора расплавилась. Плоть под шлемом забурлила и побежала, прежде чем Джордаяс успел разглядеть лицо. Розовый дым валил от него в неприличных количествах, наполняя голову Джордаяса ужасными мыслями о братоубийстве.

Две меньшие, более яростные копии Лорда-Реликтора Секруса выбрались из разбитых доспехов оригинала.

— *Отступил от клятвы, оставил своих братьев и теперь участвует*

в самом нечестивом убийстве, - кричали они друг другу одинаковыми голосами. — *Тебе нет прощения, Джордаяс Львное Сердце!*
Клятвопреступник! Клятвопреступник! Клятвопреступник!

Они продолжали кричать "Клятвопреступник", пока огненный топор не вернулся и не зарубил одного из них.

Джордаяс моргнул, с удивлением увидев, как огневолосый Истребитель вырывает топор из низкорослого Лорда-Реликтора Секруса, а брат-близнец павшего воина бормочет проклятия и улепетывает от его убийцы. Но тут магическая пелена, которую демон держал над ним, была сломлена, и он вспомнил все. Серебряная башня. Их встреча с Изможденным Призывателем. Последняя битва с приспешниками Серого Владыки, а потом... это. Он последовал за Готреком и Маленет через портал в Царство Хаоса, точнее, в Хрустальный лабиринт Изеняющего Пути. Это объясняло, почему даже способности Джордаяса не смогли полностью пробить их ложь.

— Эти двое из тех мерзких синих, - проворчал Готрек, в голосе его звучало отвращение. — Даже если они немного приукрасили себя.

— *Сигмар приговаривает тебя к вечному проклятию, клятвопреступник!* - выкрикивал второй из этой пары, пока Готрек рубил и бил по двум серым Ужасам, порожденным смертью его собрата. Джордаяс призвал копье штурмового призыва. Оно появилось в его руке с обнадеживающим щелчком, сотрясая всю руку силой Азира.

— *Клятвопреступник!* - заверещал крошечный Секрус, когда Джордаяс вонзил оружие ему в грудь.

Демон с негодованием смотрел на него, пока пламя Перемен разрывало его. Он никогда не был его Лордом-Реликтором, но Джордаяс не мог избежать своего окончательного приговора, да и считал, что не заслуживал он этого. Младшие демоны, как он знал, были бездумными, ведомыми инстинктами и капризами. У них почти не было выдумки и хитрости, но они и не нуждались в них, ибо честолюбие, обида и чувство вины в сердце человека могли привести его к страданиям быстрее, чем все хитрости Великой Четверки вместе взятые. Он был клятвопреступником. Возможно, это и было тем наказанием, которого заслуживали его преступления.

— Как... мы очутились здесь?

— Нет никакого здесь, Грозорожденный, - сказал Готрек. — Не в Царстве

Хаоса. Нет ни одной его части, достаточно разумной или постоянной для этого. Как в той старой поговорке. Как там говорится? Что-то про то, что нельзя дважды войти в одну и ту же реку.

— Последнее, что я помню, это как мы прошли через врата Изможденного Призываителя. Они должны были привести нас к Вратам Мира-что-Был. А не... — он порылся в памяти в поисках альтернативы слову "здесь" и остановился на варианте — ...в этом месте.

— Полагаю, это проделки демона. Чтобы разделить нас и повернуть вспять. Но Врата Владений здесь. Я чувствую это.

Готрек отвернулся от четырех огней серы на гранитном полу. Он направился по нефу часовни к крепким сигмаритовым дверям.

— Погоди, — сказал Джордаяс, отгоняя назойливое желание приступить к исполнению приговора, вынесенного Лордом-Реликтором Секрусом, — *Я не отступлю от Вечной клятвы. Я не отступлю от Вечной Клятвы*, — и с трудом поднялся на ноги. — Что с Маленет?

Истребитель оглянулся и пожал плечами. — Что с ней?

Джордаюяс вспомнил, что видел, как Темнородная вошла в портал раньше него. — У нее нет твоего опыта пребывания в Царстве Хаоса, Готрек. И зrenия, дарованного мне Сигмаром. Огромным усилием воли Джордаяс заставил себя подняться и последовать за Истребителем.

Если Маленет где-то в этом лабиринте лжи, то ей было страшно подумать, что она могла вытащить из своих сокровенных страхов.

— С дороги, обманщик! — закричал Маленет, обрушивая шквал ударов на ухмыляющегося ведьмака-аэльфа в черных доспехах с косами.

Квартал Темнородных в Азирхайме горел. Все вопило от восторга Ночи Смерти. Ведьмы-аэльфийки в масках демонов, а может, и демоны в масках ведьм-аэльфиек, выбивали двери и разбивали окна, вытаскивали жильцов из домов, чтобы принести их в жертву Кхайну на уличном алтаре. Сон. Должно быть, сон. Все было именно так, как она помнила, но с ужасной непривычностью кошмара. Та же грызущая неуверенность в том, что будет дальше. Этот ужас.

— Где теперь Орден Азира, предательница? Ведьма-аэльфийка рассмеялась, когда ее ножи и ножи Маленет закружились в танце, то сходясь, то расходясь, меняя партнеров местами без предупреждения и

звеня, как кастаньеты, под вопли зрителей. — Где твои сияющие защитники?

Маленет прогнулась назад под ножом противника, затем резко повернула тело, чтобы второй прошел под ней. Это было слишком просто. Настоящая Дочь Кхайна никогда бы не стала так медлить.

— Ты не больше ведьма из Хайлеброна, чем эта шеренга палачей. Ты считаешь меня слепой, демоница? Наклонившись и свернувшись, как пружина, она разжала руки.

Ведьма-аэльфийка закричала, когда нож в правой руке Маленет пронзил ее кожаный лиф. Вскрик превратился в бульканье: взрывное разворачивание Маленет закончилось тем, что ее левое лезвие вонзилось в шею противницы, а ее голая рука оказалась в крови. Бульканье перешло в хихиканье, в ворчание, а затем разделилось надвое.

— Где руна, которую ты обещала своим новым хозяевам? - кисло спросила первая ведьма-аэльфийка.

— Может, они боятся, что ты их предала?" - предположила ее идентичная близняшка.

— Вернулась с оружием Унбаки в храм Хайлеброн?

Две полурослые копии ведьмы пожали плечами, словно ужасающие зеркальные отражения друг друга, нанизанные на ниточки. Шеи обоих были разорваны, груди одинаково истекали кровью.

— Это то, во что я бы хотела заставить поверить магистра Ордена, - сказала первая, - будь я каргой Азира.

Маленет отступила от этой парочки.

Очевидно, они не были ведьмами-аэльфийками, за которых себя выдавали, но они и не ошибались. Она и так слишком долго тянула время во Владениях Смертном, и посмотрите, куда это ее привело. На самый край реальности, где даже боги сходят с ума.

Я должна найти Истребителя.

Эта мысль была самой верной из всех, с которыми она столкнулась после ухода из Серебряной башни. Она должна найти Истребителя, забрать у него руну и вернуться с ней в Азир. Но сначала нужно было найти Истребителя. Гогот двух ведьм-аэльфиек затих, и она помчалась между подожженными домами.

— Ты будешь искать целую вечность и никогда не встретишь его. Прекрати бежать. Отдай свое сердце Кхайну.

Однако эта насмешка была далека от истины. Теперь она понимала это, когда она начала мыслить более здраво. Преследуя Готрека в Аметистовых фьордах Шаиша, она поставила на его душе метку смерти. Она могла бы последовать за ним на дно Колодца Вечности и найти дорогу обратно.

Она закрыла глаза, доверившись инстинктам Сумеречного клинка, чтобы преодолеть нагромождение трупов и обломков на своем пути, и сосредоточилась на неуловимой тяге своей души к агрессивной душе Готрека. Она оскалилась в ухмылке. Он был неподалеку. Она подумала, не ищет ли он ее в Кристальном лабиринте, пока она ищет его, и с отвращением отбросила эту мысль. Гораздо вероятнее, что он просто нашел бездонную яму, полную чудовищ, которых можно убить, и прыгнул в нее с головой. Маленет придется отговаривать его от этой глупости, если они хотят выбраться отсюда живыми.

Открыв глаза, она свернула с главной улицы.

Ведьмы-аэльфийки преследовали ее, каким-то образом настигая, несмотря на ее преимущество. Это было похоже на кошмарный сон, в котором она следовала за Знаком Смерти, который всегда оставался за следующим поворотом, карабкаясь по стенам, взламывая спиральные линии, которые, должно быть, были сделаны из сигмарита, пока ее ликующие преследователи приближались, и приближались, и приближались...

— *Это Ночь Смерти, Маленет. Разве ты не узнаешь ее? Единственная ночь в небесном году, когда Темная Луна становится полной. Когда улицы Темных кварталов становятся красными, а котлы крови - полными.*

— *Почему бог-король допускает это?*

— *Неужели его вожделение к оракулу Кхайна так велико?*

Маленет нашла крышу, которая не горела, и забралась на неё по водосточному желобу. Плывшая зола заслоняла собой глубокие звездные поля Азира. Она бежала по узкому гребню, ставя одну ногу перед другой, вытянув руки для равновесия, горячий ветер трепал плащ, словно хотел схватить ее за шею и бросить вниз по скату.

Две ведьмы-аэльфийки вскарабкались за ней.

— *Сигмар - не тот золотой идеал, за который миллионами цепляются безропотные жители Владений Смертных. Он недобр и неверен, ему по*

душе молодая плоть и бьющиеся сердца.

— *Ты молода, Маленет. Так чудесно, восхитительно молода.*

Маленет бежала изо всех сил, чтобы оторваться.

— Я служу Ордену Сигмара, потому что должна, — крикнула она через плечо, словно Хаос можно было образумить, отсрочить проклятие. — Но я все также живу по воле Кхайна. Ради его славы и славы Морати.

— *Тогда почему ты бежишь? Почему ты не возрадуешься тому, что, когда твое горло будет вскрыто ради нее?*

— Кто сказал, что я бегу?

Маленет добралась до конца крыши и бросилась с края. Она замахала руками и ногами, словно в панике, но развевающийся плащ замедлил ее падение настолько, что она не разбила лодыжки, приземлившись на мощенную улицу внизу.

— *Искатель Рока, берегись!*

Удар из ниоткуда пришелся ей в грудь. Земля снова ушла из-под ног, и она ударила о стену здания, с которого только что спрыгнула. Она сползла по нему, обмякнув и обессилен, и с налитыми кровью глазами поднялась с земли, когда на нее взглянуло знакомое ненавистное лицо.

— Проклятье, эльфиечка. Ты чуть не воткнула свой нож мне в шею.

— Она не виновата, Готrek. Виновато это место. Джордаяс стоял за плечом Истребителя, словно тень, нелепо увеличенная искажающей магией Царства Хаоса. Золотая окантовка его черных доспехов маслянисто поблескивала, словно в металле было что-то живое. Живое и сопротивляющееся влиянию Хаоса, даже если оно страдает. — Это мы, Маленет. Готrek и Джордаяс. Мы искали тебя.

Готrek насмешливо хмыкнул. — Один из нас искал.

— Что бы ты здесь ни видела, это всего лишь иллюзии.

— Не пытайся объяснить это, Грозорожденный. Все так, как ты сказал. Эльф не отличит правду от лжи, даже если ты при克莱ишь ему бороду.

С крыши раздался вопль, и Маленет посмотрела вверх.

Ее преследователи спрыгивали с крыши.

Готrek с ревом пронзил топором одну из ведьм-эльфиек, и продолжал бить даже когда она упала. Две визжащие половинки разлетелись по земле, как куски горящего масла, а затем каждая из них поднялась и побежала по переулку, словно обезглавленные куры, которых подожгли.

— Еще больше жалких чертовых Ужасов, — хмуро сказал Готrek. — Убей

уже своих, Грозорожденный, и покончим с этими эльфийскими грезами. Джордаяс насадил на копье вторую ведьму-аэльийку. Ее крики боли превратились в взрывное возмущение двух меньших копий, не выше его колена, которые Грозороденный с отвращением раздавил ногами.

Маленет откашлялась и поднялась на ноги. Она была до смешного рада видеть их обоих.

— Должно быть, магия Тзинтча разлучила нас, — сказал Джордаяс. — Она играет с твоим разумом, дразнит тебя твоими самыми глубокими страхами.

— Да, — добавил Готрек, не желая ничего оставлять без внимания. — Ты чуть не проткнула мне шею.

Ей пришло в голову, что эти двое считают ее совершенно не понимающей, что происходит. Она бы посмеялась над ними обоими, если бы не отчаянно хрюпела, пытаясь наполнить легкие воздухом.

Готрек тем временем оглядывался по сторонам. — У тебя ужасное воображение, эльфиечка.

— Не обращай внимания, — сказал Джордаяс. — Вместо этого верь в Сигмара.

— Пойдемте, оба, — сказал Готрек. — Нам нужно найти Врата Владений, а для их поиска — все просторы владений Тзинтча. Не дожидаясь ответа, он повернулся и зашагал прочь.

Маленет угрюмо смотрела ему вслед.

— Не забудь свой нож, Темнородная, — сказал Джордаяс.

Она подняла клинок, который выронила, когда Готрек ударил ее.

— Не волнуйся, — сказала она. — Не забуду.

Танкуоль подтолкнул дремлющего Болтокруша концом своего посоха, готовый в любой момент отпрыгнуть назад, если мастер Моулдер проснется в не слишком приятном настроении.

Они вышли из портала Изможденного Призывателя в густых джунглях. Роща, в которой Танкуоль решил укрыться, чтобы собираться с мыслями и переждать, пока мимо протопают большие рычащие твари, была усеяна зубчатыми листьями и шипастыми желтыми плодами. Дрожь прошла по его позвоночнику до самого кончика хвоста.

Для праздного нюхача, вроде Болтокруша, их окружение можно было

принять за джунгли Охлора, из которых они не так давно отправились в Серебряную башню. Но Танкуолю это навевало более старые, более глубокие воспоминания о джунглях, к счастью, давно покинутых, об отчаянных полетах по золотым храмам, преследуемых злобными хладнокровными, покрытыми чешуей. Теперь они называли себя *Серафонами*, но иногда он просыпался от кошмаров, связанных с тем злоключением, и выкрикивал более старое имя.

Он сопротивлялся желанию вынюхать успокоительную дозу табака. Сейчас ему нужно было мыслить ясно. Внешне Хрустальный Лабиринт был очень похож на Владение Разорения, где кишащие толпы скавенов держали свою гниющую столицу, но во многих отношениях уступал ему. Танкуоль мог вытерпеть это, пока сохранял рассудок, но его влияние на скавенов с менее сильной волей неизбежно стало бы самым пагубным.

— Вставай, лентяй, — повторил он. — Моего терпения не хватает. Мое время — слишком ценный ресурс, пока мы сражаемся с бородо-тварями за Врата Владений. Он крепко пнул Болтокрыша по ребрам.

Мастер Моулдер зашипел и зарычал, и Танкуоль попытался отскочить в сторону, как раз в тот момент, когда крупный скавен ухватил его за лодыжку.

— Аргх! Мастер смерти!

Смертокос спустился на землю, трепеща шелками, и прибыл лишь немного позже, чем следовало бы оперативнику его предполагаемого мастерства. Он приставил к горлу Болтокруша нож, темневший от самого смертоносного из ядов клана Эшин.

Мастер Моулдер злобно зарычал и поднял лапы в знак капитуляции.

— Так-то лучше, — сказал Танкуоль.

Танкуоль ударил Болтокруша по морде, пока тот оставался по другую сторону ножа Смертокоса, просто чтобы подкрепить свою позицию в иерархии после злополучного дела с Изможденным Призывателем. Болтокруш бросил на него взгляд, но не выглядел так, чтобы рисковать головой ради выражения своего недовольства.

Танкуоль удовлетворенно кивнул, опустив основание своего посоха на землю. — Теперь ты можешь освободить мастера Моулдер, Смертокос. На этот раз настала очередь мастера Смерти оскалиться. — Зачем мне продолжать слушать что ты пишишь-говоришь? Убей его сейчас, а потом, возможно, и себя. Я воспользуюсь своим шансом. Это выходит

далеко за рамки той платы, которая была назначена мне и моему клану. Танкуоль прищурил глаза и потянулся в карман мантии за табакеркой. Что же такое происходит с маленькими умами, что им нужно постоянно бросать ему вызов? Неужели они не понимают, как им повезло, что они застряли в Кристальном лабиринте Тзинтча вместе со скавеном, обладающим столь высоким интеллектом и лидерскими качествами?

— Успокой свою селезенку, эшинец. Я позабочусь об этом.

— Так же, как ты позаботился об Изможденном Призывателе?

— А что было не так?

Смертокос открыл было рот, чтобы ответить, потом облизнул зубы, очевидно, подумав, что промолчать будет лучше, и снова закрыл его. Он слегка приподнял морду, обнажив горло перед зубами Танкуоля в знак почтения.

— Ничего, Серый Владыка. Все будет так, как ты скажешь. Ассасин отпустил Болтокруша и поспешил скрыться в подлеске.

Мастер Моулдер потирал шею, изредка бросая ненавидящий взгляд через плечо. Пока хотя бы половина ненависти грубияна уходила в этом направлении, Танкуоль был доволен настолько, насколько это вообще возможно в этой ситуации.

— У тебя крошечный ум, Смертокос, заполненный крошечными колесиками. Он не может постичь того блеска, который должен быть у такого ума, как мой. Конечно, я не мог показать истинную величину своей страшной силы, чтобы уничтожить Изможденного Призывателя. В конце концов, именно демон привел нас сюда, именно туда, где я хочу — желаю — чтобы мы были. Неужели ты веришь, что я, старейшина Мастерклана, любимый последователь Великой Рогатой Крысы и могущественнейший из всех скавенских колдунов, не знал, что Изможденный Призыватель может уловить магию, которую я в него запущу?

— Это... имеет смысл.

Танкуоль мудрено кивнул. — Это потому, что я опускаюсь до того, чтобы объяснить это твоему пронырливому мозгу. Он махнул мастеру Смерти рукой, чтобы тот замолчал, пока он открывает табакерку. — Но хватит. Ты утомил меня своими блошиными домогательствами. Он поднес открытую коробочку к морде, закрыл одну ноздрю и глубоко вдохнул. Из его разума полетели искры. От неудержимой силы его шерсть встала дыбом. С его губ сорвался долгий, протяжный писк экстаза.

Лучше. Что могло быть лучше.

В голове у него промелькнула мысль о том, чтобы разобрать эых неблагодарных болванов до костей прямо здесь, но он с проницательностью, которой обычно даже он не мог похвастаться, отказался от идеи. Да, было бы приятно услышать их визги о пощаде, когда их крошечные мозги наконец осознают, какую ничтожную и совершенно бесполезную роль они играют в его планах. Но мысль о том, что ему не нужны подчиненные, даже такие никчемные, как эти, чтобы встать между ним и трудностями, которые, несомненно, ждут его впереди, явно принадлежала варп-камню. Танкуоль не был каким-то щенком, у которого рога выросли только вчера. Он пользовался нюхательным камнем еще до того, как Владения Смертных проявились из эфира. Он знал, что сила, которую он дает, хотя и потрясающая, исчезает раньше, чем успеешь оглянуться, часто оставляя ему повод пожалеть о лакеях, которых он уничтожал ради удовольствия.

— Что с бородо-тварью? — осторожно спросил Смертокос.

— Рыжемехим? — Танкуоль еще раз быстро приложился к порошку, чтобы успокоить нервы, и снова сунул коробку в карман. Он нашупал шкатулку в кармане, чтобы убедиться, что та под рукой. — Ты слишком много беспокоишься, Дэтсквил. Как слепой. У бородо-твари не хватит ума, чтобы сориентироваться в таком жутком по сложности лабиринте. Он был бы уже мертв, если бы Парокоготь просто убил его, как было велено.

— Думаю, у него кончились пули. Я предупреждал его.

Счастливчик.

Танкуоль раздраженно топнул лапой. Истребителю всегда везло, хотя этому способствовали зависть, скупость и никчемность тех, кто был ниже него. Как-то он пережил уничтожение Мира-что-Был только для того, чтобы насолить Танкуолю. Но не в этот раз. Они были глубоко в Царстве Хаоса. Даже его так называемые соперники в Чумном Городе не могли надеяться одолеть его здесь.

С торжествующим хихиканьем в воздухе перед его носом закружились шипящие зеленые искры.

Болтокруш тем временем уселся во весь рост и принююхивался к окружающей обстановке. — Я помню, как бежал за чем-то. Через Врата Хаоса. А потом... Потом... — его глаза сузились, обратившись к воспоминаниям. — Потом я бежал-торопился в гигантском колесе.

Мастера стай с варпродами. И... - он издал слюнявое рычание.

— Иллюзия твоего ничтожного ума, - заверил его Танкуоль. — Такая же, как та, от которой я избавил Смертocosса до тебя.

— Ты говоришь по-другому, Болтокруш, - сказал Смертocosс. — Думаю, снова стал самим собой. Влияние Серебряной башни отпускает тебя. Да. Болтокруш еще раз долго принюхивался. — Похоже на джунгли, - сказал он. — Но пахнет ложью и магией.

Смертocosс прихлопнул особенно надоедливый лист. — Если он пищит как крыса, бегает как крыса и дергается как крыса, то не удивляйтесь, если он кусается как крыса.

— Не отбирайте у мышц силу, нагружая свои мышиные мозги ненужными мыслями. Вы привыкли к грызунам менее сильным, чем Серый Владыка Танкуоль. Верьте, что я проведу нас через этот лабиринт к нашему главному призу.

— Вратам Мира-что-Был мира, - сказал Болтокруш. — Я помню. Как мы найдем запах в этих джунглях? Это иллюзия, чтобы не дать нам найти их, если уж на то пошло.

Проницательно для простого бугая. Танкуоль решил присматривать за ним.

— Для колдуна с моими знаниями о Царстве Хаоса это минутное дело.

Танкуоль выбрал место, которое, по его мнению, находилось на достаточно безопасном расстоянии, и направил на него свой посох. Он скрежетнул зубами, напрягся, и на свет появилась крыса размером с небольшую собаку. Болтокруш издал небольшой писк удивления. Смертocosс, более умелый в управлении своими низшими инстинктами, просто моргнул и стал наблюдать. Крыса подняла мордочку, чтобы обнюхать колышущиеся над ней ветки, и, хотя ей было всего пять ударов сердца, тут же помочилась на землю.

— Гигантская крыса? - прошептал Смертocosс, словно опасаясь ее потревожить.

— Норовыгрызающая крыса, - поправил его Болгврак.

— Да-да! - сказал Танкуоль. — Ты умнее, чем кажется по своей глупой внешности, Болтокруш. С эфирным запахом, который я дам, он поспешит к Вратам Мира-что-Был, и оставит за собой запах, который смогут уловить только носы скавенов. Да-да! - он надулся, оценив свою невероятную сообразительность. — В Царстве Хаоса нет ужасов для того,

кто обладает моей исключительной хитростью.

Любопытный писк норовыгрызающей крысы становился все более жалобным, словно она уже успела съесть что-то, с чем не справлялось ее неестественное пищеварение. Танкуоль задумался, было ли это всего лишь его воображение или крыса действительно увеличилась в размерах за последние несколько мгновений. Он с тревогой гляделся в подлесок. Нет, она была определенно больше, чем должна была быть, и продолжала раздуваться, расплющив листву, которую она обнюхивала под задними лапами, попискивая от боли. Танкуоль с досадой оскалился.

— Она не должна продолжать расти. Кто из вас это делает?

— Это место Хаоса, — ответил Болтокруш. — Слишком много колдовства.

— И что ты можешь знать об этом?

— Я — мастер-мутатор клана Моудер, идиот.

Танкуоль уставился на него так, словно мастер-мутатор только что пощипал его за усы. — Это я — дурак-идиот? Какая наглость. Желчь. Раздражение. Он все еще смотрел на Болгврака, когда норовая крыса издала последний жалобный писк, а затем взорвалась, забрызгав кровью листва, под которыми Танкуоль так ловко велел им укрыться.

На мгновение все задумчиво замолчали.

— Она... мертвая-ддохлая, — заметил Смертокос.

— Очевидно, мои силы слишком велики, чтобы использовать их в полной мере, находясь в этом царстве, — сказал Танкуоль.

— Дааа-а-а-а-а.

— Что же теперь? — сказал Болтокруш и добавил после особенно раздражительной паузы: — Самый хитрый.

— Не бойся. Пока вы оба напускали под себя мускус страха, я внимательно следил за ней.

Танкуоль направил свой посох в ту сторону, которая, по его мнению, интересовала норовую крысу перед ее столь быстрой гибелью. Если честно, это было не более чем предположение, но он не хотел, чтобы сомнения в его лидерстве закрались в Смертокоса и Болтокруша. Такие недостойные мысли только расстроят их и сделают поражение все более вероятным. К тому же вспышка подсознательного озарения у мага с его необычайным опытом и проницательностью была равносильна часам задумчивого размышления у таких, как эти двое.

— Сюда, — объявил он, поднял мантию и властно вышагнул в джунгли.

ГЛАВА 43

Шаги Джордаяса гулко отдавались от потускневших камней. Коридор тянулся без конца, бесконечно ветвясь, как капилляры старой серой руки. Это был лабиринт, еще один, и каждый путь по нему был воспоминанием, где обитала шепчущая тень или группа демонов, которые с усмешкой смотрели на Джордаяса и остальных, когда они проходили мимо.

— Стойте. Он поднял руку и остановился, Готрек и Маленет встали позади него. Он проверял реальность каждого возможного шага перед собой, глазами одного из благословенных конclaveов Ангелосов Сигмара, которые смотрели в бесконечно разветвленное будущее, насколько могли видеть. — Сюда. Он повернулся на месте, меняя направление, и зашагал дальше, ведя их по новому пути.

— Ты так же уверенно ведешь нас через этот лабиринт, как в Азиরхайме? — спросила Маленет. Она нервничала, и, наверное, это было правильно.

— Это никогда не был Азирихейм, эльфиечка.

— Я знаю это, Готрек, но я должна как-то это назвать, иначе сойду с ума.

— Я вижу истинный путь, но... это становится все труднее. Как будто ложь становится тем реальнее, чем глубже мы заходим в лабиринт. Но Врата Мира-что-Был, перед нами. Это я знаю.

— Что это за место?" — спросила Маленет, и ее голос эхом разнесся по просторам. — Ничего подобного нет в моей памяти.

— И в моей тоже.

Готрек тяжело вздохнул и заговорил. — Это великие залы Караз-а-Карака, то, что когда-то называли Вечный Пик, жемчужина Караз-Анкора. Или, по крайней мере, так они должны были выглядеть. Но это были не самые великие залы, ибо это не что иное, как Верхняя Глубина, куда приходили люди, полurosники и холмовые гномы в поисках входа в Вечный Пик, надеясь обменять свои скучные товары на золото самого богатого королевства в Мире-что-Был. Ниже располагались Королевский зал и залы гильдий Нижних Глубин. Он покачал головой, его израненное заклинаниями лицо, как всегда, было нечитаемым по эмоциям. — Ага, но даже такое злелище могло привлечь чей-то дурной взгляд и взволновать даже ту душу, которая считала себя защищенной перед жаждой золота.

— Неужели он был таким огромным? — спросил Джордаяс. — Я не вижу конца этим коридорам.

— Я мог бы соглашаться и сказать "да", но на самом деле величие моего мира меркнет по сравнению с вашим. Самое богатое королевство в Мире-что-Был, я сказал? Ха! Самые ослепительные чудеса, которые я могу вспомнить, стали бы обыденностью для вашего мира. Да один только Хаммерхол-Гира поглотил бы Высокий Карак в десять раз больше. Падение этого неукротимого города стало бы лишь сносной в ваших Войнах за Врата Владений. Нет. Это искажающее влияние Хаоса заставляет их казаться бесконечными, иссушает дух, лишает надежды, подтачивает мужество и обнажает красное мясо страха, чтобы разжечь аппетит демонов, которые таятся в наших тенях. Кажется, что мы должны идти вечно, что у нас нет цели, но если первое - чистая правда, то второе - всего лишь очередная ложь.

— Как я понимаю, это было сделано в твоем воображении, — сказала Маленет.

— Справедливое предположение. Если только кто-то из вас двоих не посещал Вечное королевство до Конца Времен.

— Почему его обитатели такие...?

— Увядшие, — закончил Джордаяс.

Готрек нахмурился в раздумьях. — Возможно, потому, что воспоминания, из которых они рождаются, такие же.

— Клятвопреступник, — простонали дуардины, выходя из-под выцветших gobelenov из-за разбитой мебели. Они потянулись к доспехам Джордаяса, словно желая получить его благословение, но лишь скрежетнули зубами и отступили назад, когда в ответ на их прикосновение сверкнула молния. Его доспехи были трижды благословлены Шестью кузнецами Сигмарона и были анафемой для демонов. — Клятвопреступник, — прошелестели они, исчезая. — Клятвопреступник.

— Почему они осуждают меня? — спросил Джордаяс.

— Дело не в тебе, — ответил Готрек.

Повернувшись к Искателю Рока, Джордаюс почувствовал, как чаще забилось его обновленное сердце. Эти короткие слова прозвучали почти как отпущение грехов. Но Готрек нахмурился и зашагал дальше, прежде чем кто-то из них успел сказать что-то еще. Тем не менее Джордаясу стало легче на крыльях, когда он последовал за ним.

— Каждая фигура здесь — демон, облеченный в одежды древнего

дуардина, - сказал он. — Мои глаза видят их насквозь. Они как дети, прячутся под одеялами и хихикают над тем, как ловко укрылись.

— Ага.

— Почему бы им просто не напасть сейчас? Они бы легко нас одолели.

— Не искушай судьбу, Джордаяс, - сказала Маленет.

— Это потому, что они боятся меня, - сказал Готрек. — И, возможно, потому, что боятся тебя. Того, кто ты есть. Искатель Рока мрачно усмехнулся. — И правильно. Кроме того, демоны бессмертны и быстро начинают скучать. Они видели смерть тысячу раз и во всех ее проявлениях. Теперь она сама по себе не приносит им удовольствия. Куда забавнее для них - играть с нами, выпытывать у нас наши самые темные секреты. Он стукнул по стене плоской стороной топора. Эхо затихло, поглощенное темнотой. — Из таких вещей сложены эти стены. Этот воздух, которым мы дышим, находясь в этом царстве, и то, что эти существа истекают кровью, когда их режут. И все же их бог и хозяин всегда жаждет большего.

— Странно слышать от тебя такие познания, - сказал Джордаяс.

Готрек хохотнул.

На очередной развилке дороги Джордаяс вновь поднял руку и остановился. Остальные ждали, пока он смотрел то в одну, то в другую сторону. В конце концов Готрек прочистил горло.

— В чем дело, Грозорожденный? С каждым разом ты все дольше принимаешь решение.

— Это становится все труднее. Я не знаю, почему. Я моргаю, и моя уверенность исчезает, и с каждым разом она возвращается все медленнее

— Тогда не моргай.

Джордайс кивнул. Если это было необходимо. Будь то дело рук Сигмара, или работа его союзника Зектока, или даже метка, оставленная самим Готреком в его душе, - его судьба была связана с судьбой Искателя Рока.

— Боюсь, что мы отправляемся туда, где свет, который ведет меня, не сможет...

— Эльфиечка! - рявкнул Готрек. — Никаких блужданий!

Джордаяс повернулся и увидел, что Маленет прошла половину пути по одному из проходов, между которыми он все еще выбирал. Она улыбнулась извиняющейся улыбкой, для которой Джордаясу не нужны

были глаза Ангелоса, и обернулась.

— Не обращай на меня внимания, Готрек. Я просто... мне показалось, что я вижу другой путь.

— Не поддавайся их обману, - сказал Джордаяс.

Аэльфийка выглядела раздраженной тем, что с ней разговаривают свысока, но не успел Джордаяс это заметить, как она сгладила раздражение. — Разумеется, я склоняюсь перед твоей глубокой проницательностью, - сказала она и вернулась.

— Лабиринт может быть бесконечным, но есть только один верный путь к его концу.

— Говоришь, как истинный поборник Сигмара'.

Бросив еще один осторожный взгляд через плечо, Маленет пошла обратно к ним.

— Я могу найти дорогу, - сказал Джордаюс, скорее себе, чем Темнородной.

Возможно, это и правда, что Сигмар не мог видеть этот лабиринт из Азира, но он все еще был здесь. Джордаяс принес с собой свой свет.

— Ты уверен? - спросил Готрек. — Потому что я провел в Царстве Хаоса изрядный отрезок вечности и не намерен делать это снова.

Джордаяс улыбнулся. Впервые он слышал, чтобы Готрек вспоминал о своем проклятии не с ностальгической нежностью.

— Быстрее, пока я снова не сбился с истинного пути!

Он снова пустился в путь, на этот раз почти бегом: Готрек и Маленет с трудом поспевали за ним.

— Демоны становятся все многочисленнее, - пыхтела Маленет.

— Он сосредоточился, эльфиечка. Не отвлекай его сейчас.

Джордаяс изменил курс, потом еще раз, принимая решения быстро и почти без раздумий. Они были близко. Очень близко.

— Он ведет нас в гнездо тзинтчитских Ужасов, - сказала Маленет.

— Хорошо.

— Джордаяс?

— Я вижу их! – сказал он. — Взгляд Обвинителя пронзает все иллюзии и расстояния. Я вижу мост, перекинутый через великую пропасть. А за ним... за ним лежат Врата в Мир-что-Был.

— Ни шагу дальше, клятвопреступник.

Перед ними стоял дуардин. Он был достаточно широк, чтобы перекрыть

коридор, но при этом почти прозрачен, и проход за ним окрашивался в дымчато-серый цвет. Он поднес руку к бородатому рту и захихикал, нарушая напускную торжественность своего облика.

— Это наши залы.

— Ты не гном, — прорычал Готрек, обходя Джордаяса и направляясь к нему. — Ты даже не похож.

— Ты уже привел один мир к гибели. Почему бы не остаться? Разрушить другой.

Готрек, не сбавляя шага, обрушил на призрака свой огненный топор, словно рубил железный дуб. Дуардин парировал удар своим демоническим оружием и захихикал, когда ярость Готрека заставила его отступить. Джордаяс наблюдал за тем, как Искатель Рока пробивает себе путь по коридору, в то время как к ним начали прибывать все новые и новые дуардины. Они пробивались сквозь стены по обе стороны прохода, стучали топорами о щиты и толкали друг друга под ребра от удовольствия, когда выстраивались в хихикающие ряды.

Притворство дисциплинированности длилось всего миг и сменилось ликованием, когда они набросились на Джордаяса. Они замахивались на него топорами, как злые дети, играющие в игру. Его копьё превратилось в пятно, молния прочертила вокруг него тонкий щит, но от них можно было отбиваться, не отрывая глаз от дороги. А этого он боялся больше, чем топоров демонов. Если он хотя бы моргнет, то может навсегда сбиться с пути.

Но его чувства дрогнули. Свет, принесенный им из Азира, стал тускнеть. Один из дуардинов нанес звонкий удар по доспехам Джордаяса. Раздалась вспышка, крик, запах сладкого мяса, сожженного молнией. Дуардин в маске синекожего ужаса с длинными тянувшимися руками и безумными глазами отшатнулся от него назад, и из кончиков его пальцев повалил дым.

Джордаяс отпустил его. Пошатываясь, он двинулся за Искателем Рока, не обращая внимания ни на защиту, ни на опасность. И только затем до него дошло, что с самого начала нападения он ни разу не вспомнил о Маленет.

Даже его глаза не могли вместить так много.

— Мы должны идти, Искатель Рока! И если мы хотим уйти, то должны сделать это сейчас.

Джордаяс увидел, как Истребитель нахмурился. — Мне неприятно оставлять эти капризные оскорблении без наказания, но если ты настаиваешь, Грозорожденный... Он пронзил очередного врага огненной секирой и оглянулся. — Будь готов бежать так быстро, как только смогут твои тоненькие ножки, эльфи... Его глаза выпучились от удивления или ярости - оба варианта выглядели примерно одинаково на лице Готрека и имели схожие последствия. — Эльфиечка!

Джордаяс помрачнел, не в силах смотреть, но прекрасно представляя себе вид потрепанной Темнородной, исчезающей в одном из бесчисленных ложных выходов, через которые они прошли.

— Это место, должно быть, свело ее с ума, - сказал Готрек. — Подожди здесь, Грозорожденный. Я схожу за ней.

— Нет! — резко крикнул Джордаяс. Его глаза горели, а зрение начало мутиться. Он не знал, сколько еще сможет идти, не моргнув и не потеряв путь навсегда. — Нет времени". Протиснувшись сквозь толпу Ужасов в облике дуардинов, он бросился бежать.

Ему было больно оставлять еще одного из последователей Сигмара на вечные мучительные скитания в Кристальном лабиринте Тзинтча. Но такая судьба ждала бы их всех.

Если только он не сумеет провести Готрека к его центру, пока видение еще сохранялось.

— *Потеряны!* - чирикнул с ветвей длиннохвостый попугай с демонически светящимися глазами.

— *Обречены!*

— *Бегите!*

Вся стая пищала и хлопала крыльями, сотрясая ветви и создавая нечестивый диссонанс, который не могли не услышать все ящерицы в джунглях.

— *Бегите!*

Смертокос вцепился в свой черный плащ, стараясь казаться маленьким, и, учитывая, что рядом с ним возвышался Болтокруш, ему это почти удалось.

— Почему они так говорят?

— Не обращай на них внимания, Смертокос, - сказал Танкуоль,

одновременно контролируя собственные железы. Покажи Хаос-тварям самоотверженность и отвагу, которыми по праву славятся все скавены. Болтокруш зарычал, терпение простодушного бугая явно истощилось. — Мы уже почти пришли?

— Я самый щедрый хозяин, как известно всем, кто безропотно трудится под моим началом, но не думайте, что буду терпеть такую дерзость вечно. Не слушайте болтовню Хаоса, которая обманывает вас, заставив думать, что я каким-то образом сбился с пути.

— Каким-то образом?

— Ты думаешь, что сможешь найти путь через непроницаемый лабиринт Тзинтча? — Танкуоль дико размахивал своим посохом, отмахиваясь от поникших ветвей. — Или ты, Смертокос? Или эти Хаос-твари, которые пищат-говорят у тебя в ушах?

— *Потеряны!*

Танкуоль скрежетнул клыками.

— Умри-сдохни, Хаос-тварь!

С конца его посоха сорвалась молния варп-камня. Говорливый попугай взорвался, превратившись в облако белых, желтых и зеленых перьев, которое легким снегом осыпало головы скавенов. Танкуоль надул грудь и выпрямился.

Ему стало заметно лучше.

— Но ты не хочешь выбираться, — сказал Болтокруш. — Тебе нужны Врата в Мир-что-Был.

— Что крысе нужно от норы в никуда? — спросил Смертокос. — Что толку от Врат в мертвое Владение?

Танкуоль вздохнул. — Нельзя влить кровь целого человека-твари в наперсток. Объяснить вам двоим мои планы было бы не менее расточительно и бессмысленно.

Болтокруш резко остановился. Его огромные плечи вздымались, а кулаки сжимались по бокам. Он быстро обернулся, чтобы заставить Танкуоля отпрыгнуть в сторону.

Тот предостерегающе поднял посох.

— Что ты делаешь, Болтокруш?

— Что хотел-желал сделать, когда ты впервые прибежал в нору моего клана.

— Если ты хочешь пресмыкаться, то это уже совсем рядом!

Болтокруш зарычал. С подбородка скатилась слюна, и он подошел еще ближе.

— Смертокос! — пискнул Танкуоль. — Убей-казни этого предателя-каннибала. Он явно попал под влияние Хаос-тварей. Он повернулся к тому месту, где в последний раз видел ассасина, и уставился на демонических птиц. — С-Смертокос?

Издалека до него донеслись удаляющиеся звуки бегущего по джунглям Мастера Смерти Умбрасана.

— *Бежать! Бежать! Бежать!* — смеялись птицы

— Не беги, дурак-болван! Только я могу спасти твою жалкую шкуру из этого места!

С ужасающим треском и какофонией сорвавшихся с мест птиц Болтокруш обхватил своими огромными лапами дерево и вырвал его из земли.

— Я убью-раздавлю тебя этим деревом, Серый Владыка. И мне будет приятнг-хорошо.

Танкуоль издал испуганный визг, когда дерево рухнуло, и бросился прочь с его траектории в манере, не подобающей достоинству Серого Провидца. Он метнулся между деревьями, глубоко затягиваясь и вдыхая варп-камень из табакерки, а Болтокруш, ревя как обезумевшая обезьяна, бросился за ним. Танкуоль задрожал, когда буйная сила и самоуверенность, подпитываемые варп-камнем, пронеслись по его телу и мозгу, словно нечестивый восторг.

Благодаря своей неторопливой походке и первобытной силе Болтокруш быстро нагонял его, прорываясь через препятствия, которые Танкуолю приходилось обходить, но Серому Провидцу было все равно. Пусть идет! Пусть катится прямо к своей гибели! С яростным визгом он развернулся и протянул лапу, когда Болтокруш, проринаясь сквозь заросли, перемахнул через дерево.

Раздался грохот и ослепительная вспышка, когда Болтокруш ударил по нерушимой преграде. Дерево взорвалось в его лапе.

Мастер Моулдер заревел в агонии. Его правая рука была уничтожена по локоть, несколько полосок окровавленной плоти виляли, как детские пальчики, волочась по замле джунглей. Еще более забавными, на взгляд Танкуоля, были осколки, изрешетившие морду. Один, особенно впечатльной толщины, вонзился прямо в глаз болвана.

Танкуоль захихикал при виде своего бывшего подчиненного,

искалеченного и полуслепого. Разве не был он величайшим из колдунов, древним и могущественным, коварным и мудрым, подчиненным лишь, да и то с трудом, богу тайных знаний, создавшему это инфернальное царство? Ему даже не нужен был варп-камень. Он мог остановиться в любой момент.

Он еще раз глубоко затянулся и откашлялся.

— Ты — клещ на шерсти бога, болван. Посмотрим, как я тебя прихлопну. Взрыв варп-молнии отбросил пораженного Болтокруша обратно в заросли.

— Ты мне все равно не нужен. Или Смертокос. Или Парокоготь. Или Сеятель. Очевидно, я слишком долго провел в компании неполнценных умов. Я — Танкуоль! Я сам найду Врата Мира-что-Был. И я сохраню-сберегу награду для себя!

К великому изумлению и нескрываемому уважению Танкуоля, Болтокруш выбрался из-под дымящихся деревьев. Он поднял свою окровавленную морду и принюхался.

— Что это за запах?

Танкуоль рассмеялся, и от гудящего в нем варп-камня шутка стала уморительной, а смех — пронзительным. — Ты, наверное, думаешь, что я только вчера родился, раз пытаешься поймать меня на уловку "чуешь что за спиной?".

Болтокруш одарил его новым беззубым рычанием. — Твой нос омертвел от слишком большого количества нюхательного табака. Он поднял морду и снова принюхался. — Звездный свет и чешуйчат... чешуй... чешшшш... Нижняя губа мастера Моулдер стала мягкой, веки опустились. Он посмотрел вниз, и только тогда Танкуоль заметил дротик, торчащий из его груди. — Мммррр, — сказал Болтокруш, медленно подаваясь вперед и с треском грохаясь о землю джунглей.

— Б-Болтокруш?!

Тяжелый храп поднялся от лежащего на земле мастера Моулдера.

Джунгли щелкали и стрекотали.

Танкуоль замер, прислушиваясь. Что стало с демоническими птицами, который до сих пор изводили его насмешками? Куда они подевались? Неужели только его богатое воображение наделило окружающие джунгли воинами-ящерами в золотых доспехах, которые уже приближались к нему, облизывая холодные губы и ведя за собой

плотоядных чудовищ, жаждущих плоти скавенов? Он нервно закивал. Как же не вовремя его бросили собственные приспешники! Он принюхался к запаху, витавшему в воздухе. Но Болтокрушк был прав. Он знал это, но болван Мулдер не хотел этого допустить! Запах не был Хаос-тварям. Это был...

Зашуршали листья. Танкуоль повернулся к ним, словно его лапы стояли на поворотном круге.

— Смертокос? — с надеждой произнес он. Но лабиринт был всего лишь иллюзией, созданной его разумом.

Не так ли?

Он был не на самом деле здесь.

Да и был ли он?

Танкуоль вскрикнул от ужаса, когда что-то очень большое и определенно чешуйчатое откинуло листья и обнажило зубы. Он осыпал это нечто искривленными молниями, как все вокруг в радиусе дюжины длин хвостов, и все еще визжа, развернулся и побежал в джунгли.

ГЛАВА 44

— Знаешь, чего я не припомню в великих залах моих предков? - спросил Готрек, подойдя к тому месту, где обрывался каменный зал, по которому они шли. Он остановился и небрежно выглянул за край.

Джордаяс присоединился к нему, его восстановленная кожа потела от нарастающего жара. — Огромной пропасти, заполненной инфернальным пламенем? - предположил он.

— Именно так, - кивнул Готрек. — Получилось с первой попытки. Признаюсь, Грозорожденный, ты меня удивляешь. Разве такие ужасы не обычны во Владениях Смертных?

— Возможно, в землях, где Хаос еще не ослабил свою хватку, но я бы никогда не назвал подобные извращения природы обычным делом.

— Этот мост тоже не гномьей работы.

Искатель Рока вышел под стройную гранитную арку с болезненным видом, который он приберегал для плохой кладки. На взгляд Джордаяса, который, хотя и не знал принципов инженерного дела, но видел его природу ближе, мост вовсе не был чем-то возведенным. Скорее, стройный каменный пролет выглядел тем, что осталось после обрушения окружавшей кладки в пропасть. Джордаяс вздрогнул, когда Готрек топнул по мосту каблуком, как будто удар мог как-то укрепить его.

— Никудышно. Очень паршиво

— Врата Владений находятся прямо за этим мостом, - сказал Джордаяс.

— Я чувствую их, Грозорожденный, сейчас сильнее, чем когда-либо. Такое чувство я испытывал, только когда шел навстречу гибели. Отмахнувшись от мрачных воспоминаний, пока они не овладели им, Искатель Рока двинулся вперед.

Джордаяс последовал за ним.

Или вернее, не смог.

— Что тебя задержало, Грозорожденный? Только не говори, что ты устал. Или твоя храбрость дрогнула в последний момент?

— Нет, и никогда. Он знал, что это путь. Он чувствовал это так же остро, как и Искатель Рока. Его тело просто отказывалось сделать шаг. Словно верхняя часть тела подчинялась одной воле, а ноги - другой. — Во мне есть... голос, который настаивает, чтобы я не шел дальше.

— Ну так скажи ему, чтобы он проваливал и иди сюда.

Отойдя от края, Джордаяс вдруг обнаружил, что его конечности снова находятся под его контролем. Он изучал мост. Его вера в Искателя Рока стоила ему слишком дорого, чтобы сдаваться сейчас. Он не мог поверить, что Сигмар заставил его проделать такой долгий путь и остаться в Хрустальном лабиринте, чтобы Готрек продолжил путь без него. Если он не мог пройти по мосту пешком, значит, у него не было других способов перебраться через пропасть. Он поправил на плечах черно-золотой сигмаритовый каркас своих крыльев и попытался взлететь.

И ждал...

— Ну что? — сказал Готрек.

— Это мои крылья. Точно такой же эффект он ощущал, когда пытался ступить на мост. Желание было, но результата не было. — Я не могу зажечь их.

— Твоя сила исходит от Азира, не так ли?

Джордаяс кивнул.

— Тогда понятно, — сказал Готрек, как будто речь шла о неисправном водопроводе, а не о свете Бога-Короля. — С тех пор как мы вошли в Царство Хаоса, в твоей топке не было ни одной свежей лопаты сигмаритского угля. Если бы я хотел угадать, то сказал бы, что ты израсходовал последние силы, проводя нас с Темнородной через лабиринт.

— Нет.

Джордаюс покачал головой. Он не желал мириться, что его предназначение сводилось лишь к тому, чтобы служить проводником Готрека, и на этом заканчивалось. Он раскрыл перчатку и посмотрел на ладонь. Искры сверкали на черном сигмарите, когда он сосредоточил на нем все свое внимание, но так и не смог создать оружие. Он опустил руку. Это правда. Он следовал за Искателем Рока так далеко, как только мог.

— Теперь настоящий клинок из настоящего металла не кажется таким уж надуманным, правда, Грозорожденный?

— Хотел бы я сказать, что мое вечное пребывание здесь кажется мне таким же забавным, как и тебе, — с горечью ответил Джордаяс.

— Отбрось свое пораженчество, Грозорожденный. Это, должно быть, первый шанс после смерти показать твоему богу, на что ты способен.

Джордаяс выпрямился. — Там, где осталась вера, ты найдешь мое мужество непоколебимым. Это не пораженчество. Я просто не могу

переступить через себя.

— Это мы ещё посмотрим. Готрек выгнул толстую шею и обернулся. — Потому что одного из нас унесут, и на этот раз это буду не я. Он начал возвращаться, но не успел сделать и шага, как со дна пропасти взвился вверх демонический огонь. Готрек удивленно взревел и повернул голову, чтобы прикрыть свой единственный глаз, стена пламени опалила кончики его бороды и заставила зашипеть руну в его груди.

Джордаяс удивленно вскинул голову, глядя, как ад вздымается все выше, поднимаясь из бездны и устремляясь к небесам, а пестрые цвета Хаоса на его глазах превращаются в чистый, сияющий белый звездный свет. Но что или кто обладал силой очистить пламя Тзинтча изнутри владений Изменяющего?

— Я.

Из звездного огня, словно вызванный мыслями Джордайуса, вышел стройный сцинк, ростом и шириной с ногу Джордайуса. Искры запрыгали между оборками его головного убора, когда он откинул назад длинную шею, и глаза, яркие и одновременно холодные, уставились на Джордаяса с таким нечеловеческим выражением, что он не смог бы понять, какие мысли за ними скрываются.

— Лорд Темекзуки, - пробормотал Джордаяс, поддавшись порыву опустить колено на землю и поклониться. — Я полагал, что Маленет убила тебя.

Сцинк защебетал. Если бы Джордаясу пришлось гадать о смысле, он бы сказал, что это позабавило Темекзуки.

— Я - память о снах давно минувших дней. Меня можно убить не более, чем мысль.

По ту сторону барьера, в тишине, которая существует между звездами, но с яростью на лице, Готрек безрезультатно бил топором по звездному огню. Его бессилие показалось Джордаясу странно красивым. Как капли дождя, бьющие по озеру.

— *Попробуй укрыть от меня Грозорожденного, как ты прятал Змея Владений, и я убью тебя!* - прочел Джордайус по его губам. — *Ты найдешь меня более старательным, чем эльфийка!*

— Зачем ты здесь? - спросил Джордаяс.

— За много веков сланны предвидели конец Мира-что-Был. Они видели рождение сфер Владений, пришествие Сигмара и золотой век, который

последует за ним. Они предвидели также падение Пантеона Бога-Короля и возрождение Великого Врага. И они увидели его возвращение, более сильное, мудрое, закаленное неудачами. Но путь в будущее очень хрупок, Джордаяс, его легко потерять, легко сломать, - Темекзуки постучал посохом по мосту. — Как этот мост. По нему нужно ступать осторожно, чтобы он не рассыпался. Много тысяч лет назад Зектока предвидел возможность появления Врат Мира-что-Был и опасность, которую они могут представлять для Великого Плана. Объединив силы сланнов, он попытался вырвать врата у Тзинтча, но этого оказалось недостаточно. Предвидя поражение, он сумел сделать форпост Азира, меня, скрытого, до поры, когда Старая Кровь отправится к Вратам, - Звездный свет барьера мерцал в глазах сцинка, когда он, казалось, размышлял о Джордаясе. — Именно поэтому звездный мастер Зектока придумал Вечную клятву и связал ее соблюдением всех Клятвокованных. Он предвидел тебя, Джордаяс Львное Сердце.

— Я последовал за Искателем Рока, потому что так пожелал Сигмар.

— Уверен, что ты в это веришь.

— Если бы это было не так, он не стал бы восстанавливать во мне те воспоминания, которыми я обладаю. Он также не вернул бы меня так близко к Искателю Рока, ведь семь огромных Владений еще только предстоит освободить от Хаоса.

— Сигмар благороден и недавно стал мудрым, но он еще дитя в путях судьбы.

— *Ты убедительнее большинства демонов, которых я убил, надо отдать тебе должное!* - выкрикнул Готрек.

— Я - не демон, - ответил Темекзуки, видимо, прекрасно расслышав приглушенный голос Искателя Рока, несмотря на то, что стоял к нему спиной.

— *Так говорят все демоны!*

Сцинк окинул Джордаяса оценивающим взглядом и протянул ему руку. Он был так мал и так недосягаем, что казалася бы смехотворным, если бы не сила, которую он хранил внутри себя.

— Как свет Азира привел тебя сюда, так пусть теперь приведет тебя к выходу. Твое предназначение здесь подошло к концу.

Готрек ударил по барьера между ними, словно высекая искры.

— Черт тебя дери, ты, тощая чертова ящерица!

Темекзуки моргнул, прозрачные мембранны замерцали в его ярко-желтых глазах, и повернулся к Готреку. Его длинный плащ с перьями волочился по каменному полу, словно серебряная кисть по коже барабана.

— И ты, Старая Кровь. Все годы ты провел в поисках врага, который мог бы дать тебе достойную гибель, и все же ты покинешь этот мир, чтобы напрасно умереть вместе со своим?

Готрек разинул рот, но на этот раз не произнес слов, которые Джордаяс смог бы разобрать.

— Владения Смертных - это все, чего ты когда-либо желал, — продолжал Темекзуки, не обращая внимания на явное потрясение Искателя Рока. — Величайшие битвы еще впереди, и ты можешь принять в них участие, если захочешь. Тебе предстоит сыграть свою роль в Великом Плане.

— *Судьба, ты имеешь в виду?* — кивнул Готрек. — *Звуки этого слова стареют в ушах этого гнома.*

— И все же ты продолжаешь. Ты мог бы умереть сотни раз, если бы действительно этого желал.

— *Это было бы бесчестно.*

— Никто бы не узнал.

— *Я бы знал.*

— Тогда зачем искать верной гибели сейчас? Твой мир обречен, и ты не сможешь его спасти. Гrimнир знал это, хотя прорицание - не его дар. Поэтому он и пришел сюда. Как и ты.

— *Как ты вообще...?* Готрек зарычал, а затем покачал головой. — *Я не боюсь смерти.*

— Но где же честь?

Готрек выглядел потрясенным. — *Человечий отпрыск...*

— Он сделал свой выбор. Как и ты.

Искатель Рока опустил топор, словно тот необъяснимо удвоился в весе.

— *С таким же успехом это мог быть Макайссон, знаешь ли. Он тоже был там. Это он мог войти в храм в Казад Дренгази, встретиться с Гrimниром и провести несколько дней, дожив до вечной битвы в Царстве Хаоса.*

— Мог ли? А ты бы хотел, чтобы было иначе? Тебе не нужно было проходить через Врата, которые показал тебе Гrimнир. Ты сам этого захотел. И ты знал, к чему это приведет.

— *Я... хотел, чтобы меня запомнили.*

— Тогда будь запоминающимся.

— *У меня есть клятвы, которые еще не сдержаны*, — сказал Готрек с таким видом, будто прекрасно понимал, что его аргументы проигрышны.

— И новые, которые нужно сдержать здесь.

Готрек взглянул на Джордаяса.

В этом взгляде было что-то настолько близкое к открытой привязанности, что Джордаяс почувствовал, как в его сердце вновь разгорелась искра. Сигмаритовый каркас, безвольно свисавший с его спины, дернулся, когда маленькая частица света вернулась в него.

— Я видел, как ты пытался спасти Темнородую, Стая Кровь, как ты и сейчас готов отвернуться от Мира-что-Быд, ради него, — Темекзуки снова повернулся к Джордаясу. — Да. Ты хорошо сыграл свою роль.

— Значит, я никогда не был больше, чем проводником?

Сцинк задумчиво покачал головой. — Считай, что себя скорее... компасом, указывающим Старой Крови на то, что он уже знает, на истину. Джордаяс понял. Именно поэтому Сигмар выбрал его: молодого воина, не испытанного в бою. Именно поэтому его так поспешно перековали, чтобы он помнил свою прежнюю жизнь, и поместили к Клятвокованным, где его путь и путь Искателя Рока снова сойдутся.

У Готрека была своя судьба.

Джордаяс знал это. Знал Сигмар. Знал и Готрек, хотя, если бы мог, стал бы отрицать это на корню. Судьба Джордаяса заключалась в том, чтобы сделать возможной судьбу Готрека, и теперь это свершилось.

— Пора тебе вернуться в Кузницу Вечных, — сказал Темекзуки.

— И что дальше?

Сцинк чирикнул и пожал плечами. — Этого даже мне неизвестно.

Джордаяс кивнул. Конец его пути был здесь, и он с удивлением обнаружил в себе уверенность и покой, которых ему всегда не хватало.

— Иди, Готрек, — сказал он. — Найди свою судьбу.

Искатель Рока нахмурился. Это было прекрасное последнее воспоминание, с которым он был готов возвратиться на Наковальню Апофеоза. — *Я не отправлю никого на смерть, которую сам бы с радостью не принял.*

Джордаюс не стал отвечать его. Взяв крошечную руку Темекзуки в свою, он почувствовал лишь удовлетворение.

И оставил заботы судьбы позади.

ГЛАВА 45

Врата Мира-что-Был стояли на острове. Вершиной тонущего айсберга. Именно так перегретый интеллект Танкуоля истолковывал безумие, вбиваемое в глотки его пяти чувств. Островок из трескающихся камней и полурасплавленной магии дрейфовал в космическом эфире, являясь последней ступенькой в мир, куда даже демоны больше не стремились попасть. Сами Врата продолжали трепетать от непостижимой магии, управляющей работой подобных порталов. Их серебряная поверхность подрагивала от вибрации голоса, который совершенно отчетливо доносился с *той* стороны. Голос казался ему до боли знакомым, но в своем оправданном и заслуженном волнении он пока не мог определить, чей он.

Врата были его!

Он одолел вечно неугомонного Готрека Гурниссона и его аэльфийского питомца, Изможденного Призывателя из Серебряной башни и даже своих собственных незадачливых подчиненных, чтобы опередить всех и получить приз. Смертокос, образец близорукости, каких Танкуоль встречал тысячи, спросил, зачем кому-то нужны врата в обреченный мир. Какая глупость! Неудивительно, что с такими полудурками во главе раса скавенов еще не поднялась на свое законное место владыки восьми Владений Смертных. И именно поэтому скавенам было *необходимо*, чтобы у Танкуоля были врата.

Он знал, что Мир-что-Был, обречен на огненный конец. Он знал, потому что благодаря упорству, гениальности и привязанности Большой Рогатой Крысы он выжил. И переживет это снова. А какие знания он мог нашептать себе! Какие могущественные секреты он мог использовать против своих соперников и облегчить свое восхождение к абсолютной власти. Даже повелители паразитов из Совета Теней, которые, несмотря на свою долгую память и очевидную мудрость, питали необъяснимую антипатию к Танкуолю и его планам, должны будут склониться перед угрозами, шантажом и стратегическим предвидением, которые он вскоре сам себе откроет.

Именно поэтому он принял титул Серого Владыки, когда имел дело с низшими расами. Потому что там, где мелкие умы забывали, как выглядит истинная, божественная власть, Танкуоль помнил.

Он зажмурился от предвкушения.

И если во время своего краткого визита в Мир-что-Был ему удастся избавиться от нескольких неприятных врагов, например, Готрека Гурниссона, чтобы вычеркнуть из эфира одно имя наугад, то это еще больше скрасит его владение Вратами Владений.

Он бросил быстрый взгляд через плечо, чтобы убедиться, что ни одна ящерица не успела проследить за ним. Но, конечно же, они были полностью обмануты скоростью и изобретательностью его побега. Он был один. Удовлетворенно щебеча, он повернулся к Вратам Владений.

И застыл.

Его хвост стал жестким от шока. Не от испуга, конечно. Никогда. Нет-нет. Это была эмоция, которая была ему совершенно не свойственна. Он чувствовал лишь замешательство и, осмелился сказать, гнев на вселенную, которая в последнее время мало чем могла заслужить Танкуоля в качестве своего обитателя.

Истребитель был внизу, пробираясь через руины в типичной для него манере. Каменные ступеньки, похожие на дуардинские, вели к Вратам Мира-что-Был. Именно туда и направлялся Готрек. Танкуоль охватил тревожный страх. Ради клыков и хвоста Великой Рогатой Крысы!

Истребитель собирался опередить его!

— Нет-нет! — властным писком, который все представители низших рас инстинктивно признавали за своим естественным повелителем, потребовал Танкуоль и выскочил из укрытия гораздо быстрее, чем собирался. — Не так быстро, рыжемехий. Врата Мира-что-Был, — мои!

Опустив одну ногу на нижнюю ступеньку, Готрек повернулся.

На мгновение дуардин просто уставился на него, и Танкуоль пожалел о своей самоуверенности, вызванной варп-камнем. Оглядываясь назад, он подумал, что отправить варп-молнии в спину Готрека было бы более разумным решением.

— Танкуоль? — прорычал Истребитель, как будто магическое присутствие перед ним не сопровождалось мгновенным ужасом узнавания. — Хрупкой тварью ты стал, крысой, морщинистой и лысой. Ты выглядишь на каждый день из тех тысяч лет, что продержался до конца нашего мира.

— А ты! — Танкуоль ткнул когтем в Истребителя, пока раздумывал, как бы остроумнее ответить. — Тебя бросили твои лакеи.

— Как и ты был брошен своими. Они устали от твоего голоса, да?

Танкуоль зарычал. — Мне не нужны такие низшие паразиты.

— Тогда только ты и я. Как и должно быть. Готрек повернул плечо и поднял свой гигантский топор, одной рукой приглашая Танкуоля присоединиться к нему на лестнице. — Давай, старая крыса. Тысячу лет, а то и больше, ты ждал этого. Кровь Гrimнира, тот маленький сцинк был прав. Здесь есть клятвы, которые еще предстоит исполнить. Ради Феликса. И за Густава Ягера, его отца, убитого твоей рукой.

Танкуоль успел лишь на мгновение задуматься, о ком это дуардин ему говорит, прежде чем разъяренный Истребитель бросился к нему. Он завизжал, в последний момент в ужасе отпрянув в сторону и отбив мечом огненный удар топора. Это было не самое любимое его оружие, и он часто хотел было попрактиковаться с ним. Говорят, мудрый скавен держал на расстоянии удара меча только друзей и старался нападать на них со спины. Но когда все остальное предавало его и смерть наступала ему на хвост, меч не раз выручал его.

— Ты называешь меня слабым? Хрупким мясом? Но я не слабак!

Магические дуги и огненные струи скакали по воздуху между двумя клинками. С таким количеством сырой энергии не составило труда подхватить горсть ее и швырнуть обратно в грудь Готрека.

Кариназ, галдур Карин.

Голос прозвучал для Истребителя, как звучная нота колокола. Вокруг него замерцал золотой щит, перенаправляя элементы заклинания Танкуоля в мерцающий контур руны - знака, идеально совпадающего с тем, что злобно сверкал на груди дуардина.

Главная руна бородо-тварей Унбака...

— *Нет!* подумал он. Невозможно! Она должна была потеряться в Хаммерхоле-Акши вместе с Невидящим Оком.

Истребитель зарычал и отмахнулся от атаки, его голос раздвоился из-за пульсации щита.

— Ты и вполовину не так силен, как притворяешься.

— Я в десять раз сильнее, чем притворяюсь, а Царство Хаоса лишь усиливает мою мощь. Танкуоль извлек из эфира достаточно магии для мощной варп-молнии, которая выскочила из его посоха и яростно зашипела на рунном щите Готрека.

— И мою, видимо, тоже.

— Сколько раз ты будешь мешать мне, рыжий мех? Сколько? Какой

злобный бог запустил тебя в эти Владения, чтобы ты снова грыз и мучил меня? Неужели одной жизни незаслуженных неудач недостаточно?

— Я не знаю, да и не зачем. Когда я услышал твое имя, произнесенное в Серебряной башне, я подумал, что, возможно... Впрочем, какое это имеет значение? Вот он я, — Истребитель мрачно усмехнулся. Золотистый рунный свет, мерцающий вокруг него, придал его мускулам ужасающую четкость, когда он крепче ухватился за рукоять своего топора. — Мысль о том, что твоя проклятая жизнь закончится здесь, придает этим старым мышцам больше сил, чем все золото и слава во Владении Огня. Даже больше, чем надежда на возвращение домой.

Танкуол поднял свой посох. — Моя магия...

— Не причинит мне вреда.

— Или так считают оранжевошерстные тупицы!

С яростным воплем, который мог бы извести собак и разбить стекло, Танкуоль ударил посохом о землю между лапами. И без того ослабленный камень раскололся под ударом, трещина поспешно устремилась к Готреку, извергая при этом ядовитые газы.

— Да-да, — рассмеялся он. — Беги-убегай. Спасайся от трещин!

Истребитель вскинул топор и побежал, прыгая, чтобы не пасть в бездонные недра магического Космоса, пока Танкуоль с ликованием выпускал разряды варп-молний.

Вот только...

Это было странно. Дуардин обогнул расширяющуюся трещину и теперь снова *надвигался* на Танкуоля. Он быстро поднял посох, чувствуя, как сжимаются его мускусные железы, когда Истребитель, объятый пламенем, устремился на него.

— *Быстросок!*

Взметнулась струйка зеленого дыма, и ненавистный Истребитель исчез из виду.

Танкуоль закашлялся, энергично протирая глаза от дыма. Заклинание скачка перенесло его на небольшое расстояние на лестницу Врат, но не так далеко, как ему хотелось бы. Он даже не успел появиться позади дуардина, который смотрел на него одним глупым глазом.

— Вся эта беготня выглядит как утомительная работа.

— Ты будешь страдать, бородо-тварь! Но лишь столько, чтобы проклясть свою глупость за то, что грызешься с Танкуолем, когда боги дали тебе

незаслуженный второй шанс на жизнь.

Он сделал глубокий вдох, почти сразу же закашлялся от ядовитого першения в горле, но сдержался еще на мгновение, прежде чем послать на Истребителя ядовитый шлейф. Готрек пробирался сквозь него со слезящимися глазами, его топор был окружен клубами ядовитого дыма.

— Дай мне хоть один шанс, и я сверну твою тощую шею твоим же хвостом!

— Мой хвост всегда будет на расстоянии вытянутой руки от тебя.

Истребитель, спотыкаясь, бросился к Серому Владыке, его топор еще больше источал тошнотворный дым, когда Танкуоль перепрыгнул на следующую ступеньку.

— Да-да. Иди ко мне. Утоми свои мышцы. Измотай свои лапы до костей, пока будешь *тонуть под нашествием паразитов!*

Раздался бессвязный писк, затем еще несколько, скрип когтей по камню, стрекот мохнатых тел все нарастал и становился все, громче и громче, пока из ниоткуда не появился рой крыс, несущихся вниз по ступеням, словно река. Танкуоль закричал от смеха, когда они нахлынули на Истребителя. Кусали, грызли, царапали. Они скреблись вокруг него и перелезали через него, заставляя Истребителя продираться сквозь них.

— Сколько детей Рогатой Крысы ты сможешь убить? Сколько крошечных укусов сможешь пережить, прежде чем силы покинут тебя?

Дуардин покачал головой, сбросив дюжину крупных крыс, вцепившихся когтями в его бороду.

— Столько, сколько потребуется.

— Тогда я призову еще! И еще больше! Если и есть существо, которое процветает во всех Владениях Смертных и даже здесь, в адских просторах за их пределами, так это младшие предвестники великой расы скавенов. С очередным пронзительным заклинанием из вновь открывшихся отверстий в реальности хлынули мохнатые ручейки. Истребитель затрепыхался, погруженный в стаю крыс до самого оранжевого гребня, но все же как-то умудрялся продвигаться вперед, хоть и медленно. Танкуоль сделал еще один осторожный шаг назад. Он не осознавал, насколько близко находится, но Врата Владений были прямо за его спиной. С той стороны все еще раздавался до боли знакомый человеческий голос, сопровождаемый, как ни странно, царапаньем пера по бумаге. Танкуоль вздрогнул при мысли о том, что он так близко, что

может буквально коснуться их своим хвостом. Если бы только этот упрямый дуардин умер!

— Тебе никогда не победить меня. Никогда! Не в этом мире. В этом мире я тот, кто побеждает!

Рорк ор Громрхун.

Резкие металлические звуки доносились из-под кипящей массы крыс.

Крутхас думрхун, эк орф ор таггораки друнг.

Между стрекочущими телами замелькали золотые полосы света.

Эк костнакул.

— Что это? — спросил Танкуоль. Он бы отступил еще дальше, но отступать было некуда. — Кто это говорит?

Ринк аннар нузкул а ор.

— Просто дай мне эту чертову силу, пока у тебя еще есть аватар, которым можно командовать!

Истребитель взревел, другой тоже зарычал, а Танкуоль завизжал, и там, где раньше была куча паразитов размером с дуардина, теперь был костер из шерсти и костей величиной с дуардина. Нашествие паразитов оборвалось: крысы бросались с лестниц так быстро, как только их удавалось призвать, или пронирались сквозь собратьев обратно в свои инфернальные субвладения, чтобы не встречаться с дуардином в ореоле бога. Танкуоль вздрогнул, когда Истребитель перешагнул через кучу испепеленных крыс, и в последний момент опомнился, обогнул врата и спрятался за ними.

— Ты у меня получишь, чертов трус! Даже если мне придется перевернуть все камни во Владениях Смертных и пережить их конец, как я пережил свой собственный мир, то я это сделаю.

Пыхтя от напряжения и воняя жаренными крысами, Готрек подошел к Вратам Мира-что-Был. Возможно, достаточно близко, чтобы его шишковатые дуардинские уши уловили голос с той стороны, но что-то заставило его отвлечься от своей текущей цели — лишить скавенский народ Серого провидца Танкуоля. Он опустил топор. Жгучая аура дуардина ослабла, когда он приложил руку к камню портала, находившемуся на расстоянии когтя от места, где спрятался Танкуоль.

— Человечий отпрыск?

Конечно!

Неудивительно, что за столько лет Танкуол забыл об этой

незначительной детали. Голос принадлежал светловолосому спутнику Истребителя, который так часто мешал ему со стороны дуардина. Прежде чем Танкуоль успел решить, как лучше использовать это открытие в своих интересах, Истребитель, непонятно зачем, заключил огромное каменное кольцо в медвежьи объятия. Танкуоль услышал, как напряглись неприлично большие мускулы, и золотистый свет вновь замерцал по краям Врат Владений.

— Прости меня, человечий отпрыск. Они были правы, будь прокляты их бороды. Витромм. Джордаяс. Тот сцинк, чье имя я никак не могу выговорить. Даже чертов творец историй. Я прожил свою старую жизнь, и ты тоже. Она привела нас туда, где мы сейчас, и нас обоих, я уверен, еще ждут более славные приключения.

Танкуоль закричал от ужаса, когда врата отделились от постамента, на котором стояли, вырванные с корнем нечестивой силой Истребителя, и начали опрокидываться.

Заваливаться в *его* сторону.

На протяжении веков, не поддающихся подсчету крыс, они стояли. Они пережили победу Хаоса, разрушение мира, холодное путешествие сквозь пустые звезды и белый жар космического возрождения.

Но только сейчас они встретились с упрямством одного дуардина.

— Нет-нет! — закричал Танкуоль, увидев, как все его амбиции опрокидываются ему на голову пятидесятитонным каменным дождем. — Что ты делаешь?

— Пока этот портал существует, а такие, как мы с тобой, претендуют на него, будущее находится под угрозой. Он должен быть уничтожен.

С последним яростным рыком Готрек толкнул Врата Владений.

Танкуоль смотрел, как он идет. Ему хотелось бесноваться, бушевать, вырываться, проклинать и кричать, но времени не было. Безумный болван Истребитель снова лишил его даже этого.

Он поднял посох, чтобы упереться им в падающие врата.

До следующего раза, подумал он и проскрипел единственное слово, которое не могло пождать до тех пор.

— Быстроскок!

ГЛАВА 46

Уже не в первый раз за время своих странствий с Готреком Гурниссоном Маленет обнаружила, что пробирается через трупы и обломки к безмолвным руинам Врат Владений. Ветры Хаоса шептались над безлюдным местом. Когда-то здесь сражались боги, а теперь это была еще одна медленно умирающая гора камня, которой суждено уйти в тьму Космоса и исчезнуть из истории. Возможно, так и должно быть.

Единственным сохранившимся строением была лестница, поднимавшаяся по руинам с суровым, очень дуардинским вызовом. Маленет последовала по ней.

Под ногами хрустели обугленные останки, которые могли быть только крысами. С каждым шагом она все сильнее вздрагивала, пока не добралась до вершины. Там она присела, расчищая завалы. Может, она и не смогла провести Истребителя к Вратам Мира-Что-Был, как это сделал Джордаяс, но куда бы он ни пошел, она знала, что сможет его найти. Он был отмечен Меткой Смерти.

Она остановилась, когда ей удалось что-то найти: клочок оранжевых волос, поседевший от пыли обломков. Она откинулась назад, не зная, что чувствует, и не совсем разобравшись с тем, что вообще ощущает. Она не могла отрицать, что время, проведенное с Истребителем, иногда было приятным и даже достойным, но каждый прожитый ими миг - это взмах палача, все ближе подбирающийся к ее шее.

Медленно она достала свой нож. Именно его она берегла для особых случаев, как с чумоносцами Нургла. Может, и поздно, но все будет прощено, когда она расскажет Ордену Азира обо всем, что ей довелось увидеть с помощью этой руны.

Рука вырвалась из-под обломков как раз в тот момент, когда она собиралась резать. Ладонь схватила ее за запястье и потянула на себя. В небольшой лавине обломков сидел Готрек Гурниссон. Он моргал, пока не обнаружил ее на конце своей руки.

Маленет ахнула.

— Ты вся в крови, эльфиечка, — сказал он, подняв облако белой пыли, от которой Маленет закашлялась. — Это моя?

— Пока нет.

— Тогда твоя резня подождет еще день. Этот гном еще дышит.

Маленет пыталась освободиться от хватки Истребителя, но вскоре перестала делать бессмысленные попытки. — Я так понимаю, Серый Владыка уничтожил Врата?

— Нет, это был я.

— Ты?

— Именно это мне было нужно, если бы задумывался о том, чего хочу. Истребитель был нехарактерно созерцательным и философским. — Именно это обещала мне Вечноживущая, там, в Увядшем лесу. И она оказалась права. Он окинул взглядом обломки вокруг себя и удовлетворенно кивнул, словно только что построил крепость для Штурмовой палаты, и это было хорошо. — Я сделал то, что должен был сделать с тех пор, как ты нашла меня в Карак Унбаке.

— Как я понимаю, мы остаемся друг с другом?

— Не стоит так радоваться этому, эльфиечка.

— Куда ты теперь собираешься меня тащить? Если, конечно, мы вообще сможем найти выход из Хрустального Лабиринта.

Истребитель пожал плечами. Побег из Царства Хаоса, судя по всему, был пройденным испытанием.

— Сейчас, эльфиечка, мы живы. А после - Владениям Смертных ещё предстоит услышать обо мне.